

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Анна
КОЧЕТОВА

Лев КАМЕНЕВ:

«Я не согласен»

Table of Contents

[Annotation](#)

[Анна Сергеевна Кочетова Лев Каменев «Я не согласен»](#)

[Введение](#)

[Биографическая хроника](#)

[Глава 1 От Левы Розенфельда до Льва Борисовича Каменева 1883 – июль 1914](#)

[Глава 2 Туруханская ссылка Июль 1914 – март 1917](#)

[Глава 3 «Апрельские тезисы» Ленина Март – апрель 1917](#)

[Глава 4 На пути к революции. Каменев против Ленина Апрель – октябрь 1917](#)

[Глава 5 Первый советский президент и дипломат. Ленин против Каменева Октябрь 1917 – сентябрь 1918](#)

[Глава 6 Всесильная «тройка» против Троцкого Сентябрь 1918 – сентябрь 1923](#)

[Глава 7 Внутрипартийная борьба. Начало Октябрь 1923 – январь 1924](#)

[Глава 8 «Завещание Ленина» и раскол «тройки» Май 1924 – январь 1925](#)

[Глава 9 «Платформа четырех» Март 1925 – январь 1926](#)

[Глава 10 Объединенная оппозиция. Каменев, Зиновьев и Троцкий Апрель – ноябрь 1926](#)

[Глава 11 Роковая телеграмма. Каменев против Михаила Романова Декабрь 1926 – январь 1927](#)

[Глава 12 Большевики-ленинцы и XV съезд партии. Раскол оппозиции Январь 1927 – июль 1928](#)

[Глава 13 «Закулисные фракционные игры» Июль 1928 – май 1932](#)

[Глава 14 «Платформа Рютина» Сентябрь – октябрь 1932](#)

[Глава 15 Ссылка в Минусинск и возвращение в партию Октябрь 1932 – ноябрь 1934](#)

[Глава 16 Начало конца. Убийство Кирова 1–2 декабря 1934](#)

[Глава 17 Расследование. Поиск следов зиновьевской группы 2–15 декабря 1934](#)

[Глава 18 Арест Каменева. Первые допросы 16–23 декабря 1934](#)

[Глава 19 Дело «Ленинградского центра». Первые признания Каменева 25 декабря 1934 – 13 января 1935](#)

[Глава 20 Судебный процесс по делу «Московского центра» 15 января 1935](#)

[Глава 21 Жизнь в заключении 16–25 января 1935](#)

[Глава 22 «Кремлевское дело». Покушение на вождя Январь – июль 1935](#)

[Глава 23 Первый Московский открытый процесс. Приговор Июль 1935 – 25 августа 1936](#)

[Послесловие](#)

[Приложение Документы](#)

[Список основной литературы](#)

Примечания

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44

[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)

[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)

[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)
[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)
[177](#)
[178](#)
[179](#)

[180](#)
[181](#)
[182](#)
[183](#)
[184](#)
[185](#)
[186](#)
[187](#)
[188](#)
[189](#)
[190](#)
[191](#)
[192](#)
[193](#)
[194](#)
[195](#)
[196](#)
[197](#)
[198](#)
[199](#)
[200](#)
[201](#)
[202](#)
[203](#)
[204](#)
[205](#)
[206](#)
[207](#)
[208](#)
[209](#)
[210](#)
[211](#)
[212](#)
[213](#)
[214](#)
[215](#)
[216](#)
[217](#)
[218](#)
[219](#)
[220](#)
[221](#)
[222](#)
[223](#)
[224](#)

[225](#)
[226](#)
[227](#)
[228](#)
[229](#)
[230](#)
[231](#)
[232](#)
[233](#)
[234](#)
[235](#)
[236](#)
[237](#)
[238](#)
[239](#)
[240](#)
[241](#)
[242](#)
[243](#)
[244](#)
[245](#)
[246](#)
[247](#)
[248](#)
[249](#)
[250](#)
[251](#)
[252](#)
[253](#)
[254](#)
[255](#)
[256](#)
[257](#)
[258](#)
[259](#)
[260](#)
[261](#)
[262](#)
[263](#)
[264](#)
[265](#)
[266](#)
[267](#)
[268](#)
[269](#)

[270](#)
[271](#)
[272](#)
[273](#)
[274](#)
[275](#)
[276](#)
[277](#)
[278](#)
[279](#)
[280](#)
[281](#)
[282](#)
[283](#)
[284](#)
[285](#)
[286](#)
[287](#)
[288](#)
[289](#)
[290](#)
[291](#)
[292](#)
[293](#)
[294](#)
[295](#)
[296](#)
[297](#)
[298](#)
[299](#)
[300](#)
[301](#)
[302](#)
[303](#)
[304](#)
[305](#)
[306](#)
[307](#)
[308](#)
[309](#)
[310](#)
[311](#)
[312](#)
[313](#)
[314](#)

[315](#)
[316](#)
[317](#)
[318](#)
[319](#)
[320](#)
[321](#)
[322](#)
[323](#)
[324](#)
[325](#)
[326](#)
[327](#)
[328](#)
[329](#)
[330](#)
[331](#)
[332](#)
[333](#)
[334](#)
[335](#)
[336](#)
[337](#)
[338](#)
[339](#)
[340](#)
[341](#)
[342](#)
[343](#)
[344](#)
[345](#)
[346](#)
[347](#)
[348](#)
[349](#)
[350](#)
[351](#)
[352](#)
[353](#)
[354](#)
[355](#)
[356](#)
[357](#)
[358](#)
[359](#)

[360](#)
[361](#)
[362](#)
[363](#)
[364](#)
[365](#)
[366](#)
[367](#)
[368](#)
[369](#)
[370](#)
[371](#)
[372](#)
[373](#)
[374](#)
[375](#)
[376](#)
[377](#)
[378](#)
[379](#)
[380](#)
[381](#)
[382](#)
[383](#)
[384](#)
[385](#)
[386](#)
[387](#)
[388](#)
[389](#)
[390](#)
[391](#)
[392](#)
[393](#)
[394](#)
[395](#)
[396](#)
[397](#)
[398](#)
[399](#)
[400](#)
[401](#)
[402](#)
[403](#)
[404](#)

[405](#)
[406](#)
[407](#)
[408](#)
[409](#)
[410](#)
[411](#)
[412](#)
[413](#)
[414](#)
[415](#)
[416](#)
[417](#)
[418](#)
[419](#)
[420](#)
[421](#)
[422](#)
[423](#)
[424](#)
[425](#)
[426](#)
[427](#)
[428](#)
[429](#)
[430](#)
[431](#)
[432](#)
[433](#)
[434](#)
[435](#)
[436](#)
[437](#)
[438](#)
[439](#)
[440](#)
[441](#)
[442](#)
[443](#)
[444](#)
[445](#)
[446](#)
[447](#)
[448](#)
[449](#)

[450](#)
[451](#)
[452](#)
[453](#)
[454](#)
[455](#)
[456](#)
[457](#)
[458](#)
[459](#)
[460](#)
[461](#)
[462](#)
[463](#)
[464](#)
[465](#)
[466](#)
[467](#)
[468](#)
[469](#)
[470](#)
[471](#)
[472](#)
[473](#)
[474](#)
[475](#)
[476](#)
[477](#)
[478](#)
[479](#)
[480](#)
[481](#)
[482](#)
[483](#)
[484](#)
[485](#)
[486](#)
[487](#)
[488](#)
[489](#)
[490](#)
[491](#)
[492](#)
[493](#)
[494](#)

[495](#)
[496](#)
[497](#)
[498](#)
[499](#)
[500](#)
[501](#)
[502](#)
[503](#)
[504](#)
[505](#)
[506](#)
[507](#)
[508](#)
[509](#)
[510](#)
[511](#)
[512](#)
[513](#)
[514](#)
[515](#)
[516](#)
[517](#)
[518](#)
[519](#)
[520](#)
[521](#)
[522](#)
[523](#)
[524](#)
[525](#)
[526](#)
[527](#)
[528](#)
[529](#)
[530](#)
[531](#)
[532](#)
[533](#)
[534](#)
[535](#)
[536](#)
[537](#)
[538](#)
[539](#)

[540](#)
[541](#)
[542](#)
[543](#)
[544](#)
[545](#)
[546](#)
[547](#)
[548](#)
[549](#)
[550](#)
[551](#)
[552](#)

Annotation

Эта книга о человеке, который, оказавшись волею судьбы у истоков создания нового Советского государства, не боялся высказывать свои мысли и отстаивать свою точку зрения. «Я не согласен», – говорил он и громко хлопал дверью. Так он ушел с поста председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, так он не уходил из ЦК и из партии. Революционный интеллигент, умеренный большевик, главный спорщик партии, оппозиционер – как только его не называли! Все это один человек – Лев Борисович Каменев.

Автором был проанализирован огромный пласт архивных документов, которые раскрывают подробности жизни Каменева и дают ответы на многие вопросы: почему он так трепетно относился к большевистской партии, но при этом так часто шел против ее «генеральной линии»? Почему так яро выступал за пролетарскую революцию, но был категорически против вооруженного восстания? Почему при любом несогласии с принятым решением он с такой легкостью покидал руководящие посты? Почему жизнь его закончилась расстрелом? Был ли он виновен или его оклеветали? Каменев не мог жить без партии, она же его и погубила. За что? Именно об этом и рассказывает книга. Читатель узнает о внутривнутрипартийной борьбе и борьбе Каменева с самим собой.

Анна Сергеевна Кочетова

Лев Каменев

«Я не согласен»

Памяти жертв политических репрессий

© Кочетова А. С., 2022

© Фонд поддержки социальных исследований, 2022

© Российский государственный архив кинофотодокументов, иллюстрации, 2022

© Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2022

© Политическая энциклопедия, 2022

Введение

Часто можно встретить мнение, будто сложно не влюбиться в персонаж, которому посвящаешь книгу. Я думала, что меня это не коснется. Он не поэт, не писатель, не артист, не художник. Он политик и, более того, революционер, прошедший путь от первого советского президента до «врага народа». Но я ошибалась. Углубляясь в исследование его жизни, его взглядов и принципов, я невольно начинала проникаться симпатией к этому персонажу. Читая его письма, я начала понимать его характер. Оказывается, он очень мягкий и добрый человек, любящий свою семью, образованный и думающий, увлеченный и принципиальный, а еще упрямый, эгоистичный, сомневающийся и при всем этом фанатично следующий заветам большевистской партии, не мыслящий своей жизни без нее.

В свое время народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский называл его слишком мягким для всей той революционной эпохи, в которую тот был погружен с головой. «Революционный интеллигент», не сделавший ни одного выстрела и не причинивший физической боли ни одному человеку. Он не боялся высказывать свои мысли, отстаивать свою точку зрения. Умеренный большевик, главный спорщик партии, оппозиционер... Как только его не называли. А это все один человек – Лев Борисович Розенфельд, больше известный всем как Лев Каменев.

К сожалению, в литературе можно найти небольшое количество работ о нем. В основном это отдельные статьи в журналах или главы в сборниках. Полноценная книга о нем лишь одна, написанная швейцарским автором Юргом Ульрихом^[1]. При этом в книгах о разных советских событиях и персонажах Лев Борисович упоминается вскользь. Он всегда с кем-то рядом, будь то Ленин, Зиновьев, Сталин.

Невольно задаешься вопросом, а кто такой Каменев? Чем он занимался, чем интересовался, о чем думал и какими идеями жил? Какое место он занимает в советской истории? Нам очень повезло, что о Каменеве в архивах сохранилось много документов. Именно они и раскрывают подробности его жизни, дают ответ на вопрос – почему? Почему он так трепетно относился к большевистской партии, но при этом так часто шел против ее «генеральной линии»? Почему он так ярко агитировал за пролетарскую революцию, но был категорически против вооруженного восстания? Почему при любом несогласии с принятым решением он с такой легкостью покидал руководящие посты и выходил из Центрального комитета партии?

И, конечно, большой загадкой остаются последние, самые тягостные годы его жизни. Почему жизнь его закончилась расстрелом?

Был ли он виновен, или его оклеветали? Каменев не мог жить без партии, она же его и погубила. За что? Именно об этом и рассказывает книга. Читатель узнает о внутрипартийной борьбе и борьбе Каменева с самим собой. «Я не согласен», – говорил Каменев и громко хлопал дверью. Так он ушел с поста председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, так он не раз уходил из ЦК и из партии. Хотя последнее было для него самым сложным испытанием. Но он всегда возвращался. В 1934 году его последний раз «попросили» покинуть ряды большевистской партии, и больше он в нее не вернулся.

Сегодня, когда многое открылось для нас и стало понятным в отношении 1930-х годов, невольно задумываешься, а сколько бы Каменев смог прожить и сколько всего сделать, если бы он не гнул свою линию, не упорствовал бы, а смиренно был с большинством и во всем соглашался с Лениным и Сталиным? Не дружил бы с «ненужными» людьми, не состоял в оппозиции? Может, он смог бы прожить так же долго, как близкие соратники Сталина: Ворошилов, Каганович, Молотов? Вот только смог ли бы он поступиться своими принципами и поменять взгляды? Для того чтобы ответить на это, нужно попробовать поставить себя на место героя этой книги: в ту эпоху, в ту атмосферу, в ту партию. И я пришла к выводу, что прожить другую жизнь Каменев бы не смог. Он не умел лавировать и интриговать. Единственная его попытка как-то и к чему-то приспособиться, смириться с общим мнением провалилась и привела его к печальному завершению жизни. Сам он считал, что прожил не зря. Тогда, в далеком 1936 году, он говорил, что достаточно пожил, многое видел и многое сделал. А ведь ему было всего 53 года, когда его жизнь оборвалась.

...Каменева вели по коридору в тишине. Слышны были только позвякивание ключей и скрип дверей, которые встречались ему на пути. Похудевший, помрачневший, полностью седой. Мало кто узнал бы в нем того самого Льва Борисовича с волнистой шевелюрой и рыжей бородкой, с оживленной жестикуляцией оратора и спорщика. Сейчас он с преклоненной головой молча шел навстречу своей смерти.

Стоя у стены, Каменев думал – вот сейчас для него все и закончится. А завтра, в лучшем случае, в газете «Правда» выйдет заметка, что приговор в отношении него приведен в исполнение. Он сам много раз читал такие «заметки». А теперь пришел и его черед.

Рядом с ним находился его друг и единомышленник Григорий Зиновьев. Всю жизнь они прошли вместе бок о бок и попрощаются с ней в один день. Осунувшийся Зиновьев был сам на себя не похож. В глазах читались злоба и страх. Каменев в этот момент если и злился, то только на себя, беспокоясь за свою семью. Им зачитали приговор, но Каменев его не слушал. В его голове были другие мысли и вопросы. Почему он здесь оказался? Какой поступок привел его сюда? Когда он ошибся?

Все, что он делал для партии, он всегда делал честно и до конца. Прокручивая в голове события своей жизни, он пытался найти то время и то событие, которое стало поворотным.

Биографическая хроника

1883, 6(18) июля – родился в г. Москве.

1894–1896 – учился во 2-й гимназии в Вильне.

1896–1901 – учился во 2-й гимназии в Тифлисе.

1901 – вступил в РСДРП, стал студентом юридического факультета Императорского Московского университета.

1902, 13 марта – арестован за организацию студенческой демонстрации, исключен из университета.

1902, 29 апреля – освобожден из заключения.

1902, 29 апреля – июнь – пребывал в Тифлисе под надзором полиции, работал конторщиком на Закавказских железных дорогах.

Вторая половина 1902 – июль 1903 – находился в Западной Европе.

1903, июль – пытался восстановиться в университете.

1903, сентябрь – 1904, 6 января – являлся пропагандистом и агитатором Кавказского комитета РСДРП(б).

1904, январь – февраль – вновь поступил в Императорский Московский университет, одновременно являлся агитатором Московского комитета РСДРП(б).

1904, 15 февраля – арестован за подготовку уличной демонстрации, исключен из университета.

1904, 15 июля – освобожден под залог.

1904, июль – пребывал в Тифлисе под надзором полиции, являлся членом и агитатором Кавказского комитета РСДРП(б).

1905, апрель – являлся делегатом III съезда РСДРП(б) в Лондоне от Кавказского комитета.

1905, июль – сентябрь – назначен агентом ЦК РСДРП(б), посетил Петербург, Курск, Орел, Харьков, Екатеринослав, Воронеж, Ростов-на-Дону.

1905, 27 октября – 1908 – писал статьи для газет «Искра», «Вестник жизни», «Волна» и «Правда».

1907, апрель – избран членом Большевицкого центра.

1908, 18 апреля – арестован за выпуск майского революционного листка.

1908, 9 июля – выпущен на свободу под залог.

1908, июль – 1913 – проживал в эмиграции в Женеве и Париже, являлся редактором газеты «Пролетарий».

1913 - вернулся из эмиграции в Санкт-Петербург, являлся редактором газеты «Правда», руководил деятельностью большевистской фракции в IV Государственной думе.

1914, 8 июля - переехал с семьей в Финляндию.

1914, 4 ноября - арестован за участие в нелегальной партийной антивоенной конференции.

1915, 10-13 февраля - на судебном процессе приговорен к ссылке в Сибирь.

1915, 5 июля - 1917, 8 марта - пребывал в ссылке в Туруханске, Ялани, Ачинске.

1917, 12 марта - вернулся в Петроград.

1917, 29 апреля - избран в ЦК РКП(б).

1917, 10 июля - арестован по подозрению в организации июльской демонстрации и сотрудничестве с царской охранкой.

1917, 4 августа - выпущен из-под стражи.

1917, 22 сентября - избран в Предпарламент.

1917, 16 октября - выступил против вооруженного восстания и написал заявление о выходе из ЦК (заявку не приняли).

1917, 24-25 октября - вел собрание ЦК РСДРП в Смольном.

1917, 25 октября - избран председателем II съезда Советов.

1917, 26 октября (8 ноября) - избран председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК).

1917, 4 ноября - подал заявление о выходе из ЦК.

1917, 8 ноября - снят с поста председателя ВЦИК.

1917, 18 ноября - в составе советской делегации направлен в Брест-Литовск для ведения советско-германских переговоров о перемирии.

1918, февраль - направлен во Францию в качестве советского посла.

1918, 24 марта - арестован финнами при пересечении шведско-финляндской границы.

1918, 3 августа - освобожден в обмен на военнопленных финнов.

1918, 16 сентября - избран председателем Моссовета.

1919, 25 марта - избран в члены Политбюро ЦК РКП(б).

1922, 14 сентября - назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров (СНК), заместителем председателя Совета труда и обороны (СТО).

1922, вторая половина - 1924 - председательствовал на заседаниях СНК и Политбюро ЦК РКП(б) вместо В. И. Ленина.

1923, 22 октября - назначен директором Института Ленина.

1924, 31 января - назначен председателем СТО.

1925, 1 октября - 1926, апрель - являлся организатором «новой оппозиции».

1926, 1 января - переведен из членов Политбюро ЦК ВКП(б) в кандидаты.

1926, 11 января – снят с поста председателя СТО в связи с упразднением должности и с поста заместителя Совнаркома; назначен на должность наркома внутренней и внешней торговли.

1926, апрель – 1927, декабрь – участник «объединенной оппозиции».

1926, 22 апреля – снят с поста председателя Моссовета.

1926, 5 августа – освобожден от обязанностей наркома торговли по собственному желанию.

1926, 23 октября – освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

1926, 26 ноября – назначен послом СССР в Италии.

1927, 16 ноября – выведен из состава ЦК ВКП(б).

1927, 17 ноября – освобожден от обязанностей посла СССР в Италии.

1927, 18 декабря – исключен из партии за оппозиционную деятельность.

1927, январь – 1928, 9 июля – пребывал в ссылке в Калуге, работал заместителем председателя Калужского губплана.

1928, 21 июня – восстановлен в партии.

1929, 27 мая – назначен председателем Главного концессионного комитета при СНК СССР.

1932, 3 мая – назначен заведующим издательством «Академия» с совмещением работы в Главконцесскоме.

1932, 10 октября – исключен из партии за оппозиционную деятельность.

1932, 20 октября – отстранен от работы председателя Главконцесскома и члена Арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате.

1932, ноябрь – 1933, апрель – пребывал в ссылке в Минусинске.

1933, 15 мая – назначен заведующим издательством «Академия».

1933, 12 декабря – восстановлен в партии.

1934, 4 мая – назначен директором Литературного института имени М. Горького.

1934, 16 декабря – арестован в связи с убийством С. М. Кирова.

1935, 16 января – приговорен к тюремному заключению на пять лет по делу «Московского центра».

1935, 10 июля – приговорен к тюремному заключению на десять лет по делу контрреволюционных террористических групп в Кремле («Кремлевское дело»).

1936, 24 августа – приговорен к высшей мере наказания по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра».

1936, 25 августа – расстрелян.

1988, 13 июня – реабилитирован решением Пленума Верховного суда СССР.

Глава 1

От Левы Розенфельда до Льва Борисовича Каменева

1883 - июль 1914

Вторая половина XIX века в России известна как «эпоха великих реформ Александра II». Крестьянская, земская, судебная реформы и реформа городского самоуправления вызвали оживление общественной жизни. Реформа высшего образования и вовсе дала университетам значительную автономию, что повлияло на развитие студенческого движения. Вместе с этим радикально настроенные отдельные группы были недовольны тем, как реализуются ожидаемые ими реформы. Рост революционного движения и появление революционных политических кружков – вот одно из последствий политических преобразований в стране.

В одном из таких кружков состоял отец нашего героя Борис Иванович Розенфельд. Еврей по происхождению, принявший православие, чтобы без каких-либо ограничений иметь возможность получить высшее образование, он стал студентом Петербургского технологического института и однокурсником народовольца Игнатия Гриневицкого, того самого, который бросил бомбу и тем самым убил царя Александра II.

Борис Розенфельд посещал различные народнические студенческие собрания. На одном из них он познакомился со слушательницей Бестужевских курсов^[2] Марией Ефимовной. На вид спокойный, но страстно увлеченный революционной мыслью Борис мог заинтересоваться только девушкой, полностью разделяющей его взгляды. Именно такой была Мария Ефимовна. Милая, бойкая, не боявшаяся высказывать свое мнение, она стала ему не просто женой, а другом и единомышленником^[3]. Поженились они после окончания учебы и сразу переехали в Москву. Там Борису удалось устроиться машинистом на Московско-Курской железной дороге. А 18 июля 1883 года^[4] у них родился первый сын – будущий революционер Лев Каменев, вернее, Лева Розенфельд. После у него появятся три младших брата: Александр, Николай, а вот имя третьего установить точно не удалось: то ли Евгений, то ли Иван^[5].

В 1890 году семья Розенфельдов переехала в Виленскую губернию на станцию Ландворово, что находилась недалеко от города Вильны^[6]. Скорее всего, переезд из такого крупного города, как Москва,

состоялся не по доброй воле. Слишком уж совпадает дата с начавшейся антисемитской кампанией в 1890 году. Несмотря на то что Борис Розенфельд принял православие, он для всех оставался евреем. Поэтому семья решила покинуть Москву, не дожидаясь официальных указов о выселении. И они оказались правы. 28 марта 1891 года вышло Высочайшее повеление «об изгнании из Москвы и Московской губернии всех евреев-ремесленников, хотя бы и законно там проживающих, в черту оседлости, и о воспрещении евреям-ремесленникам вновь селиться в Москве и Московской губернии»^[7].

*Семья Розенфельд. Слева направо: Борис Иванович, Евгений (Иван), Александр, Николай, Мария Ефимовна, Лев 1890-е
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 3]*

Благодаря своему образованию Борис Розенфельд устроился на должность старшего инженера проволочно-гвоздильного завода, где маленький Лев и провел свое детство. Уж очень он любил наблюдать за трудом слесарей, которые иногда доверяли ему самую простую работу. Даже возвращаясь на каникулы домой во время учебы во 2-й Виленской гимназии, Лева работал в столярной и слесарной мастерских^[8].

В 1896 году семья переехала в Тифлис^[9]. Борис Иванович занял должность начальника отдела «Керосин-провод» на Закавказской железной дороге. В Тифлисе Лева в 1901 году окончил гимназию. Однако выпущен он был с плохим баллом по поведению.

А все из-за того, что в подростковом возрасте он увлекся чтением нелегальной литературы, интерес к которой перенял от родителей.

Вечерние посиделки за чаем с чтением «запрещенных» статей, которые удалось добыть Борису Ивановичу, и обсуждением положения рабочих вызвали у Льва желание все больше и больше погружаться в изучение работ Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Самой первой нелегальной книгой, которая произвела на него неизгладимое впечатление и заставила обратить свой взор на рабочее движение, стала брошюра немецкого философа Фердинанда Лассалля «Программа работников». Лев запоем читал статьи и книги, и это не могло не отразиться на его поведении. Скромный, аккуратный мальчик с пухлыми губами и бровками домиком вдруг стал задавать учителям много «неудобных» вопросов и спорить с ними. Несмотря на замечания и предупреждения со стороны преподавателей, у Каменева то и дело находили статьи публицистов и революционных демократов Дмитрия Писарева и Николая Добролюбова.

Сейчас в это сложно поверить, но тогда плохой итоговый балл по поведению мог поставить крест на получении высшего образования.

И только благодаря прошению своего отца Лев Розенфельд в 1901 году стал студеном престижного юридического факультета Московского университета. Борис Иванович получил разрешение лично у министра народного просвещения Николая Боголепова^[10]. Как выяснится позже, все это было зря. Закончить университет Льву Борисовичу так и не удастся, и во всех своих анкетах в графе образование он будет указывать: «Московский университет, не окончил».

Попав в студенческую среду, Лев Розенфельд нашел единомышленников и пытался свои идеи воплотить в жизнь, участвуя в студенческих демонстрациях и забастовках, иногда совсем не думая о последствиях. В том же 1901 году он вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии и стал представителем курса в совете запрещенного тогда Союза студенческих землячеств^[11]. Пользуясь своим статусом, Лев Борисович не только налаживал связи с руководителями петербургского студенчества, но и выпускал политические воззвания и прокламации. 13 марта 1902 года состоялся его дебют как организатора студенческой демонстрации. Именно тогда он был впервые арестован^[12].

В ночь с 12 на 13 марта 1902 года Розенфельд предложил студентам собраться в университете, выйти на улицу и провести альтернативный митинг протеста не только в защиту прав студентов, но и с призывом к свержению царизма^[13]. Однако митинг не состоялся. На призыв откликнулись только 30 человек, все они были арестованы на Тверском бульваре по дороге к памятнику Пушкину, где и намечалась демонстрация. Розенфельд, понимая опасность, предусмотрительно все свои вещи оставил у друзей – студента Московского университета А. И. Залесского и сына надворного советника Б. В. Неручева^[14], однако обыск не обошел стороной и их. В

вещах Льва обнаружили 15 листов письма от 12 марта 1902 года за подписью «группы студентов», бюллетени и прокламации так называемого Исполнительного комитета^[15] и брошюры «Социальное движение в 19 столетии», «Аналогия власти денег как признак времени», «Попытка обоснования народничества», «Новый раскол в нашей интеллигенции»^[16]. Это все послужило достаточно весомыми уликами для ареста.

На допросе Розенфельд пытался выкручиваться: говорил, что пришел на сходку к университету только из любопытства и по приглашению в так называемом бюллетене № 50, который получил в его же стенах. Но, так как собрание не состоялось ввиду малочисленности, они со студентами начали расходиться, когда их и задержали.

«Я ни к каким организациям не принадлежу, хранил же бюллетени, интересуясь студенческой жизнью. Я же в университете первый год»^[17], – настаивал Розенфельд. Но это не помогло. Его приговорили к тюремному заключению на шесть месяцев^[18] и из университета, естественно, исключили. В итоге в заключении он пробыл только месяц. 29 апреля 1902 года министр внутренних дел постановил: дело в отношении Льва Розенфельда прекратить^[19], а его самого выслать в Тифлис к родителям под надзор полиции.

Там отец устроил Льва конторщиком на Закавказские железные дороги. Сделать это было не так просто. Его благонадежность вызывала сомнения. Только спустя два месяца, после поступления от Департамента полиции ответа, что «с их стороны препятствий к этому нет»^[20], Лев Розенфельд получил разрешение начальника Тифлисского отделения жандармского полицейского управления железных дорог занять должность конторщика^[21].

Несмотря на то что он находился под надзором полиции, Розенфельд продолжал заниматься социал-демократической пропагандой, на сей раз среди железнодорожников. Лев считал эту работу необходимой, так как думал, что именно он сможет открыть рабочим глаза на необходимость бороться за революцию.

Готовя агитационные речи и оглядываясь вокруг, он постоянно разговаривал сам с собой, бубня себе под нос: «Весна этого года доказала наличность больших сил, но сил неорганизованных, не сплоченных, не способных еще действовать планомерно. Да, да, следовательно, задача ясна. Студенты надеялись, что рабочие придут, но они не придут, пока к ним не пойдут, значит, и для студенчества путь ясен»^[22].

С этими мыслями начался новый виток в его жизни. Во второй половине 1902 года, получив небольшую сумму от родителей и партийных друзей, он впервые отправился в Западную Европу^[23]. Побывал в Париже, Женеве, Лейпциге. Первая поездка за границу стала для него знаменательной во всех смыслах. В Париже он

познакомился с группой социалистов, связанной с газетой «Искра»^[24], с лидером будущих меньшевиков Юлием Мартовым, с будущим своим родственником Львом Троцким и, конечно, же с Владимиром Лениным. Впервые Розенфельд его увидел, когда тот читал лекции студентам. Узнав, кто будет лектором, Лев приложил все усилия, чтобы попасть на это собрание. И не прогадал. Он был поражен харизмой Ленина, его умением излагать мысли и доносить их до каждого присутствующего. Одно дело – читать его статьи, но слушать и видеть – это совсем другое.

*Владимир Ильич Ленин
Февраль 1900
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 12]*

Воодушевившись речами Ленина, Лев Розенфельд решил во что бы ни стало научиться вот так же легко и уверенно излагать свои мысли и отстаивать их. Именно после этой лекции он серьезно взялся за дело написания статей для газеты «Искра». Еще недавно он зачитывался материалами газеты, а теперь сам стал автором, начал со статей о студенческом движении. На заседании еврейского социал-демократического союза «Бунд»^[25] он познакомился со своей будущей женой Ольгой Давидовной Бронштейн – ни много ни мало родной сестрой Льва Троцкого. Семейная жизнь складывалась нелегко. Два активных революционера, стремящиеся к разным политическим течениям: Лев – большевик, Ольга – сторонница меньшевизма, находящаяся под влиянием своего брата Троцкого. Она предостерегала Льва от слепого следования за Лениным, все это перерастало в семейные ссоры, однако не помешало создать крепкую семью и

воспитать двоих сыновей, Александра и Юрия. К сожалению, брак распался, но только в 1926 году. С Троцким отношения у Льва Борисовича не заладились с самого начала. Друг к другу они испытывали недоверие, и если бы не родственные связи, то и вовсе бы не общались.

При всем этом Розенфельда удручало отсутствие высшего образования. С малых лет в семье ему говорили о необходимости учиться и важности получения высшего образования. Помня, каких трудов стоило его отцу добиться разрешения на поступление в университет, Лев не оставлял попыток восстановиться в Московском университете. После возвращения в Россию в июле 1903 года он обратился к учебному начальству Московского университета с ходатайством о принятии его вновь в число студентов^[26]. Однако его просьба осталась без ответа, и ему пришлось вернуться в Тифлис.

*Ольга Давидовна Розенфельд (Бронштейн)
1900-е
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 1]*

2 сентября 1903 года Лев Борисович наладил связь с тогдашними руководителями кавказского социал-демократического движения Д. С. Постоловским, М. А. Борисовым, В. И. Ненешвили. Он начинает работать в качестве пропагандиста и агитатора и, кроме того, принимает участие в подготовке забастовки на Закавказских железных дорогах. В ночь с 5 на 6 января 1904 года в дом Розенфельдов нагрянули с обыском. Несмотря на то что ничего не нашли, Лев, понимая, какую

опасность он представляет для своих родных, решил перебраться в Москву.

Там ему каким-то чудом удалось восстановиться в Московском университете. Но захватившая его с головой партийная деятельность заставляла Льва разрываться между ней и учебой. В Москве он продолжил работать агитатором под руководством Московского комитета партии, распространяя прокламации и привлекая новые лица в пропагандистские кружки.

Кроме этого, Розенфельду поручили подготовить уличную демонстрацию, запланированную на 19 февраля^[27]. Снова ей не суждено было случиться, ведь за Львом Борисовичем пристально наблюдали^[28]. «Видный деятель Московской социал-демократической организации»^[29] – именно так характеризовался Лев Розенфельд в дневнике наблюдений Департамента полиции. В нем же зафиксированы все его шаги и подробно описаны все его действия, передвижения и встречи. Каждый день. Льва Борисовича арестовали 15 февраля 1904 года и заключили под стражу «до разъяснения обстоятельств»^[30]. Из университета он был вновь исключен. Сам ректор Московского университета Александр Тихомиров, утомленный бесконечными выходками его студентов, 3 марта 1904 года обратился к московскому обер-полицмейстеру с просьбой «отобрать у бывшего студента Розенфельда выданные университетом билеты на жительство и для входа на лекции»^[31].

В этот раз Розенфельд провел в заключении пять месяцев. Выбраться из тюрьмы помогла ему мать. 16 июня 1904 года Мария Ефимовна написала прошение начальнику Московского губернского жандармского управления: «Покорнейше прошу Ваше превосходительство не отказать выдать мне на поруки сына моего Льва Борисовича Розенфельда. В виде обеспечения могу представить залог деньгами суммою в тысячу рублей или землею»^[32]. Навстречу пошли не сразу, было решено, что «вопрос об изменении меры пресечения является преждевременным». Но через месяц, в июле, Льва все же отпустили. И снова в Тифлис, и снова под «особый надзор полиции»^[33].

Там Лев Борисович в третий раз пытается вернуться к своему образованию. Понимая, что в Москву путь закрыт, он пробует поступить в Юрьевский университет^[34]. 3 августа 1904 года Розенфельд пишет: «Покорнейше прошу разрешить поступить в Юрьевский университет или другой по усмотрению департамента»^[35]. Департамент разрешение дал, вот только ответственность за поведение революционера полностью возлагалась на учебное заведение^[36]. Поэтому, дабы избежать проблем, ректор Юрьевского университета Розенфельду отказал, и тому ничего не оставалось, как вновь вернуться в Тифлис^[37].

Там он вошел в Кавказский союзный комитет РСДРП и продолжил заниматься уже привычной ему деятельностью – пропагандистской работой. При этом Розенфельд уже не был каким-то рядовым членом

партии. Сам Лев Троцкий называл его чуть ли не главной фигурой Кавказского комитета^[38]. Он достаточно часто выступал на митингах, активно агитируя против меньшевиков. Еще будучи в заключении, он написал брошюру с критикой меньшевистской политической линии новой «Искры»^[39]. В конце 1904 года на Кавказской областной конференции Льва Борисовича выбрали в качестве разъездного по всей стране агитатора и пропагандиста. Одной из его функций стало налаживание связей со всеми заграничными партийными центрами^[40]. На это повлиял в том числе и Ленин. Уже тогда он хорошо знал агитационные работы Розенфельда и высоко их оценивал. Особенно он хвалил статью «Военная кампания “Искры”»: «Ваша статья несомненно свидетельствует о литературных способностях, и я очень прошу Вас не оставлять литературной работы»^[41]. Лев Борисович, вдохновленный поддержкой Ленина, будет следовать этому совету всю свою жизнь.

Но Розенфельд по-прежнему оставался под надзором полиции и, готовясь к разъездам, пытался подстраховаться. 19 ноября 1904 года он написал прошение директору Департамента полиции: «Во избежание двухлетней потери времени в учебных моих занятиях прошу Ваше превосходительство разрешить выехать мне для продолжения учебных занятий за границу, а именно в г. Льеж (Бельгия) для поступления в Льежский политехникум... или прошу разрешить мне вернуться в Москву для обратного поступления в Московский университет...»^[42] В тот же день ему сообщили, что он освобожден от всяких ограничений в свободе передвижения с 20 ноября 1904 года^[43], так как дело против него за недостаточностью улик прекращено и «особый надзор полиции» отменен^[44]. Это позволило Розенфельду свободно выезжать за границу.

В апреле 1905 года Лев Борисович приехал в Лондон. 12 апреля 1905 года там проходил III съезд партии, в котором Лев Борисович принимал активное участие. И он многим запомнился. Но не только благодаря своим выступлениям в прениях по вопросу о вооруженном восстании, а из-за спора с Лениным. Владимир Ильич являлся непререкаемым авторитетом, а тут вдруг Розенфельд, который пользуется его поддержкой, начал открыто критиковать его. Многие на съезде подумали, что он просто выскочка и таким образом решил обратить на себя внимание. Игнорируя мнение окружающих и не боясь реакции Ленина, он категорически отвергал его резолюцию об отношении рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях. Он вообще не понимал, зачем ее принимать. «Я должен решительно высказаться против принятия этой резолюции, – говорил с трибуны Розенфельд. – Этого вопроса как вопроса об отношении между интеллигенцией и рабочими в партийных организациях не существует». Это был его первый открытый спор с Лениным. Несмотря на то что его не поддержали, он понял, что спорить и отстаивать свою точку зрения можно и нужно.

На съезде Розенфельд был назначен агентом партии, и с июля по сентябрь 1905 года он посетил Петербург, Курск, Орел, Харьков, Екатеринослав^[45], Воронеж, Ростов-на-Дону^[46].

А в октябре 1905 года произошло событие, которое позволило большевикам выйти из подполья. Всероссийская октябрьская политическая стачка вынудила Николая II подписать Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка», даровавший гражданам России гражданские права и свободы. Благодаря этому легально были оформлены политические партии, общественные организации и печать.

27 октября вышел первый номер социал-демократической газеты «Новая жизнь». Лев Розенфельд стал не только автором ее статей, но и ее редактором. Хотя правильнее уже сказать Лев Каменев. Именно тогда он в первый раз подписал свою статью «Две демонстрации» как Юрий Каменев. Имя не прижилось, а вот фамилия осталась с ним навсегда.

В 1905–1908 годах Каменев активно публиковался в газетах «Вестник жизни», «Волна» и «Правда» под разными псевдонимами, принимал участие в IV и V съездах РСДРП. На V съезде Каменев вошел в Большевицкий центр^[47]. Во всех своих статьях Каменев в первую очередь выражал свою точку зрения. Сравнивая буржуазные и пролетарские партии, он указывал на слабость и консервативность первых и силу и решительность вторых. По мнению Каменева, буржуазия не участвовала в народном движении, поэтому только объединение масс вокруг рабочего класса на основе социал-демократической идеологии сделало бы возможным построение нового общества^[48]. Доставалось от него и кадетам. Каменев считал, что они не в состоянии вести революцию вперед.

В то время Каменев много читал, слушал, запоминал. Анализируя разные процессы, он рассматривал воздействие безработицы на революционные события, называя ее оружием буржуазии против пролетариата. А все из-за того, считал он, что политически активных рабочих чаще всего увольняли с работы^[49].

Отдельное внимание он уделяет забастовкам. Лев Борисович, так часто сам участвовавший в организации демонстраций, сравнивал забастовки и демонстрации 1905 года с событиями во Франции 1793 года. Подчеркивая важность политических забастовок, он называл их лишь орудием разрушения старой власти, а не средством построения новой.

Не забывал Каменев высказываться и о политике большевиков, о своем видении ближайших политических целей. Тогда он считал, что большевикам нужно взять верх над представителями других социал-демократических течений, особенно в недавно возникших советах. Пролетарские же силы должны вести борьбу против попыток неупорядоченных действий, тем самым демонстрируя свое

превосходство. Он предлагал по-новому организовать партию. Тут он вновь расходился во взглядах с Лениным. Владимир Ильич считал возможным объединение партии, Каменев проводил линию на окончательный раскол^[50]. При всем этом Каменев подчеркивал необходимость созыва Учредительного собрания и придерживался этой мысли до самых Октябрьских событий 1917 года^[51].

Относительно спокойная жизнь Каменева закончилась 3 июня 1907 года. Была распущена II Государственная дума, и начался период «столыпинской реакции». Произошел общий упадок революционного настроения. Газеты вновь стали закрываться, участились аресты. 18 апреля 1908 года Каменев выпустил традиционный майский революционный листок ЦК в количестве 15 тысяч экземпляров и тут же был арестован^[52].

При обыске у него нашли переписку о работе Центрального комитета партии, а его самого посадили в тюрьму в Санкт-Петербурге. В это время в Тифлисе случилось несчастье – при невыясненных обстоятельствах погиб любимый отец Льва Борис Иванович Розенфельд. Каменева раздавила эта новость. Ходили слухи, что Бориса Ивановича убил бывший его рабочий, отомстивший за увольнение. Но официально так ничего и не было выяснено. Несмотря на случившееся, мать вновь пришла на помощь сыну и сумела собрать одну тысячу рублей для залога.

Семья Розенфельд. Слева направо: Мария Ефимовна, Николай Борисович (брат Льва), Ольга Давидовна и Борис Иванович с внуком Александром (сын Льва Борисовича) на руках

1907

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 37]

Борис Иванович Розенфельд с внуком Александром на руках

1907

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 31]

Благодаря этому 9 июля 1908 года Каменев вышел на свободу. Притом ему запрещалось жить в Петербурге впредь до особого распоряжения. Но это для него было не важно, так как в Женеве его ожидал Ленин. Как только ему удалось получить заграничный паспорт, он перебрался туда вместе со своей женой Ольгой Бронштейн и маленьким сыном Александром.

Последовала непростая жизнь в эмиграции, то в Женеве, то в Париже, и постоянные внутрипартийные споры. Каменев в жизни был мягким человеком и отличался от других широтой своих взглядов, однако в полемике и дискуссии он бывал очень жестким. Даже Ленин призывал его смягчиться, указывая на излишнюю резкость по отношению к меньшевикам, просил в своих статьях потоньше выбирать формулировки^[53]. Но Каменев не особо прислушивался к чьим-либо советам и всегда писал и говорил то, что думает. И даже просьбы его

жены Ольги Давидовны быть помягче к меньшевикам не могли его убедить.

В то время Лев Борисович был редактором газет «Пролетарий», «Социал-демократ», представителем партии в Международном социалистическом бюро^[54]. Продолжал активно выступать с докладами – участвовал в Копенгагенском международном социалистическом конгрессе в 1910 году, выступал на съезде Социал-демократической партии Германии в октябре 1912 года в Хемнице, в ноябре – в качестве делегата РСДРП на социалистическом конгрессе в Базеле. Несмотря на споры с Лениным, от него он часто слышал похвалу и постоянные просьбы больше писать. Владимиру Ильичу вообще нравилось спорить с Каменевым. Он всегда утверждал, что в споре рождается истина. И, конечно, ему нравилось, когда Лев Борисович, поупиравшись, все же соглашался с его доводами. А в 1913 году Каменев со своей семьей даже проживал в гостях у Ленина в небольшом городке Поронин (Поронино).

В тот же период у Каменева завязывается дружба с Григорием Зиновьевым и формируется их политический тандем, который просуществует до конца их жизни. Хотя сначала этот кудрявый и шептливый товарищ вызывал у Каменева легкое раздражение. Но работа в газете «Правда», которая в дальнейшем станет главным печатным органом советской коммунистической партии, сблизила их как единомышленников, а дальнейшие проблемы показали, что Каменев мог положиться на Зиновьева как на друга.

В 1913 году Каменев вернулся из-за границы в Санкт-Петербург для «консультирования» думской фракции большевиков. Он координировал их взаимодействие с партийными организациями, рабочими клубами и профсоюзами, поддерживал связь с находившимися в эмиграции партийными деятелями, в том числе с Лениным и Зиновьевым. Но все это продлилось недолго. 8 июля 1914 года газету «Правда» закрыли из-за ее антивоенных статей. Каменеву вновь пришлось уехать. На сей раз он с семьей перебрался в Финляндию, поселился в селе Неувола. Там его и настигла весть о начале Первой мировой войны.

*Лев Борисович Каменев (Розенфельд) с сыном Александром
1913
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 38]*

Глава 2

Туруханская ссылка

Июль 1914 - март 1917

В то время Финляндия входила в состав Российской империи, поэтому Каменев и там был постоянно под наблюдением. Но это не останавливало его подпольную деятельность. 30 сентября – 1 октября 1914 года он провел у себя дома совещание представителей социал-демократической рабочей фракции Госдумы с некоторыми партийными работниками^[55]. А в начале ноября принимал участие в партийной конференции в поселке Озерки, недалеко от Петербурга. Ее организовали специально для обсуждения тезисов Ленина о войне^[56]. Владимир Ильич осуждал социал-демократические партии европейских стран, которые поддерживали Первую мировую войну, считая это изменой социализму. Тем самым он объявил крах Интернационала. Он считал, что наименьшим злом будет поражение царской монархии и ее войск. Ленин выдвигал два лозунга: пропаганда социалистической революции на всем театре военных действий с призывом ко всем европейским народам обратить оружие против своих буржуазных правительств и

пропаганда необходимости объединения отдельных государств Европы в Республиканские соединенные штаты^[57].

При обсуждении шла горячая дискуссия, не все поддерживали Ленина, в том числе и Каменев. Безусловно, он расценивал войну как империалистическую, а всех рабочих воюющих стран считал необходимым призывать обратить оружие против своих буржуазных правительств. Но с остальным не соглашался. Однако вскоре спорам настал конец. 4 ноября полиция ворвалась на заседание и всех арестовала, в том числе и действующих депутатов Государственной думы^[58]. Доказательств подпольной работы Каменева у следствия хватало с лихвой. На следующий день после ареста 5 ноября 1914 года при обыске в доме Каменева в Неуволла были обнаружены рукописи его статей и рабочая переписка. Его опять ждало заключение. Примечательно, что у Каменева вновь имелась возможность освободиться под залог. Не только у него, но и у всех арестованных. Но сумму назначили большую – 4 тысячи франков за всех. Собрать ее им не удалось^[59]. На скорое освобождение уже не стоило рассчитывать.

10-13 февраля 1915 года по делу заключенных состоялся судебный процесс. Для Каменева он оказался проверкой на прочность и оставил отпечаток на всю жизнь. Процесс проходил очень нервно, будто дискуссия партийной конференции перекочевала в зал суда. Некоторые арестованные в своих показаниях заявили, что не разделяют «пораженческих тезисов» руководства большевиков. В их числе был и Каменев. Он продолжал излагать свое видение военного вопроса, повторяя, что никогда не разделял пораженческих взглядов на войну, и даже требовал вызвать в качестве свидетеля меньшевика Николая Иорданского, чтобы тот подтвердил его слова. И в этом заключалась большая ошибка Каменева.

Его поведение неприятно поразило многих большевиков. Они надеялись, что арестованные будут всеми силами запутывать следствие, а не выносить внутрипартийные споры на всеобщее обозрение. Все, что творилось на процессе, разнеслось чуть ли не по всему миру, а поведение Каменева обсуждалось и осуждалось всеми большевиками. Очень тяжелое впечатление его слова произвели на сестру Ленина Анну Ульянову-Елизарову. А Николай Бухарин, проживавший тогда в Швейцарии, вообще потребовал, чтобы Каменева исключили из партии. Ленин был не так категоричен, но его тоже сильно задела слова Каменева. Он не возражал против того, чтобы подсудимые запутывали следствие, не давая вычислить членов партии. Но «стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом Иорданским, как делал товарищ Розенфельд, или свое несогласие с ЦК есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый»^[60].

Петербургская судебная палата с сословными представителями приговорила Каменева и других обвиняемых к лишению всех прав и

ссылке в Сибирь. Вот так Каменев оказался в Туруханском крае. 5 июля 1915 года Каменева вместе с семьей и остальными ссыльными^[61] привезли в село Монастырское. По тем меркам добрались они достаточно быстро. Обычно путь до Туруханска составлял несколько месяцев. Их быстрому приезду поспособствовало то, что 5 ссыльных по-прежнему оставались членами Государственной думы^[62]. В это время в Туруханске в ссылке уже находились Иосиф Сталин и Яков Свердлов.

Их совместное пребывание в ссылке позже еще отзовется для Каменева не лучшим образом. Но это все потом, а тогда он достаточно много времени проводил со Сталиным, обсуждая различные вопросы. Каменев считал этого кудрявого грузина достаточно умным и способным. Особенно он ценил его желание писать статьи и готов был оказать ему помощь.

Туруханский край не был приспособлен для жизни. Зимой доходило до 45 градусов ниже нуля. Ссыльным разрешали привезти с собой не более 5 рублей, а жили они на 10 копеек «кормовых» в день. Каменев, приехав туда с семьей, постоянно ходил голодный, а те небольшие деньги, которые ему присылали товарищи по партии, тут же уходили на одежду и еду, которая немедленно заканчивалась. Но Каменев пробыл в самом Туруханске недолго. 29 июля всех, в том числе и Каменева, без объяснения перевели в деревню Ялань под Енисейском.

*Группа ссыльных в Туруханском крае. Сидят слева направо: Ф. Н. Самойлов, В. Сергушова, А. Е. Бадаев, Н. Р. Шагов; стоят слева направо: член научной экспедиции, Спандарян, И. В. Сталин, В. Яковлев, Л. Б. Каменев, Г. И. Петровский, Линде, Я. М. Свердлов, два члена научной экспедиции за Свердловым и Линде; впереди – дочь Я. М. Свердлова
Март – июль 1915*

[РГАКФД. 4-8446]

Ни голод, ни погода не смогли выбить Каменева из революционной колеи. Несмотря на обиду за действия Каменева на судебном процессе, Ленин достаточно быстро восстановил общение с ним. Уже с сентября 1915 года между ними велась регулярная переписка. Но остальные не смогли так быстро забыть поведение Каменева на суде.

5 октября 1915 года в Ялани в квартире Каменева, который проживал вместе с ссыльным депутатом Григорием Петровским, было проведено собрание группы ссыльных социал-демократов, к которому присоединились еще Яков Свердлов, Иосиф Сталин, Сурен Спандарян^[63], Филипп Голощекин^[64].

*Григорий Иванович Петровский
1917
[РГАСПИ. Ф 421. Оп. 1. Д. 599]*

Яков Михайлович Свердлов
1917
[РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 139. Л. 88]

Иосиф Виссарионович Сталин
1918
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 32. Л. 47]

*Сурен Спандарович Спандарян
1917
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 719. Л. 1]*

На нем обсуждался февральский судебный процесс и в большей степени поведение осужденных. Несмотря на то что прошло полгода, они никак не могли забыть его. Каменеву досталось больше всех. Свердлов обвинял его в малодушии, остальные говорили, что он перепутал судебный процесс с партийным собранием. Каменев понимал, что виноват, и особо не отпирался. А вот Сталин за него заступился и объяснил его поведение «военной хитростью». Но даже много лет спустя поверить в это сложно. От него требовалось лишь одно – не выдать других членов партии, а не рассуждать, кто и когда высказался против войны. Какая уж тут хитрость.

Филипп Исаевич Голощекин
1916
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 24. Л. 42]

Л. Б. Каменев в группе ссыльных в Ялани (Енисейский район Красноярского края)
1916
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 10. Л. 35]

В итоге собрание приняло резолюцию: «Позиция осужденных депутатов РСДРП фракции по вопросу о войне является единственно правильной точкой зрения». При этом было указано, что, «защищая свою позицию», они «все же не смогли твердо и неуклонно провести свою революционную тактику, допустив ряд колебаний и затушеваний»^[65].

Спустя год ссыльной жизни Каменев с семьей и некоторые ссыльные получили возможность переселиться в Ачинск. Будучи в разных городах, Каменев и Сталин поддерживали отношения путем переписки. В основном она касалась написания статей. А 21 февраля 1917 года Сталин сам прибыл в Ачинск^[66].

*Л. Б. Каменев и О. Д. Каменева в группе ссыльных в Ялани
1916
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]*

В это время Каменев уже занимал особое положение среди ссыльных. Он состоял на службе в качестве бухгалтера в Ачинской конторе Русско-Азиатского банка, размещавшейся в доме купца Патушанского. Работа не бог весть какая, но, главное, она приносила доход, а значит, и еду. Квартира, в которой он проживал вместе с женой Ольгой Давидовной, была своеобразным салоном, где собирались ссыльные. Сталин стал у них частым гостем.

Именно в Ачинске Каменева застала весть о Февральской революции. 2 марта 1917 года свершилось событие, которое перевернуло историю России. Император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. В этот день практически весь Ачинск знал о событиях в Петрограде, но пока говорили о них шепотом. В тот же день министр юстиции Временного правительства Александр Керенский отправил телеграмму иркутскому и енисейскому губернаторам с предписанием о немедленном освобождении бывших членов Государственной думы и требованием «обеспечить им почетное возвращение в Петроград». Каменев понимал, что вернется в Петроград вместе с ними.

*Л. Б. Каменев и О. Д. Каменева с сыном Александром в Ачинске
1916
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 50]*

4 марта в субботу в Ачинске царило особое оживление. Практически все общественные учреждения прекратили работу. На улицах повсюду были группы людей, импровизированные митинги, на которых ссыльные зачитывали крестьянам телеграммы о событиях в Петрограде: великий князь Михаил Александрович Романов отказался принять корону, тем самым он формально ликвидировал монархию.

Тогда для городского главы Ачинска самым важным было не допустить беспорядков. И в этом активно помогали ссыльные большевики, в том числе и Лев Каменев. К 12 часам дня 4 марта депутат Госдумы Муранов выпустил обращение к гражданам и солдатам Ачинска, в котором просил поддержать Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов: «Ждите указаний из Петрограда, не допускайте никаких погромов и бесчинств».

*Матвей Константинович Муранов
1917
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 24. Л. 153]*

На 7 часов вечера того же дня местная дума Ачинска назначила заседание совместно с представителями общественных организаций, но превратилось оно в большое народное собрание, на котором присутствовало свыше 500 человек. Думский зал просто не вмещал такое количество людей, поэтому все перешли в здание Общественного собрания. Пришло очень много солдат во главе с начальником гарнизона. Городской голова П. Ф. Усанин после приветственных речей предложил выбрать председателя собрания. Конечно, выбор пал на самого важного ссыльного – М. К. Муранова. Первое же слово было предоставлено Льву Каменеву^[67].

Лев Борисович, вдохновленный происходящими событиями, с энтузиазмом рассказывая о том, как попал в Ачинск, призывал всех к порядку и к поддержке нового правительства: «Воля народа должна получить свое выражение в Учредительном собрании». А пока он приветствовал Временное правительство, взявшее на себя задачу организации Учредительного собрания. В заключение своей речи он предложил выработать и послать новому правительству приветственную телеграмму. Предложение было принято под бурные овации, избрана комиссия в составе Каменева, городского головы и нескольких граждан. Ачинцам в телеграмме очень хотелось упомянуть Михаила Романова и отправить ему приветствие в связи с его отказом от короны. По их мнению, он стал первым гражданином Российской Республики. Каменеву идея не понравилась – отправлять монаршей особе приветствие, вот еще. Но большинство на этом очень настаивало, да и атмосфера праздника воодушевляла. В итоге Каменев согласился и зачитал составленный текст: «Председателю Совета министров

Львову, председателю исполнительного комитета Государственной думы Родзянко. Экстренное собрание, созванное городским общественным управлением в составе представителей всех общественных, воинских частей и граждан города Ачинска, при участии нижних чинов и офицеров всех воинских званий, постановило признать исполнительный комитет Государственной думы и новый Совет министров и принимать к руководству и исполнению распоряжения нового правительства, кроме того, постановлено просить передать приветствие гражданину России великому князю Михаилу Александровичу, показавшему пример подчинения воле народа в Учредительном собрании». Собрание одобрило телеграмму аплодисментами^[68]. Тогда Каменев даже и представить себе не мог, какую роль сыграет в его жизни эта телеграмма в дальнейшем. А недоброжелатели тут же воспользовались всей этой историей.

В журнале «Багульник» города Иркутска вышла статья «Гражданин Ю. Каменев». В ней авторы писали о «грубой и печальной» ошибке Каменева, называя его «известным литератором». Удивительно, что в этой статье указывался его старый псевдоним, хотя он давно уже был известен как Лев Каменев, и, конечно, не в качестве литератора, а как активный политический деятель. Недоброжелатели обвиняли его в том, что он, «выступая 3 сего марта в Ачинске на многолюдном митинге... агитировал за отправку приветствия великому князю Михаилу Александровичу по поводу отречения его от престола, что и было принято собранием». В статье подчеркивалось, что тем самым он «зовет экспансивную массу к преклонению перед гражданским подвигом последыша династии»^[69]. Изначально никто и не обратил на провинциальную статью никакого внимания. Да и было не до этого.

" ГРАЖДАНИН Ю. КАМЕНЕВ ". 11

Когда приходится спешно реагировать на события, делаешь неизбежные ошибки. Но есть ошибки вредные, которые следует оговаривать.

Такую ошибку сделал, на наш взгляд, небезизвестный литератор марксист Ю. Каменев / Розенфельд /, - сосланный в Сибирь вместе с с.-д. депутатами 4-й Думы, - из г. Ачинске.

Литератор Ю. Каменев уже сделал в свое время грустную ошибку в Петрограде, не сумев занять в суде, как и товарищи его по процессу, должной позиции. Нынешняя его ошибка не менее груба и печальна.

Выступая 3-го сего марта в Ачинске на многолюдном митинге и удостоившись оваций участников собрания, литератор Ю. Каменев, - как сообщает " Енис. Край " / № 53 /, - призывал собравшихся к безусловной поддержке временного правительства и агитировал за отправку ПРИВЕТСТВИЯ ВЕЛ. КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ по поводу отречения его от престола, что и было собранием принято.

Передавший это корреспондент " Енис. Край " с восторгом останавливается на успехе ГРАЖДАНИНА Ю. КАМЕНЕВА у участников митинга. Мы позволяем себе остаться, оценивая этот успех, при особом мнении, а именно:

Представитель с.-д. партии мог призывать к поддержке временного правительства лишь ПОСТОЛЫУ, поскольку оно честно выполняет перед народом свои обязательства. Плох тот марксист, который призывает к поддержке БЕЗУСЛОВНОЙ. Но еще хуже тот социал-демократ, который, учитывая всю склонность масс к иллюзиям и отнюдь не переоценивая гражданского смысла отказа великого князя при неличной ситуации, зовет экспансивную массу к преклонению перед гражданским подвигом последней династии.

Нехорошо, гражданин Каменев, не хорошо.

НИК. Н-ВИЧ.

Журнал " БАГУЛЬНИК " № 5 Март 1917 г. Иркутск Преображенская д. 24.

Статья «Гражданин Ю. Каменев», опубликованная в журнале «Багульник»

5 марта 1917

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 181. Д. 84. Л. 11]

Каменев, Муранов и Сталин собирались уезжать в Петроград. 8 марта весь город пешком провожал их до вокзала. И вот 12 марта 1917 года они одни из первых на поезде прибыли в Петроград, столицу новой России. Недолго думая, они приняли решение провести расширенное заседание ЦК на квартире редактора газеты «Социал-

демократ» Михаила Ольминского и, не дожидаясь возвращения других большевиков из эмиграции, взять газету «Правда» в свои руки. Уже 14 марта в свет вышел ее новый номер со статьей Сталина «О Советах рабочих и солдатских депутатов» и статьей Каменева «Временное правительство и революционная социал-демократия»^[70].

Глава 3

«Апрельские тезисы» Ленина

Март - апрель 1917

В апреле Каменев с нетерпением ожидал возвращения из Швейцарии Ленина и своего друга Зиновьева. Их поезд выехал из Цюриха 27 марта. Но путь был не простой, им нужно было преодолеть много государственных границ, а в первую очередь пересечь Германию, с которой Россия вела войну.

Группа русских политэмигрантов в Стокгольме по пути из Швейцарии в Россию. Второй слева – М. Г. Цхакая, далее – Г. Е. Зиновьев с сыном, Н. К. Крупская, Е. Ф. Усиевич, Г. А. Усиевич, Р. А. Сковно, К. Линдхаген, В. И. Ленин (с зонтом в руке), Т. Нерман

31 марта (13 апреля) 1917

[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 21]

Я нижеподписавшиеся удостоверяю своей подписью:
1/ что условия, установленные Платтеном с торжественным посольством,
мне объявлены;

2/ что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки, Платтена;

3/ что мне сообщено известие из "Welt", согласно которому русское
временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государствен-
ственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4/ что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю
на себя;

5/ что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

9 апреля 1917
Берн-Цюрих.

Н. Кернштейн
Т. Сафаров
Н. Слюсарев

М. Ульянова
А. Константинов
Г. Зюлов

Ирина Арменко
В. Мокрицкий

А. Андреевич
С. Калуж

~~Зина~~ Работильская

М. Губерман
Б. Гусев

Маша

М. Казимир

Людмила Трубецкая

С. Мейерсон

Л. Словин

Д. Ражен

П. Работильская

Т. Работильская

Расписка русских политэмигрантов, участников проезда через
Германию, в том, что им известны условия проезда и они обязуются их
выполнять

27 марта (9 апреля) 1917

Подлинник на русском и немецком языках. Машинописный текст,
подписи - автографы В. И. Ленина и других [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д.
4522. Л. 1]

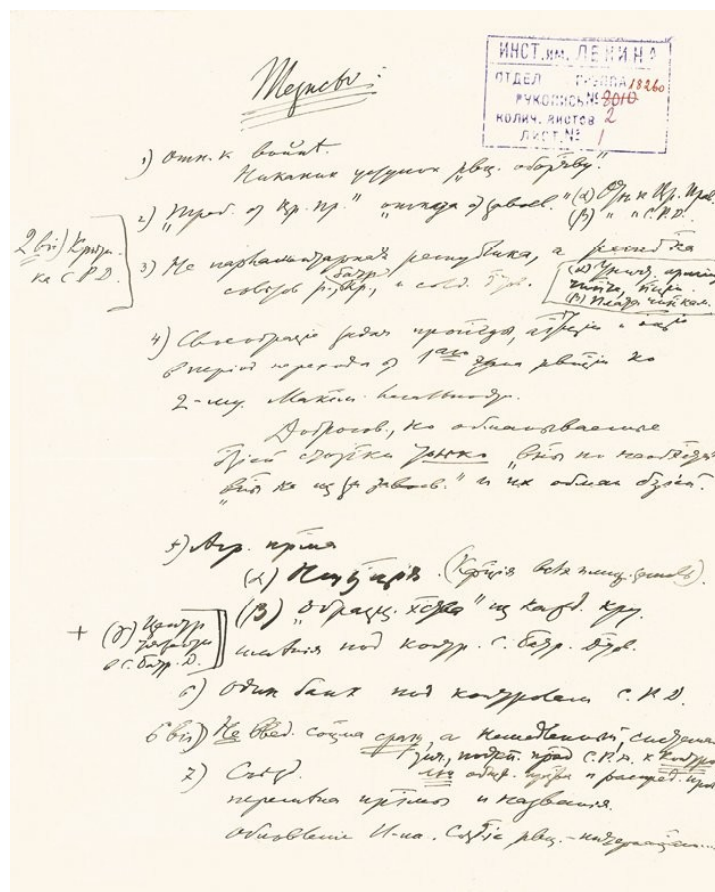

*Владимир Ильич Ленин
Цюрих. 1916
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 20]*

Именно поэтому Ленин и его попутчики ехали в «запломбированном» вагоне до самого Засница^[71], а там пересели на паром «Королева Виктория» и направились в шведский город Треллеборг. Оттуда вновь на поезде с остановкой в Стокгольме, с трудом преодолев шведско-финскую границу, они въехали в Россию.

В Петрограде на Финляндском вокзале готовилась торжественная встреча Ленина. Но Каменев и Сталин хотели раньше всех встретить Владимира Ильича, поэтому 3 апреля в 9 часов вечера с небольшой группой товарищей и сестрой Ленина Марией Ульяновой встретили поезд на станции Белоостров^[72] и уже вместе с ним в 23 часа 10 минут прибыли в Петроград^[73].

На следующий же день торжественная обстановка сменилась недоумением. Ленин в Таврическом дворце перед участниками Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов выступил со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами», которые написал в поезде, и не просто удивил всех, а шокировал ими всех присутствующих. «Никакой поддержки Временному правительству», «абсолютный отказ от революционного оборончества», «не парламентская республика, а Республика Советов», упразднение полиции, армии и бюрократического аппарата.

Все это вызывало возмущение не только у меньшевиков, но и у большевиков. Меньшевики называли это ни больше ни меньше бредом сумасшедшего, так как они безоговорочно поддерживали Временное правительство. В своей газете «Единство» они начали большую кампанию против большевиков. Их идейный лидер Георгий Плеханов и вовсе обвинял Ленина в разжигании гражданской войны. Появилось много сплетен и слухов вокруг большевиков: немецкие деньги, германские шпионы, союзники черной сотни. Досталось и Каменеву.

Каменев возмутился. Одно дело провинциальная газета, другое – газета Петрограда. Оставить это без ответа он не мог. Посоветовавшись с Лениным и Зиновьевым, Лев Борисович решил в газете «Правда» опубликовать опровержение. Он подготовил статью, и после небольшой правки Ленина, уверенного, что вся эта история с телеграммой выдумка, 8 апреля 1917 года она была напечатана под названием «Нелепая выходка». В ней Каменев указывал, что это все «совершеннейшие пустяки». Правда заключается только в том, что он действительно присутствовал на митинге в Ачинске и его выбрали в комиссию для посылки телеграммы от Ачинской думы о присоединении к революции. В телеграмме, подчеркивал он, помимо его воли упоминалось, что «все должны последовать примеру гражданина Михаила Романова, показавшего пример подчинения воле народа в Учредительном собрании». И подписал ее городской голова, а не Каменев ^[74].

Но редакция газеты «Русская воля» продолжила свои нападки с целью дискредитации Каменева. В этот же день она печатает статью под названием «Сейчас брюнет – сейчас блондин», добавляя от себя: «Каменев, оказывается, совершает свое политическое поприще под псевдонимом, ибо, по существу, он есть не Каменев, но Розенфельд. Мы уже не раз упоминали о полном неприличии псевдонимных приемов в политической деятельности» ^[75].

Чего этим старались добиться, угадать сложно. Тем более что большинство социал-демократов работали в подполье и поэтому писали под псевдонимами. Возможно, хотели подчеркнуть его национальную принадлежность.

Последовательный "правдист".

В издающемся в г. Иркутске журнале "Байкалец" встречаем заметку под заглавием "Преддани Ю. Каменев":

"Когда приходится спешно реагировать на события, делаем немалые ошибки. Но есть ошибки вредные, которые следует оговаривать

Такую ошибку сделал, на наш взгляд, небезызвестный литератор-марксист Ю. Каменев (Розенфельд), сосланный в Сибирь вместе с с.д. депутатами 4-ой Думы в г. Ачинск.

Литератор Ю. Каменев уже сделал в свое время грустную ошибку в Петрограде, не сумев занять в суде, как и товарищи его по процессу, должной позиции. Нынешняя его ошибка не менее груба и печальна.

Выступая 3 сего марта в Ачинске на многолюдном митинге и удостоившись оваций участников собрания, литератор Ю. Каменев, как сообщает "Енисейский Край" (№ 53), призывал собравшихся к безусловной поддержке Временного Правительства и агитировал за отправку приветствия вел. князю Михаилу Александровичу по поводу отречения его от престола, что и было собранием принято."

("Единство").

("Русская Воля", № 51, пятница 7-го апреля 1917 г., стр. 3)

Статья «Последовательный правдист», опубликованная в газете «Русская воля»

7 апреля 1917

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 10]

Поддержка Ленина в этом щекотливом вопросе не помешала Каменеву спорить с ним об отношении к Временному правительству. Казалось бы, Ленин поддержал тебя, поддержи и ты его. Но это было не в характере Льва Борисовича. В том же номере с опровержением обвинения в отправке телеграммы вышла его статья «Наши разногласия», где он не просто подвергал критике «Апрельские тезисы» Ленина, но указывал, что это личная позиция Ленина и к партии она не имеет никакого отношения. Каменев категорически отрицал законченность буржуазно-демократической революции и необходимость «немедленного перерождения этой революции в революцию социалистическую».

"Сейчас брюнет - сейчас блондин".

"Единство" перепечатывает из иркутского журнала "Багульник" заметку под заглавием "Гражданин Я. Каменев".

"Когда приходится спешно реагировать на события, делаем неизбежные ошибки. Но есть ошибки вредные, которые следует оговаривать.

Такую ошибку сделал, на наш взгляд, небезизвестный литератор-марксист Я. Каменев (Розенфельд), сосланный в Сибирь вместе с с.-д. депутатами 4-ой Думы в г. Ачинск.

Литератор Я. Каменев уже сделал в свое время грустную ошибку в Петрограде, не сумев занять в суде, как и товарищи его по процессу, должной позиции. Имениная его ошибка не менее груба и печальна.

Выступая 3-го сего марта в Ачинске на многолюдном митинге и удостоившись оваций участников собрания, литератор Я. Каменев как сообщает "Енисейский Край" (№ 53), призывал собравшихся к безусловной поддержке Временного Правительства и агитировал за отправку приветствия великому князю Михаилу Александровичу по поводу отречения его от престола, что и было собранием принято".

Кроме общей курьезности позиции г. Каменева, изображаемой в заметке "Единства", "Багульника" и "Енисейского Края", представляется совершенно недоуменным еще и то обстоятельство, что г. Каменев, оказываясь, тоже совершает свое политическое поприще под псевдонимом, ибо, по существу, он есть не Каменев, но Розенфельд. Мы уже не раз упоминали о полном неприличии псевдонимных приемов в политической деятельности.

("Русская Воля", суббота 8-го апреля
1917 г. № 52, стр. 2)

Статья «Сейчас брюнет - сейчас блондин», опубликованная в газете «Русская воля»

8 апреля 1917

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 12]

В итоге Петроградский комитет 7 апреля 13 голосами против двух не поддержал Ленина, а Каменев продолжил отстаивать свою точку зрения. 12 апреля в «Правде» вышла еще одна его статья «О тезисах Ленина». Каменев настаивал, что предложения Ленина – это «великолепная программа» для первых шагов социалистической революции в Англии, Германии, Франции, но никак не для демократической революции в России^[76].

Однако все изменилось после кризиса Временного правительства. Нота министра иностранных дел П. Н. Милюкова от 18 апреля 1917 года правительствам Великобритании и Франции с заверением в участии России в войне до победного конца вызвала негодование населения и повсеместные рабочие и солдатские демонстрации. Это все привело не

только к отставке Милюкова и военного министра А. И. Гучкова, но и к образованию нового коалиционного Временного правительства с участием социалистов.

На VII Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б)^[77] «Апрельские тезисы» Ленина обсуждались уже под другим углом. Действия Временного правительства заставили Каменева пересмотреть отношение к позиции Ленина и смягчить свой напор. Но он, как и прежде, выступал против лозунга о свержении Временного правительства: «Буржуазно-демократическая революция не закончилась, а значит, буржуазная демократия не исчерпала свои возможности. Перспектива русской революции правильная, но Ленин оставляет активных политиков без программы минимум – с чем мы должны работать сейчас, вокруг чего мы должны сплотиться? Мы не доверяем Временному правительству, и, столкнувшись с организованными Советами, оно вынуждено будет отдать власть Советам. Но какая тактика должна быть у партии до этого момента?»

*Лев Борисович Каменев
1917-1918*

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 37]

Каменев призывал к контролю над Временным правительством, а не к демонстрациям и митингам с критикой его политики: «Лозунг о свержении Временного правительства не организует революцию, а дезорганизует. Мы слишком переоцениваем все то, что случилось в России. Сейчас нужно проводить работу по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии».

В итоге Каменев предложил свои поправки в резолюцию. Признавая основной задачей партии просвещение и организацию народных масс, он призывал «осуществлять бдительный контроль над действиями Временного правительства, побуждая его к самой решительной ликвидации старого режима». Кроме этого, он предлагал предостеречь всех от лозунга «свержение правительства», так как подобный лозунг может «затормозить ту длительную работу просвещения».

Несмотря на полемику, Ленин одержал победу, делегаты его поддержали большинством голосов. Все предложения Каменева были отклонены и в итоге принята резолюция Ленина^[78]. А значит, взят курс на социалистическую революцию.

Елена Дмитриевна Стасова
1913
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 26. Л. 29]

*Розалия Самойловна Землячка
1917
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54. Д. 24. Л. 65]*

На этом споры на конференции не закончились. Последним пунктом обсуждался состав Центрального комитета партии. Еще перед официальными выборами в кулуарах шептались и обсуждали кандидатов.

Каменев знал, что к нему скептически относятся многие большевики. Одни были недовольны его высказываниями и постоянными спорами с Лениным, другие никак не могли забыть и оправдать его поведение на судебном процессе 1915 года. Лев Борисович слышал, как Георгий Ломов^[79] на перекуре обсуждал его поведение на процессе. А идя по коридору на вечернее заседание конференции, он услышал, как Розалия Землячка^[80] с возмущением рассказывала Елене Стасовой^[81] о возможной причастности Каменева к царской охране: «Я вообще не понимаю, как Владимир Ильич после всего этого может предлагать того в состав ЦК. Как он может после всех этих слухов быть на ответственном посту?»

Увидев Льва Борисовича, она резко оборвала разговор. Не скрывая своего отношения к нему и не здороваясь, тут же удалилась вместе со Стасовой в зал заседания^[82].

Сам же Каменев относился к этому гораздо проще. Конечно, ему бы хотелось быть рядом с Лениным в ЦК, но, если бы его не выбрали, для него это не стало бы каким-то ударом и разочарованием.

29 апреля на заседании после оглашения Зиновьевым списков кандидатов начинается их обсуждение. И если Ленин и Зиновьев были утверждены единогласно, то после оглашения фамилии Каменева Николай Соловьев^[83] с места выкрикнул:

– Я беру слово против.

Выйдя на трибуну, он озвучил общие сомнения:

– Есть два мотива, по которым я беру слово против товарища Каменева – это два основных момента в его политической деятельности. Первый – это участие в процессе депутатов в начале 1915 года, его поведение в этом процессе. Второй момент – это приезд из ссылки, когда он в 9-м номере «Правды» допустил ложный пафос в словах «за пулю пулей»^[84]. В нем нет той кристальности, нет той выдержки, которые требуются от вождя РСДРП. Поэтому считаю кандидатуру Каменева невозможной.

Каменев даже не успел отреагировать. Ленин взял слово в его защиту:

– По второму пункту я не намерен говорить, во-первых, потому что не помню, а во-вторых, ведь многие товарищи колебались в первые революционные моменты. Первый пункт серьезнее, и в свое время поведение Каменева было осуждено ЦК. В Центральном партийном органе за границей было сказано, что поведение депутатов в процессе, а Каменева в частности, не допустимо. Этим инцидент был исчерпан. Некоторые товарищи считали, что эти меры были недостаточно строги, но, по моему мнению, достаточны.

Ленин подчеркивал, что нельзя из-за проступка возражать против кандидатуры Каменева и перечеркивать все его заслуги:

– Деятельность Каменева продолжается 10 лет, и она очень ценна. Он ценный работник как в Исполнительном комитете, так и в редакции... Что мы спорили с товарищем Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие товарища Каменева очень важно, так как дискуссии, которые ведете с ним, очень ценны. Убедив его после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах^[85].

Владимира Ильича поддержал Виктор Ногин^[86], который, как и Каменев, изначально выступал против «Апрельских тезисов»:

– В свое время вопрос о поведении товарища Каменева на процессе депутатов обсуждался в Московском областном бюро, и было решено привлечь его к ответственности. Но на областной конференции после горячих дебатов он был избран докладчиком по вопросу о войне. Тем самым ему было высказано полное доверие^[87].

В итоге защитная речь Ленина произвела должное впечатление. Каменева не просто избрали в Центральный комитет, он получил поддержку 95 человек из 109 и стал четвертым после Ленина^[88]. Лев Борисович был доволен и воодушевлен. 10 лет жизни прошли не зря.

Глава 4

На пути к революции. Каменев против Ленина

Апрель - октябрь 1917

Войдя в состав Центрального комитета РСДРП(б), Каменев не отступил от своего видения развития страны. Он продолжал спорить с Лениным и отстаивать свою точку зрения, печатать в «Правде» свои «умеренные» статьи. А после избрания на первом Всероссийском съезде Советов Всероссийского центрального исполнительного комитета стал членом его Президиума, причем единственным представителем большевиков. Но июльский кризис внес свои коррективы. 3 июля в Петрограде прошли антиправительственные демонстрации, вызванные недовольством положением на фронте и провалом июньского наступления российской армии. В связи с этим на экстренном заседании рабочей секции Петроградского совета, где ленинцы составляли большинство, было принято требование о взятии власти Советами. И даже «умеренный» Каменев в этот раз понимал, что надо воспользоваться случаем и возглавить демонстрацию.

«Мы не призывали к выступлению, – говорил Каменев, – но народные массы сами вышли на улицу, чтобы выявить свою волю. А раз массы вышли – наше место среди них. Теперь мы будем с ними. И наша задача теперь в том, чтобы придать движению организованный характер»^[89].

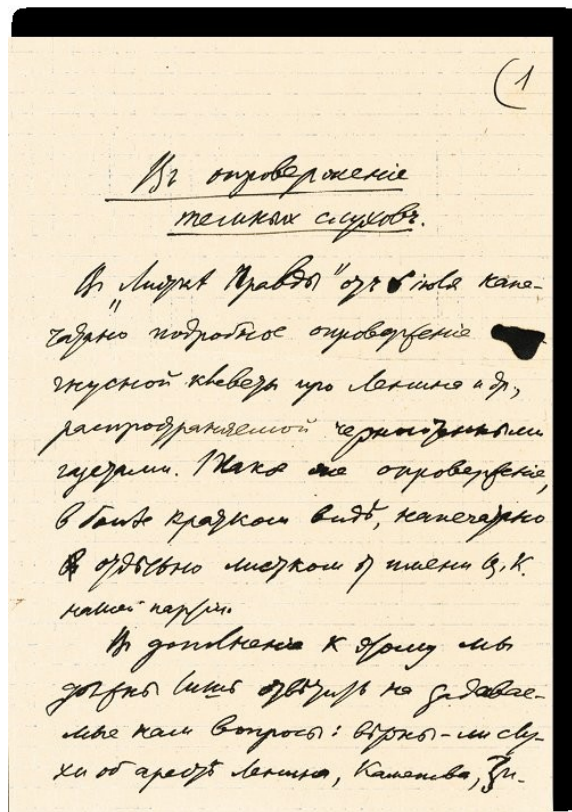

Л. Б. Каменев в группе участников июльской демонстрации в
Петрограде
Июль 1917
[РГАКФД. 0-276542]

В связи с этим Временное правительство развернуло кампанию против большевиков: была разгромлена редакция газеты «Правда», учинен погром в особняке Кшесинской, где заседал Петросовет. Самих большевиков обвиняли в государственной измене. Не дожидаясь ареста, Ленин и Зиновьев решили скрываться. Они обосновались в знаменитом шалаше на станции «Разлив». Каменев в этот раз снова всех удивил. Он решил остаться и предаться в руки правосудия, уверенный, что сможет доказать: он не организовывал антиправительственный мятеж и тем более не получал никаких денег из Германии. Ведь именно такие слухи ходили тогда вокруг большевиков. Но он, в отличие от Ленина, возвращаясь в Петроград, не пересекал границу, а значит, и претензий к нему никаких не должно быть.

Пока другие не понимали позиции Каменева, Ленин в очередной раз продемонстрировал свое доверие ему. Владимир Ильич опасался расправы и не был уверен, что выживет. Поэтому перед отъездом он передал Каменеву записку с просьбой издать его тетрадку «Марксизм о государстве». Именно эта тетрадка превратилась после в одну из самых известных работ Ленина «Государство и революция».

[illegible]

Статья В. И. Ленина «В опровержение темных слухов», отрицающая ложную информацию об аресте В. И. Ленина, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и других большевиков

7(20) июля 1917

Подлинник. Автограф

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4593. Л. 1-2]

Каменева арестовали 10 июля. И он не сомневался, что это все из-за обвинения в организации демонстрации и якобы шпионаже в пользу Германии. Он даже не подозревал, что было на него еще кое-что.

10 июня 1917 года следственная комиссия при Иркутском исполкоме общественных организаций сообщила, что при ревизии Киевского охранного отделения в документах обнаружена фамилия Розенфельд, партийная кличка «Каменев». Это означало, что Каменев мог быть агентом охраны. Притом приводились показания заведующего наружным наблюдением Иркутского жандармского управления Димитрюка, что «в 1908 году или начале 1909 года после ареста Каменева и двухчасовой беседы с начальником Киевского охранного отделения Николаем Кулябко [Каменев] поступил секретным

сотрудником». Этот вывод сам Димитрюк сделал из-за того, что Каменева отпустили и Кулябко поручил Димитрюку выдать Каменеву 100 рублей. По его словам, эту сумму он отправлял каждый месяц до 1911 года^[90].

Каменев, находясь в заключении в «Крестах», ожидал, что ему быстро предъявят обвинение, на которое он даст заготовленный ответ. Но дни шли, а никаких обвинений ему не предъявляли. Просидев неделю и не дождавшись никаких объяснений, Каменев написал письмо в ЦК с просьбой о помощи: «Я отдал себя в распоряжение судебной власти, ибо доверился авторитету СР и СД... что мне немедленно предъявлено будет обвинение судебными властями, и я получу возможность представить все объяснения. А в то время самым фактом заключения я лишен возможности публично бороться с гнусной клеветой о моей причастности к деньгам или вообще к планам германского правительства и привлечь к ответственности лжецов, выдвигающих это обвинение в целях политической борьбы без каких-либо фактов в руках. Вместо разборки дела, ради которого я пошел в тюрьму, получилась ловушка, в которую я брошен, обезоруженный перед лицом политических врагов... Я требую, чтобы мне немедленно были предъявлены факты и данные, которые дают кому бы то ни было право заподозрить меня в связи с германским правительством». Каменев просил ЦК «командировать» кого-либо из своего состава для присутствия на допросе при предъявлении обвинения^[91].

Центральный У. Ком. С. Р. и С. Д.

Из отложения на заседании, отложено
ввиду в Москве 16/10/1917

Судом неоплачено равно равно как с заключением
в тюрьму. Судом сев в процессуальные суды
близко, но добровольно адвокату С. Р. и С. Д. по решению
"судебных гарантий" в заседании главного председателя
Г. И. К. Химанова и Николаевского, что имеет значение
лишь - при условии суда немо гарантировать
обвинение судьи и немо взыскать из казны
возможность представить все обвинения, которые
они в то время с не вдова по одному предлогу
были судьи в суде, или и предвзято к ним
какого обвинение "з" по сев по не вдова

А в то же время самим государством заключением
в смысле взыскания, возможно гаранти
с судом взыскания - о месте приговора, к гаранти
или вдова к какому и какому приговору
и взыскания и обвинительности, обвинительности
это обвинение в том же обвинении. Судом же вдова
Кавказ - вдова гаранти вдова. Судом же вдова
губа, ради которого с немо в тюрьму. Судом же
обвинения, в тюрьму в тюрьму, обвинительности
судом обвинительности вдова и на вдова и вдова.
Много вдова вдова обвинительности.

Судом С. Р. и С. Д. и много обвинительности, он должен
возможность обвинительности вдова обвинительности
судом же вдова обвинительности и обвинительности
Он обвинительности, что он обвинительности Судом
в обвинительности обвинительности обвинительности
в обвинительности

Я пишу, ты же имеешь право быть представленным
факты и данные, которые дают кому-то право
право заимствовать, имея связь с
принадлежит правительству. - дабы их мог кто-то
открыть и не ты же ты обвинил в том
своем алиментном суде стенограмм, которые
как оно на меня было написано.
Я пишу, ты же имеешь право быть представленным
моями фактами, которые являются фактами
официальных / государственные, или, которые являются
формировать против меня обвинение в том, что
является или имеет связь с правительством.
Я пишу, какую мысль и К. К. командировал
кого-либо и своего состава ф.у. при судении при
мне, следовательно судьям, которые с ними
судят при первом допросе.
Я пишу, ты же имеешь право быть представленным
судьям, мои факты, ты товарищи, которые
от полученных от установили, что ты не
фактически, ты же, представляешь себя в руках судьи
судья, согласно кассации У. и К.
Я писал тебе. Ты же судья. Ты же судья
мне. Я пишу тебе о фактах, которые являются
чуждым, как чуждым изданию.
Л. Б. Каменев
16. VI 1917, Крив.
Я пишу Н. С. Каменеву, что судья У. и К. Р. и
ф.у. судья алиментного суда, судья
и имеет свои суды. Я пишу тебе, что
ты же судья.
Судья, который является по кассации, У. и К. Р.
16. VI 1917, Крив.

Письмо Л. Б. Каменева в ЦК РСДРП(б) о своем положении в
заключении

16 июня 1917

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 102. Л. 3-3 об.]

Париж прожил до января 1911, а потом
переехал в Вильну, где прожил 4-5 месяцев,
откуда опять вернулся в Париж и вернулся
в Россию летавшим в августе 1913 года, по-
сле того, как по справкам в Дамаске и
у Ближнего Востока, что да нам
интересно не таскился. — В своем деле
было один раз по приговору Судебной
Палаты в 1915 году. — В Вильну
сл. Либера-Тамара Ф. Дамас (Турция)
А. Топор

465
ТАМБОВСКИЙ ДВОРЕЦ.
Показания О. Д. Каменевой ^{Каменевой} о том, по
чьей Каменева, Данила Л. Б. Каменев в союзе
Данила, Данила и Либера.

Каменев был арестован весной 1908 г. в Петрограде,
был объявлен под домашним арестом, его же
зада; из Петербурга он поехал на Кавказ к семье,
откуда в августе с семьей выехал в Кер-
сонскую губ. — Из деревни в августе поехал
в Петроград для исполнения поручения
Данила, Данила же пропал. Каменев
ему выехать не удалось, и он уехал
в Керсонскую губ. — Приехавший
под домашний арест, Каменевский поручение
Данила Л. Б. Каменева, Данила же его ма-
тери, что ему лучше ехать, о чем
да телеграфировала из Петербурга Л. Б.
Каменеву — по поручению Данила же телеграфировала

Показания О. Д. Каменевой об аресте Л. Б. Каменева в 1908 году
25 июля 1917

Да, Каменева не допрашивали. Но это не значит, что следствие не велось. 25 июля следователи вызвали на допрос его супругу Ольгу Бронштейн. Ее не спрашивали о германских деньгах или шпионаже в пользу Германии. Следователей интересовало одно – арест Каменева в 1908 году и его деятельность после выхода из заключения.

Ольга Давидовна подтвердила, что освобожден Каменев был под залог, который выплатила его мать. А после он находился за границей вплоть до марта 1913 года. Вернулся в Россию легально, так как за ним не числились никакие судебные дела и не существовало запрета на приезд^[92].

27 июля на допрос наконец-то вызвали самого Каменева. При этом ему так и не предъявили никакого обвинения. Более того, ему сообщили, что пока на руках у следователя нет обвинений против него, а допрашивают его сейчас «для быстроты дела по специальному поручению прокурора»^[93]. Каменев был возмущен. Получается, он три недели просидел в заключении без формального обвинения. И ему даже не дали подписать протокол допроса. В связи с этим он написал обращение к прокурору Петроградской судебной палаты с просьбой предоставить ему судебные гарантии и вести нормально его дело.

Лев Борисович уже заподозрил, что его таким образом хотят переманить на сторону контрреволюции. Поэтому в обращении четко обозначил свою позицию: «Ни в какие сношения с контрреволюцией я вступать не буду и настойчиво прошу предоставить мне обвинение судебным порядком»^[94].

Каменева выпустили из тюрьмы 4 августа без каких-либо объяснений. Пока он пребывал в «Крестах», прошел VI съезд РСДРП(б), на котором его снова выбрали в состав ЦК, и снова он оказался на четвертом месте, разделив его с Троцким.

Т. Промышлен. Кемпергаден
Геден. Навстр.

[illegible]

Так как имеет место иностранное вмешательство в
отношения "Метрострой" с "А" — предположительно, с "О" —

*Лев Борисович Каменев
23 августа 1917
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]*

После мятежа генерала Лавра Корнилова^[95], 15 сентября, Ленин из Финляндии прислал ЦК два письма («Марксизм и восстание»), в которых поставил вопрос о немедленной подготовке вооруженного восстания с целью захвата власти. Всех ошеломило подобное предложение. А Каменев... Каменев вновь был не согласен. Он оставался верен своим взглядам и настаивал на необходимости укрепления завоеваний Февральской революции.

Сталин предложил разослать письма Ленина в наиболее важные организации с предложением обсудить их. Каменев же настолько разозлился на Ленина за его призыв, что хотел без всякого обсуждения отвергнуть все написанное в этих письмах. Он призывал все организации слушать только ЦК! Никаких выступлений на улицу. А Ленин... Каменев предлагал ему изложить свои мысли об оценке текущего момента и политике партии в особой брошюре^[96]. Это была неслыханная дерзость даже для Каменева.

ЦК, конечно, прислушался к Ленину, а предложение Каменева отверг. Но все же было решено принять меры к тому, чтобы никаких выступлений в казармах и на заводах не происходило. Хотя именно их Ленин считал двигателем и источником спасения революции. «Там нерв жизни», – говорил он.

Еще одним предметом спора между Лениным и Каменевым служил Временный совет Российской Республики, созданный в качестве представительного органа всех партий до созыва Учредительного собрания, более известный как Предпарламент. 22 сентября Каменев и Троцкий были выбраны в его Президиум. Однако Ленину не нравились ни речи Каменева о поддержке Предпарламента, ни вообще пребывание большевиков в Предпарламенте.

Поэтому 5 октября 1917 года на заседании ЦК^[97] после большой дискуссии большинством голосов против одного Каменева Центральный комитет принял решение, что большевики должны уйти из Предпарламента. Это для Каменева было чересчур. Это противоречило всем его взглядам. Раз так, то он не хочет быть к этому причастен. В тот же день он написал обращение в ЦК: «Дорогие товарищи, я полагаю, что Ваше решение о выходе с первого же заседания “Совета Российской Республики” предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии. Подчиняясь решению партии, я вместе с тем прошу товарищей освободить меня от обязанностей в представительных органах (ЦИК и т. д.) и поручить мне какую-либо другую работу»^[98].

Но заявление Каменева просто проигнорировали. На ЦК его даже не обсуждали. А 7 октября, в день открытия Предпарламента, большевики покинули заседание под громкое улюлюканье и топот ног.

Заседание Ц. К. 10 октября.

Присутствовали: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Коллоджа, Дзержинский, Бубнов, Сокольников и Яковлев.

Председателем Свердлов.

- Порядок дня:
1. Румынский фронт
 2. Литовцы
 3. Минск и сов. фронт
 4. Печуцкий малекит
 5. Областной съезд
 6. Вывод войск

I Сообщение о Румынском фронте доклад т. Свердлов. На Румын. фронте состоялась соз-да. конференция всех отрядов. Выработан следующий текст. Были в Ц. К. (объединенно). Получили одобрение. Спрашивают, как относится к этому наш Ц. К.. Из 20 кандидатов выставляются 4 большевика.

Решено: Отказать с постановлением.

все это в связи с крестьянским возста-
нием и с поворотом народного доверия
к нашей партии (выборы в Москву), на-
конец, явное приготовление второй порции
повстанцев (вывод из Питера войск, подвоз
к Питеру казаков, окружение Минска
казаками и пр.) все это ставит на
очередь для вооруженное возстание.

Признавая таким образом, что воору-
женное возстание неизбежно и вполне
назрело. Ц.К. предлагает всем органи-
зациям партии руководиться этим и
с этой точки зрения обсуждать и раз-
решать все практические вопросы (с'езда
Совьетов Северной области, вывода войск
из Питера, выступление москвичей и ми-
нчан и т.д.).

Затем ставится вопрос о создании по-
литического бюро Ц.К.

что либо думать в этом направлении
Надо решиться на действия определенные
У.Н. Свердлов информирует о том, что
ему известно о положении дела во всей
России.
Принимается резолюция в следующем
виде: (высказываются за-10ч., против-2).
У.Н. признает, что международное поло-
жение русской революции (возмущение во Фран-
ции в Германии, как крайнее проявление
капитализма во всей Европе всемирной
социалистической революции, затем
угроза мира империалистов с целью
удушения революции в России) — так
и военное положение (несомненное раз-
рушение русской буржуазии и Керенского
с К^о сдать Питер немцам) — так
и приоткрытие большинства проле-
тарской партией в Советам,

Протокол заседания ЦК РСДРП(б), утвердившего резолюцию В. И.
Ленина о вооруженном восстании
10(23) октября 1917
Подлинник. Автограф М. И. Девель
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 59. Л. 86-93]

В ночь на 8 октября Ленин нелегально вернулся в Петроград. А уже 10 октября 1917 года на заседании ЦК РСДРП^[99] он заявил о необходимости вооруженного восстания. Он настаивал, что решительный момент близок.

«Равнодушие масс можно объяснить тем, — говорил Ленин, — что массы утомились от слов и резолюций. Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти... Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, явно бессмысленно... Нужно держать курс на восстание и решиться на определенные действия».

Несмотря на то что член ЦК и Военно-революционного партийного центра по подготовке вооруженного восстания Моисей Урицкий обратил внимание на дезорганизацию Петроградского совета и имеющихся вооруженных сил всего в 40 тысяч винтовок, большинством голосов была принята ленинская резолюция: «...

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы»^[100].

Это решение было принято десятью голосами против двух, а именно Каменева и Зиновьева.

Лев Борисович считал, что влияние большевизма растет и шансы большевиков на выборах в Учредительное собрание превосходны: «В революционной работе Учредительное собрание может опереться только на Советы. Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Он был не согласен и с тезисами, что за большевиков «уже большинство народа в России» и большинство международного пролетариата. Каменев указывал, что солдаты поддерживают большевиков за лозунг мира, а не войны, поэтому вооруженное восстание может их оттолкнуть: «Даже делегаты с фронта, которые ведут агитацию против войны, просят ораторов не говорить о революционной войне. Солдаты устали. Их это только оттолкнет».

Но Каменева не слушали.

11 октября 1917 года Каменев и Зиновьев сочли нужным еще раз объяснить свою позицию «против» и написали обращение в ЦК: «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции. Бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражения, чем сдаться без боя. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении: Нет и тысячу раз нет!»

Они призывали не забывать, что между большевиками и буржуазией стоит «третий лагерь» – мелкая буржуазия. Именно ее присоединение к большевикам, по мнению Каменева, и дало им победу во время корниловщины. А любой неловкий шаг, и тем более попытка вооруженного восстания, толкнет буржуазию в объятия кадетов.

Кроме этого, в обращении указывалось, что восстание может нанести удар и международной пролетарской революции, «нарастающей крайне медленно, но все же несомненно нарастающей». Каменев был уверен, что «гарантия победоносности восстания пролетариата в России» заключается в росте революции в Европе. А пока, по его мнению, нужно занять оборонительную позицию и ждать ошибок Временного правительства.

Кроме прочего в обращении задавался вопрос: «Действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу?» Каменев и Зиновьев уверенно отвечали – нет! При этом они пытались убедить ЦК, что влияние большевиков еще слабо в железнодорожных и почтовых

союзах, а служащие и рабочие задавлены нищетой, и это совсем не гарантирует поддержку восстания. Сейчас именно оно может «прервать успехи партии»^[101].

Однако Ленина было не переубедить. И 16 октября 1917 года после обсуждения «текущего момента» (именно так назывался вопрос о подготовке вооруженного восстания в повестке дня ЦК) он предложил резолюцию на очередном заседании ЦК – призвал все организации и всех рабочих и солдат ко всесторонней и «усиленной» подготовке вооруженного восстания. Казалось, всему ЦК не терпелось взять власть в свои руки, и только Каменев осознавал, что срок еще не пришел. Взяв слово, он решил объяснить, что именно так и нельзя делать восстание:

– С принятия резолюции прошла неделя. За эту неделю ничего не было сделано, и только испорчена та дисциплина, которая должна была быть. Аппарата восстания у нас нет. У наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос. За эту неделю ничего не сделано, ни в военно-техническом смысле, ни в продовольственном. Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе идти на восстание, но достаточно сильны, чтобы не допускать крайних проявлений реакции. Здесь борются две тактики, тактика заговора и тактика веры в силы русской революции^[102].

Шост. 917. 102. 30

Ч. м.,

На последнем заседании Ц. К. мы обсудили
в минувшем и в этом заседании против
примера Зейделя. Я буду вводить впро-
тамы со мной и профсоюз и особым,
прилагаемым при себе явлением, крайне
резюме профессора нами на заседании
рассказ и просит нас профсоюз сь наше
явление к продолжению собрания. Мы
сказали своим делом и поручились Петр.
Кол., Моск. Кол., Моск. Об. Кол. и Об. Рит. Кол.
с крест на наши явления. Разуме,
придавая нашим явлениям, в том,
кстати, будет и тогда без ислений.

Т. Зинтов
В. Каменев

Заявление Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, в котором они выразили свое несогласие с решением ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании 11(24) октября 1917
Подлинник. Автограф Г. Е. Зиновьева
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 33. Л. 30]

Уже заканчивая свою речь, Каменев понимал, что все бесполезно. ЦК все уже решил.

Сталин был категорически против высказывания Каменева. В этом вопросе он полностью стоял на стороне Ленина – если они будут отступать, то проиграют революцию.

Даже Зиновьев, в принципе называя восстание авантюрой, пытался лавировать и просил хотя бы дождаться съезда, чтобы обсудить этот вопрос на нем.

Каменев предложил принять резолюцию: не откладывая подготовительных шагов, считать, что никакие выступления, впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов, недопустимы.

Ленин был негибким:

– Восстание политически созрело. Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Учредительного собрания!

В итоге резолюцию Ленина поддержали 20 человек из 22. Для реализации задуманного был организован Военно-революционный центр. Против, как и ожидалось, проголосовали двое – Каменев и Зиновьев. Они требовали немедленного созыва Пленума ЦК.

Поняв, что его мнение просто игнорируется, Каменев в тот же день решил выйти из ЦК: «Не имея возможности защищать точку зрения, выразившуюся в последних решениях ЦК и определяющую весь характер его работы, и находя, что эта позиция ведет партию и пролетариат к поражению, прошу ЦК считать, что я более членом ЦК не состою»^[103].

Вместе с этим он решился еще на один отчаянный шаг. Если его не слышат в ЦК, то, может, партия его услышит через газету. Лев Борисович решил опубликовать свое мнение в газете «Новая жизнь», подготовив статью «Ю. Каменев о выступлении». Центральный комитет партии воспринял это как предательство. Ведь получается, что Каменев выдал секретное решение партии о начале вооруженного восстания. Одно дело, когда посторонние люди распространяли слух о подготовке большевиками восстания, другое – члены ЦК. Даже Ленин, который всегда снисходительно относился к его поступкам, заклеил Каменева позором.

18 октября Владимир Ильич написал письмо членам партии большевиков, в котором называл поступок Каменева штрейкбрехерством, позором и подлостью. За поддержку Каменева он

пропесочил и Зиновьева. Выступать против решения ЦК, да еще и заявлять об этом в непартийной газете – подумать только!

«Я говорю прямо, – писал Ленин, – что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии... Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут».

Ленин считал, что этой статьей Каменев нанес огромный практический вред реализации плана восстания, но все же был уверен, что задача будет решена и пролетариат победит^[104].

Зиновьев тут же попытался оправдаться. В тот же день написал письмо в редакцию газеты «Рабочий путь», в котором убеждал, что его взгляды «по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает Ленин». Но это только сильнее разозлило ЦК.

Льва Борисовича раздосадовала реакция Ленина. Но даже тогда он не пожалел о своем поступке. Он был уверен, что организация вооруженного восстания толкнет партию в пропасть, а попытка захвата власти обречена на провал.

20 октября на заседании ЦК решалась судьба Каменева. На заседании был зачитан написанный Лениным проект решения ЦК: «Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии»^[105].

Феликс Дзержинский^[106] поддержал позицию Ленина об исключении Каменева из партии и потребовал к тому же полного отстранения Льва Борисовича от политической деятельности. Свердлов и Троцкий не были столь категоричны, они лишь считали, что необходимо принять отставку Каменева – исключить из состава Центрального комитета.

Сталин же встал на защиту Каменева, сказав, что вопрос об исключении должен решать пленум. При этом он призывал сохранить единство партии, поскольку считал, что «исключение из партии не рецепт». Он даже предложил оставить Каменева в ЦК и насильно обязать подчиниться его решениям.

Однако большинство все же приняло отставку и Каменева, и Зиновьева. Впредь оба были обязаны не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы^[107].

Каменев боролся с собой. С одной стороны, он не мог молчать, видя, в какую авантюру впутываются его единомышленники, с другой – он рисковал вылететь из партии, а этого он никак не мог допустить. Быть в партии, работать для партии – вот все, что было тогда ему нужно. После долгих терзаний Каменев смирился с выбором ЦК – восстание так восстание, а там будь что будет.

Из-за накалявшейся революционной обстановки и желания уладить конфликтную ситуацию Ленин согласился отсрочить исключение Каменева и Зиновьева из ЦК.

24 октября утром в Смольном, когда собрался весь Центральный комитет, Каменев не просто присутствовал на заседании, он вел его, докладывая об основных вопросах, и предложил, чтобы ни один из членов ЦК не мог покинуть Смольный без особого постановления^[108]. А при распределении обязанностей между членами ЦК Каменеву досталось ведение переговоров с левыми эсерами.

В это время Петроград кипел событиями. Началось открытое противостояние Временного правительства и Военно-революционного комитета. Солдаты, подчинявшиеся ВРК, и юнкера вели бои за типографии, мосты, вокзалы, электростанции и Центральный телеграф.

708

Заседание 20го октября.

Присутствовали: Плеханов, Сталин, Волошинский,
Дурдинский, Зисовский, Горький, Свердлов, Митро-
хин, г-жа м. Колмановская.

Порядок дня:

1. Заявление Митрохина.
2. Заявление Волошина.
3. Заявление Горького.
4. Колмановская о безопасности.
5. Заявление по поводу ст. Митрохина.

I Заявление м. Волошина.

м. Свердлов читает письмо м. Волошина в ЦК.
м. Дурдинский предлагает потребовать от Каменева
полного отстранения от политической деятельности,
принимая во внимание, что Зисовский и Луцкий
вместе и в партийной работе участия не принимают.
м. Сталин считает, что председательница Долбо-
вова разрешено на присутств. и предлагает в данном
случае не решать.

заявления Каменева о том, что он напечатал от имени
своей редакции.

Принимается решение: вопрос К. и З. решен
сейчас. Принимается отставка Каменева за 5, против 3.

Относится решение до писемца - откладывается.

После этого в заседании К. и З. не выступают
ни с какими заявлениями против решения З. К.
и напечатанной им статьи. За 6.

Подписание т. Милошова, чтобы ни один член
З. К. не имел права выступать против при-
нятия решения З. К. 2225 33 2225 33

т. Сталин заявляет, что выводит из редакции.

После этого: в виду того, что заявление т. Сталина
в заседании К. отложено от имени редакции
должно быть одобрено в редакции, решено, не обра-
щать заявления т. Сталина и не принимать со-
ответствия прийти к определенному.

II Заявления вынесены

Сталинская т. Сталинская

Протокол заседания ЦК РСДРП(б), на котором обсуждались вопросы
о вооруженном восстании, позиции Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева и
об исключении их из партии

20 октября (2 ноября) 1917

Подлинник. Автограф Е. Д. Стасовой

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 59. Л. 101-106]

побится/ после взятия.

Было бы гибельной или фальшивостью ждать колеблющегося голосования. 25 октября народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой, народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, или а не ждать их.

Это доказала история всех революций и безвременно было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, продолжение мира спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало.

Промедление выстуживает смелость подобной

Сверля: Секретарь Ленинградистпарта

Т О Б А Р И Ц И.

Я пишу эти строки вечером 24-го; положение действительно критическое. Ясное ясно, что теперь уже поистине промедление и востанная смерть подобно.

Из всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами /хотя бы даже съездами советов/, а исключительно народами, массовой борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск Корниловцев, удаление Верховского, показывает, что ждать нельзя. Надо во что-бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив /победив, если будут сопротивляться/ жинеров и т.д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти сейчас: защита народа /не съезда, а народная армия и крестьян в первую голову/ от Корниловского правительства, которое прогнали Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть.

Это сейчас не важно: пусть возьмет ее Временно-революционный комитет или другое учреждение, которое заявит, что одает власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии /предложение мира сейчас/ интересам крестьян /взять должно сейчас, отменяя частную собственность/, интересам голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались сейчас и послали немедленно делегации в В-Революционный комитет в Ц.К. бо-ков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедление революционерам, которые могли победить сегодня /я намеренно победил сегодня/, рискуя тем, что много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель вы-

Письмо В. И. Ленина членам ЦК РСДРП о немедленном вооруженном восстании для захвата власти: «...промедление в восстании смерти подобно»

24 октября (6 ноября) 1917

Заверенная копия. Машинописный текст

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24944. Л. 1-2]

Уже настала глубокая ночь, но члены ЦК по-прежнему находились в маленькой комнатке на первом этаже Смольного. Кто-то от усталости спал прямо на полу, кто-то вместе с Лениным продолжал сидеть за столом. Каменев сидел на полу, оперевшись спиной о стену. Пребывая в мрачном настроении, не надеясь на положительный исход, он вместе со всеми ожидал новых известий. Время от времени стук в дверь – это новые сообщения о ходе событий^[109].

Ближе к рассвету появился председатель Петроградского военно-революционного комитета Адольф Иоффе и доложил об обстановке: какие мосты заняты, какие вокзалы блокированы, какие части гарнизона и отряды Красной гвардии подтягиваются к Зимнему дворцу и что в ближайшие часы отправятся корабли с десантом из Кронштадта^[110].

Все понимали, что вопрос еще до конца не решен. Да, перевес на стороне большевиков, но еще не взяты под контроль Государственный банк, Центральная телефонная станция, Варшавский вокзал, да и Временное правительство еще официально не сложило свои полномочия. Но даже Каменев признал, что революция свершилась, и после доклада Иоффе заявил:

– Ну, что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо создавать министерство^[111].

Позже член Петроградского военно-революционного комитета Владимир Милютин, присутствовавший на том заседании, вспоминал, что именно эта фраза Каменева заставила всех осознать – государственная власть в руках большевиков^[112].

Глава 5

Первый советский президент и дипломат. Ленин против Каменева Октябрь 1917 – сентябрь 1918

Вечером 25 октября в 21 час 40 минут начался штурм Зимнего дворца, а ровно через час начал свою работу II съезд Советов. Благодаря большому количеству большевиков среди делегатов ^[113] и их соглашению с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами в президиум съезда было выбрано 14 большевиков из 25 человек ^[114], в том числе и Лев Борисович Каменев, которого к тому же избрали председателем.

Каменев оглашал повестку дня заседания съезда под громы орудий Петропавловской крепости и выстрелы моряков-артиллеристов, разносившиеся над Невой.

Между партиями не было согласия, заседание проходило в шуме и криках. Меньшевики и эсеры открыто осудили вооруженное восстание и предлагали вести переговоры с Временным правительством. Большевики не собирались идти у них на поводу. В качестве протеста эсеры, меньшевики и бундовцы покинули съезд под крики и свист большевиков.

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ. Всероссійскій Съѣздъ Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, постановляетъ—

Образовать для управленія страной, впредь до созыва Учредительнаго Собранія, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будетъ именоваться Совѣтомъ Народныхъ комиссаровъ. Завѣдываніе отдѣльными отраслями государственной жизни поручается комиссиямъ, составъ которыхъ долженъ обезпечить проведеніе въ жизнь провозглашенной Съѣздомъ программы, въ тѣсномъ единеніи съ массовыми организациями рабочихъ, работницъ, матросовъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ. Правительственная власть принадлежитъ коллегіи председателей этихъ комиссій, т. е. Совѣту Народныхъ комиссаровъ.

Контроль надъ дѣятельностью народныхъ комиссаровъ и право смѣщенія ихъ принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Советовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и его Центральн. Исп. Комитету.

Въ настоящій моментъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ составляется изъ слѣдующихъ лицъ:

Председатель Совѣта—**Владимиръ Ульяновъ (Ленинъ);**
Народный Комиссаръ по внутреннимъ дѣламъ—**А. И. Рыковъ;**

Земледѣлія—**В. П. Милютинъ;**

Труда—**А. Г. Шляпниковъ;**

По дѣламъ военнымъ и морскимъ—комитетъ въ составѣ: **В. А. Овсѣнко (Антоновъ), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко;**

По дѣламъ Торговли и Промышленности—**В. П. Ногинъ;**

Народнаго Просвѣщенія—**А. В. Луначарскій;**

Финансовъ—**И. И. Скворцовъ (Стенановъ);**

По дѣламъ иностраннымъ—**Л. Д. Бронштейнъ (Троцкій);**

Юстиціи—**Г. И. Оппоковъ (Домовъ);**

По дѣламъ продовольствія—**И. А. Теодоровичъ;**

Почтъ и телеграфовъ—**Н. И. Авилловъ (Гѣбовъ);**

Председателемъ по дѣламъ національностей—**И. В. Джугашвили (Сталинъ).**

Постъ Народнаго Комиссара по дѣламъ желѣзнодорожнымъ временно остается незамѣщеннымъ.

Декрет об образованіи Рабочего и Крестьянскаго правительства, принятый на Второмъ Всероссійскомъ съѣздѣ Советовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ 26 октября (8 ноября) 1917 года
Рабочий и солдат. 1917. 27 октября (9 ноября)
Типографскій экз. [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 641. Л. 1]

*Лев Борисович Каменев в рабочем кабинете
1917-1918
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 15]*

В 3 часа 10 минут уже 26 октября после перерыва Каменев объявил о взятии Зимнего дворца и аресте всего Временного правительства. А вечером того же дня, по иронии судьбы, именно Лев Борисович, который так противился вооруженному восстанию, объявил всем:

– Съезд постановил, что он берет власть в свои руки!

После единогласного принятия «Декрета о мире», «Декрета о земле» Каменев зачитал декрет об образовании правительства во главе с Лениным, принятый большинством голосов^[115]. После этого под аплодисменты был избран новый состав Всероссийского центрального исполнительного комитета^[116], который стал высшим органом власти между заседаниями съезда Советов. И его председателем избрали Льва Борисовича Каменева^[117], а это означает, что он стал первым советским президентом.

Сам же Каменев достаточно легко отнесся к своей новой должности, да и голова была забита совсем другим. Выборы проходили в 5 утра, в прокуренном зале, и все настолько устали и вымотались из-за последних событий, что по окончании заседания всем хотелось только одного – поскорее лечь спать. Возвращаясь к себе домой на рассвете, Каменев думал, сколько всего теперь предстоит сделать и какая ответственность свалилась им на плечи. И тогда ему вспомнился отец. Он сожалел, что тот не дожил до этого момента.

Казалось бы, после такого ярого сопротивления вооруженному восстанию Каменев вообще не мог рассчитывать на какие-либо

руководящие должности. Но Ленин не разбрасывался своими соратниками. Он ценил Каменева и несмотря ни на что был уверен, что после победы Октябрьской революции тот увидит, как ошибался, и будет во всем Ленина поддерживать.

Однако все пошло не по плану. Каменев с первых же дней своего «президентства» не оправдал доверия Ленина. Став председателем ВЦИК, он не отказался от своих идей и принципов, он продолжал настаивать на создании коалиционного правительства и созыве Учредительного собрания.

Сразу после оглашения декрета об образовании рабочего и крестьянского правительства меньшевики, эсеры и другие политические партии стремились изменить его состав. Одним из самых активных противников большевистского правительства был созданный в августе 1917 года Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза, или по-другому Викжель^[118].

*Лев Борисович Каменев
Не позднее декабря 1917
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 3. Д. 31]*

29 октября он принял резолюцию о создании «однородного революционно-социалистического правительства». ЦК не мог это проигнорировать. Революция нуждалась в поддержке железнодорожников, все внутреннее сообщение в России зависело от

них. В тот же день ЦК и ВЦИК, обсудив этот вопрос, решили убедить Викжель занять их сторону. К ним отправилась делегация в составе Каменева, Сокольников и Рязанова. Цель была одна – отстоять свое правительство. Однако на переговорах делегация не смогла дать должный отпор, которого от них ждал ЦК. А дело заключалось в том, что сам Каменев считал важным создать социалистическое правительство из представителей разных партий. В итоге делегация заняла «соглашательскую позицию» даже в вопросе о назначении председателя Совнаркома. Викжель выступал против Ленина.

ЦК, взбешенный таким поведением, не собирался уступать председательствованию Ленина кому-то другому. Дзержинский настаивал на том, что делегация не справилась со своим заданием, и предложил отправить на переговоры других. Троцкий вообще не понимал, зачем было устраивать революцию, если у большевиков не будет большинства в правительстве и ВЦИКе.

Каменев пытался объяснить, что он лишь только передает мнение других партий из Викжеля. Но сам Ленин был непреклонен. Он заявил, что «дипломатия» Каменева должна быть прекращена немедленно, а с Викжелем и вовсе нужно прекратить какие-либо беседы:

– Переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, это было бы уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными. Нужно прийти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена^[119].

Каменев с этим никак не мог согласиться:

– Во время победы необходимо соглашение. Предлагаю прервать переговоры, но разрыв соглашения ставит нас под верный удар. В руках Викжеля большая сила, и если он станет против нас, то военной силы, быть может, окажется мало. Бороться можно только с Викжелем, но не против. Я стою за соглашение, но это не значит, что все предложения должны быть приняты.

Ленин вновь называл все это «колебаниями»:

– Ясно, что Викжель стоит на стороне Калединых и Корниловых. Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии. Здесь никто не доказал, что низы против нас. Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят.

Каменев продолжал настаивать на своем. 2 ноября 1917 года на заседании ВЦИК левые эсеры внесли ультимативное требование пересмотра вопроса об условиях соглашения с партиями. И Каменев пошел им навстречу. Лев Борисович, пользуясь тем, что на заседании ВЦИК из 101 члена присутствовало всего 40 человек, протолкнул свою резолюцию: «Центральный исполнительный комитет считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех

социалистических партий из Советов... которые признают завоевания революции 24–25 октября, т. е. власть Советов, декреты о земле, мире, рабочем контроле и вооружении рабочих»^[120]. При этом ЦИК предполагалось расширить до 150 человек. К ним планировалось добавить 75 делегатов от губернских Советов, 80 – от войсковых частей и флота, 40 – от профсоюзов. Конечно, все это с условием, что в правительстве не менее половины мест должно быть занято большевиками.

Резолюция Каменева шла вразрез с позицией ЦК. Ленин вовсе считал недопустимым отказ от чисто большевистского правительства. 3 ноября на заседании ЦК большинство во главе с Лениным обратилось к меньшинству во главе с Каменевым: «...представители меньшинства, как до вчерашнего заседания ЦК, так и после заседания, вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии и деморализующую наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность... Обращаясь к меньшинству ЦК с настоящим заявлением, мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая сформулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина». При этом в случае неподчинения оппозиции предлагалось «перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы партийной организации»^[121].

Именно тогда Каменев первый раз услышал, что его причисляют к оппозиции. Его, который жил ради партии. Но это Каменева никак не напугало. Он был уверен, что прав он, а заблуждается Ленин. На следующий день в знак протеста Лев Борисович по собственному желанию вновь вышел из ЦК. И в этот раз у него имелась поддержка. Вместе с ним из ЦК вышли наркомы Виктор Ногин, Алексей Рыков, Николай Милютин. Ленин, взбешенный их отношением к «делу революции», называл их попросту дезертирами.

5 ноября ЦК предъявил Каменеву ультиматум: «Вы, не ограничиваясь критикой внутри партии, вносите колебания в ряды борцов незаконченного еще восстания и продолжаете, нарушая партийную дисциплину, срывать вне рамок нашей партии, в Советах, в муниципальных учреждениях, в профессиональных союзах и т. п. решения ЦК и тормозить его работу. Ввиду этого ЦК вынужден повторить свой ультиматум и предложить вам либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты в рабочем движении, впредь до партийного съезда. Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии»^[122].

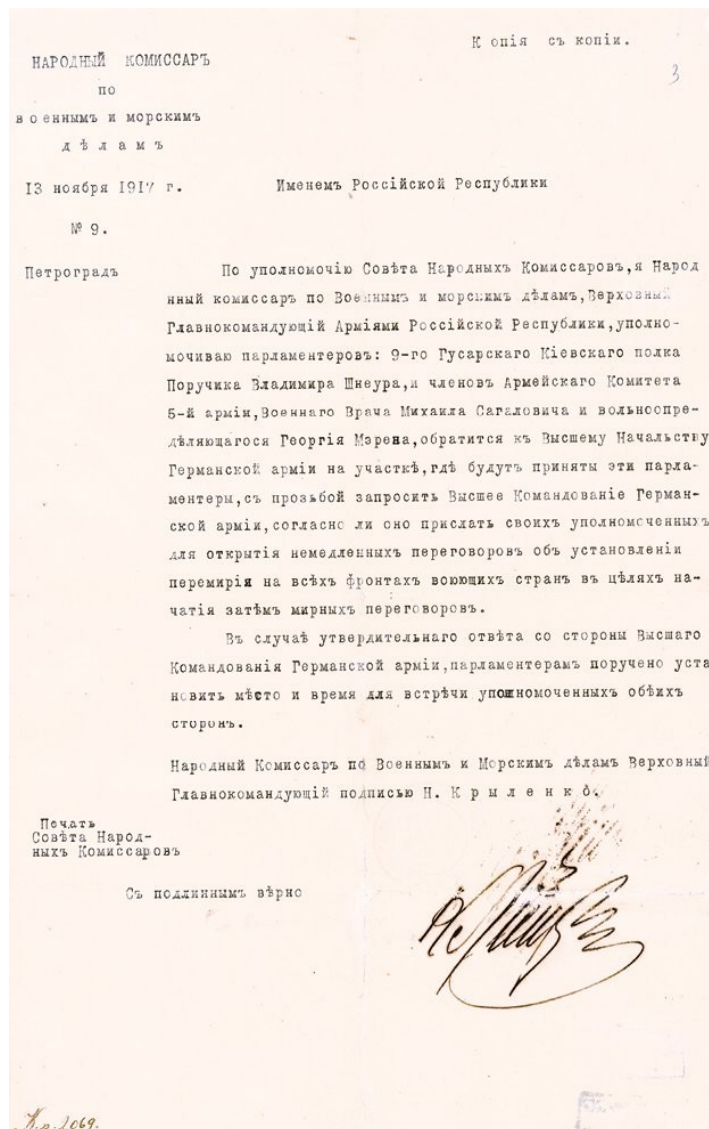
Каменев готов был отказаться от любых постов, но вот исключения из партии он допустить не мог. И до последнего надеялся, что до этого дело не дойдет. И оказался прав.

На заседании 8 ноября ЦК принял решение отстранить Льва Борисовича от председательства во Всероссийском центральном исполнительном комитете в связи с «несоответствием между линией ЦК и линией Каменева»^[123]. На его место был избран Яков Свердлов.

Лев Борисович безболезненно покинул пост советского президента. Он никогда не гнался за должностями. Самым главным он полагал оставаться в партии и постараться уберечь ее от неправильных решений. Он был из тех людей, которые с пеной у рта готовы доказывать свою правоту, не отдавая себе отчета, какие их ожидают последствия. За это он не раз еще поплатится.

Владимир Ильич не желал в столь трудное время терпеть рядом с собой оппозицию. 29 ноября Каменев попытался восстановиться в ЦК, но Ленин ему отказал. При этом он прекрасно понимал возможности и таланты Каменева. Ленин предложил направить Льва Борисовича на дипломатическую работу.

18 ноября Каменев в составе советской делегации отправился в Брест-Литовск для ведения мирных переговоров с Германией. Понимая всю важность переговоров и осознавая себя представителем народной власти, Каменев достаточно ярко себя проявил. В этом ему безусловно помог и его ораторский талант. По мнению Каменева, российская армия терпела поражение в войне только из-за того, что «солдатам нечего было защищать, так как они не владели ни землей, ни промышленными предприятиями». Сейчас, считал он, народ готов встать на защиту государства, но средств на войну у России нет. Всеобщий мир необходим^[124].

*Приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о начале переговоров с Германией и заключении перемирия
13(26) ноября 1917
Заверенная копия. Машинописный текст
[РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 137. Л. 3]*

Первоначальную задачу, а именно вести переговоры о всеобщем мире без аннексий и контрибуций, делегация выполнить не сумела. Но 2 декабря благодаря заслугам Каменева и советского дипломата Адольфа Иоффе России удалось подписать договор о перемирии с Болгарией, Германией, Австро-Венгрией, Румынией и Турцией.

*Яков Михайлович Свердлов
1918
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 673]*

Предполагалось, что Каменев и дальше продолжит вести переговоры. 23 декабря 1917 года ему выдали удостоверение о его полномочиях в составе делегации для ведения переговоров о заключении мира между Российской Республикой и державами Четверного союза^[125]. На III Всероссийском съезде Советов он триумфально выступил с речью о мирных переговорах. На волне эйфории сразу после съезда Каменев решил опубликовать отчет о том, что происходило в Бресте, и выпустил брошюру «Борьба за мир», где подробно рассказал о ходе переговоров и опубликовал основные документы.

*Советская делегация на мирных переговорах в Брест-Литовске.
Сидят слева направо: Л. Б. Каменев, А. А. Иоффе, А. А. Биценко; стоят:
В. В. Липский, П. И. Стучка, Л. Д. Троцкий, Л. М. Карахан
Январь 1918
[РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]*

За эту выходку Каменева решили отстранить от ведения дальнейших переговоров и сослали с партийным заданием в Европу – наладить официальный контакт между Советской Россией и Францией. Каменев на самом деле с симпатией относился к странам Антанты и искренне верил, что между ними возможен диалог о необходимости всеобщего мира. В феврале 1918 года он вместе с Иваном Залкиндом на корабле отправился в Западную Европу через Великобританию.

Подписание договора о перемирии в Брест-Литовске.

С правой стороны члены российской делегации: 1 – член ВЦИК Л. Б. Каменев, 2 – председатель русской делегации А. А. Иоффе, 3 – А. А. Биценко, 4 – секретарь делегации Л. М. Карахан, 5 – контр-адмирал В. М. Альтфате, 6 – подполковник Д. Г. Фокке, 7 – капитан 1-го ранга Б. И. Доливо-Добровольский, 8 – капитан В. В. Липский, 9 – подполковник И. Я. Цеплит. С левой стороны: 1 – представитель Османской империи генерал от кавалерии Зеки-паша, 2 – член австро-венгерской делегации посол К. фон Капош-Мерей, 3 – главнокомандующий на Востоке принц Леопольд Баварский, 4 – начальник штаба главнокомандующего на Востоке генерал-майор М. Гофман, 5 – член болгарской делегации полковник Генерального штаба П. Ганчев; члены германской делегации: 6 – капитан-цур-зее (капитан 1-го ранга) И. Горн, 7 – переводчик капитан Генерального штаба З. Гей, 8 – посланник Ф. фон Розенберг, 9 – майор Генерального штаба фон Бринкман, 10 – секретарь австро-венгерской делегации граф Э. фон Чаки

2(15) декабря 1917

[РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 164. Л. 36]

Однако правительство Франции не собиралось вести никаких переговоров с Советским правительством, поэтому Каменеву было отказано во въезде на территорию Франции. Ему пришлось возвращаться в Петроград из Саутгемптона (Великобритания) через Норвегию, Швецию и Финляндию. Но при пересечении шведско-финляндской границы в марте 1918 года Каменева арестовали финны.

**СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ
Комиссаровъ.**

У Д О С Т О В Ѣ Р Е Н І Е .

Петроградъ.
23-го декабря 1917 г.

№

Настоящимъ, съ приложеніемъ печати, удосто-
вѣряется, что предъявитель сего, членъ Всероссій-
скаго Центрального Исполнительнаго Комитета Совѣ-
товъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Л.Б. Ка-
меневъ уполномоченъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ
войти въ составъ делегаціи, отправляющей въ
Брестъ-Литовскъ для веденія переговоровъ о заклю-
ченіи мира между Россійской Республикой, съ одной
стороны, и державами Четверного Союза - съ другой.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

В. И. Ленин

Секретарь *М. Скрябин*

*Удостоверение члена ВЦИК Л. Б. Каменева на получение им
полномочий от Совета народных комиссаров войти в состав брест-
литовской делегации для ведения переговоров о заключении мира*

23 декабря 1917 (5 января 1918)

Подлинник. Машинопись. Подпись В. И. Ленина

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5047. Л. 1]

Этим поступком командующий финскими войсками Карл Маннергейм пытался оказать давление на Советское правительство. Он соглашался отпустить Каменева только после того, как из Финляндии уйдут красноармейские отряды, а РСДРП(б) прекратит оказывать поддержку финской социал-демократической партии. Безусловно, на такие условия Совнарком пойти не мог. Тогда Маннергейм предложил обменять Каменева на финских революционеров, бежавших в Россию. Но и на это СНК пойти никак не мог, так как понимал, что финнов по возвращении ждет смерть. Каменев вновь создал проблему. Мало того, что он попал в плен, так еще, будучи в Англии, успел дать интервью для английской газеты «Манчестер Гардиан» о ходе мирных переговоров России и Германии. Ленин вновь был в нем разочарован. Но, несмотря на это, никто не оставлял попыток выволить Льва Борисовича из заключения. Адольф Иоффе настаивал на освобождении

Каменева как члена советской делегации и даже подключил немцев, чтобы те хоть как-то повлияли на финнов. Сам министр иностранных дел Германии Рихард Кюльман взял вопрос об освобождении Каменева в свои руки. Германия требовала у финнов его освободить, но у тех находились постоянные отговорки^[126].

*Лев Борисович Каменев
1918
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 4]*

В итоге Каменеву помогли свои. После длительных переговоров только 29 июля 1918 года Совнарком заключил с правительством Финляндии соглашение об обмене Каменева и других большевиков на военнопленных финнов – сторонников белого правительства, арестованных в Петрограде. 3 августа Лев Каменев был освобожден.

После его возвращения из-за всех его былых заслуг было принято решение направить его на «хозяйственную» работу в Москву – новую столицу нового государства. Должность ему досталась отнюдь не рядовая. 16 сентября 1918 года Каменев назначили председателем Московского городского совета. Этот пост он занимал вплоть до мая 1926 года.

Глава 6

Всесильная «тройка» против Троцкого Сентябрь 1918 – сентябрь 1923

Новое назначение Каменев получил в разгар гражданской войны. И, несмотря на то что Каменев, как и другие лидеры партии, жил в квартире в Кремле, он не понаслышке знал, как тяжело с продуктами питания в городе. Уж если в Кремле он ел солонину, жидкие постные щи и гречку с шелухой, то что говорить о простых горожанах.

*Лев Борисович Каменев
Не ранее августа 1918
Фотограф А. И. Горншейн
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 28]*

*Площадь перед зданием театра «Эрмитаж» – место закладки Дома рабочих. Л. Б. Каменев выступает на митинге
Москва. 10 ноября 1918
[РГАКФД. 2-73184]*

Разруха, голод, забастовки, разгул бандитизма – вот что было в 1918 году в столице России. Каменев понимал, что ему нужно наладить не только нормальную работу городского аппарата управления, но и обычную жизнь москвичей, создать им более-менее нормальные условия жизни.

Чтобы москвичи могли пережить зиму, Каменев для заготовки дров отправил в ближние леса военнопленных и добровольцев. Для решения продовольственной проблемы он лично ездил на юг России договариваться об обмене продуктов питания на товары из Москвы. После наступления на юге армий Деникина и Колчака над Москвой нависла угроза прекращения поставок продовольствия. Каменев, чтобы хоть как-то облегчить положение москвичей, разрешил локальную частную торговлю теми продуктами, которые не распространялись по карточкам.

*Л. Б. Каменев в Президиуме Моссовета
10 февраля 1919
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]*

Для поддержания порядка и чистоты в городе были организованы субботники. Каменев призывал активно участвовать в них членов партии, чтобы показать пример всем остальным.

Возглавляя Моссовет, Лев Каменев стал постепенно возвращать доверие Ленина. В годы Гражданской войны Лев Борисович не принимал участия в боевых действиях, однако как уполномоченный Совета труда и обороны выезжал на фронты, возглавлял делегацию в Лондон в связи с польско-советской войной, входил в состав комиссий по выработке декларации о мирных переговорах с Польшей и по разработке постановления о замене продразверстки продналогом^[127].

Каменеву удалось вернуться и в состав Центрального комитета. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года его избрали в Комиссию по выработке программы партии, а 25 марта 1919 года на Пленуме ЦК – и вовсе членом Политбюро. Все это время Каменев не расходился во взглядах с Лениным, старался не спорить, не противоречить. Бесконечные заседания и обсуждение проблем отнимали все время. Иногда в деятельности Каменева проскальзывали раздражающие Ленина поступки. Так, Каменев разрешил избираться в Московский совет и меньшевикам, и беспартийным. Но в главных вопросах они не расходились. Лев Борисович понимал, что не до споров совсем. Нужно было налаживать работу центральных органов нового государства, не упустить власть из своих рук и восстанавливать обыденную жизнь в разрушенных городах после Гражданской войны^[128].

Все члены ЦК понимали, что Каменев в партии, несмотря на все его высказывания и прошлые дела, являлся чуть ли не правой рукой

Ленина. Особенно его статус укрепился во время болезни Ленина, которая начала проявляться летом 1921 года.

Делегаты IX съезда РКП(б). Сидят слева направо: А. С. Енукидзе, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Н. Л. Серебряков, М. И. Калинин; стоят: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и А. В. Луначарский
1920
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 60]

Л. Б. Каменев и О. Д. Каменева с сыном Александром
1921
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 4]

Постоянные головные боли и переутомление не позволяли Ленину присутствовать на всех заседаниях Совнаркома. В такие дни его заменял Каменев. Справлялся Лев Борисович с этим легко. Он не только внимательно выслушивал все мнения, но и умело прерывал лишние разговоры и следил за временем, что позволяло без всякой демагогии принимать решения^[129].

А 3 марта 1922 года Владимир Ильич попросил Каменева быть готовым заменить его на предстоящем съезде и выступить в качестве основного докладчика. Тем самым Ленин обозначил Льва Борисовича чуть ли не своим преемником. Эта тема постоянно обсуждалась в ЦК.

В это же время большую силу набирал Троцкий. Он поддержал Ленина в вооруженном восстании, стал председателем Реввоенсовета. И, будучи прекрасным оратором и амбициозным политиком, он имел большую популярность в Красной армии. Его влияние росло с каждым днем.

*Лев Борисович Каменев
1920
Художник И. И. Бродский
[РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 68. Л. 52]*

*В. И. Ленин и Л. Б. Каменев в центре группы при закладке
памятника К. Марксу на Театральной площади
1 мая 1920
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 199]*

*Площадь Свердлова. Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин и Л. Б. Каменев на
трибуне после выступления перед войсками, отправляющимися на
фронт против белополяков
5 мая 1920
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 211]*

В связи с этим постепенно начал складываться антитроцкий блок. И главными действующими лицами в нем выступали Каменев, Зиновьев и Сталин. Во время болезни Ленина эта «тройка» приобрела особую силу. Лев Борисович видел, к своему сожалению, что болезнь Ленина прогрессирует, и тот вскоре вынужден будет отойти от государственных дел. Он боялся, что Троцкий этим воспользуется, а этого он никак не мог допустить. Каменев совершенно не разделял его взглядов и считал чужаком в партии, ведь Троцкий присоединился к большевикам лишь накануне Октябрьской революции. И это несмотря на то, что их связывали родственные отношения.

В начале 1922 года в связи с обострившейся болезнью Ленина подготовка XI съезда РКП(б) была поручена Каменеву и Сталину. А на пленуме 3 апреля 1922 года учреждена новая должность генерального секретаря. Избрали на нее Сталина. И именно Каменев выдвинул его кандидатуру.

*Лев Борисович Каменев
1922*

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 12]

*Лев Давидович Троцкий
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 24. Л. 22]*

*А. С. Енукидзе, Л. Б. Каменев, В. А. Аванесов, Ф. Э. Дзержинский, П.
Г. Смидович и А. И. Рыков на встрече в Кремле*

1922

[РГАСПИ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 96. Л. 1]

После этого все только и говорили о тройке – Сталин, Каменев и Зиновьев. Ленин, несмотря на болезнь, всеми силами стремился ограничить их влияние. Он являлся сторонником коллективного руководства. Каменев же готов был во всем поддерживать Сталина, лишь бы ослабить влияние Троцкого.

В сентябре 1922 года Ленин решил назначить Троцкого своим заместителем в Совнаркоме, Каменева же он предлагал в заместители председателя Совета труда и обороны. Появления Троцкого в роли зампреда СНК «тройка» никак не могла допустить, поэтому решили схитрить и обыграть все в свою пользу. Показывая Троцкому письмо Ленина с предложением о его назначении, Сталин сказал, что Льву Давидовичу как зампреду на попечение отдается Высший совет народного хозяйства. Как он и предполагал, Троцкому совсем не захотелось тратить свое время на хозяйственные дела. Поэтому он тут же написал на письме – «категорически отказываюсь». Воспользовавшись этим, на заседании 14 сентября 1922 года Политбюро приняло решение: «Политбюро ЦК с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого и предлагает т. Каменеву приступить к исполнению обязанностей заместителя»^[130]. Только позже Троцкий узнает от самого Ленина, что ни о каком кураторстве ВСНХ речи не шло.

Иосиф Виссарионович Сталин

1925

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650. Л. 1506]

Лев Борисович Каменев
1923
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 23]

*Григорий Евсеевич Зиновьев
1924
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 324]*

*Празднование 1 Мая. Л. Б. Каменев, Н. К. Антипов, М. М. Лашевич, М.
И. Калинин на Красной площади
1922
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 97. Л. 1]*

Другая попытка Ленина ограничить влияние «тройки» привела к открытому конфликту. 21 декабря 1922 года Ленин, будучи уже сильно

больным, надиктовал письмо для Троцкого с предложением выступить ему с докладом о внешней торговле на предстоящем съезде Советов. Троцкий понимал, что одного желания Ленина мало, нужна поддержка ЦК. Поэтому он лично сообщил Каменеву о предложении Ленина. Ни Сталин, ни Каменев идею не поддержали. Решили, что Каменев уделит этой теме внимание в своем докладе, и все. Однако больше всего их беспокоило, что Ленин ведет переписку с Троцким. Они были уверены, что только у них есть возможность встречаться с Владимиром Ильичом, ведь врачи настаивали на покое и строго-настрого запретили больному какое-либо общение на политические темы, и уж тем более переписку.

На следующий день Сталин в грубой форме по телефону отчитал Надежду Крупскую за то, что несмотря на запрет врачей, Ленин занимается партийными делами и общается с Троцким. Крупская, возмущенная его поведением, попросила защиты у Каменева и Зиновьева: «Я обращаюсь к Вам и к Григорию, – пишет она, – как более близким товарищам В. И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности»^[131]. Каменев просил Сталина извиниться, но тот наотрез отказывался это делать. В конце концов Сталин согласился и принес извинения. Но Ленин к тому времени уже затаил на него обиду.

Возможно, в дальнейшем блок Ленин – Троцкий смог бы ослабить влияние «тройки», но очередной insult Ленина не позволил это сделать. Понимая, что сил на борьбу у него уже может не быть, он решил написать о своих сомнениях и составить «Письмо к съезду», ставшее известным как «Завещание Ленина».

23 декабря 1922 года Ленин пригласил к себе свою стенографистку М. А. Володичеву и начал ей диктовать первую часть «Письма к съезду», в которой предлагал провести реформу партийной власти – расширить ЦК до 100 человек.

20 Из чрезвычайного начетливого его слич.
Такая реформа значительно увеличила
по бытность нашей партии и обогатила
бы дальнейшую борьбу среди враждебных го-
сударств, которая, по моему мнению,
иногда должна ~~была~~ считаться обострен-
ной в ближайшие годы. Мне думается,
что устойчивость нашей партии, благо-
даря этой мере, возмущена бы в тысячу
раз.

Мини

23/12 - 24.

Письмо к съезду

Строго секретно

РАСШЕПЧЕНО

Я советовал бы очень предпринять на
этом съезде ряд приемов в нашей политиче-
ческой стране.

Мне хотелось поднимать с Вами тему своб-
рабенинства, которого я считаю наиболее важ-
ными.

В первую голову с целью увеличения
числа членов Ц.К. до нескольких десятков или
даже до сотни. Мне думается, что нашему Ц.К.
традиционному Комитету грозил бы большой
опасности на случай, если бы течение событий
не были бы вполне благоприятны для нас (а
на это мы рассчитывать не можем), — сами бы
мы не предлагали такой реформы.

Затем я думаю предложить вниманию
съезда задать законодательный характер на
известных условиях решениям Ц.К. и, в
целях в этой области наметить тов.
Троцкому.

Что касается до первого пункта, т.е. до
увеличения числа членов Ц.К., я думаю,
что такая вещь нужна и для поднятия
авторитета Ц.К. и для ~~целой~~ работы по
улучшению нашего аппарата, и для ~~целой~~
вразумения того, чтобы конфликты между
нашими членами Ц.К. могли получить сколько-
нибудь значимое значение для ~~всех~~ "судей"
партии.

Мне думается, что 50-100 членов Ц.К.
нашей партии вконец потребовали бы раз-
ного класса и могли получить от не-

Первая часть письма В.И. Ленина к съезду о сохранении единства партии, создании устойчивого ЦК, способного предотвратить раскол партии. Текст был записан стенографисткой М. А. Володичевой под диктовку В. И. Ленина

23 декабря 1922

Подлинник. Машинописный текст. [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24047. Л. 1-2]

II.-

Продолжение записки
24-го декабря 22 г..

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумю меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, безогвардеец в "Русской Мысли" /кажется, это был С.Ф. Ольденбург/ был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к их игре против Советской России на раскол нашей партии, и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезные разногласия в партии.

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще разсуждать об устойчивости нашего Ц.К. бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имел в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены Ц.К., как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избежит и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов Ц.К. до 50-ти, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках особую власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против Ц.К. в связи с вопросом о Ил.ПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично, он, пожалуй, самый способный человек в настоящем Ц.К., но и чрезмерно хватаящий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного Ц.К. способны ненароком привести к расколу и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов Ц.К. по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим ему и вину лично, как небольшие в Третьему.

Из молодых членов Ц.К. хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по моему, самые выдающиеся силы /из самих молодых сил/ и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое /он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики/.

25.12. Затем, Пятаков, — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то, и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить своих знаний и изменить свои односторонности.

Л е н и н .

25.XII.22 г.

Записано М.В.

Фрагмент письма В. И. Ленина к съезду с характеристикой некоторых членов ЦК: И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Г. Л. Пятакова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева. Текст был записан стенографисткой М. А. Володичевой под диктовку В. И. Ленина

25 декабря 1922

Подлинник. Машинописный текст

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048. Л. 1-2]

*Записки Л. А. Фотиевой и Л. Б. Каменева И. В. Сталину об ошибке в
отправке записок В. И. Ленина членам Политбюро
29 декабря 1922
[РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 726. Л. 1-2]*

Володичева была наслышана о скандале Сталина с Крупской, поэтому, чтобы избежать нового, поспешила отправить надиктованное Сталину. При этом она не знала, что данные записи должны быть вскрыты только после смерти Ленина, ей об этом никто не сообщил. Остальные части письма, надиктованные в декабре 1922 года, Володичева лично передала Сталину, так как считала важным его с ними ознакомить. Никогда Володичева не слышала от Ленина ничего подобного. А сейчас он вдруг заговорил об угрозе раскола партии в связи с противостоянием Сталина и Троцкого. По его мнению, Сталин сосредоточил в своих руках «необъятную власть», а Троцкий, несмотря на его «излишнюю самоуверенность», являлся «самым способным человеком в ЦК». Правда, самая знаменитая запись о необходимости сместить Сталина с должности генерального секретаря еще отсутствовала. Она сделана 4 января 1923 года, но Сталину и Каменеву хватило и того, что они получили от Володичевой.

Каменеву в своих записях Ленин не уделил столько внимания, как Сталину. Он лишь напомнил о его открытом противостоянии захвату власти большевиками в Октябре 1917 года, указав, что этот эпизод «не являлся случайностью».

Каменев опечалился. Оказывается, Ленин до сих пор не простил его, и это несмотря на то, что за прошедшие 5 лет он всегда был с Лениным и изо дня в день доказывал свою верность партии.

С декабрьскими записями Ленина успели ознакомиться не только Сталин и Каменев, но и Троцкий, Бухарин и Орджоникидзе. И только 29 декабря вскрылась «ошибка» – эти бумаги нельзя было показывать кому-либо до смерти Ленина. Поняв, что натворила стенографистка, 29 декабря 1922 года секретарь Ленина Лидия Фотиева пришла к Каменеву поздно вечером и рассказала об ошибке. Она просила его убедить всех не рассказывать об этом Ленину^[132]. Никто, естественно, рассказывать и не собирался. В том числе и Троцкий. Ни Ленину, ни кому другому. Содержание знали только узкий круг людей. И так оставалось до самой смерти Ленина, вернее, до XIII съезда партии.

*В. И. Ленин и Л. Б. Каменев в Горках
Не ранее 3 августа 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 352]*

Все это подтолкнуло «тройку» к активным действиям против Троцкого. Его следовало ослабить до того, как всем станет известна воля вождя. Но и открыто они не могли пойти против него. Он был настолько популярен, что при желании и при поддержке Красной армии мог бы легко дать им отпор и провести переворот.

Между тем в самой «тройке» наступал разлад. Григорий Зиновьев был недоволен Сталиным и его манерой решать вопросы в Политбюро. Он пытался перетянуть на свою сторону Льва Борисовича: «Во всех платформах говорят о “тройке”, считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав»^[133].

Каменев понимал, что Зиновьев в чем-то прав. Но, когда Зиновьев и тогда еще кандидат в члены Политбюро Николай Бухарин предложили расширить Секретариат и ввести туда Троцкого, чтобы создать противовес Сталину, Каменев категорически отказался. В такие политические игры он играть был не намерен и своими руками укреплять позиции Троцкого не собирался. Тем более в это время обострилась революционная ситуация в Германии. Возможное участие в этих событиях Красной армии могло и без того усилить влияние Троцкого в партии. Это заставило Сталина перейти в открытое наступление против Троцкого, и Каменев его в этом поддержал.

Лев Борисович Каменев

1920

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 7]

25 сентября 1923 года на Пленуме ЦК сторонник Сталина В. В. Куйбышев внес предложение о расширении состава Реввоенсовета. Он предлагал включить туда И. В. Сталина и его единомышленников: К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, М. М. Лашевича, Г. Л. Пятакова и командующего Московским военным округом Н. И. Муралова. Троцкий был поражен наглостью вторжения в его ведомство. Он выступил с протестом против этого предложения и со скандалом покинул пленум^[134]. Наступил период открытой внутрипартийной борьбы.

Глава 7

Внутрипартийная борьба. Начало Октябрь 1923 - январь 1924

8 октября 1923 года Троцкий написал письмо Центральному комитету и Центральной контрольной комиссии ЦК и передал в Политбюро для отправки по назначению. В нем он указывал, что молчал полтора года и не выносил за пределы ЦК свои с ним разногласия. Однако сейчас, по его мнению, назрел кризис партии, и это не

позволяет ему молчать дальше: в партии образовались враждебные группировки, а ЦК и вовсе оторвался от нее.

«Крайнее ухудшение внутрипартийной обстановки имеет две причины, – писал Троцкий, – а) в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики»^[135].

Кроме этого, Троцкий упрекал ЦК в невнимательности к вопросу о промышленности, к работе Госплана, вопросам налога, финансовой политики. Он настаивал, что «руководства хозяйством нет, хаос идет сверху»^[136].

Секретариат и Оргбюро Троцкий обвинил в неумении подбирать кадры: «При назначениях, смещениях, перемещениях члены партии оценивались прежде всего под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержанию того внутрипартийного режима, который негласно и неофициально, но тем более действительно проводится через Оргбюро и Секретариат ЦК»^[137]. Лично Сталина он обвинял в том, что в ЦК он «впускает» только нужных ему людей. На XII съезде партии было сказано, что в состав ЦК нужны люди независимые. Однако, утверждал Троцкий, только генеральный секретарь решает, кто подходит под критерий этого отбора. А созданный Сталиным секретарский аппарат не дает партийным массам участвовать в формировании местной партийной организации.

«Создалась за последние год-полтора специфическая секретарская психология, – писал Троцкий, – главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы без знакомства с существом дела. Мы наблюдаем сплошь да рядом, как товарищи, которые не проявили никаких организаторских, административных или иных качеств, пока стояли во главе советских учреждений, начинают властно решать хозяйственные, военные и иные вопросы, как только попадают на пост секретарей. Такая практика тем вреднее, что она рассеивает и убивает чувство ответственности»^[138].

Троцкий призывал положить конец секретарскому бюрократизму и изменить внутривнутрипартийный режим: «Низы партии должны в рамках партийности высказать, чем они недовольны, и получить действительную возможность, в соответствии с партийным уставом и, главное, со всем духом нашей партии, создавать ее организационный аппарат»^[139].

Письмо грянуло как гром среди ясного неба. Поначалу Политбюро не предполагало разглашать его и отложило рассылку всем членам ЦК и ЦКК, на которой настаивал Троцкий. Однако тот подстраховался и сообщил о нем «небольшому кругу ответственных товарищей», даже не входящих в состав ЦК и ЦКК^[140].

Пока Сталин готовил ответный удар, письмо Троцкого уже распространялось по всем местным партийным организациям. Не все отреагировали однозначно. Одни выступали за скорейший созыв партийного съезда, чтобы немедленно обсудить написанное Троцким, другие воспринимали письмо как платформу для образования фракции^[141].

В связи с тем, что о письме Троцкого стало известно в широких кругах, Политбюро ничего не оставалось, как разрешить официально разослать его всем членам ЦК и ЦКК, как и хотел изначально Троцкий^[142].

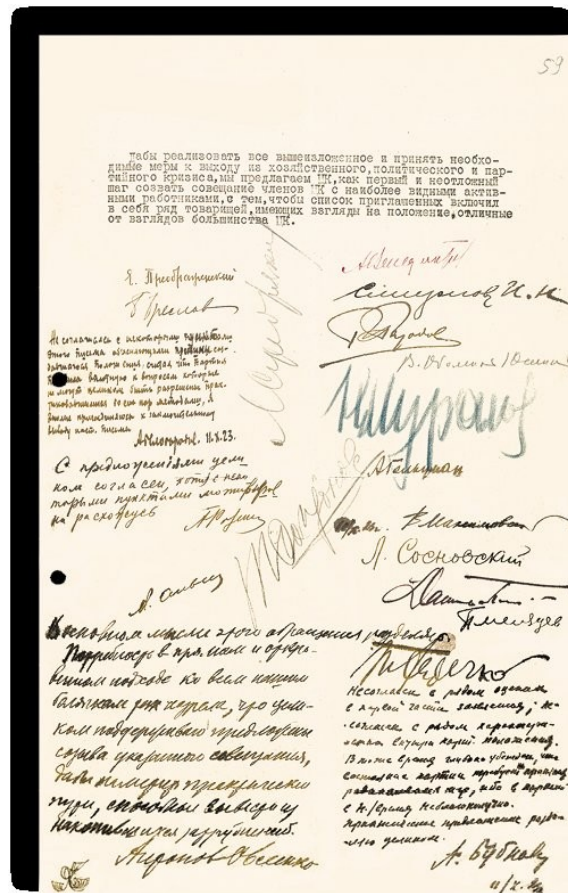
Однако в этот же день 15 октября 1923 года президиум Центральной контрольной комиссии принял резолюцию, в которой указывал, что письмо Троцкого не что иное, как платформа, а его оглашение – попытка организовать фракцию. При этом говорилось, что конкретных предложений в письме Троцкого нет, а перечисленные разногласия «в значительной степени искусственны и надуманы», и поэтому «все они могут и должны быть изжиты внутри ЦК и ЦКК».

В итоге было предложено созвать в ближайшее время объединенный пленум и решить на нем все разногласия. До вынесения же решения пленума ЦК «дальнейшее разглашение и распространение письма и документов, связанных с этими вопросами, Президиум ЦКК считает совершенно недопустимым». Но так как письмо уже разослано, то ЦКК просит Политбюро провести решение, обязывающее всех членов ЦК и ЦКК не распространяться о его содержании^[143].

Троцкий был возмущен, что его не пригласили на обсуждение его же письма, которое к тому же обозвали «платформой для создания фракции». Он подчеркивал, что всегда воздерживался от публичных споров, в отличие от большинства членов ЦК, которые предавали огласке все внутренние прения. А теперь, оказывается, он виноват во всем, хотя все время молчал^[144]. Сам он уверял, что никак не способствовал распространению своего письма. Однако уже 15 октября 1923 года на основе его же письма было составлено и подписано письмо-обращение его сторонников, ставшее известным как «Заявление 46-ти»^[145]. В этот же день его направили в Политбюро:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии».

[illegible]

«Заявление 46-ти»

15 октября 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 58-63 об.]

В этом письме указывалось на «скорый тяжелый общеэкономический кризис» в стране, ответственность за который возлагалась на ЦК, а именно на «случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства»^[146]. Эти же действия влияли и на внутрипартийные отношения: «неправильность руководства» парализовала и разлагала партию.

По мнению авторов письма, партия перестала быть «живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность», она разделилась на «секретарскую иерархию и мирян – на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни». А состав конференций и съездов подбирался так, что они в итоге становились распорядительными совещаниями этой иерархии.

Это все и порождало создание враждебных групп и фракций внутри партии, а необходима сплоченность партии. Тем самым авторы письма обвинили Сталина в появлении фракций: «Фракционный режим должен быть устранен – и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутривнутрипартийной демократии»^[147].

После этого ни о какой приостановке распространения письма Троцкого не могло быть и речи. 18 октября Политбюро приняло предложение ЦКК и на 25 октября 1923 года назначило сбор экстренного пленума. В повестке дня стоял один вопрос – внутривнутрипартийное положение^[148].

Лев Борисович Каменев

1923

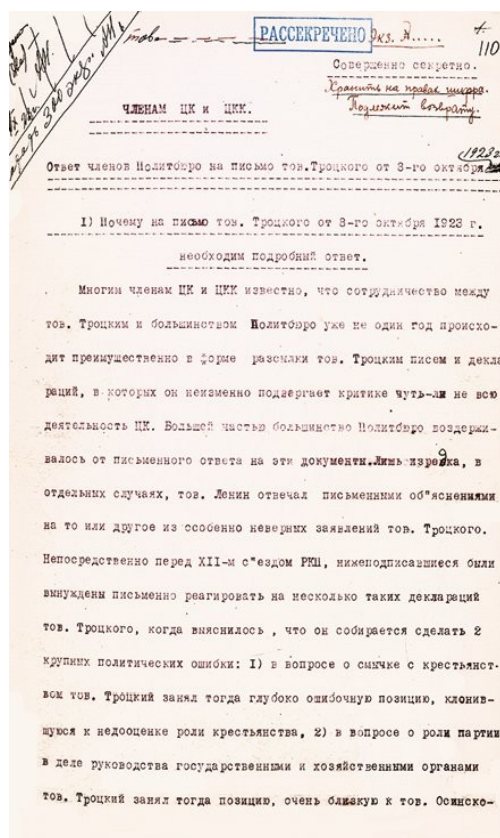
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 19]

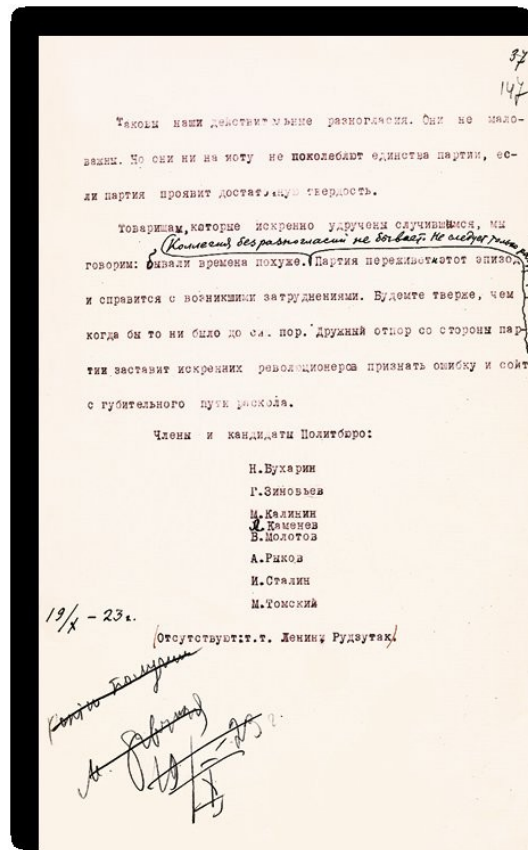
19 октября члены Политбюро наконец подготовили ответ на письмо Троцкого. Это заняло целых 11 дней. Каменев принял непосредственное участие в его составлении. Ответ был подробным и продуманным. Именно поэтому его составление затянулось. Члены Политбюро постоянно вносили правки, придавая письму более жесткий, но официальный тон. Ответив на каждую претензию Троцкого, Политбюро уделило особое внимание вопросу о назначении секретарей. Оно заявляло о заблуждении Троцкого, так как все секретари, по убеждению членов Политбюро, «пользовались полной поддержкой местных организаций».

При этом в письме достаточно небрежно указывалось, что все привыкли к письмам и декларациям Троцкого, в которых он «неизменно

подвергает критике чуть ли не всю деятельность ЦК». Даже Ленин не считал нужным отвечать на них. Однако на это письмо Политбюро не может не реагировать, так как Троцкий, «нападая первый на ЦК партии, выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК», причем в трудный для страны момент^[149].

Его письмо однозначно названо «фракционной платформой» и «неслыханным заявлением», так как член ЦК и Политбюро не может и не должен агитировать против ЦК. «Заявление 46-ти», которое «едва ли займет особенно почетное место в истории РКП», охарактеризовано как перепев письма Троцкого, причем с приписками и оговорками.

Ответное письмо членов Политбюро на письмо Л. Д. Троцкого от 8 октября

19 октября 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 110-147]

Завершая письмо, Политбюро упомянуло о существующих разногласиях в ЦК и в партии. Признавая, что они «немаловажны», Политбюро подчеркивало, что «они ни на йоту не поколеблют единства партии, если партия проявит достаточную твердость»^[150].

23 октября Троцкий написал новое письмо, продолжая тем самым полемику и готовясь отстоять свою правоту на Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б), который открылся 25 октября 1923 года. В то время Политбюро готовило своих сторонников, чтобы «задавить» Троцкого. На пленум были приглашены представители 10 крупнейших партийных организаций: Бакинской, Донецкой, Екатеринбургской, Иваново-Вознесенской, Московской, Нижегородской, Петроградской, Ростовской, Тульской и Харьковской.

Защищать «генеральную линию партии» доверили Сталину.

Дискуссия получилась долгая и жаркая.

Сталин умело отвечал на все выпады Троцкого, в том числе о существовании «тройки», которая принимала ключевые решения и в партии, и в государстве. Сам Сталин делал упор на то, что Троцкий не захотел использовать легальные пути для решения вопросов, да к тому же втянул в это других партийцев.

– ЦК не скрывал все хозяйственные вопросы, – говорил Сталин. – Не в них суть. А в том, что товарищ Троцкий и группа 46-ти не использовали дозволенные партией пути и через голову ЦК обратились к членам партии. Говорили здесь о пустяках, но о главном, из-за чего здесь собрались, не говорили. Дело в том, что, не используя легальные возможности для исправления «ошибок» ЦК, Троцкий обратился через его голову к членам партии.

Самое важное во всем этом, настаивал Сталин, что своим поступком Троцкий создал «обстановку фракционной борьбы»:

– Троцкий повторил шаг, создавший обстановку, грозящую нам расколом. Надо так оценить поступок Троцкого и осудить его. Надо обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились вовне ее^[151].

В итоге сталинское Политбюро победило. 102 человека против двух (10 воздержалось) поддержали «политическую линию и практическую работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата». Выступление Троцкого было признано «глубокой политической ошибкой», которая послужила сигналом к фракционной борьбе. Самого Троцкого призвали не забывать о своих прямых обязанностях и почаще снисходить до простой практической работы тех партийных и советских учреждений, членом которых он состоит^[152].

Политбюро решило не предавать широкой огласке ни письмо Троцкого, ни «Заявление 46-ти». Однако к тому времени, казалось, вся партия была в курсе их существования. Сталину на различных партийных собраниях приходилось выслушивать вопросы о них: «что за записка Троцкого», «какого ее содержание», «почему от нас скрывают записку Троцкого». На партийном активе Краснопресненского района Москвы Сталину пришлось объяснить, что он не имеет права разглашать содержание этой записки, как и ответ Политбюро на нее, так как это решил пленум.

Со всех сторон стала поступать информация о нарастании оппозиционных настроений, в том числе и в Москве. Зиновьев предложил срочно выбрать 10 «первоклассных работников» для развенчания сплетен и слухов, «иначе Москва ускользнет из наших рук»^[153]. Кроме того, «тройка» приняла решение о необходимости успокоить массы и пойти на уступки Троцкому. В связи с этим 29 ноября Политбюро постановило выработать проект резолюции о внутрипартийном положении, окончательную редакцию поручили Сталину, Каменеву и Троцкому.

Каменев, как и прежде, поддерживал Сталина. При этом он признавал опасность бюрократизации и то, что активные коммунисты «почти целиком поглощаются административной и хозяйственной работой и тем самым неизбежно отрываются от производства». Лев Борисович настаивал, что в партию нужно привлекать новые молодые кадры. В первую очередь вербовать новых членов партии «из рабочих от станка» – квалифицированных индустриальных пролетариев. Крестьян необходимо просвещать в культурно-политической деятельности, оказывать содействие в получении агрономических знаний и в области кооперации. И уже после этого вовлекать в парторганизации. Не отрицал он и возможность увеличения партии за счет интеллигенции. Особенно перспективными ему казались сельские учителя, которые к тому же могли содействовать соединению города и деревни.

92

Р. С. Ф. С. Р.
ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ
И КРАСНОФЛОТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Согласен, ком. 85. Тел. № 1.

29/1 23 Срочно лично
м. Грину
против подарка жакета.
Молодому

Противили ленинские секретарей (приглашаю)
всех, что дело хуже, чем в других. Управляющий
взвешивает. Из секретарей злодей и злодей.
Крути секрет и злодей. Выходит оратор.
Все против себя (против меня-автора, как
мне, как водит). Управляющий, вы-
шло, секретарь и секретарь по всей
Москве. Секретарь могут сделать больше
бы в Моск. организации.

Нужно секретарей много в органах
Моск. орг-ции. Иначе будет поздно.

Нужно 10 секретарей. правительств
никого направления. Иначе Москва
успокоится и наших р-с. то что

ответа на них. Политбюро приняло постановление запретить упоминать о них и всячески избегать обсуждения.

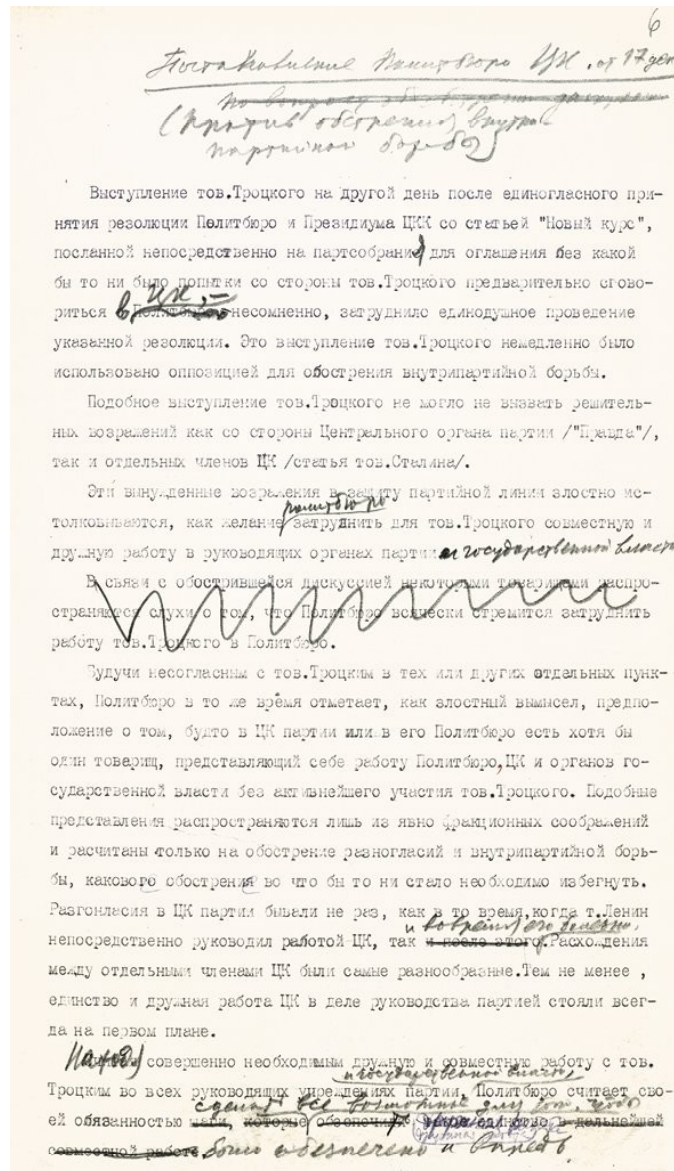
Сталин же сам был озадачен: «Представители ЦК на дискуссионных собраниях вынуждены отвечать молчанием на целый ряд вопросов, связанных с работой пленумов ЦК и ЦКК, что еще больше запутывает дело и создает ложное впечатление, что представители ЦК боятся сказать правду, что у них совесть не чиста». В связи с этим он предлагал рассказать «правду о решении пленумов ЦК и ЦКК», так как он не видел иного способа «против лжи и клеветы»^[156].

Вместе с тем дискуссия охватывала все большие круги. Свое недовольство высказывали и военные, ведь скандал касался непосредственно их лидера. Зиновьев предложил больше не терять времени: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы немедленно не создадим своей настоящей архисплоченной фракции – все пропадет»^[157]. Его опасения были не напрасными.

11 декабря 1923 года в «Правде» вышла статья Троцкого под названием «Новый курс», где он высказывался о резолюции «О партстроительстве» и выражал опасения «о перерождении старой гвардии». В статье подчеркивалась необходимость обновления партийного аппарата «с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами».

В ответ на это 13 декабря в «Правде» была опубликована статья Николая Бухарина «Наша партия и оппортунизм», которую Троцкий воспринял как попытку «срыва единогласия при голосовании за резолюцию о партстроительстве». 14 декабря 8 членов Политбюро, включая Сталина и Каменева, направили в ЦК и ЦКК письмо лично против Троцкого. В нем они указывали, что Троцкий своими правками резолюции «О партстроительстве» «стремился придать документу Центрального комитета характер осуждения всей предшествующей деятельности не только Центрального комитета, но и всего партийного аппарата в целом»^[158]. И только благодаря спорам и убеждению Каменеву и Сталину удалось часть правок снять.

Своей статьей «Новый курс», по их мнению, Троцкий перечеркнул общую работу по составлению резолюции: «Существенное содержание этой статьи заключается: 1) в натравливании одной части партии против другой, 2) в натравливании партийной молодежи против основного ядра партии и 3) в дискредитировании центрального руководящего ядра партии»^[159].

Постановление Пленума ЦК ВКП(б) об обострении внутрипартийной борьбы

17 декабря 1923

Правка И.В. Сталина. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 6]

Обвиняя Троцкого в срыве принятия единогласного решения о партстроительстве, Политбюро^[160] считало его действия «опасными для планомерного осуществления принципов партии», но надеялось, что он «внесет в свои дальнейшие выступления по вопросу о партийном строительстве те исправления и изменения, которые приблизят его позицию к позиции Центрального Комитета партии»^[161].

15 декабря 1923 года Троцкому дали публичный отпор – в «Правде» вышла статья Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого»^[162]. В ней Сталин прямо называет Троцкого оппозиционером. Однако этого было мало. Сторонникам Сталина требовалось заручиться поддержкой местных партийных организаций.

На Каменева возлагались особые надежды. Учитывая его ораторский талант, его отправили на самые сложные московские участки, где сторонники Троцкого имели наибольшее влияние, – в университет имени Свердлова^[163] и в Военную академию^[164].

Выступление Каменева в университете имени Свердлова проходило в очень шумной и напряженной обстановке. Однако Каменев был к этому готов и пытался успокоить присутствующих:

– Товарищи, я знаю, что на подобных грандиозных собраниях часто господствуют эмоциональные чувства и что, может быть, самой правильной формой моего доклада была бы эмоциональная форма, но я попытаюсь, товарищи, апеллировать к вашему политическому разуму и аргументировать положение в партии чисто деловыми соображениями.

Каменев говорил о важности обновления партии, так как переход внутривнутрипартийной жизни на новые рельсы рабочей внутривнутрипартийной демократии назрел. Он утверждал, что база для этой демократии – в пролетарской части партии, но она очень мала. Поэтому задача партии на сегодняшний день, по его мнению, это работа по усилению пролетарского состава партии. При этом Каменев еще раз напомнил, что свобода обсуждения и свобода группировок не одно и то же.

– Мы прямо указываем, что ЦК остается на почве резолюции X съезда, запрещающей не только оформление фракции, но и внутривнутрипартийные группировки, – говорил Каменев сквозь шум. – Почему? Мотивов для этого два. Разногласия внутри партии, если они принимают групповую оформленность, используются нашими врагами. Второй мотив: группировки опасны тем, что они ведут к раздвоению, расщеплению нашего государственного аппарата^[165].

Каменев подчеркивал, что «демократия внутривнутрипартийной жизни не есть свобода разговоров и болтовни», а обязательство по зрелом обсуждении принимать определенные решения.

Говоря о статье Троцкого «Новый курс», Лев Борисович выражал несогласие с ним. Однако, отмечая его ошибки, он не нападал на него, а указывал, что такие ошибки «могут случиться с любым членом ЦК». Но так как они были подхвачены «определенным крылом партии», то теперь «грозят затруднить единодушное проведение» исторического поворота. А ЦК стремится сделать этот поворот с наименьшим ущербом.

Он защищал от нападок Троцкого и партийный аппарат, говоря о готовности аппарата к критике:

– Критикуйте сколько угодно аппарат, засыпайте собрание кучей анекдотов о бюрократизации этого аппарата, о чиновниках в нем и т. д., но помните, мы не можем сломать и бросить в сорный ящик историю этого аппарата до тех пор, пока мы из своей собственной среды не вырастим на смену тех 20 тысяч товарищей, которые сидят в этом аппарате.

Каменев признавал, что в ЦК есть разногласия, однако тот сознательно оттягивал момент, когда члены Политбюро и Троцкий должны будут «отдать свои разногласия на обсуждение всей массы». Он уверял, что ЦК стремился эти разногласия изжить внутри Центрального комитета. И реакция масс на статью Троцкого подтвердила опасения – дискуссия приняла нездоровую форму и не дает спокойно обсуждать деловые вопросы и решать первостепенные задачи.

В конце своего выступления Лев Борисович уверил, что ЦК стремится к совместной работе с Троцким:

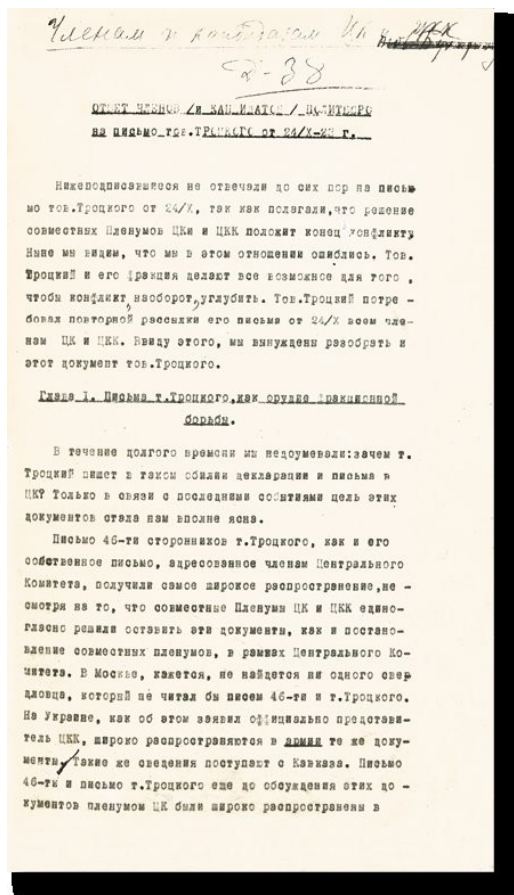
– Мы утверждаем и мы напечатаем это перед лицом всей партии, что в составе ЦК и Политбюро нет ни одного сумасшедшего человека, который бы представлял себе, что руководство партией возможно без самого активного участия в этой работе вместе со всеми нами Троцкого.

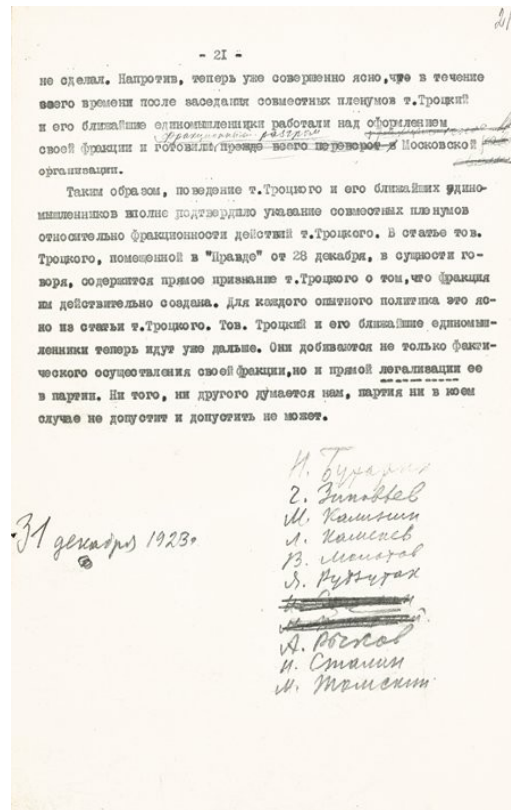
Он закончил выступление под аплодисменты. Но следующие докладчики, в том числе и сторонники Троцкого, показались собранию более убедительными. В итоге за резолюцию ЦК о необходимости прекратить дискуссию проголосовал 421 человек, а за резолюцию Преображенского, которая осуждала деятельность Сталина и его статью, – 554 человека^[166]. Каменев был раздосадован.

Перепадка через газету «Правда» продолжалась. После всех попыток усмирить дискуссию и в ответ на новую статью Троцкого «Новый курс. Группировки и фракционные образования»^[167] 31 декабря 1923 года Политбюро составило «письмо 9-ти» против Троцкого. Его письмо официально объявлялось «орудием фракционной борьбы». Сам Троцкий обвинялся в нежелании наладить «нормальную обстановку для совместной работы» и признании в создании фракции. Авторы письма твердо обозначили свою позицию – партия не допустит «легализации» фракции Троцкого^[168].

Накануне XIII партийной конференции пленумы по всей стране проходили вплоть до середины января. И, несмотря на неудачу Каменева в Москве, общая картина выглядела более радостно для «тройки». Линию ЦК в вопросах дискуссии и партстроительства поддержало 46 пленумов губкомов и райкомов. Большинство провинциальных партийных ячеек также поддержало ЦК: 277 ячеек за ЦК, 27 против ЦК, 30 заняли нейтральную позицию. В Москве тоже большинство одобрило линию ЦК: 204 за ЦК, 78 против ЦК, 24 заняли нейтральную позицию^[169]. Таким образом, Сталин был готов отражать

атаки Троцкого и его сторонников на партийной конференции, призванной положить конец этой затянувшейся и поднадоевшей ЦК дискуссии.

Письмо членов Политбюро ЦК ВКР(б) («Письмо девятки») в ответ на статью Л. Д. Троцкого «Новый курс. Группировки и фракционные образования»

31 декабря 1923

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 1-21]

И, несмотря на то что доклад о партийном строительстве на конференции делал Сталин, Каменеву на ней отводилась особая роль. Он был избран ее председателем и должен был задать «нужный тон» всему обсуждению. Каменев подошел к этому ответственно, заранее спланировал речь и продумал ответы, предугадывая возможные провокационные вопросы.

16 января 1924 года Лев Борисович, открывая конференцию, заявил, что партия сверху донизу обсудила внутривнутрипартийную жизнь и пришло время подвести итоги. По его мнению, было много споров, которые породили «несбыточные надежды и мечтания среди классовых врагов партии», однако партия оказалась сильнее:

– Мы абсолютно уверены, что конференция покажет, что партия в громаднейшем своем большинстве сплочена вокруг одной определенной политической линии, которая служила для нас руководством в продолжение 6 лет напряженного строительства коммунизма и напряженной борьбы со всеми нашими классовыми

врагами. Конференция покажет, что партия наша была, есть и будет едина. Конференция покажет, что наши враги, рассчитывающие на расшатывание партии или на подрыв ее авторитета, еще раз ошибутся, как неоднократно ошибались они в течение шести лет^[170].

Именно в таком русле и прошло все обсуждение. Каменев, кроме того, выступил в прениях по докладу Рыкова о задачах экономической политики, отбиваясь от обвинений сторонников Троцкого – Преображенского и Пятакова.

В итоге конференция закончилась в пользу ЦК. За ее резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» проголосовали все участники против трех. Она безусловно нанесла удар по Троцкому. Его признали уклонистом, а вся его деятельность была квалифицирована как «попытка ревизии большевизма» и «прямой отход от ленинизма». Дискуссия признавалась законченной, а все партийные организации призывались перейти к деловой работе: «Единство РКП необходимо охранять, как зеницу ока. Всесоюзная партконференция убеждена, что ЦК партии, вокруг которого, как показал исход дискуссии, вновь и вновь сплотилась вся партия, будет твердо охранять это единство»^[171]. Сталин, Зиновьев и Каменев вышли победителями.

А 21 января 1924 года в разгар XI Всероссийского съезда Советов пришла печальная весть. Умер Владимир Ильич Ленин. Николай Бухарин, будучи в то время в санатории в Горках, первым узнал о его кончине. Но Каменев о том, что Ленина больше нет, узнал не от него. Сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова, понимая, что надо оповестить всех о случившемся, позвонила Григорию Зиновьеву. А тот уже сообщил Льву Борисовичу.

Для него это стало большим ударом. Несмотря на все разногласия, для Каменева Ленин был не просто соратником, не просто единомышленником, он был его кумиром с тех самых пор, как Каменев впервые услышал его. Ленин был неотделим от партии, а партия от него. Лев Борисович, впрочем, как и все в партии, до последнего надеялся, что Ленин все же поправится. И врачи обнадеживали, и он сам видел, как оправился Ленин после первого инсульта: с каким рвением он заново учился ходить, говорить и писать обеими руками, с какой жадностью расспрашивал Льва Борисовича о партийных и государственных делах при их недолгих встречах в Горках, как хватало у Ленина сил интриговать и до последнего участвовать в развитии Советского государства. Но чудеса не случилось, атеросклероз сгубил Ленина.

Получив печальную весть, Каменев искренне плакал. И 21 января, и на следующий день 22 января, когда председатель ВЦИК Михаил Калинин с трибуны съезда сообщил, что Ленина больше нет. А 24 января вышел траурный номер газеты «Правда». На первой полосе были размещены правительственное сообщение о смерти Ленина, его

портрет и статья Каменева «Великий мятежник». «Ленин создан был для того, – писал Каменев, – чтобы в самую катастрофическую, самую мятежную, самую революционную эпоху мировой истории стать во главе миллионов и вести их в бой».

Каменев 23 января на своих руках выносил гроб с телом Ленина из Горок и сопровождал его до Колонного зала Дома союзов, а 27 января в день похорон – до Мавзолея. Вся дальнейшая жизнь Каменева неразрывно будет связана с Лениным – с его идеями и литературным наследством. Лев Борисович будет редактором первого издания собрания сочинений Ленина, а отстаивание принципов ленинизма станет для него главным в жизни.

*И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, М. П. Томский, Я. Э. Рудзутак, В. М. Молотов, М. И. Калинин и Н. И. Бухарин несут гроб с телом Ленина от траурного поезда по платформе Павелецкого вокзала
23 января 1924
[РГАСПИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 111]*

М. И. Калинин, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, М. П. Томский, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин и Г. Е. Евдокимов на Красной площади. Траурный митинг в день похорон Ленина

27 января 1924

[РГАСПИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 457]

394, К. 69

Товарищу Подлинный

ПРОТОКОЛ № 9
ЭКСТРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦК РКП от 22-го января 1924 года.

ПРЕДСЕДСТВОВАЛИ: Члены ЦК РКП: т.т. АНДРЕЕВ, БУХАРИН, ВОРОШИЛОВ, ДЗЕРЖИНСКИЙ, ЕВДОКИМОВ, ЗАЛУЦКИЙ, ЗЕЛЕНСКИЙ, ЗИНОВЬЕВ, КАЛИНИН, КАМЕНЕВ, МОРОЗОВ, КОМАРОВ, КОРОТКОВ, КУЗНЕЦОВ, ЛАВРЕНЧУК, МИКОЙН, МЕХАКОВ, МОСОВ, ОРЕСНИКОВ, ПИТАКОВ, РАДЗЕВ, РИЗОВ, РЫКОВ, СИДОРОВ, СКОБЫНОВ, СТАЛИН, СУЛИМСКИЙ, ТОМСКИЙ, УТ-ЛАНОВ, ХАРИТОВ, ЦОРТА.

Кандидаты чл. ЦК: т.т. БУНОВ, КОГАНОВИЧ, КАСИРОВ Ст., ОРАХЕАНШВИЛИ, МЯСНИКОВ, МОРОЗОВ, БАДАЕВ, ЛЕПЕ, Чл. Презид. ЦК: т.т. КУЗЬМИНОВ, ЯРОСЛАВСКИЙ, ГУСЕВ, ШВАРЦ, СМЫЦ, ШКЕРЯТОВ, КОРОСТЕЛЕВ, КРИСОВ.

т.т. МУРАХОВ, АВАНЕСОВ, ВУКЕДИЗЕ, ДОМОНТОВИЧ, ЧИЧЕРИН.

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ:

1.- О Владимире Ильиче.

1.-/Сообщение на с'езде поручить сделать т. Калинин, после чего с'езд объявляет день смерти Владимира Ильича - днем траура; в работе с'езда сделать перерыв до особого извещения Президиума с'езда.

2/На районных собраниях сделать сообщение к часу дня, к 2 час. дня выпустить экстренный бюллетень.

3/По частям гарнизона разрешить т. Мурахову объявить бюллетень одновременно с его выпуском.

4/Тела перевезти в Москву в Дом Союзов в среду в 12 ч. дня; для сопровождения тела в Горки выехать рано утром часть делегатов с'езда в составе до 200 чел.

5/В бюллетене объявить район и немедленно приступить при переносе тела с вокзала в Дом Союзов.

6/Назначить субботу днем похорон, вынос тела из Дома Союзов, место погребения - Красная площадь.

7/Местным парторганизациям немедленно шифром сообщить о скоростной смерти Владимира Ильича, дне похорон, предложить принять меры охраны, не допустить никаких уличных демонстраций в день похорон и траурные демонстрации, если парторганизация найдет возможным и целесообразным.

8/Оповестить шифром отсутствующих членов ЦК.

Секретный Архив Ц.К. В.К.П. (б)		
Инв. № 310		
СОДЕРЖ.	Ф. - Г. Р.	АРХ. №

Протокол № 9 экстренного заседания Пленума ЦК РКП(б) с перечнем первых мероприятий по организации похорон В. И. Ленина.

22 января 1924

Подлинник. Машинописный текст [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 110. Л. 1, 2]

СЕКРЕТАРЬ ИК

Этот родился на берегах Волги, на степе
местах, близкий к Азову. Как бы в
предвечные эпохи величайших по-
требностей, десятилетиях войны и
революции, который создал воюющего
воплощения в себе все будущее револю-
ционного искусства и в то
~~время~~ не отступая от принципов навод-
ности, ^{красота} ~~которому~~ — «негласно
беречь» кроме ^{любви} «людей» и который
стремился — «завоевать весь мир!»

8

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).

Протокол № II пункт 3 заседания Пленума от 31/1-24 г.

Слушали:

З. - О новых назначениях.

Постановили:

3. а) Назначить председателем СНК СССР и РСФСР
т. Рыкова, освободив его от обязанностей
председателя СНК и РСФСР

б) Председателем СНК назначить т. Каменева

в) Председателем Госплана назначить т. Чубукова

г) Председателем СНК и РСФСР по делам
внешних сношений назначить председателя СНК
СССР и РСФСР

Архив: Дело № 3/0, ч. 2, л. 8-9. Папка №

Материалы за №№

Выписка т. т. Рыков - а); т. Каменев - б);
т. Чубуков - в); т. Каменев и Чубуков - г);

*Постановление Пленума ЦК РКП(б) о назначении Л. Б. Каменева
председателем Совета труда и обороны
31 января 1924
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 112. Л. 8-9]*

Глава 8

«Завещание Ленина» и раскол «тройки»

Май 1924 - январь 1925

Приближалось время созыва XIII съезда партии, на котором нужно было зачитать последние документы Ленина, в том числе и «Письмо к съезду».

18 мая 1924 года Надежда Крупская передала «Письмо к съезду» Комиссии по приему бумаг В. И. Ленина. В ее состав входили Сталин, Зиновьев, Каменев, сестра Ленина М. И. Ульянова, Бухарин, Смирнов и сама Крупская^[172]. Надежда Константиновна была уверена, что до этого дня никто не знал о содержании письма. Но Сталин и Каменев уже подготовились к моменту обнародования воли вождя и продумали, как это сделать безболезненно для себя.

Задача эта легла на плечи Льва Борисовича. Именно ему доверили зачитать «Письмо к съезду» на пленуме 21 мая 1924 года. Чтобы

заранее не привлекать лишнего внимания, в повестку дня этот вопрос включили как «Доклад Комиссии пленума о приеме бумаг В. И. Ленина». Каменев понимал, какая на нем лежит ответственность: нужно зачитать письмо именно так, чтобы сгладить остроту слов Ленина. Пленум должен был принять заранее выработанное «тройкой» решение – зачитывать «Завещание Ленина» по делегациям. Зная содержание письма, Каменев, не торопясь, интонируя в нужных местах, начал его зачитывать, не забыв упомянуть, что написано оно 1,5 года назад:

– Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе. Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными. В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни.

Дальше в письме подробно объяснялись причины такого решения. Ленина очень тревожил возможный раскол в партии, и ответственность за это он возлагал на Троцкого и Сталина.

– Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, – продолжал зачитывать письмо Каменев, – и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, товарищ Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

В письме был упомянут отказ Каменева и Зиновьева от вооруженного восстания в 1917 году, Ленин называл «этот эпизод» не случайным...

А дальше Лев Борисович перешел к зачитыванию ленинских характеристик некоторых членов ЦК: Бухарин – любимец партии, теоретические воззрения которого «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»; Пятаков – человек выдающейся воли, но слишком увлекающийся «администраторской стороной дела», поэтому на него нельзя положиться в серьезном политическом вопросе. Но больше всех досталось Сталину:

– Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности^[173].

Каменев закончил чтение письма и по реакции участников пленума понял, что он справился с поставленной задачей. Письмо Ленина не произвело шокирующего эффекта. Прошло 1,5 года, но никакие страхи Ленина не оправдались. Несмотря на споры и даже открытую дискуссию с Троцким в 1923 году, партия едина, никакого раскола не произошло. Да и сам Ленин в письме указал, что его замечания «делаются лишь для настоящего времени», то есть на конец 1922 года, на чем Каменев акцентировал внимание.

Пленум вынес решение исполнить волю В. И. Ленина и огласить зачитанные документы на съезде, но только по делегациям и только членами комиссии по приему бумаг Ильича^[174].

ДОВАРЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 24-го декабря 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, а это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Л е н и н .

Записано Л.Ф.

4-го января 1923 г.

Фрагмент письма В. И. Ленина к съезду с характеристикой И. В. Сталина. Текст был записан стенографисткой М. А. Володичевой под диктовку В. И. Ленина

4 января 1923

Подлинник. Машинописный текст

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048. Л. 3]

Сталин переживал, как это «Завещание» воспримут остальные члены партии. Но беспокоился он зря. Благодаря стараниям Каменева и Зиновьева, которые зачитывали «Завещание» по делегациям, все прошло гладко и спокойно. А последующие резолюции, приходившие от делегаций, и вовсе закрыли эту проблему. Все сошлись в одном мнении – «опасения В. И. Ленина о том, что генеральный секретарь партии товарищ Сталин по своему характеру может неправильно использовать свою власть, не подтвердились. Необходимо обеспечить и на дальнейшее время работу товарища Сталина в качестве генерального секретаря партии» ^[175].

План сработал. И безусловно во многом благодаря Каменеву – его ораторскому умению и грамотным комментариям. Казалось бы, блок Сталин – Каменев – Зиновьев только укрепился. Но это только казалось. Сталин не любил быть кому-то обязан. Каменев это знал, но все же не ожидал удара в спину.

17 июня 1924 года Сталин с докладом выступал на курсах секретарей уездных комитетов, причем с достаточно обычной темой – об итогах XIII съезда РКП(б). Говоря об оппозиции и о ленинском призыве в партию, Сталин поднял вопрос об «улучшении качественного состава партии». Один из опасных недостатков, по его мнению, состоял в «понижении теоретического уровня» членов партии. И в качестве примера он привел ни много ни мало фрагмент статьи Каменева:

– Недавно читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, товарища Каменева), где черным по белому сказано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение «России нэпмановской» в Россию социалистическую. Причем, что еще хуже, этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину. Ни больше ни меньше! Между тем известно, что ничего такого не говорил и не мог сказать Ленин, ибо России «нэпмановской», как известно, нет в природе. Правда, Ленин говорил о России «нэповской». Но одно дело «нэповская» Россия, то есть Советская Россия, практикующая новую экономическую политику, и совершенно другое дело Россия «нэпмановская», то есть такая Россия, во главе которой стоят нэпманы. Понимает ли эту принципиальную разницу товарищ Каменев? Конечно, понимает. Почему же он выпалил тогда этот странный лозунг? По обычной беззаботности насчет вопросов теории, насчет точных теоретических определений. А между тем, весьма вероятно, что этот странный лозунг может породить в партии кучу недоразумений, если ошибка не будет исправлена ^[176].

Лев Борисович Каменев

1923

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 21]

Возможно, все бы прошло незаметно, но доклад опубликовала газета «Правда» без каких-либо изменений и без согласования с Политбюро. Безусловно, это был обдуманный шаг Сталина, он знал, что Каменев это так просто не оставит и обязательно включится в полемику, а тем самым развяжет Сталину руки для дальнейших действий.

Каменев, находящийся в то время в Пятигорске на отдыхе и лечении, очень близко к сердцу принял слова Сталина. Он был поражен его публичным укором – унижением из-за какой-то несчастной опечатки. Ведь фактически только благодаря ему и Зиновьеву Сталин остался на посту генерального секретаря. Да и вообще, как он мог обвинить его в «беззаботности в вопросах теории», когда сам всю жизнь советовался с Каменевым по поводу этих вопросов и просил помощи в написании статей? Даже самому рядовому читателю понятно, что случилась всего-навсего опечатка стенографистки и не более. Каменев просто не мог сказать подобного – он готовил все работы Ленина к изданию и знал их практически наизусть.

23 июня он написал письмо Сталину и Зиновьеву, в котором высказал свое недоумение по поводу выпада Сталина, назвав его «придиркой». «Если это не заранее обдуманный тактический ход, – писал Каменев, – и если полемика признается нежелательной, я предлагаю от имени Сосо напечатать следующее: слово нэпмановский вместо нэповский в цитате из Ленина является результатом ошибки стенографа и никаким доказательством пренебрежения к теории служить не может»^[177].

Он ждал объяснений Сталина и просил Зиновьева проследить «за ликвидацией этого инцидента». Он готов был срочно выехать из Пятигорска, чтобы разобраться и решить дело через Политбюро, а также поднять вопрос о нетоварищеском поведении Сталина^[178]. Сталин же не собирался ничего более объяснять публично, а Льву Борисовичу ответил, что никакой полемики нет, тем более нет придирки: «200.000 экземпляров “Правды” разошлись по России, партия читает неправильную формулировку, не исправленную ни тобой, ни Правдой, недоразумения и неразбериха неизбежны. Гораздо лучше было исправить ошибку кому-либо из нас, чем какому-нибудь оппозиционеру»^[179]. При этом Сталин добавил, что если речь идет об ошибке стенографа, то исправлять ее должен Каменев, а не он.

Зиновьев, желая помочь решить спор, предложил Каменеву разместить в газете безличную заметку о допущенной досадной ошибке стенографиста. Но Льва Борисовича слишком задело поведение Сталина. Поэтому 1 июля 1924 года Каменев сам написал в редакцию

«Правды» письмо с выпадом в сторону Сталина: «Цитаты из Ильича должны воспроизводиться с буквальной точностью, только совершенно напрасно из ошибки корректора или стенографа тов. Сталин попытался сделать доказательства пренебрежения к теории нашей партии. Газеты, напечатавшие доклад тов. Сталина, прошу перепечатать эти строки»^[180].

Москва через ГПУ
ЦКРКП Сталину лично
Копия Зиновьеву.
Порасея публикован вступлением
сосо с намеками на пренебреже-
ние теорией в нашей узкой среде
стор зачем понадобилась эта явная
придирка к одному слову в
непрочитанной стенограмме.
стор допустить ли посылка в
нашей среде, стор я ведь не могу
промолчать после такого резкого
и ничем не вызванного нападения
стор Если это не заранее обдуманная
таджикский ход и если посылка
принадлежит нежелательной я предлагаю
оу имени сосо напечатать следующее
слово изъяснения вместо повторения
в цитате из Ленина является
результатом ошибки стенографа
и никаким доказательством пренебре-
жения к теории служить не может.
стор недоумевая обратил к реда-
ктору
оного
ответа телеграммой
Каменев

Письмо Л. Б. Каменева, адресованное И. В. Сталину и Г. Е. Зиновьеву, об опечатке в его статье и публичной критике Сталина
23 июня 1924
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 67. Л. 6]

Москва Тверская 48
Редакция правды

Воту немедленно напечатать
следующее письмо в редакцию

Всем нам приходилось десятки
раз повторять формулу Влади-
мира Ильича о том, что кавачки из России
иновской все таки будет Россия
социалистическая кавачка. Формула
эта прекрасно характеризует
направление всей нашей работы
в СССР. (Вкладчик ЦК т.

Зимовьев о том, что именно на-
писал эту формулу в виде
итогов (популярного ответа ЦК

XIII партсезу Москва

20

~~Написано~~ В своем докладе московской
организации об успехах XIII съезда
я тоже стал нужным повторить
эту формулу только при этом чтобы
подчеркнуть все значительное
исполненность и своевременность
формулы данной Мавина еще
в 1922 году, я согласен перед тем
как привести слова Мавина, не
только на само Мавина но и на
~~политический~~ ~~политический~~ то место поли-
теского отчета ЦК съезду, где
т. Зиновьев повторил эту
формулу. только. Буквально
выразился так ~~два кадра~~
Опирается на расширенную про-
летарскую базу партии
всерiously работает над тем

Письмо Л. Б. Каменева в редакцию газеты «Правда» об опечатке в его статье

1 июля 1924

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 67. Л. 9-10]

И только на пленуме в августе 1924 года Каменеву стало понятно, что Сталин намеренно раздул конфликт. Тот написал заявление в ЦК с просьбой об отставке: «Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня вышедшим из состава Пол[итического] бюро ЦК»^[181]. При этом он просил предоставить ему отпуск, а после отправить хоть в Туруханский край, хоть в Якутию на «невидную» работу.

Для Каменева это стало большой неожиданностью. Между ними никогда не возникало особых разногласий, а тут Сталин заявляет, что работать с ними не может. Естественно, Сталина ни в какой Туруханск не собирались отпускать, да и членам ЦК его заявление не показали. Все решилось в кулуарах пленума среди «друзей». Именно тогда было принято решение преобразовать «тройку» в «семерку» из наиболее

влиятельных членов ЦК, противостоящих Троцкому. В ее состав вошли Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и Куйбышев. Таким образом, Каменев оказался отодвинут, а Сталин получил свободу для дальнейших политических маневров^[182]. И это очень скоро проявилось.

В октябре 1924 года в свет вышла статья Троцкого «Уроки Октября», которая должна была стать введением к очередному тому его сочинений. В ней, по мнению «семерки», он открыто превозносил свою роль в подготовке и проведении Октябрьской революции, критиковал просчеты Ленина и неумело организованное восстание в Москве. Не забыл он упомянуть и о позиции Каменева и Зиновьева по отношению к вооруженному восстанию и к созыву Учредительного собрания после него.

Такого от Троцкого не ожидали. Всем стало ясно – Троцкий так и не смог поставить точку в дискуссии. А сейчас и вовсе посягнул на святое – на идейное содержание большевизма, на самого Ленина. Со всех сторон посыпались предложения о необходимости принятия срочных мер для защиты ленинизма и истории самой пролетарской революции.

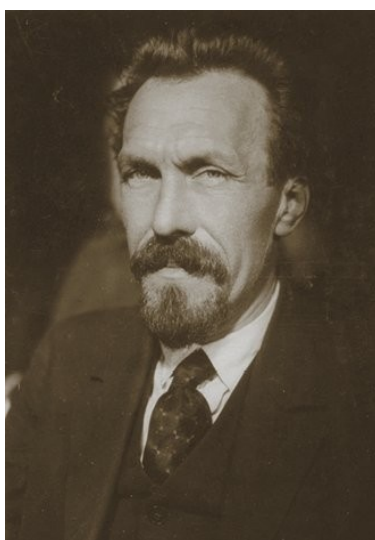
Николай Иванович Бухарин

1920-е

[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 98]

Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев
1924
[РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 41. Л. 21]

Алексей Иванович Рыков
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 97]

Каменев рассматривал эту статью не иначе как «сознательное извращение истории партии, направленное к достижению фракционных целей»^[183]. Чтобы изобличить ложь Троцкого, Лев Борисович, будучи к тому времени директором Института Ленина, предложил немедленно издать все статьи и документы Ленина за февраль – октябрь 1917 года и заодно напомнить партии, как все было на самом деле.

Не дождавшись никаких решений ЦК, Каменев по своей инициативе написал доклад «Ленинизм или троцкизм», с которым выступил на собрании актива Московского комитета партии, а после – на собрании фракции ВЦСПС и на совещании военных работников.

*Иосиф Виссарионович Сталин
1922
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1650]*

*Михаил Павлович Томский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 189. Л. 1]*

Каменев хотел предостеречь всех от ложных выводов Троцкого. Признавая его искусным литератором, Лев Борисович настаивал, что на сей раз его «искусное перо служит делу разложения и дискредитирования большевизма». Говоря об «извращениях», допущенных в изложении событий, Каменев не ставил задачу опровергнуть каждое из них. Для него главными были другие вопросы – социально-политический смысл и значение выступления Троцкого и его роль в партии.

Рассказывая о троцкизме и попытках Троцкого повести партию по другому пути, Каменев обвинял его в излишнем геройстве: когда «партия здорова, когда все идет хорошо, Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается», но, как только партия сталкивается с трудностями, Троцкий пытается показать себя в роли «спасителя и поучителя», при этом показывая не тот путь.

*Валериан Владимирович Куйбышев
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 382]*

*Лев Борисович Каменев
1924
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]*

Лев Борисович понимал, что, критикуя ошибки Троцкого, ему нужно опять и опять возвращаться к своей собственной – нежелании поддерживать вооруженное восстание в Октябре 1917 года. Каменев признавал, что про ошибки он вспоминает неохотно, но в том числе и потому, что они давно исправлены. А вот Троцкий, по его мнению,

пытается создать в большевизме «правое крыло с меньшевистским уклоном» ^[184].

Присоединившись к критике, Зиновьев предложил радикальное решение – за все высказывания Троцкого убрать его с поста председателя Реввоенсовета и исключить из членов Политбюро. Однако Сталин с Бухариным предложили ограничиться снятием с поста председателя РВС. Сталин считал, что «партии выгоднее иметь Троцкого внутри Политбюро». К тому же исключение из Политбюро должно повлечь «дальнейшие меры отсечения от партии, а стало быть и других членов оппозиции, занимающих важные посты. А это для партии создаст только лишние затруднения и осложнения»^[185].

Сам Троцкий молчал и только 15 января 1925 года обратился к пленуму. Он признался, что не ожидал подобного эффекта от своей статьи и именно поэтому решил не вступать в спор до последнего, чтобы избежать внутрипартийной полемики. Однако, когда вопрос был выдвинут на пленум, ему пришлось отвечать.

Он категорически возражал против обвинений в проведении линии «троцкизма», пессимистического отношения к судьбе социалистического строительства при замедленном ходе революции на Западе. Больше всего его возмутил тезис Каменева, что он посягает на «особое положение» в партии. В итоге своего обращения он добавил, что «готов выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста».

Пленум же это заявление воспринял не как объяснение, а как «собрание дипломатических уверток и возобновление старых споров». Все ждали от Троцкого «честного признания своих ошибок», но он свою статью ошибкой не считал.

Сталин, докладывая «о троцкизме», заявил, что партийные организации предлагают 3 варианта резолюции: исключение Троцкого из партии, снятие с поста председателя Реввоенсовета и вывод из Политбюро, снятие с поста председателя Реввоенсовета, но оставление в Политбюро.

При этом Сталин умолчал, что от разных партийных организаций приходили разные мнения. В том числе и такое, что Троцкий прав, а вот Каменев и Зиновьев «в трудную минуту революции готовы были бежать». И нападки Каменева на Троцкого связаны с тем, что тот задел самолюбие Каменева. Подобных высказываний было много. Тогда не распространялись о том, что есть мнения, поддерживающие Троцкого. А Каменев даже не подозревал, что спустя совсем немного времени его позиция в Октябре 1917 года будет вновь использована против него, но уже не Троцким, а самим Сталиным. А тогда казалось, точка поставлена.

На январском пленуме выступление Троцкого расценили как «предвестник раскола» партии. Несмотря на это, Троцкому вынесли «категорическое предупреждение», что нахождение в рядах партии

требует подчинения партийной дисциплине и безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма. В наказание его сняли с поста председателя Реввоенсовета. Все были убеждены – «руководство армией немыслимо без полной поддержки всей партии». А вот в Политбюро и ЦК его пока оставили. При этом приняли решение прекратить дискуссию, но продолжить раскрывать перед членами партии антибольшевистский характер троцкизма^[186].

Каменева расстроило это решение. Он настаивал на выведении Троцкого из Политбюро. Он понимал, что Троцкий прекрасно знал, какой эффект произведет его статья «Уроки Октября». Это все было сделано специально для расшатывания партии, и Лев Борисович хотел наказать его за это путем исключения из состава Политбюро. Но он не решился идти против большинства, боясь, что ему вновь припомнят его прошлые прегрешения. Сталин же предстал в качестве рассудительного политика и защитника единства партии.

Глава 9

«Платформа четырех»

Март 1925 - январь 1926

Начавшийся когда-то конфликт между Сталиным, с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым – с другой, начал потихоньку нарастать. Чувствуя усиление влияния Сталина и его стремление отодвинуть их от участия в принятии ключевых решений, Зиновьев и Каменев попытались упрочить свое положение путем включения своих сторонников в состав ЦК ВЛКСМ. Попытка провалилась. К тому же их единомышленников убрали из ленинградского комсомола – сняли с должностей «за фракционно-групповую борьбу», а состав ЦК ВЛКСМ обновили на 50 % сторонниками Сталина.

На этом нападки на Зиновьева и Каменева не прекратились. В апреле 1925 года состоялась XIV партийная конференция. На ней Зиновьев выступал с докладом «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ», в котором поднимался вопрос о том, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе.

Первоначальный проект тезисов, который подготовил Зиновьев, был разбит Сталиным в пух и прах. Каменев и Зиновьев всегда настаивали на невозможности построения социализма в отдельно взятой стране. В этом они опирались на Ленина: «...русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить

социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее».

И. В. Сталин, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев идут по территории Кремля

1925

[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 90. Л. 1]

Сталин придерживался иного мнения – о необходимости построения социализма в СССР, не дожидаясь мировой революции. Специально созданной комиссии было поручено выработать новые тезисы с «компромиссной формулировкой»^[187].

В итоге была принята резолюция, которая подтверждала: единственной гарантией окончательной победы социализма является «победоносная социалистическая революция в ряде стран», но «из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия». Резолюция призывала «дать максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, побуждения революции во всех странах»^[188]. Зиновьеву ничего не оставалось, как смириться и выступить с «исправленным докладом».

Подобное вмешательство Сталина и резкая критика Зиновьева дали повод слухам о серьезном разладе в партии. Уже в апреле многие

говорили, что между «сталинцами» и «зиновьевцами» идут разногласия по всем основным вопросам партийной политики^[189].

*Л. Б. Каменев среди делегатов английских рабочих. Парад в честь их прибытия у Большого театра
1925
[РГАКФД. 2-1429]*

Сталин тогда все отрицал: «Никаких разногласий в Политбюро, кроме вопроса о мерах обуздания товарища Троцкого, не было и нет»^[190]. Но разногласия существовали, и не только в вопросе построения социализма, но и по поводу развития новой экономической политики. Каменев и Зиновьев выступили против предложений Николая Бухарина, которые в 1925 году поддерживались Сталиным. Знаменитое обращение Бухарина к крестьянам – «обогащайтесь» – Каменев встретил в штыки. Подобно Сталину, который прицепился однажды к опечатке в его статье, Каменев вцепился в этот лозунг. Он считал его горькой насмешкой над бедняками в деревне, которые еле сводили концы с концами. Стоит сказать, что Сталин сам полагал этот лозунг глупостью. 2 июня 1925 года он направил письмо в газету «Комсомольская правда», опубликовавшую статью Бухарина. Сталин указывал, что «этот лозунг не наш, он неправилен и вызывает целый ряд сомнений и недоразумений... Наш лозунг – социалистическое накопление»^[191]. Однако во всем остальном Сталин стоял на стороне Бухарина. Инцидент был исчерпан, но Сталин не простил Каменеву нападок на своих сторонников.

Лев Борисович Каменев
1925
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 12]

4 сентября 1925 года Лев Борисович выступал с докладом на пленуме Московского обкома. Сталин указал, что в этом докладе Каменев «в замаскированной форме» повторил ошибку заместителя председателя сельскохозяйственной секции Госплана СССР Матвея Семеновича Голендо по вопросу «о хлебных излишках и удельном весе середняцких хозяйств»^[192]. Об этом он не замедлил сообщить от имени «семерки». Кроме того, он упомянул, что в «Правде» еще до доклада Каменева была опубликована статья Алексея Стецкого^[193] с «правильными» данными, подготовленная «по просьбе» Сталина.

Лев Борисович не мог молча снести повторного унижения: он использовал правильные данные, а его публично выпороли, как двоечника. Он подготовил новую статью «Об урожае», используя в этот раз наверняка точные цифры о хлебных излишках из Центрального статистического управления СССР^[194], и прошелся по статье Стецкого. Каменев обвинял его в попытке спрятать неоспоримые факты: «Три пятых всего крестьянского хлеба, который будет выброшен на рынок, действительно находится в руках 12 процентов крестьянских дворов, причем 37 процентов крестьянства не имеют хлеба для продажи и принуждены будут его покупать».

Каменев, не называя фамилий, указывал: «Некоторые товарищи с перепугу, и, конечно, из самых лучших намерений, бросаются в сторону замазывания идущего в деревне расслоения, в сторону прикрашивания действительности»^[195].

Однако эту статью не опубликовали. «Семерка» пришла к выводу, что печатать статью Каменева можно только вместе с ответом редакции насчет его ошибки в первой статье, но это «означало бы открытие дискуссии между членами Политбюро». А накануне пленума она была бы нежелательна. Каменева при этом еще и обвинили в попытке «теоретически оправдать уже исправленную семеркой ошибку»^[196].

Терпение у Каменева, да и у Зиновьева заканчивалось. Они же входили в ту самую могущественную «семерку», но их мнения просто игнорировали, а статьи не печатали. Поэтому, посоветовавшись, Каменев и Зиновьев вместе с разделяющими их взгляды наркомом финансов СССР Григорием Сокольниковым и Надеждой Крупской приняли решение 1 октября 1925 года написать в Политбюро «секретную докладную записку». Позже она стала известна как «Платформа четырех»^[197].

Многое из неопубликованной статьи Каменева вошло в нее. Говоря о промышленном подъеме и благоприятном урожае, четверка настаивала, что в крестьянской среде происходит усиление классовой дифференциации, которое дает возможность укрепляться кулаку. А из-за недостаточной разъяснительной работы парторганизаций и статей, подобных бухаринской статье о нэпе, многие прослойки крестьян думают, что партия делает «ставку на кулака».

Для реализации решений XIV партконференции они предлагали провести дополнительные меры по оказанию реальной экономической помощи бедняку и середняку: «Нельзя плодотворно бороться с губительной для революции недооценкой крестьянства троцкизмом, если самим впадать в противоположный уклон упрощенного подхода к крестьянству».

Авторы записки настаивали, что партия неверно истолковывает ленинский взгляд на нэп, а это, в свою очередь, приводит «к попыткам воскрешения мелкобуржуазных теорий», прикрывающих расслоение деревни.

При этом все четверо признавали правильными политику партии и задачи, которые были озвучены на XIV партконференции. Но они призывали сделать все, чтобы избежать ошибок и «уклонов» и твердо проводить политику ленинизма.

Каменев надеялся данной запиской привлечь внимание Политбюро к очевидным проблемам, но ожидания не оправдались.

Политбюро, вернее, так называемая «девятка», а именно: Бухарин, Дзержинский, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин и Томский, – тут же окрестила записку «фракционной платформой», которая является последним по счету звеном «в общей цепи нападений на ЦК». Назвав документ беспринципным, лицемерным и фальшивым, «девятка» определила главные его задачи – «замазать и скрыть» ошибки Каменева и Зиновьева и нарушить единство партии.

СЕКРЕТНАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

Для нескольких товарищей
по списку.

В виду ряда споров по принципиальным вопросам, возникших в последнее время, запрещения печатанья статей и т.д., — мы считаем абсолютно необходимым изложить перед вами наше мнение по некоторым основным спорным вопросам политики.

Нижеследующее представляет черновую формулировку некоторых основных положений того доклада, который мы хотим сделать вам. Если вы признаете необходимость (как признаем это мы) официально от имени партии отгородиться от наметившихся ошибок, то резолюция должна быть написана, конечно, в иных выражениях (с учетом публикации ее, впечатления на крестьянство и т.д.) и, конечно, без упоминания имен членов Цека.

буржуазной стихии в крестьянской стране. Некоторые товарищи на местах делали уже из указанных ошибок нашей печати ^{такие} выводы, которые фактически клонились к подрыву национализации земли (см. "Заря Востока" от 16 июля 1925г. - справедливый отпор, который дан был этим тенденциям ~~товарищами~~ в Грузии).

13. Политика партии, как она намечена последними решениями XIV Всесоюзной Партийной конференции, ~~правильна~~ правильна. Задача заключается в том, чтобы повести уже сейчас решительную борьбу против малейших попыток искажать эти решения. Нужно, чтобы работа по подготовке XIV партсъезда и работа самого этого съезда положила конец внешнеочерченными идеями патаманиям и помогла партии еще тверже повести политику ленинизма, политику строительства социализма в крестьянской стране. Только суровый ленинский отпор идеям патаманиям, пока эти патамания не сложились в целое направление, избавят партию от кризисов и ошибок. Только суровая ленинская критика уклонов, откуда бы они ни шли, обеспечит за партией еще большую поддержку со стороны всего рабочего класса в городах и всей бедноты и ~~середняков~~ середняков в деревне.

своими
мыслями

1-925

Т. Зиновьев
Л. Б. Каменев
Н. Крупская
Г. Я. Сокольников

Секретная докладная записка Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. К. Крупской и Г. Я. Сокольникова в Политбюро ЦК ВКП(б) об ошибках в толковании линии партии («Платформа четырех»)

1 октября 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 14-29]

Политбюро обвинило Каменева и Зиновьева в игнорировании интересов и роли середняка, а также в извращении ленинизма по вопросам построения социализма в отдельно взятой стране. Но притом «девятка» считала, что это лишь отдельные разногласия, которые могут и должны быть «изжиты внутри руководящей группы ленинцев, без открытой дискуссии»^[198].

Безусловно, не такого ответа ожидал Каменев. Неужели теперь любое несогласие является проявлением фракционности? В записке четко были сформулированы пункты, которые требуется обсудить. Крупская удивилась реакции не меньше Каменева: «Разве члены ЦК

непогрешимы или они так слабонервны, что при каждой попытке сказать им правду впадают в истерику и начинают вопить о фракционности?»^[199]

Началась очередная игра, переписка двух групп – «четверка» против «девятки», взаимные обвинения и жонглирование цитатами Ленина. «Четверка» составила ответ, где еще раз указала на необходимость обсуждения спорных моментов, признания в печати ошибочных взглядов Бухарина на нэп, так как это является извращением линии партии^[200].

Сталин настаивал на своем – именно взгляды Каменева и Зиновьева являются извращением ленинизма^[201]. «Четверка» повторяла, что их «объединение» стоит на страже ленинизма и защищает его от уклонов, а «девятка» извращает к тому же частные разговоры, так как других доводов у нее нет. «Девятка» в ответ обвиняла Каменева и Зиновьева в клевете и в неверии в силы революции и рабочих масс. Им было вынесено предупреждение – если «четверка» все же начнет открытую дискуссию, то столкнется с решительным осуждением.

Каменев и Зиновьев пытались объяснить, что они и не стремятся к открытой дискуссии, но никак не могут отказаться от убеждения, что «проповедь бухаринской точки зрения крайне вредна и ведет за собой ряд практических ошибок». Поэтому они просили: отменить резолюцию, принятую тогда еще «семеркой», о «солидаризации» со статьей Стецкого и о мнимой ошибке Каменева, а также напечатать статьи Каменева и Крупской в «Правде» и отказаться от проповеди бухаринской точки зрения в печати^[202].

2-87
ЦКК считает правильным заявление Бюро
интерна. руководимого комитета в его от-
вете 4-го п.к., что искусство не должно быть
отчуждено и единство партии всеми мерами
должно быть охранено.

В. Кузнецов

Зависим

А. Кузнецов

Н. Кузнецов

Н. Кузнецов

В. Кузнецов

С. Кузнецов

М. Кузнецов

М. Кузнецов

Б. Кузнецов

А. Кузнецов

Н. Кузнецов

А. Кузнецов

А. Кузнецов

А. Кузнецов

11/18

1. 66

Председ. ЦКК, ознакомились
 с известным документом "4-х", с ответами
 на него Бюро ЦКК, руководящего Комитета
 и с другими материалами, считают, что выработ-
 анные в этих материалах и документах раз-
 ности могут и должны быть устранены
 внутри нашего ленинского Бюро ЦКК.
 ЦКК считает, что
 троякая партийная дискуссия в насто-
 ящий момент грозит безуклонными
 затруднениями для партии, и проше-
 лской власти и может поставить
 под угрозу единство нашей партии.
 Требования 4-х перенесены спорных
 вопросов на открытую дискуссию, от которой
 они не отказываются полностью и в своем
 последнем документе ("Наш ответ «четверке»"),
 вынуждают нас, Председателя того
 органа, который по замыслу В. И. "не вы-
 ряд на лица" должен неуклонно охранять
 единство партии, всеми силами протестовать
 против этого требования. Независимо от
 той оценки, которая будет сделана Бюро ЦКК
 своим ЦКК дана установка 4-х

Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) о требованиях «четверки»,
запрете дискуссии и необходимости сохранения единства партии

7 октября 1925

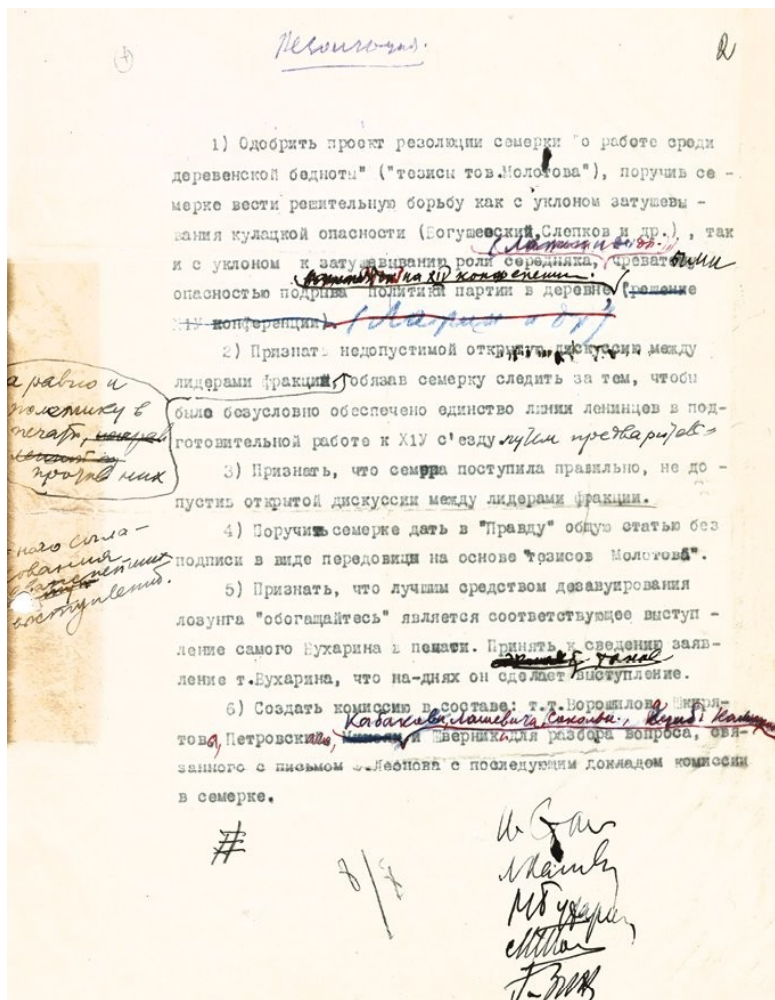
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 56. Л. 66-67]

После долгих препирательств Сталин, не желая допускать открытую дискуссию перед съездом, пошел навстречу «четверке». 8 октября была принята общая резолюция – вести решительную борьбу с уклоном к затушевыванию кулацкой опасности и роли середняка. Признавалось необходимым дезавуировать лозунг «обогащайтесь», поручив Бухарину опубликовать статью в «Правде». Открытую дискуссию еще раз признали недопустимой, а для «обеспечения единства линии ленинцев» все доклады на XIV съезд обязали согласовывать заранее. Резолюцию подписали Сталин, Каменев, Бухарин, Томский и Зиновьев^[203].

Каменев был доволен. Казалось, он и Зиновьев добились своего, но они ошибались. Борьба только началась. Сталин стал усиленно готовиться к XIV съезду. Неожиданно для оппозиции местом проведения съезда выбрали Москву, а не Ленинград, как изначально

планировалось. С поста секретаря Ленинградского губернского комитета был снят сторонник Зиновьева Петр Залуцкий. Сторонники Каменева в Москве лишились своих должностей, сменились почти все секретари райкомов. Каменева и Зиновьева и вовсе призвали сознаться в антиленинском уклоне^[204]. Неудивительно, что к XIV съезду оппозиция пришла с решительным настроем и с громогласными призывами. Ей удалось добиться, чтобы содокладчиком по политическому отчету вместе со Сталиным выступил Зиновьев. Несмотря на это, съезд не только не примирил зиновьевцев и сталинцев, но и окончательно отделил оппозицию от ЦК. А скандальная атмосфера, царившая весь период съезда, не позволила обсудить действительно важные вопросы, все внимание сконцентрировалось на внутривнутрипартийных разборках.

Нападки на оппозицию посыпались с самого начала съезда. Сталин в своем докладе упомянул, что данные о дифференциации в деревне, которые приводят ленинградские организации, несусветная чепуха, а Центральное статистическое управление постоянно путается в цифрах о хлебно-фуражном балансе^[205]. Не мог Сталин и не упомянуть о дискуссии, которая возникла в партии, однако выразил уверенность, что «партия быстро ее преодолеет, и ничего особенного случиться не может».

Резолюция о работе среди деревенской бедноты и недопущении дискуссии между лидерами фракций

8 октября 1925

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 57. Л. 2]

Зиновьев же решил высказаться на съезде о той полемике, которая была направлена против ленинградской организации. Говоря о разногласиях, Зиновьев в подробностях рассказал о статьях Бухарина, его лозунге «обогащайтесь», рассказал об обращениях «четверки» и о запрете публикации статей Крупской и Каменева. Однако выступающие следом Бухарин, Рютин, Постышев, Петровский, Микоян и все остальные под громкие выкрики поддержки «растоптали» Зиновьева и его доклад, обвинив его в организации фракции и попытках срыва нэпа.

*Траурная процессия с гробом М. В. Фрунзе. Впереди идет К. Е. Ворошилов; у гроба – С. М. Буденный, В. В. Куйбышев, М. Ф. Шкирятов, Е. М. Ярославский, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и другие
3 ноября 1925
[РГАКФД. В-264]*

В итоге Каменеву вместо доклада пришлось просто отбиваться от нападков и защищать взгляды оппозиции. Лев Борисович говорил, что убежден в неправильности линии партии и считает своим долгом предупредить партию об этом:

– Вы можете нас за это обругать, можете наказать, можете за это открыть по нам огонь, можете сказать, что мы очень плохие люди, но это не остановит нас перед тем, чтобы сказать, в чем, по-нашему, заключается та ошибка, на которую партию пытаются толкнуть.

В своем докладе Каменев постоянно жаловался, что им до этого запрещали выступать и именно поэтому партия не знает всех проблем, а съезд – единственное место, где они могут озвучить свои взгляды.

Говорить Каменеву не давали. Его постоянно перебивали с мест. Ему приходилось повышать голос, чтобы перекрыть шум, смех и оскорбления. Однако Лев Борисович был настолько возмущен нападением выступающих на Зиновьева и непониманием сути проблем, что больше не собирался с ними церемониться:

– Товарищи, до тех пор, пока я стою на этой трибуне, вы меня не заставите замолчать, как бы громко ни кричала кучка товарищей.

Каменев вновь и вновь критиковал взгляды Бухарина, настаивал, что им «прикрашивается» нэп и скрывается оживление в деревне капиталистических элементов – кулачества и нэпманства:

– Я товарища Сталина упрекал на ряде совещаний, я повторю это перед съездом: ты вряд ли согласен с этой линией, но ты ее прикрываешь, и в этом твоя ошибка как руководителя партии: ты твердый человек, но ты не даешь партии твердо отвергнуть эту линию... Теперь я вижу, товарищи, что товарищ Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии, творцом которой является Бухарин.

Лев Борисович на протяжении всего доклада твердил о необходимости внутрипартийной демократии – меньшинству должна быть предоставлена возможность отстаивать свои взгляды в партии. Конечно, подчеркивал Каменев, в пределах партийного устава и «диктатуры партии и пролетариата».

Самое же главное Каменев припас на конец доклада. Будучи в Политбюро, и даже в «семерке», Каменев никак не мог влиять на политику. Он даже не мог отстоять свое право на публикацию статей. Он знал, что это заявление взорвет зал. Но не мог промолчать и не бросить с трибуны:

– Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и, вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат.

В зале опять раздались шум, гул и выкрики: «С этого надо было начинать!»

Каменев же не растерялся и парировал:

– Это право оратора начать с того, с чего он хочет. Вам кажется, следовало бы начать с того, что я сказал бы, что лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб? Я не считаю, что это основной политический вопрос. Если бы партия приняла определенную политическую линию, отмежевала бы себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает часть ЦК, то этот вопрос бы не стоял сейчас на очереди.

Зал в основной массе был настроен скептически. Из зала сквозь шум посыпались выкрики: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!» А ленинградская делегация аплодировала Каменеву.

Каменев, перебивая выкрики, повторил:

– Я неоднократно говорил это товарищу Сталину лично, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба.

Уходил Каменев с трибуны под аплодисменты сторонников оппозиции, шум и выкрики их противников: «Не дадим командных высот!», «Сталина!»

Каменева же не смущали ни крики, ни свист. Не в первый раз все-таки он выступает с речью, которая не всех устраивает.

Однако его выступление положение оппозиции только усугубило.

Сталин назвал все выпады Каменева клеветой на партию. А самого Каменева обвинил в том, что тот запутался в нэпе и подходит к делу «не как ленинец, а как либерал». Да и вообще, по его мнению, Каменев и Зиновьев подходят ко многим вопросам «вне связи с исторической обстановкой». Говоря о том, что ошибка Бухарина с его лозунгом «обогащайтесь» давно исправлена, Сталин задавался вопросом – почему же оппозиция не прекращает травлю против Бухарина? Притом он не отрицал запрет на публикацию статей оппозиции, говоря, что это «ради единства партии».

– Партия хочет единства, – говорил Сталин, – и она добьется его вместе с товарищами Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них – если они этого не захотят.

После оглашения проекта резолюции съезда Каменев пытался внести в нее поправки, обсудить ее еще раз^[206]. Особенно его волновала судьба его единомышленников. Он просил, чтобы в резолюции было отражено, что к ним не будет применено никаких «организационных репрессий и смещений».

Однако большинство проголосовавших отклонило все предложения Каменева. Резолюция была утверждена 599 голосами против 65. Никакой внутрипартийной демократии, только «абсолютное единство воли» и «пролетарская дисциплина»^[207]. А так как Каменев «не выражает линию Центрального комитета»^[208], с обсуждения съезда сняли доклад Каменева о хозяйственном строительстве, несмотря на то что его текст был заранее согласован.

Этот же съезд переименовал партию из РКП(б) в ВКП(б) – Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, а ее устав «первейшей обязанностью всех членов партии» утвердил строжайшую партийную дисциплину, в соответствии с которой все решения партийных центров должны исполняться «быстро и точно», а обсуждение спорных вопросов допустимо лишь для принятия решения.

✓

4

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (Большевиков).
ПОЛИТБЮРО.

Протокол № / пункт / от / Января 1926 г.

Слушали:

Состав Политбюро
Уч.

Постановили:

а) Признать необходимым расши-
рить состав Политбюро до 9 че-
ловек.

б) Членами Политбюро утверди-
ты: Букарин, Ворошилов, Зинов-
вев, Каменев, Малозов, Ра-
ков, Сталин, Толоцкий, Троцкий.
Кандидаты: ^{или утвердить} 88. Рудзук, Дзержин-
ский, Петровский, Уманов, Ка-
менев.

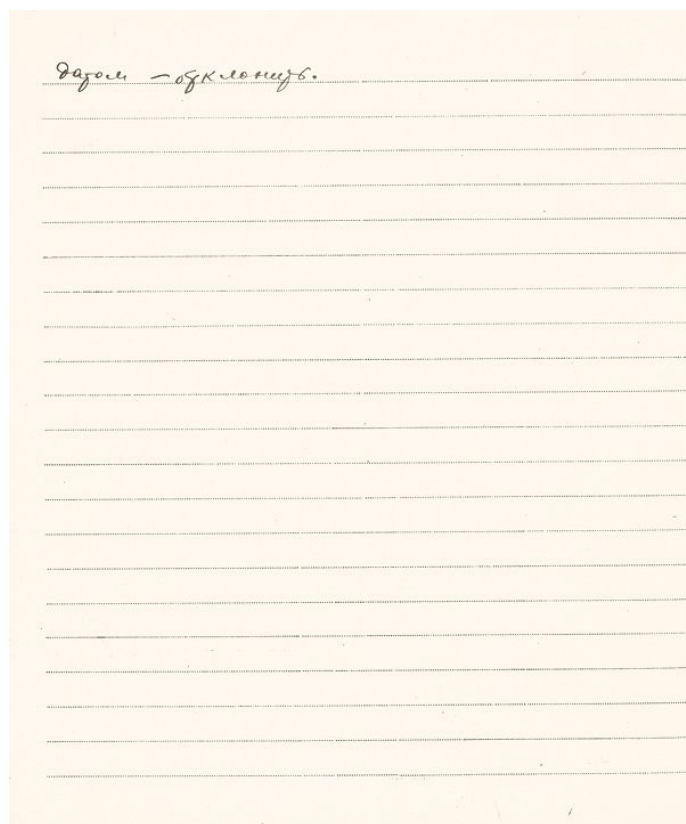
Архив: Дело № III / 9
Папка №

в) Предложение г. Зиновьева
об утверждении г. Каменева членом
Политбюро и г. Сокольникови - канди-

Выписки т. т. Кедров и Халдод. Аб

✓

Кем отправлены (подпись)

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о составе Политбюро и выводе из него Л. Б. Каменева

1 января 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 206. Л. 4-4 об.]

Каменев не зря беспокоился о судьбе единомышленников. После съезда в Ленинграде прошла большая «партийная зачистка» – увольнению и высылке подверглось немалое их количество. А 26 марта 1926 года Зиновьев был смещен с поста председателя Ленинградского совета.

На январском пленуме 1926 года кара настигла и самого Каменева. Чтобы слегка припугнуть и усмирить его бунтарский характер, его вывели из членов Политбюро, сделав кандидатом. При этом Зиновьева оставили в составе Политбюро^[209]. На вопросы Каменева о причинах его понижения в статусе Феликс Дзержинский на пленуме высказался, что для реализации решений съезда и работоспособного Политбюро в его составе будет достаточно одного Зиновьева. «Тем более, – заметил Дзержинский, – вы говорите одно и то же». Началась постепенная реорганизация партийного аппарата.

Оппозиции еще раз напомнили ее место. На просьбу Зиновьева издать брошюру, где можно будет разъяснить всем взгляды оппозиции,

которые «толкуются вкривь и вкось», ЦК ответил категорическим отказом. Каменева и Зиновьева обвинили в попытках развязывания новой дискуссии и нарушении решения XIV съезда. Дзержинский еще раз напомнил, что можно иметь свое мнение, «но только в границах определенной линии партии»^[210]. А Сталин предложил впредь не допускать содокладов на съездах от имени меньшинства и запретить публикацию каких-либо объяснений их сторонников о решениях съезда. Пленум эти предложения утвердил^[211].

Для Каменева этим все не закончилось. 11 января 1926 года Политбюро упразднило должность председателя Совета труда и обороны, которую занимал Каменев. Кроме того, он лишился поста заместителя председателя СНК. Вместо него были назначены Рудзутак и Куйбышев^[212].

Зиновьев пытался протолкнуть идею, чтобы Каменева оставили заместителем председателя СНК по линии СТО. Но, естественно, эту идею не поддержали. Каменева назначили на должность наркома внутренней и внешней торговли^[213]. Сталин даже не скрывал, что именно создавшаяся на съезде обстановка вынудила «использовать способности и опыт» Каменева на других постах: «Товарищ Каменев во всей своей предыдущей работе в СТО ознакомился со всеми вопросами рынка и внешней торговли и теми опасностями, которые грозят государственному хозяйству со стороны рынка. В качестве председателя комиссии СТО по хлебо-экспорту фактически руководил заготовительно-экспортной кампанией. Политбюро считает целесообразным использовать опыт и знания товарища Каменева на более ответственном для настоящего момента участке хозяйственной работы – руководстве Наркомторгом»^[214].

Ян Эрнестович Рудзутак
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 663. Л. 1]

Валериан Владимирович Куйбышев
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 388. Л. 1]

Каменев считал это объяснение смешным. Никакого подходящего опыта у него не было. А сам Наркомат торговли, по имеющимся у него сведениям, находился в удручающем состоянии. Об этом он написал в своем обращении к Политбюро: «Назначение мое наркомторгом абсолютно нецелесообразно. У меня нет никаких личных данных, чтобы успешно справиться с оперативными, организационными и административными задачами, стоящими перед НКВторгом. Аппарат наркомата находится в полном разложении. Красин сегодня уезжает в Англию, Шейнман назначен в Госбанк. Я дела абсолютно не знаю, а с выбытием указанных товарищей мне не у кого даже учиться и позаимствовать опыт».

Каменев признавал важность грамотного руководства торговыми операциями, особенно на международном рынке, но понимал, что не сможет его обеспечить. «На любом государственном посту, соответствующем моим силам и опыту, – писал он, – я всегда проводил и всегда буду проводить не какую-либо свою личную линию, а только линию партии и ЦК, но я должен настойчиво указать товарищам, что предложение о Наркомторге, руководить которым с успехом и пользой для партии, Союза у меня нет никакой надежды, не находится ни в

каком соответствии с подлинными интересами партии и государства»^[215].

Однако большинство членов ЦК поддержали Сталина в назначении нового наркома^[216]. А Каменеву дали понять, что за него все решено и впредь так будет всегда. Но Каменев не хотел сдаваться, как и Зиновьев. Они имели сторонников, но, чтобы что-то поменять, им следовало искать сильного союзника. И безусловно таким являлся Троцкий.

Глава 10

Объединенная оппозиция. Каменев, Зиновьев и Троцкий

Апрель - ноябрь 1926

О союзе с Троцким думал и Сталин. Вот только все его попытки наладить диалог не увенчались успехом. Сталин долго раскачивался, к тому же по всем взглядам на различные политические вопросы Троцкий сходилась именно с оппозицией и на XIV съезде был солидарен с Каменевым и Зиновьевым.

И вот о возможном блоке Каменев – Зиновьев – Троцкий заговорили на апрельском пленуме 1926 года.

7 апреля Лев Борисович при обсуждении доклада Рыкова о хозяйственном положении и политике высказался, что не согласен с ним и с предложенной резолюцией^[217]. Он не отступал от своей идеи и настаивал на необходимости направить все силы на расширение промышленности: «Индустриализация промышленности и затраты на нее – это есть вопрос увеличения нашей силы». При этом Каменев предлагал рассмотреть возможность провести индустриализацию за счет рабочих.

Предлагаемую Рыковым резолюцию осудил не только Каменев. Троцкий также был в ряду несогласных, высказав при этом гораздо больше предложений, нежели Каменев. Друг друга они не поддерживали, но и не спорили.

*Лев Борисович Каменев
23 сентября 1926
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 16]*

В итоге участники пленума стали обсуждать не суть предлагаемых поправок, а то, что предложения Троцкого и Каменева слишком уж похожи, а их отношение друг к другу очень «благожелательное». Молотов так и сказал: «Да у нас тут образовался блок!»

Сталин все поправки к резолюции Рыкова нашел неприемлемыми. И если предложения Троцкого он разобрал по кусочкам и удостоил комментарием каждый, то правки Каменева просто проигнорировал, считая их противоречащими решениям XIV съезда:

– Что касается резолюции товарища Каменева – я ее поправками не называю, так как это целая резолюция, в которую тезисы товарища Рыкова должны были войти, по существу дела, в качестве поправок. Вся, как теперь любят выражаться, установка резолюции Каменева такова, что она в нос бьет, режет слух и не совмещается с духом резолюции товарища Рыкова по пессимистическим ноткам и по тому удару по крестьянству, который содержится в резолюции Каменева.

Кроме того, Сталин напомнил, что хотя автором резолюции является Рыков, но она составлена от имени Политбюро, а значит, Каменев выступает против Политбюро и против самой идеи построить социализм собственными силами. А в конце Сталин и вовсе обвинил Каменева в расколе партии, считая, что сторонники Каменева и Троцкого воспримут их выступления как борьбу против ЦК. Тем самым он дал понять – нельзя высказывать мнение, нельзя критиковать предложения большинства – это все нарушение единства партии.

– Нужно добиться того, чтобы у нас группировок фракционных не было – это есть нарушение единства, – говорил Сталин. – Вы начали борьбу, а не мы, мы оборонялись. Вольно вам было вместо редакционных правок представить параллельные резолюции, теперь они будут известны всем... Это есть искание способов и путей, поводов к борьбе... Говорят о блоке. Есть ли он? Я думаю, что некоторый блок есть, блок взаимного нейтралитета против ЦК и против Политбюро^[218].

В итоге поправки Троцкого и Каменева были отвергнуты, а оба стали восприниматься как единая оппозиция. Обвиняя Каменева в нарушении решений XIV съезда, не забыли в очередной раз упомянуть о его позиции в 1917 году. И даже поступило предложение разослать всем членам ЦК и ЦКК письмо Ленина 1917 года, где он пишет о разногласиях с Каменевым и Зиновьевым. Решили поручить это Политбюро.

Это очень разозлило Каменева. Он не собирался сдаваться. Эти разногласия имели место почти 9 лет назад, и еще Ленин говорил, что не стоит вспоминать ошибки, которые «вполне исправлены»^[219]. Каменев был раздосадован тем, что сейчас все как будто забыли, что он много лет являлся преданным единомышленником Ленина и, можно сказать, его преемником.

Но раз они решили таким образом скомпрометировать его, то пора напомнить и их прошлые грехи. В первую очередь Рыкову, который и предложил вопрос о рассылке письма поручить Политбюро, ну и, конечно, главному их противнику – Сталину.

Размещено 30/6 1986 г.
(подпись) Л. Г. Ивлев

И
62
4/6
3032/с

В ПОЛИТИБЮ ЦК КПС(С).

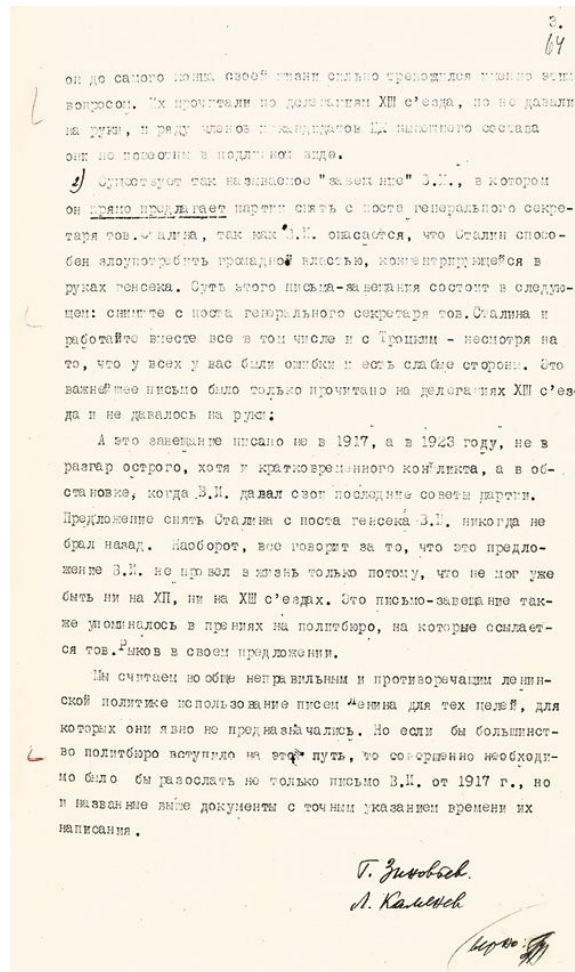
14 апреля 1986 г.

(Напечатано в од-
ном экземпляре).

Тов. Рыков внес предложение о рассылке членам и канди-
датам ЦК и ЦКК письма Владимира Ильича против Каменева и
Зинovieва, написанного в разгар наших расхождений почти
9 лет тому назад. Взякому понятно, что рассылка этого пись-
ма в сотни (или больше) экземпляров именно теперь имеет не-
единственную цель: проведение известной "теории компромета-
ции". Подобное искажение этого документа явно противоре-
чит действительной воле Владимира Ильича.

Известно, что Владимир Ильич писал (см. Ленин, т. XVII,
стр. 2373) в обращении к октябрьским (1917 года) разногласиям,
следующее:

"Перед самой Октябрьской революцией в России и
вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в Рос-
сии сдала ошибку, о которой у нас неохотно теперь
вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой
надобности неправильно вспоминать такие ошибки, кото-
рые вполне оправданы. Они проявили колебание в указ-
ании мною период в сторону опасений, что большеви-
ки слишком изолируют себя, слишком рискованно идут
на восстание, слишком неуступчивы известной части
"меньшевиков" и "социальных-революционеров". Конф-
ликт дошел до того, что названные товарищи ушли демон-
стративно со всех ответственных постов партийной и
советской работы, к величайшей радости врагов совет-
ской революции. Дело дошло до того, что в окончательной по-

Записка Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в Политбюро ЦК ВКП(б) о разногласиях с В. И. Лениным в октябре 1917 года и «Завещании Ленина»

14 апреля 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 66. Л. 62-64]

14 апреля 1926 года Каменев и Зиновьев написали в Политбюро письмо, в котором решили напомнить, что Рыков в 1917 году стоял дальше всех от Ленина, а в Октябре 1917-го совершил ту же ошибку, что и Каменев, – выступил против вооруженного восстания. Но, в отличие от Рыкова, Каменев был нужен Ленину в ЦК.

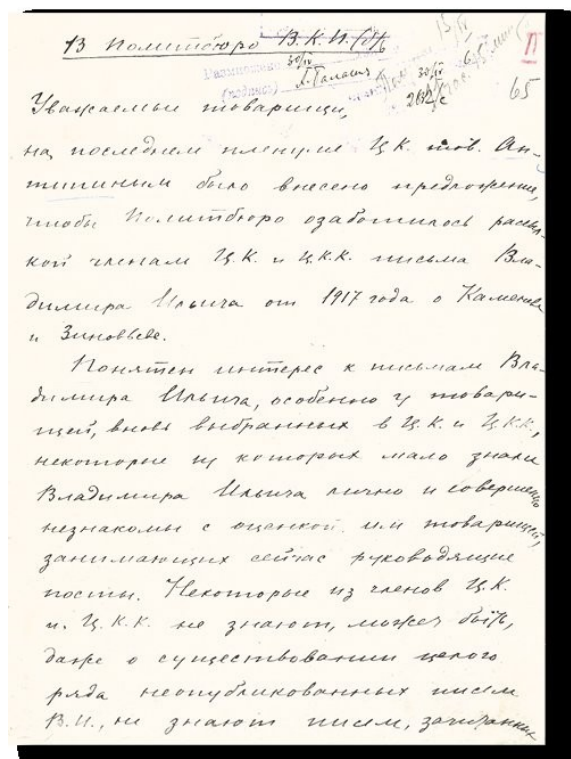
А Сталину они напомнили о существовании «Завещания Ленина», в котором тот настаивал на снятии Сталина с поста генерального секретаря. «Мы считаем вообще неправильным и противоречащим ленинской политике использование писем Ленина для тех целей, для которых они явно не предназначались, – писали Каменев и Зиновьев. – Но если бы большинство Политбюро вступило на этот путь, то

совершенно необходимо было бы разослать не только письмо Владимира Ильича от 1917 года, но и названные выше документы с точным указанием времени их написания»^[220].

Они заручились поддержкой Крупской. «Если рассылать неопубликованные письма Владимира Ильича, то рассылать их надо все целиком, – настаивала Надежда Константиновна. – Иначе рассылка будет носить характер, который весьма возмутил бы Владимира Ильича»^[221].

Троцкий тоже был на их стороне. Он предлагал собрать вместе все неизвестные или малоизвестные документы Ленина и сообщить их членам ЦК. Совершенно неправильно, считал он, выделять одни документы и умалчивать о других ^[222].

Сталин возражал против публикации писем. В своем письме членам ЦК он подробно объяснил, что Каменев, Зиновьев, Крупская и Троцкий ошибаются. Ведь «Завещание Ленина» давно известно членам ЦК и даже зачитано делегациям XIII съезда. А вот письмо Ленина 1917 года, по его мнению, оставалось единственным необнародованным. А Троцкому бы вообще следовало помолчать, так как в свое время он без ведома ЦК уже публиковал отдельные письма Ленина в своей статье «Уроки Октября»^[223]. В итоге в рассылке «Завещания Ленина» было отказано. Но свою идею Каменев и Зиновьев не оставили.

66
которых были кривотолками.
Учитывая пережитые трудности со
временем смерти В. Ильича Ленин,
я думаю, что совершенно необходимо
опубликовать, забвению!
С коммунистическими приветиями
Н. Крупская
15/12 1926г.

Текущее дело: Ц-та П. Б.
16 1926 г. № 1074

65 на XII и XIII съездах.
Для тех вышеуказанных писем
от 17-го года можно предположить в
совершенно неправильной интерпретации.
Если рассуждать относительно
писем В. И., то рассуждать их можно
во многом. Одна вещь будет
носить характер, который весьма
возмущал бы В. И.
За последнее время мне часто
приходилось слышать от старых
даже членов партии крайне много
разных извращений, забвений, вы
происходит ли это от того, что за
вещами было прочитано или
или было или по каким другим
причинам — не знаю.
Думаю, что необходимо
должно объявить, как полагает?

Письмо Н. К. Крупской в Политбюро ЦК ВКП(б) об обнародовании
всех неопубликованных писем В. И. Ленина

15 апреля 1926
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 66. Л. 65-66]

Тем временем в апреле 1926 года Каменев и Зиновьев объединились с Троцким уже официально. «Объединенный блок», о котором говорилось на пленуме, был оформлен общей декларацией^[224]. «Пробным камнем для каждой партийной группы в настоящий период является отношение ее к господствующей ныне “сталинской” политике, – говорилось в декларации. – В этом отношении обе наши группы сошлись полностью. Обе они уверены в том, что сходятся не только эпизодически, а для дружной совместной работы НА ГОДЫ, ибо в этом единственная надежда партии. Разногласия прошлого не должны этому помешать».

Каменев и Зиновьев пошли на компромисс. Да, когда-то Троцкий был для них злейшим врагом, но Каменев считал, что только так они смогут отстоять свою «идейную программу». И вопрос не во власти, а в центральной линии партии.

В это же время Сталин нанес по Каменеву очередной удар. 22 апреля 1926 года Политбюро сняло Каменева с поста председателя Моссовета и губернского исполнительного комитета «ввиду того, что Каменев в течение длительного времени не принимает фактического участия в работе Московского Совета». Да и вообще – «необходимо выдвигать на ответственные посты новых людей»^[225].

В принципе Каменев ожидал такого поворота событий. Но он готов был пожертвовать своей должностью. «Служить партии не значит беспрекословно следовать за Сталиным» – именно такой позиции придерживался тогда Лев Борисович. Он даже собирался написать это членам Политбюро в ответ на свое смещение с должности. Но так и не решился. Несмотря на всю свою прямоту, он опасался резких высказываний, боялся перегнуть палку.

А между тем сторонники оппозиции стали проводить конспиративные собрания. Одно из них состоялось 6 июня 1926 года в районе станции Долгопрудная Савеловской железной дороги. Присутствовавшие 70 человек слушали доклад заместителя председателя Реввоенсовета М. М. Лашевича о положении в партии и разногласиях оппозиции с большинством ЦК. Это конспиративное собрание довольно скоро было раскрыто, а все участники подверглись различным выговорам и наказаниям. Вошло в историю оно как «дело Лашевича»^[226] и явилось для Сталина предлогом для нового нападения на оппозицию. Именно «с появлением группы Зиновьева, – говорил Сталин, – оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности»^[227]. Сталин предложил ударить на пленуме по оппозиционной группе Каменева и Зиновьева, тем самым разбить их блок с Троцким и попробовать вернуть лояльность Троцкого и его

сторонников. Сталин считал: если ударить по всем трем сразу, то ЦК и его органы превратятся в неработоспособные учреждения^[228].

Он предлагал Зиновьева вывести из Политбюро, а после убрать с поста председателя Исполкома Коминтерна. «На пленуме можно и нужно ограничиться короткой резолюцией о единстве в тесном смысле слова в связи с делом Лашевича, сославшись на ленинскую резолюцию о единстве на X съезде, – писал Сталин Молотову. – Зиновьев выводится из Политбюро не из-за разногласия с ЦК... а из-за его политики раскола»^[229].

Началась подготовка к пленуму с обеих сторон. Оппозиция подготовила свое заявление, которое подписали 13 человек, в том числе и Каменев. Это заявление позже называли «Декларацией», так как в нем критиковались политика «большинства ЦК» и бюрократизация партии: «Подлинная дисциплина расшатывается и заменяется подчинением влиятельным лицам аппарата; товарищи, на которых партия может положиться в самые трудные дни, выталкиваются во все большем числе из состава кадров, перебрасываются, высылаются, преследуются и заменяются сплошь да рядом случайными людьми, непроверенными, зато отличающимися молчаливым послушанием»^[230].

1
(№ 6) Соч. 25/VI - 25.
(Ил. Б. М. М.)
Молотову, Ворожцову, Бухарину и
другим друзьям. 25

Я долго думал над вопросом о
"деле Лашевича", конечно, связанном
с вопросом об оппозиционных
группах вообще, несколько раз при-
ходя к различным выводам и,
наконец, утвердился в следующем.

1) До известной группы Зиновьева
в оппозиционные группы (Мур,
Мед. опп. и др.) тем более более
или менее вероятно, более или ме-
нее Жеринко;

2) С известной группой Зиновьева
иногда Жеринко (сам Жеринко, конечно,
ранее левее);

3) Группа Зиновьева (сам Жеринко
всегда более левее).

6

Так так идет жизнь на Валковской стороне
А потом видно будет.

Надобно переговорить по-прежнему
с Москвой.

Вчера был Лашевский за
3-4 в плену. Это скандал на
этот счет.

Р.С. не знаю, как он, а я
знаю, что дело Лашевича зна-
чительно серьезнее, особенно,
если это дело связано с делом
Кураевского. Австрия его надо.

Минуту
И. Сталин.

2

антисоциальный Телешин, графич-
еским методом реконструирует
Телешин в партии;

4) Такая роль Волжана на поле боя
по Тел. потому, что: а) она имеет
знакомство с нашими привилегиями, б) она
близка другим группам, в) она имеет
связи с другими группами, и) имеет
своих людей НКВД (предметы),
представляющие серьезную силу, в)
она имеет, в) она имеет, в) она имеет,
нов. групп. группы, давая образ-
цы "силы" и "решительности" груп-
пы Телешина;

5) Поэтому группа Тел. является се-
час наиболее важной, и удар зам.
Тел. будет нанесен на тему и
именно этой группе;

6) Не важно Лашевича нужно было

Письмо И. В. Сталина В. М. Молотову о «деле Лашевича» и группе
зиновьевцев
25 июня 1926

21 июля 1926 года на заседании при обсуждении доклада о так называемом деле Лашевича Троцкий пытался огласить «Декларацию». Однако попытка его была неудачной. Почти все его выступление потерялось в шуме, смехе и выкриках: «Это демагогия», «Прекратите чтение», «Милюковщина это», «Наглая ложь», «Не ссылайтесь на Ленина», «Аристократы!»

В итоге «Декларацию» признали «раскольнической платформой, унижающей достоинство партии». Но, как и планировал Сталин, главным организатором раскола пленум назвал отнюдь не Троцкого, а Зиновьева.

Досталось и Каменеву. Председатель Всеукраинского центрального исполнительного комитета Григорий Петровский вдруг вспомнил о Каменеве, обо всех его промахах и ошибках:

– Товарища Каменева, что ли, поставить во главе партии? Но кому не известно, что при всех крутых поворотах делал Каменев? В 1917 году что было сделано Каменевым на суде нашей фракции? Что было сделано им в ссылке, когда из Ачинска посылалась телеграмма первому гражданину романовской династии?

Слова о телеграмме как обухом по голове ударили по Каменеву. Обычно сдержанный, он вскочил с места и выкрикнул:

– Врешь!

Его соратники поддакивали:

– Как не стыдно врать!

Однако Петровский продолжал:

– Почему мне стыдно? В тысячу раз стыднее, когда романовской династии посылается телеграмма!

Каменев был растерян. Вновь всплыла ложь о старой, давно забытой истории.

– Врешь! – продолжал кричать Каменев.

Но Петровский не унимался. Чувствуя свое превосходство, он позволил себе иронизировать:

– Товарищ Каменев, я даже не позволил Вам называть меня на «ты», но Вы, видно, вышли из минимальной моральной дисциплины и тычите, а между тем, на кого «ты» можно сказать, так это на Вас, потому что Вы уж так много нагадили партии, что дальше идти некуда. Об октябрьских днях я тоже врал? О теперешнем положении? Но при всех этих враках выходит, что Вам, товарищ Каменев, руководство партии никогда не будет доверено.

Каменев, никогда к этому и не стремившийся, уже в спокойном тоне сказал:

– А я и не прошу^[231].

На этом спор был закончен. Но история с телеграммой еще всплывет.

Не смог промолчать Каменев и когда его сторонников обвиняли в участии в конспиративных собраниях. Он пытался объяснить, что их вынудили к этому, не давая высказываться на легальных площадках^[232].

Примирителем попыталась выступить Крупская, которая уверяла, что она против фракций, но ответственным за их появление называла большинство. Именно большинство создало такую атмосферу, при которой невозможно спокойно обсуждать вопросы, и вынудило меньшинство создавать нелегальные собрания.

На пленуме еще раз вспомнили о «Завещании Ленина». Последнее слово осталось за Сталиным:

- Никаких писем Владимира Ильича Ленина ЦК не скрывал и скрывать не мог. Всякий, кто заикнется о том, что эти документы скрыты, является клеветником на нашу партию.

А дальше Сталин стал лукавить, говоря, что всегда настаивал на том, чтобы их опубликовали в печати. Однако он говорил не только о «Завещании», но и о письме Ленина 1917 года против Каменева и Зиновьева. При этом Сталин заявил:

- Я жалею, что объединенный Пленум ЦК и ЦКК не имеет права принять решение о том, чтобы опубликовать в печати эти письма. Я очень жалею об этом, и я буду этого добиваться на XV съезде нашей партии.

Крупская же говорила, что если вопрос стоит так, то надо опубликовать сначала «Завещание Ленина», а уже потом рассматривать вопрос о публикации письма 1917 года.

Несмотря на то что выступление Каменева не было запланировано, он не мог промолчать, тем более что являлся председателем XIII съезда в тот момент, когда решался вопрос о «Завещании»:

- На съезде по решению Президиума было предложено прочесть сначала то письмо Ленина к партии, которое мы в просторечии называем «Завещание», по делегациям, не зачитывая его сразу на съезде. Съезд постановил тогда только одно, что ввиду того, что все члены съезда ознакомились с этим письмом по делегациям, не требовать оглашения этого письма на самом съезде.

«Дворник, лидер и арриергард оппозиционного блока. По Сталину - Угланову. *) он же член общества помощи больным отцам» (Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев). Карикатура

Автор В. И. Межлаук

1926

[РГАСПИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 186]

В защиту своей репутации он вновь обратился к письму Ленина:

– Ленин, будучи здоров, мог опубликовать, довести до сведения партии, сослаться на него в своих речах. Это письмо, направленное против меня и Зиновьева, было написано в октябре 1917 года. Пять лет после этого Ленин был жив, пять лет после того он выступал на съездах, и он мог на каждом съезде прочесть это письмо.

При этом Каменев поддерживал идею о публикации письма 1917 года:

– Пусть партия узнает и об этом письме, как она знает о наших ошибках, и пусть она знает, что в течение пяти лет товарищ Ленин не использовал этого письма против нас и что им пользуется теперь товарищ Сталин для совершенно определенных целей^[233].

Сталин же был хитрее. Он зачитал «Завещание Ленина» целиком и обратил внимание, что за все годы работы он учел все замечания до единого: сдерживал грубость и даже заступался за Троцкого, голосуя за оставление его в Политбюро. А вот ошибку Каменева и Зиновьева Ленин называл не случайной. А значит, по мнению Сталина, она может повторяться:

– Не думаете ли вы, товарищи, что некоторая реставрация старых ошибок, некоторый рецидив этих ошибок был перед нами продемонстрирован на XIV съезде нашей партии? Я думаю, верно.

Отсюда вывод, что товарищи Каменев и Зиновьев не учли указания Ленина.

Закончилось все склокой, взаимными упреками и криками. Оппозицию призывали отказаться от ее идей и «Декларации», но не давали ей даже высказаться.

Каменев пытался объяснить, но голоса с мест просто заглушали его.

– Для того, чтобы отказаться от чего бы то ни было, – кричал он, – я должен иметь слово.

«Не хотим вас слушать», «кто вам поверит» – вот что слышал Каменев в ответ.

– Но вы должны, – говорил Каменев сквозь шум, – если не хотите дискредитировать и партию, и свое руководство партией. Вы должны дать нам право ответить на вопросы и обвинения.

Но ни Каменеву, ни Троцкому слова не дали.

А на следующий день, 23 июля, пленум признал «Заявление 13-ти» «фракционной платформой», которая, по мнению большинства, не имела никакого отношения к «делу Лашевича», а предназначалась «для прикрытия раскольнических действий некоторых фракционеров»^[234]. Зиновьева, как и планировал Сталин, из Политбюро исключили, Лашевича исключили из ЦК и сняли с поста заместителя председателя Реввоенсовета. Подавалось это все как жертва во имя единства партии, так как «без твердой партийной дисциплины, без подчинения меньшинства большинству партия оказалась бы неспособной выполнить исторические задачи, возложенные на нее Октябрем», – говорилось в резолюции^[235].

Оппозиция потерпела поражение. Никаких решений относительно Каменева принято не было. Но Лев Борисович понимал, что скоро доберутся и до него, так как дали понять, что никакого доверия ему нет. В прениях периодически его попрекали неважной работой в Наркомате торговли. Каменев сознавал, что недостатки аппарата, которые существовали еще до его прихода туда, теперь будут использовать против него. Еще при своем назначении он задумывался, что его специально отправили в Наркомат торговли, чтобы потом упрекать в ошибках и неспособности организовать работу наркомата.

*Лев Борисович Каменев
28 сентября 1926
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 8. Л. 29]*

Лев Борисович решил не дожидаться официального решения и 25 июля написал заявление, в котором просил освободить его от должности наркома торговли: «В предстоящей хозяйственной кампании НКТоргу предстоит сыграть решающую роль. Работа НКТорга должна вместе с тем носить сугубо маневренный характер: решения должны приниматься быстро и проводиться неукоснительно. Выполнить свои сложнейшие задачи НКТорг при этих условиях смог бы только при условии полной стопроцентной поддержки и полного доверия со стороны Политбюро и СТО... Этой поддержки и этого доверия к моей работе в НКТорге со стороны ПБ и СТО не было с самого начала... То, что произошло на пленуме, конечно, не ослабило, а во много раз ухудшило положение. Речи члена ПБ Рудзутака и Председателя СТО Рыкова показали совершенно ясно, что ни на какое доверие и действительную поддержку НКТорг – до тех пор, пока я нахожусь во главе его, – рассчитывать не может... это громадный минус для благополучного хода всей хозяйственной кампании... Я думаю, что

подобное положение не терпимо с точки зрения интересов дела, и что во главе НКТорга должен быть поставлен работник, который в своей работе сможет рассчитывать на полную политическую и деловую поддержку ЦК и СТО».

Конечно, Каменев не отказывался от работы совсем: «Я полагаю, что при сложившейся в партии обстановке мне должна быть предоставлена работа более исполнительского характера, чем работа наркома торговли. Подобную работу я буду исполнять по указанию партии, как она прикажет»^[236].

Сталин решил воспользоваться отставкой Каменева. Он не только принял ее, но и рекомендовал назначить его послом в Японию – убрать с глаз долой и разделить оппозицию^[237]. 5 августа Политбюро освободило Каменева от должности наркома торговли, назначив на эту должность Микояна^[238].

*Анастас Иванович Микоян
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 99]*

Однако в августе было принято решение о необходимости улучшить взаимоотношения с Японией, и туда направили более опытного Виктора Коппа, которого до этого предполагали отправить в Италию^[239].

Пока решался вопрос о поиске рабочего места для Каменева, в прессе продолжилась атака на оппозицию. На собраниях партийных ячеек участников оппозиции или не слушали, или преследовали. Для пресечения этого 5 октября Зиновьев, Каменев, Пятаков, Троцкий и Сокольников направили в Политбюро обращение с предложением

обсудить практические меры для прекращения клеветы в адрес представителей оппозиции и обвинений в разжигании гражданской войны^[240].

7 октября Политбюро рассмотрело это заявление и поставило свои условия. Члены Политбюро так обозначили свою позицию – они готовы обсуждать дальнейшую работу с оппозицией, но только после того, как лидеры оппозиции примут на себя ряд обязательств: открыто заявить о честном и искреннем подчинении всем решениям партии, ее съезда, ЦК и ЦКК; немедленно прекратить фракционную работу, распустив все свои организации; отгородиться от всех меньшевистских идей и платформ; прекратить травлю партийного аппарата, рассылку фракционных ораторов и любую дискуссию^[241].

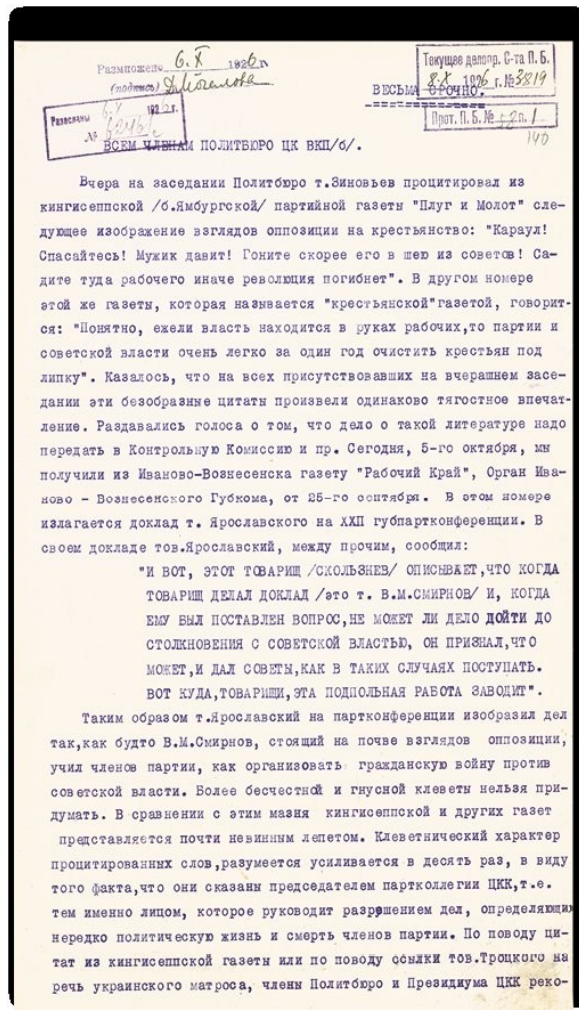
139

В. И. Ленин.

Против прилагавшегося предложения
сообщить всем членам ЦК срочно.

дело 5.10.26.
В. И. Ленин

В. Каменев

Письмо Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова, Л. Д. Троцкого и Г. Я. Сокольникова в Политбюро ЦК ВКП(б) о клевете в адрес оппозиции с приложением записки Л. Б. Каменева в Политбюро 5 октября 1926 [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 78. Л. 139, 140]

Беспокоясь за своих сторонников и за единство партии, которое теперь уже было в опасности из-за выбора между партийной демократией и партийной дисциплиной, оппозиция решила пойти на компромисс и принять условия Политбюро.

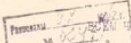
8 октября Каменев составил новое обращение в Политбюро от имени оппозиционной группы: Зиновьева, Троцкого, Сокольникова, Пятакова, Евдокимова и, конечно, себя. В обращении указывалось, что «все разногласия, существующие в партии и в ЦК, целиком и полностью определяются вопросом о том, как и какими путями обеспечить и укрепить диктатуру пролетариата и социалистическое строительство».

А значит, они вполне уместны в одной партии, и нужно сделать все, чтобы они не привели к расколу на две партии.

Оппозиция готова была подчиниться всем решениям партии, съездов, ЦК и ЦКК. Признавала целиком и полностью решение X съезда о фракциях и вред их существования в партии и настаивала, что никогда взгляды оппозиции не имели ничего общего с теорией «двух партий». При всем том оппозиция не собиралась отказываться от своих взглядов и признавала наличие разногласий с большинством ЦК. Но партийный долг призывал ее «подчиниться всем решениям партии и прекратить всякую борьбу». К этому же она призывала всех своих сторонников.

От ЦК оппозиция ожидала соблюдения следующих условий: пропаганда постановлений XIV съезда и последующих решений партии должна вестись без обвинений инакомыслящих в меньшевизме; отстаивание взглядов в ячейках не должно вызывать никаких репрессий; ЦКК должна восстановить в партии исключенных за оппозиционные взгляды; ЦК – издать циркуляр о примирительных шагах и прекращении травли оппозиционеров; перед съездом оппозиции следует получить возможность изложить перед партией свои взгляды в обычных для партийного обсуждения формах ^[242].

Тем временем, не дождавшись итогового решения, 7 октября Зиновьев и Евдокимов приняли участие в собрании партийных коллективов Ленинграда. Поэтому 11 октября Политбюро еще раз рассмотрело свои условия и ужесточило пункт: «открыто признать, что фракционная работа оппозиции за весь период с XIV съезда до последних ее выступлений в Ленинграде и Москве в октябре этого года была недопустимой и безусловно ошибочной с точки зрения интересов партии и создавала угрозу срыва творческой работы партии и советской власти в трудных условиях строительства» ^[243].

Прот. № 5/8628. f

ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО.

Разногласия, существующие в партии и в ЦК, целиком и полностью определяются вопросом о том, как и какими путями обеспечить и укрепить диктатуру пролетариата и социалистическое строительство. Мы считали и считаем, что эти разногласия, как они ни серьезны, вполне уместны в единой партии и что мы обязаны принять все меры к тому, чтобы эти разногласия не привели к расколу. Исходя из этого, когда явно выяснилось, что внутрипартийная борьба грозит принять крайнюю обостренную форму, мы 5-го октября внесли в Политбюро предложение обсудить совместно условия ликвидации периода ви трипартийной борьбы и создания условий дружной работы. Отказ Политбюро немедленно приступить к совместному обсуждению нашего предложения несомненно должен был привести к ухудшению положения. Оттяжка совместного обсуждения обозначала продолжение травли оппозиции в прессе и на собраниях и неизбежно при этих условиях с нашей стороны попытки изложить перед партией наши подлинные взгляды. Несмотря на это ухудшение обстановки для совместной выработки условий мира в партии, мы продолжаем настаивать, что все меры, направленные к этой цели, должны быть приняты.

После XVI съезда мы подчинились постановлению ЦК, запрещающему нам выступать перед партией с изложением своих взглядов. Затем мы делали попытки на апрельском Пленуме поставить по существу вопрос о темпе индустриализации и о зарплате; на июльском Пленуме — о перспективах международной революции и внутрипартийном режиме. Наше понимание опасностей и задач партии в настоящую эпоху было отклонено большинством ЦК. Более того, внесенные решения, проводимые и намеченные мероприятия являлись для нас свидетельством того, что руководящие центры партии намерены в еще большей мере, чем ранее, сосредоточить огонь налево. С нашей точки зрения это означало усугубление классовых опасностей. Факт созыва партийной конференции под

розу раскола, мы считаем своим партийным долгом подчиниться и призвать всех товарищей, разделяющих наши взгляды, подчиниться всем решениям партии и прекратить всякую борьбу за свои взгляды в таких формах, которые выходя за пределы нормальной жизни партии. Мы полагаем, что те наши взгляды, в правильности которых мы не смогли до сих пор убедить партию, должны отстаиваться нами нормальным в партии путем в убеждении, что то, что в этих взглядах правильно, будет усвоено партией в ходе борьбы за свои цели.

Мы выражаем также уверенность, что ЦК даст соответствующие указания, которые введут и борьбу против оппозиции в нормальное русло и создадут в партии режим, который обеспечит необходимую для партии свободу обмена мнений и выработки при участии всех членов партии обязательных для всех решений.

С своей стороны мы полагаем, что этой цели содействовали бы следующие меры:

1. Пропаганда постановлений XIV съезда и последующих решений партии должна вестись в положительной форме, без обвинений инакомыслия в меньшевизме, неверии в социализм и т.п.
2. Отстаивание своих взглядов в ячейках не должно вызывать никаких репрессий, перемещений и т.п.
3. ЦК пересматривает дела исключенных за оппозицию в целях восстановления их в членстве в партии.
4. ЦК издает циркуляр о примирительных шагах и о прекращении травли, изменения тона полемики и о необходимости во всех организациях наладить дружную работу с товарищами, выступавшими в защиту взглядов оппозиции.
5. Перед съездом "оппозиция" должна получить возможность изложить перед партией свои взгляды в обычных для партийного обсуждения формах, которые своевременно будут установлены ЦК.
6. Сущность нашего заявления за нашими подписями печатается в ЦО.

Каменев
Зиновьев
Троцкий
Сокольников
Пятаков
Евдокимов
Петро М. М. Ильин

Письмо Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого, Г. Я. Сокольникова, Г. Л. Пятакова и Г. Е. Евдокимова в Политбюро ЦК ВКП(б) о согласии оппозиции подчиниться решениям XIV съезда на определенных условиях

8 октября 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 79. Л. 27-31]

Решение 13-х 1926
13/8

Прот. В. В. 13/8-135
Секретное дело. С-та П. Б.
13/8 1926 г. № 135

Мол. Сталину,
Ви. секретарю ЦК ВКП(б).

При сем прилагаю Ваш текст заявления
во исполнение поручения
№ 8 от 11.10.26.

С. Сокольников М. Ильин

13.10.26.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

На XIV съезде и после него мы разошлись с большинством съезда и ЦК по ряду принципиальных вопросов. Наши взгляды изложены в официальных документах и речах, произнесенных нами на съезде, на пленумах ЦК и в Политбюро. На почве этих взглядов мы стоим полностью и сейчас.

Вместе с тем, мы находим своей обязанностью открыто признать перед партией, что в борьбе за свои взгляды мы и наши единомышленники в ряде случаев допустили шаги, являвшиеся нарушением партийной дисциплины и выходящие за установленные партией рамки внутрипартийной борьбы на путь фракционности. Считая этот путь ошибочным, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов, в виду опасности этих методов для единства партии, и призываем к тому же всех товарищей, разделяющих наши взгляды.

Неправильно было упоминание о Стокгольмском съезде — ибо, хотя т. Крупская не имела этого в виду, это упоминание могло быть понято, как призыв к борьбе фракционными методами.

Мы решительно осуждаем такую критику Коминтерна или политики нашей партии, которая переходит в травлю, ослабляющую положение Коминтерна, как боевой организации пролетариата, или СССР, как первого государства пролетарской диктатуры. Не только агитация Компартии и ему подобных, порвавших с коммунизмом, но и всякого, переходящего эти границы, всегда встретит наш решительный отпор. Мы категорически отрицаем право тех, кто ведет какую бы то ни было агитацию против СССР и Коминтерна, претендовать на какую-либо солидарность с нами.

Признавая право каждого члена Коминтерна отстаивать свои взгляды в пределах устава и решений конгрессов Коминтерна и ИККИ, мы считаем абсолютно недопустимой прямую или ковенную поддержку фракционности каких бы то ни было групп в отдельных секциях Коминтерна против линии Коминтерна, будь то группа Суварина во Франции, группа Маслова-Фишер, Урбанса-Вебера в Германии, группа Бордиги в Италии

Заявление Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова и Л. Д. Троцкого о подчинении оппозиции решениям XIV съезда с приложением записки Л. Б. Каменева И. В. Сталину
13 октября 1926
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 79. Л. 55, 56-57]

В связи с этим 13 октября Каменеву пришлось заявление переписать, исключив из него все условия, так как Зиновьев и Евдокимов уже нарушили свои обещания. В заявлении оппозиция открыто признавалась перед партией, что «в борьбе за свои взгляды... в ряде случаев допустила шаги, являвшиеся нарушением партийной дисциплины и выходящие за установленные партией рамки внутрипартийной борьбы на путь фракционности». Она решительно осудила критику Коминтерна и политики партии СССР, «как первого государства пролетарской диктатуры», и запретила всем, кто ведет любую агитацию против Коминтерна и СССР, претендовать на какую-либо солидарность с ней. Постановления XIV съезда для оппозиции обязательны, а свои взгляды она будет отстаивать лишь в установленных уставом формах. В конце заявления была высказана

просьба: «Мы выражаем твердую надежду на то, что фактическое прекращение фракционной борьбы, в связи с настоящим нашим заявлением, откроет возможность исключенным товарищам вернуться в ряды партии»^[244].

16 октября Политбюро приняло это заявление, но с небольшими поправками. Так, вернуться исключенным товарищам в партию можно будет только в том случае, если они признают «свои ошибки в деле нарушения партдисциплины и интересов единства партии», при этом оказывая всяческое содействие «в борьбе против рецидивов нарушения дисциплины»^[245].

Это заявление, а также «Извещение Центрального комитета о внутрипартийном положении» опубликовала «Правда» 17 октября 1926 года. Однако Сталину этим не удовлетворился. Он ждал полной капитуляции оппозиции. И Каменев, и Зиновьев, и, конечно же, Троцкий должны отказаться от всех своих принципиальных идей. Именно поэтому на октябрьский пленум вынесли вопрос о внутрипартийном положении. Для оппозиции это стало неожиданностью. Докладчиком был назначен сам Сталин. Кроме того, тезисы доклада, которые еще только подлежали обсуждению 26 октября на пленуме, оказались опубликованы до обсуждения.

Л. Б. Каменев и Л. Д. Троцкий в группе отдыхающих санатория «Красная звезда»

Кисловодск. 3 сентября 1926

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 10. Л. 6]

Поэтому и Троцкий, и Каменев были очень растеряны, когда Рыков вдруг заявил об обсуждении резолюции о внутривнутрипартийном положении, да еще и предложил высказаться^[246]. И это за несколько часов до XV партийной конференции.

Троцкий заявил, что считает резолюцию в корне неправильной, так как она приписывает оппозиции такие взгляды, которых на самом деле она не разделяет. Он недоумевал, зачем накануне партконференции поднимать принципиальные споры.

Каменев разделял мнение Троцкого:

– Товарищи, в предложенной вам резолюции, где я и Зиновьев названы по имени, нам приписаны определенные взгляды. Я пользуюсь словом только для того, чтобы заявить здесь совершенно категорически, что мы не имеем решительно ничего общего с теми взглядами на характер нашей революции, на возможность социалистического строительства, на победоносность дела Октябрьской революции, которые в резолюции нам приписаны. Нам приписан социал-демократический уклон! Социал-демократические взгляды мы под руководством Ленина научились рассматривать как взгляды контрреволюции.

Каменев вспоминал, как он спорил не только с ЦК, но и с Лениным, и никогда его не обвиняли в контрреволюции, не заставляли каяться в этом:

– Если бы в рядах партии действительно были группы, которые бы разделяли хотя бы в минимальной степени те социал-демократические взгляды, которые приписаны нам, мы считали бы необходимым вести с этими контрреволюционерами самую решительную борьбу^[247].

Сталин же, показывая стенограмму выступления Каменева на XIV съезде, заявил, что это всё уловки:

– Это не пройдет у вас, товарищи из оппозиции. Я вижу, что вы намерены спрятать свои взгляды, на почве которых вы стоите теперь. Напрасный труд. Либо вы открыто и честно откажетесь от своих принципиальных ошибок, изложенных в ваших трудах и ваших речах, и тогда я буду стоять за то, чтобы тезисы были сняты, либо вы остаетесь на своих идейных позициях, как говорите об этом в своем «заявлении», и тогда тезисы нам нужны.

Никто из оппозиционеров никак не прокомментировал это предложение. Они были растеряны. Тогда Сталин продолжил:

– Вы отказались от фракционности. Это очень хорошо. Но это не все. Этого недостаточно. Чтобы обезопасить партию от распрей в будущем, надо разоблачить ваши ошибки. Задача состоит в том, чтобы разоблачать ваши ошибки и бить их до конца, до тех пор, пока вы от них не откажетесь^[248].

98

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАССЕКРЕЧЕНО

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Союзная Коммунистическая Партия (большев.). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ Пл/9/4/с. 23 октября 1926 г.

Выписка из протокола № 9 заседания Пленума и ЦКК ЦК от 23.X 1926 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
4.- Сообщение Политбюро и ЦКК в связи с постановлением Политбюро от 4.X с.г. (пр. № 57, п.1). (т.т.Молотов, Ярославский).	4.- а) Утвердить следующий проект постановления, предложенный т.Кировым от имени членов ЦК-ленинградцев: 1. Ввиду нарушения дисциплины со стороны членов ЦК т.т.Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Евдокимова, Сокольников, Смилги и кандидата в члены ЦК т.Николаевой, - Пленум ЦК и ЦКК делает всем этим товарищам предупреждение и ставит им на вид всю недопустимость подобного поведения со стороны членов руководящего учреждения партии. 2. В виду того, что т.Зиновьев не выражает линии ВКП(б) в Коммунистическом Интернационале в силу своей руководящей фракционной работы в К.И. лишился доверия со стороны ряда коммунистических партий (германской, английской, французской, американской и т.д.), заявивших об этом в своих решениях, ЦК и ЦКК не находят возможной дальнейшую работу т.Зиновьева в Коммунистическом Интернационале. 3. В виду руководящей фракционной деятельности т.т.Троцкого и Каменева, за период после июльского Пленума ЦК и ЦКК, Пленум ЦК и ЦКК постановляет освободить т.Троцкого от обязанностей члена Политбюро ЦК, а т.Каменева - от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК. (Принято большинство 182 голосов членов ЦК и ЦКК против 6, при 5 воздержавшихся).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Постановление Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о снятии Г. Е. Зиновьева с поста председателя Коминтерна, освобождении Л. Д. Троцкого от обязанностей члена Политбюро, Л. Б. Каменева - от обязанностей кандидата в члены Политбюро

23 октября 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 79. Л. 98]

*О. Д. Каменева и Л. Б. Каменев с сыновьями Юрием и Александром
1925-1926
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 51]*

Пока Каменев готовился отражать атаку Сталина на партконференции, пленум общим решением освободил Зиновьева от обязанностей председателя Коминтерна, Троцкого исключил из состава Политбюро, а Каменева – из кандидатов в Политбюро.

Каменеву уже было наплевать на решение пленума. Он готовился к партконференции. Там он может быть услышан.

1 ноября 1926 года Сталин выступил на партийной конференции с докладом об этапах развития оппозиционного блока. Он назвал все ошибки оппозиционеров, и которые были, и которых не было, противопоставлял ленинизм троцкизму. Доклад вызвал бурную овацию. И Каменеву, который выступал вслед за ним, стоило бы о многом умолчать. Ведь любой спор, и это он наверняка понимал, мог быть воспринят как продолжение дискуссии. А Сталин ожидал капитуляции Каменева, которому следовало всего лишь согласиться с резолюцией – только этого от него и ждали.

*О. Д. Каменева и Л. Б. Каменев в Кисловодске
23 сентября 1926
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 53]*

Но Лев Борисович в свойственной ему манере сдержаться не смог. Он отверг все предъявленные обвинения, пытался объяснить суть споров с большинством, но его слушать не желали. Все его слова принимались в штыки, а вся речь сопровождалась шумом и смехом.

Каменев понял, что Сталин и большинство, в отличие от оппозиции, не готовы к компромиссу, а значит, борьба должна продолжаться.

В это же время происходят изменения и в личной жизни Каменева. Его брак, который уже давно трещал по швам, окончательно распался. Но вскоре в его жизни появится Татьяна Глебова, которая станет его супругой и спутницей жизни до конца его дней.

Глава 11

Роковая телеграмма. Каменев против Михаила Романова

Декабрь 1926 - январь 1927

Противостояние продолжилось в декабре 1926 года на пленуме Исполкома Коминтерна. Сталин делал доклад по хозяйственным вопросам и нехотая вспомнил старую историю о том, что якобы Каменев в 1917 году отправил Михаилу Романову приветственную телеграмму. Сталин прекрасно знал, что не было никакой телеграммы. Но борьба перешла в личное пространство. Сталин искал повод «докопаться» до Каменева, и тут ему вспомнилась «чудесная» история.

Каменев считал, что в политической борьбе Сталин перешел все границы. Льву Борисовичу было не привыкать к тому, что ему чуть ли не каждый день вспоминают его былые ошибки, но заявить такое с трибуны Коминтерна на весь мир – уже перебор. Он понял, что надо защищаться.

14 декабря 1926 года Каменев отправил заявление пленуму Исполкома Коминтерна:

«Вчера товарищ Сталин сообщил с трибуны Коминтерна, будто я в первые дни февральской революции посылал телеграмму Михаилу Романову. Это есть повторение сплетни, которую в первые дни революции пытались уже использовать против нашей партии оборонцы... Наряду с этими гнусностями эта ложь была расценена как одна из мелких и ничтожных сплетен, и мы ограничились несколькими строками опровержения... Таким образом, вся партия и Ленин знали о существовании этой лжи и оценили ее как клевету, направленную к дискредитированию нашей партии.

Нечего и говорить, что никому, в том числе и Сталину, не приходило в голову придать какое бы то ни было значение этой сплетне, когда через две недели после появления этой лжи я на апрельской конференции по предложению Ленина был избран вместе с ним, Зиновьевым и Сталиным в первый легальный ЦК нашей партии.

Через 10 лет совместной работы повторить с трибуны Коминтерна подобную вещь в качестве аргумента в идейной борьбе – это значит жесточайшим образом осудить самого себя».

Однако 15 декабря 1926 года на вечернем заседании пленума Исполкома Коминтерна Сталин вновь вернулся к этому вопросу:

– Товарищи, я очень извиняюсь, что отнимаю у Вас время из-за пустяка, пустяка не с точки зрения того эффекта, который тогда телеграмма Каменева на имя Михаила Романова произвела, а с точки

зрения давности. Я думал, что товарищ Каменев будет молчать, уж лучше бы ему молчать, но раз он взялся за опровержение факта, опровергать же факт – это величайшая глупость, то позвольте факт восстановить. Первое. Дело происходило в сибирском городе Ачинске в 1917 году, после февральской революции, где и я был ссыльным вместе с Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с Каменевым послали телеграмму на имя Михаила Романова.

Каменев думал, что его заявления будет достаточно, чтобы осадить Сталина. Но не тут-то было. Нервы у Каменева были на пределе, и, не выдержав наглости и откровенного вранья Сталина, да еще в такой ехидной манере, он вскочил и закричал с места:

- Признайся, что лжешь! Признайся, что лжешь!

Сталин как будто только этого и ждал и спокойно парировал:

- Каменев, молчите!

- Признаешь, что лжешь?

- Каменев, молчите, чтобы не было хуже. Телеграмма на имя Михаила Романова, как первого гражданина России, послана несколькими купцами и Каменевым. Я узнал об этом на другой день после этого банкета или собрания от самого Каменева, который зашел ко мне и сказал, что он допустил глупость.

- Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил!

- Каменев, молчите! Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме наших большевистских газет. Вот факт первый. Второй факт. В апреле месяце у нас была партийная конференция, причем во время конференции делегаты подняли вопрос о том, что такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, не конференции, а только собрания старых большевиков, где Ленин отстаивал товарища Каменева и с трудом отстоял как кандидата в члены ЦК, как человека, которого нужно провести в члены ЦК. Только Ленин мог спасти тогда Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева, так как он признается в своей ошибке и жалеет об этом, и, следовательно, не следует его губить. И третий факт. Совершенно правильно, что «Правда» присоединилась тогда к тому тексту опровержения, который опубликовал тогда Каменев, так как это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Если теперь Каменев пользуется тем, что партия была вынуждена покрыть его, чтобы спасти его, то это не говорит об искренности Каменева, это не говорит о том, что он уважает партию и правду, а о том, что он способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн.

Отовсюду зазвучали аплодисменты, оглушившие Каменева. Он был ошарашен, как ловко Сталин все перевернул с ног на голову.

Сталин продолжил:

- Еще два слова. Так как Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне, конечно, разрешите собрать подписи участников апрельской конференции, тех, которые настаивали на исключении Каменева из ЦК из-за этой телеграммы, и тех, которых Ленин потом убедил... Разрешите мне собрать подписи участников апрельской конференции нашей партии 1917 года с тем, чтобы они внесли заявление, что действительно телеграмма была подписана Каменевым вместе с другими.

С мест раздались голоса: «Правильно! Правильно!» И вновь зазвучали аплодисменты^[249].

Отдельные присутствующие предлагали перенести рассмотрение этого вопроса в Центральную контрольную комиссию и не превращать Исполком Коминтерна в следственную комиссию.

Каменев в панике пытался вспомнить, что же произошло в Ачинске. Он помнил, что были собрание, эйфория праздника. Он выступал, и действительно была телеграмма, но не Романову, а председателю Совета министров Львову и председателю Исполнительного комитета Госдумы Родзянко.

«В самой телеграмме было указано про приветствие Михаилу Романову, – вспоминал Каменев. – Но я был против этого и уж точно не говорил Сталину о совершенной мной глупости! И при чем тут апрельская конференция? Да, на ней были споры, но не из-за этой телеграммы».

Каменев решил защищаться до конца:

- Товарищи! Я, конечно, не имею решительно ничего против рассмотрения этой неслыханной лжи товарища Сталина в Центральной контрольной комиссии, наоборот, я сам буду апеллировать в ЦКК для того, чтобы положить предел неслыханному интриганству товарища Сталина. Но так как здесь было произнесено против меня обвинение, то только для того, чтобы прочитать ту заметку, которая была напечатана в «Правде» при Ленине, только для того, чтобы прочесть эту заметку, которая представляет формальное опровержение всего того, что сказал Сталин, я и прошу слово только для этого^[250].

Среди присутствующих на пленуме была секретарь Бюро ЦК партии в 1917 году Елена Стасова, которая выступала категорически против пребывания Каменева в ЦК. Нехотя, но все же она согласилась выступить:

- Товарищи, мне очень тяжело здесь выступать, но я считаю это своим долгом. Мне приходится возражать на заявление Каменева. Товарищ Каменев сказал, что телеграмма, посланная первому гражданину республики, не была им подписана. Это не соответствует факту. Во-первых, заявление, которое было напечатано Центральным комитетом партии, было напечатано, чтобы защитить партию от тяжелых политических нападков, которым она подвергалась вследствие подобной телеграммы члена партии. Второе. Каменев никогда

официально не выступал с заявлением, что он не посылал подобной телеграммы. Далее, как раз на основании этой телеграммы на апрельской конференции, на которую ссылался Каменев, была колоссальная борьба вокруг его кандидатуры. Большинство партийных товарищей, которые собрались на апрельской конференции, были против его кандидатуры, и главным образом по той причине, что они были вполне точно информированы относительно этой телеграммы. Есть также живые свидетели того, что произошло в Ачинске. Во-первых, я бы могла назвать товарища Муранова, члена ЦКК; далее я могла бы назвать мою сопроцессницу, осужденную вместе со мной, Швейцер, а также еще целый ряд товарищей, которые были в то время в Ачинске и были весьма точно информированы относительно телеграммы^[251].

Сам же Сталин был доволен эффектом. Он считал, что Каменев сам виноват. За его хулиганское выступление он решил ему припомнить историю с телеграммой^[252].

С чего Стасова взяла, что спор о его кандидатуре возник из-за той телеграммы, Каменев не знал. Не иначе, это заранее подстроил Сталин. Каменева ошарашила столь неслыханная дерзость. Поэтому он решил заручиться поддержкой товарищей и не ждать, когда Сталин соберет подписи с подтверждением отправки Каменевым телеграммы Романову. Каменев был уверен, что сторонники Сталина с закрытыми глазами подпишут все, что тот скажет.

В этот же вечер Лев Борисович написал несколько писем и небольших записочек с просьбой вспомнить те события, и особенно апрельскую конференцию.

На следующий день, 16 декабря 1926 года, он уже получил несколько ответов.

Александр Шляпников, бывший лидер группы «рабочей оппозиции», в принципе был раздосадован подобной просьбой. Зачем ворошить прошлое? Если только для политической дискредитации. Но ведь это нанесет удар по партии! Он ответил: «Слух о посылке Вами телеграммы исходил из враждебного нам лагеря. Появление его в печати вызвало запросы в Бюро ЦК со стороны организаций и отдельных товарищей, требовавших от нас объяснений. Как происходило тогда выяснение всего этого дела я теперь не помню, но в “Правде” было помещено Ваше опровержение, отрицавшее этот факт».

Про апрельскую конференцию Шляпников сообщить ничего не смог, так как болел и не принимал в ней участия. Но вспомнил, что на мартовском партийном совещании, на котором и появился слух об отправке Каменевым телеграммы Михаилу Романову, это рассматривалось как обычная травля большевиков во вражеской печати. Он указывал, что разногласия в партии тогда имелись, но по более глубоким и принципиальным вопросам: об отношении к войне, к

Временному правительству и о характере революции. «Вопрос о телеграмме никакой роли не играл»^[253].

Медведев, который в то время был председателем исполкома Совета солдатских депутатов Ачинского гарнизона, сообщил, что вообще не помнит ни о какой телеграмме. Ему никто ничего не сообщал – ни Сталин, ни Муранов. Да, был гражданский митинг в Народном доме, и он действительно отправил приветственную телеграмму, но председателю Временного правительства Львову.

Зато апрельскую конференцию Медведев помнил очень хорошо, и закрытые заседания в том числе. На одном из них предварительно обсуждались кандидатуры в ЦК. Вот там Ломов весьма энергично выступал с отводом кандидатуры Каменева. Но вовсе не из-за телеграммы. Она вообще не упоминалась. Ломов был против Каменева из-за его непостоянства. По мнению Ломова, тот неоднократно проявлял резкие колебания. Кроме того, он указывал на поведение Каменева во время процесса над думской фракцией. На открытом заседании против Каменева выступал Соловьев, но тоже из-за его поведения на процессе. Однако Ленин выступал в защиту Каменева что на закрытом, что на открытом заседании^[254]. Да и в итоге Каменева выбрали 95 человек из 109.

Единомышленник Каменева по оппозиции Петр Залуцкий ответил, что горячо спорил по поводу одной статьи Каменева «На пулю пуля» и о поведении Каменева на думском процессе, а телеграмма Михаилу Романову была ни при чем. «Если бы она играла какую-нибудь роль, – писал Залуцкий, – то я этого не мог бы не знать по тогдашнему своему положению в Организации»^[255].

Заместитель наркома земледелия Иван Теодорович сообщал, что помнит разговоры в кулуарах апрельской конференции, осуждающие Каменева за участие в отправке телеграммы. Но он также категорически настаивал, что отвод кандидатуры Каменева был за думский процесс и его колебания^[256].

Крупская написала, что никогда не слышала от Владимира Ильича о телеграмме, якобы посланной Каменевым Михаилу Романову: «Знаю, что Владимир Ильич никогда не стал бы покрывать такую вещь. Не стали бы этого делать, конечно, и другие члены ЦК»^[257].

Владимир Невский, бывший участник «рабочей оппозиции», указал, что принимал «довольно горячее участие в конференции, был в мандатной комиссии, участвовал во всех закрытых заседаниях, и ни о какой телеграмме, будто бы посланной Каменевым бывшему царю Михаилу, не поднималось речи. Шла речь о поведении Каменева на суде, и только»^[258].

Еще один друг Каменева по оппозиции, Вагаршак Тер-Ваганян, писал: «Отчетливо помню, что на заседании Московской делегации дважды обсуждался список ЦК. Часть нашей делегации отводила кандидатуру Каменева, причем в качестве аргумента приводились

только думский суд и колебания в начале революции. Но никто ни единым словом не упоминал ни о какой телеграмме»^[259].

Участник конференции в апреле 1917 года Иван Овсянников в своем письме указал: «...выступление Соловьева на апрельской конференции с отводом против Каменева по поводу его кандидатуры в ЦК я отчетливо помню... Каменев нехорошо себя вел на процессе думской фракции, и что он написал недавно в “Правде” (в марте 1917 года) оборонческую передовую статью. Ему возражал довольно горячо Владимир Ильич. В речах обоих ораторов ни слова не было ни о какой телеграмме»^[260].

Кроме того, Каменев получил в поддержку заявление еще 13 участников апрельской конференции (Пятакова, Сокольникова, Овсянникова, Соловьева, Карнаухова, Зиновьева, Серебрякова, Костиной, Равич, Харитонов, Наумова и Закс-Гладнева), в котором говорилось: «Мы твердо помним, что вопрос о телеграмме по адресу Михаила Романова, будто бы подписанной Каменевым в Ачинске в дни падения царизма, никакой роли на конференции не играл... При выборах ЦК только одним делегатом был сделан отвод кандидатуры Каменева в связи с выступлением его и других товарищей на процессе социал-демократической думской фракции... Мы не допускаем и мысли, чтобы Ленин мог в каких бы то ни было целях прикрыть так называемую “телеграмму” Каменева, если бы она действительно существовала»^[261].

Каменев же решил уличить Сталина не просто во лжи, но и в нападках на Ленина. Поддержку ему оказали Зиновьев, Смилга и Федоров – трое из девяти выбранных тогда членов ЦК (заявление четырех): «...мы четверо [четвертый Каменев. – А. К.] заявляем, что версия Сталина, будто бы Ленин прикрыл “телеграмму” Каменева Михаилу Романову, бросает чудовищно-неверный свет прежде всего на самого Ленина. Всем известно, что Ленин был беспощаден к подобным поступкам и никогда не прикрывал их, а, наоборот, открыто перед партией, не стесняясь никакими личными отношениями, осуждал их. На самом же деле он на апрельской конференции в числе первых же членов предложил Каменева в ЦК. Каменев был выбран громадным большинством, он получил при тайном голосовании только на 9 голосов меньше, чем Ленин... Существует точная протокольная запись (она имеется и у Сталина, и у всех членов нынешнего Политбюро) закрытого заседания апрельской конференции, на котором выбирался ЦК. Ни одного слова о какой-то телеграмме Каменева сказано не было».

В заявлении они также обращали внимание: если теперь Сталин утверждает, будто знал о «телеграмме», что ж он тогда не протестовал против помещения в «Правде» статьи Каменева? Почему не сказал Ленину и другим членам ЦК? Вместе с тем они подчеркивали, что, зная о такой телеграмме, Ленин никогда бы не доверил Каменеву свой

архив, а члены ЦК не доверили бы Каменеву редактировать литературное наследство Ленина.

«Вынести на трибуну Коминтерна через 10 лет такую вещь, вынести ее назавтра после политической речи Каменева, направленной против Сталина, как назвать такое поведение? Мы категорически заявляем, что вся версия Сталина, поддержанная Стасовой, лжива от начала до конца»^[262].

17 декабря 1926 года Каменев написал заявление пленуму ИККИ, приложив уже имеющиеся показания Крупской, Невского, а также заявление 13 участников апрельской конференции. Остальные ответы он не успел сразу перепечатать, поэтому решил отправить их чуть позже.

А между тем сбор свидетельств продолжался и Сталиным, и Каменевым. В тот же день 17 декабря 1926 года в Секретариат ЦК обратились бывшие ссыльные Швейцер, Врублевский, Померанцева – с кратким содержанием проведения митинга и речи Каменева – по их мнению, «в общем либерального характера». При этом они указывали, что телеграмма отправлялась не только Временному правительству, но и Михаилу Романову. В конце заявления добавлено, что «все большевики Ачинской ссылки были недовольны поведением товарища Каменева»^[263]. Понятно, что на самом деле ни о каком недовольстве речи не шло. Тогда все ссыльные, в том числе и Сталин, радовались свершившейся революции.

Написал заявление и Муранов, бывший непосредственно председателем ачинского митинга. Он сообщал, что содержание речи Каменева в газете «Енисейский край» от 8 марта 1917 года передано правильно, как и текст телеграммы Временному правительству. Он указывал, что в самой телеграмме было приветствие и Михаилу Романову. Телеграмму составляла комиссия, в которую входил и Каменев, но никак не Каменев единолично. А послали ее от имени митинга, а не от имени Каменева^[264].

Политбюро же через 2 дня, 18 декабря, ответило на заявление «четырех» таким постановлением: «Политбюро рассматривает инцидент на VII расширенном пленуме ИККИ в связи с телеграммой, приветствовавшей Михаила Романова, как инцидент, не имеющий прямого отношения к принципиальным разногласиям. Ввиду этого Политбюро, не желая заслонить принципиальные вопросы вопросом об одной из ошибок (хотя и грубой) товарища Каменева, не считает целесообразным опубликование заявления товарища Зиновьева и других в ежедневных газетах. Ввиду того, однако, что товарищи Зиновьев, Каменев, Смилга и Федоров “категорически настаивают на напечатании” своего заявления, Политбюро постановляет напечатать заявление названных товарищей в очередном номере журнала “Большевик” с одновременным напечатанием ответа ЦК и соответствующих документов, имеющихся в распоряжении ЦК»^[265].

Примечательно, что Политбюро даже не собиралось. Заранее составленное Сталиным постановление по телефону было одобрено каждым членом Политбюро.

Каменев просто пришел в бешенство. Не дождавшись решения ЦКК, так легко и просто вынесли решение: что он составлял, он оглашал, он отправлял эту телеграмму.

21 декабря 1926 года Политбюро приняло решение опубликовать в журнале «Большевик» Извещение от ЦК (под редакцией Бухарина), заявление «четырех», а также документы в ответ на их заявление, естественно, за авторством тех, кто подтверждал отправку Каменевым телеграммы Михаилу Романову и обсуждение этого вопроса на Апрельской конференции. Предлагалось в «Большевике» опубликовать статью из газеты «Енисейский край» от 8 марта 1917 года, где подробно освещено собрание. Кроме того, приняли решение опубликовать заявления Муранова, а также Швейцер, Врублевского и Померанцевой, которые присутствовали на митинге в Ачинске.

Заявление же делегатов Апрельской конференции, которое «организовал» Сталин и которое тоже решили опубликовать, подписали 23 человека. Причем, скорее всего, сами подписавшие даже не видели текста заявления. Сталин 19 декабря разослал разным людям лишь телеграмму с вопросом: «Можете ли подтвердить, что во время Апрельской конференции 1917 года возбуждался некоторыми делегатами вопрос о телеграмме Каменева на имя Михаила Романова. Если подтверждаете, можно ли дать Вашу подпись на соответствующее заявление»^[266]. Многие присылали развернутые ответы. А кто-то очень краткие. Так, например, Ломов и Молотов написали: «Подтверждаю, помню, подпись даю»^[267]. Хотя от Ломова вообще странно было такое получить. Ведь именно он резко выступал против Каменева, но совсем не из-за телеграммы. Про нее он на Апрельской конференции даже не упоминал.

28

ЛОМОВУ, ГОЛОДЖИНУ, МОЛотову, ЗЕМЛЯЧКЕ.

Можете ли подтвердить, что во время Апрельской конференции 1917 года возбуждался некоторыми делегатами вопрос о телеграмме Каменева на имя Михаила Романова. Если подтверждаете, можно ли дать Вашу подпись на соответствующее заявление. Ответ срочный. *✓ 7807/с*

СТАЛИН.-

3/15-262

дополн. послана

РАССЕКРЕЧЕНО

СТРОГО СЕКРЕТНО. 30
Снятие копий воспрещается.

ШИФРОВКА.

КЗЫЛ-ОРДН отправлена 18/XII 12-40 1926 г. Поступила в Шифрбюро
ВКП на расшифрование 18/XII 1926 г. ч. 13 м. 30

Вх. № 1630/Ш

МОСКВА ЦК ВКП т. СТАЛИНУ.-

Подтверждаю о возбуждении некоторыми делегатами на Апрельской конференции 17 года о телеграмме Каменева на имя Михаила Романова. Даю свою подпись на соответствующее заявление. ИДОО/

ГОЛОЩЕКИН.-

шифрована 18/XII 1926 г. ч. 13 м. 50 Напечатано 2 экз. Н. Черепанова.
Кем расшифрована

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
использования в 2-х недельный срок шифровку возвратить в Шифрбюро Секретного Отдела ЦК ВКП.
на текст шифротелеграмм воспрещается указывать, что цитируемый текст получен шифром, также воспрещается
указывать и номера шифровок.
на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром сообщения составляется коротко и ясно;
хранится только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

Телеграмма И. В. Сталина Г. И. Ломову, Ф. И. Голощекину, В. М. Молотову, Р. С. Землячке с просьбой подтвердить обсуждение вопроса о посылке Л. Б. Каменевым телеграммы Михаилу Романову на Апрельской конференции 1917 года с приложением ответа Ф. И. Голощекина

18 декабря 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 28, 30]

В заявлении уже указывалось, что телеграмму Михаилу Романову Каменев посылал совместно с ачинскими купцами. По поводу Апрельской конференции сказано, что «со стороны многих делегатов был заявлен категорический отвод кандидатуры Каменева ввиду его компрометирующего поведения на суде думской фракции и участия в посылке телеграммы, приветствующей Михаила Романова». При этом в заявлении Каменев обвиняется в том, что «не сделал ни малейшей попытки для опровержения факта своего участия» в посылке телеграммы^[268].

От Извещения ЦК, подготовленного Николаем Бухариным, Каменев ничего и не ожидал кроме критики. ЦК называет заявление оппозиционных лидеров крикливым, вызывающим и грубым, обвиняя авторов в том, что они «стараятся убежать от прямого ответа на

прямой вопрос» о телеграмме Романову и спекулируют именем Ленина, который на тот момент, по их мнению, «считал необходимым пощадить Каменева». Здесь же ЦК указывает: якобы не только публикуемые документы, но и имеющиеся у него другие заявления неопровержимо доказывают, что Каменев составлял, оглашал и отправлял телеграмму^[269].

Возмущению Каменева не было предела. «Как они могут так легко писать об этом? – говорил Каменев Зиновьеву. – Я не сделал ни малейшей попытки для опровержения? Опровержение было сделано открыто, в печати, в редактирующейся Лениным “Правде” аж 8 апреля 1917 года. И 17 декабря у них на руках уже было достаточно заявлений наших, которые опровергают факт даже упоминания о телеграмме на Апрельской конференции»^[270].

Зиновьев успокаивал Каменева и предложил дождаться номера газеты «Правда» с публикацией стенограммы вечернего заседания Исполкома Коминтерна и заявления Каменева о лжи Сталина.

Однако «Правда» не напечатала ничего.

«Да они просто издеваются над нами!» – возмущался Каменев.

Зиновьев, Смилга и Федоров вновь написали в ЦК обращение: «... наше письменное заявление^[271] мы рассматривали лишь как дополнение к заявлению Каменева на ИККИ». Сами оппозиционеры соглашались с постановлением Политбюро в той части, что «весь этот инцидент не имеет прямого отношения к принципиальным разногласиям, и что вредно заслонять принципиальные вопросы подобными инцидентами»^[272]. Но тогда зачем было в газете «Правда» публиковать в заключительной речи Сталина этот инцидент?^[273] Зиновьев, Смилга и Федоров настаивали, что если все же будет осуществлена публикация документов, утвержденных Политбюро 18 декабря 1926 года, то их заявление должно быть опубликовано с приложением их документов, подтверждающих клевету Сталина. Они также требовали своего присутствия на обсуждении ответа ЦК.

На следующий день, 24 декабря 1926 года, вновь опросом по телефону, Политбюро приняло постановление, в котором обвиняло Зиновьева, Смилгу и Федорова в недопустимой игре, так как спустя целых шесть дней они требуют «перерешения ЦК», настаивая на публикации своего списка заявлений. Политбюро считает, что никакие заявления их сторонников не изменят дело, да и опубликовать их уже не получится, так как «Большевик» уже вышел в свет^[274].

После получения постановления Каменев и Смилга в 19 часов 30 минут этого же дня отправились в типографию, чтобы получить номер журнала и проверить, что же там опубликовано. Но им это не удалось сделать. Оказалось, что сброшюровано только семь экземпляров для ЦК, а других сброшюрованных экземпляров пока нет. Каменев возмутился – что ж, Политбюро их за дурачков каких держит?! Он

попросил у дежурного по типографии Ильина расписку в том, что сброшюровано только семь экземпляров.

Затем Каменев, Зиновьев и Смирнов взяли за новое обращение в ЦК. Так как Федорова в Москве не было, подписали его только Зиновьев и Смирнов.

В первую очередь они объясняли, что никакую игру не ведут, а просто ждали, когда выйдет в печати заключительная речь Сталина, и ожидали публикации заявления Каменева в ответ на нее^[275]. Речь, кстати, была растянута на 3 номера «Правды» (19, 21, 22 декабря). А вот для заявления Каменева места в «Правде» не нашлось.

Прилагая расписку Ильина и указывая на тот факт, что «Большевик» все еще не вышел в свет, они настаивали на публикации показаний своих сторонников: «Неслыханно, чтобы при помещении заявления 20-ти товарищей, дающих явно неправильную версию, не напечатать в том же номере заявление 20-ти других товарищей, не менее известных всей партии, не напечатать заявление Н. К. Крупской... Не опубликование наших документов рядом с документами обвинения было бы абсолютно неслыханным и невыносимым нарушением прав членов партии»^[276]. Кстати говоря, уже 17 декабря целых 14 заявлений в поддержку оппозиции было доставлено и в Исполком Коминтерна.

В 22 часа обращение Каменева было отправлено в ЦК. Сразу после его получения типографии велели срочно сброшюровать и выпустить в свет номер журнала «Большевик» в количестве 500 экземпляров. Для этого специально вызвали для работы в ночную смену рабочих типографии, которые к утру успели подготовить несколько сот экземпляров номера. Секретарю Сталина И. П. Товстухе поручили составить ответ Зиновьеву о том, что «никакого экстренного заказа специально для ЦК» не было, а номер 23-24 отпечатан и сброшюрован сегодня, то есть 24 числа, а 25 «будет продаваться в киосках Москвы»^[277].

И номер вышел. Ровно с теми текстами, которые утвердило Политбюро 18 декабря, т. е. без материалов оппозиции. Правда, на обложке стояла дата 31 декабря. И выпустили только 500 экземпляров, хотя обычный тираж составлял 70 тысяч. Несмотря на то что некоторые киоски получили экземпляры только к полудню, дело было сделано. Сталин выиграл эту партию. Он считал, что опубликованные документы «убивают Каменева политически» и тот надолго выведен из строя. «Ему не бывать больше в составе ЦК», – заявил Сталин^[278].

Но Каменев все еще пытался повернуть историю в свою сторону. Он не мог снести обвинений в том, чего не совершал. Указывая, что при публикации допустили ошибку в заявлении «четверки», Зиновьев и Каменев просили заново перепечатать это обращение с учетом исправления ошибки.

Кроме того, 26 декабря 1926 года они отпечатали и отправили всем членам и кандидатам в члены Политбюро и членам президиума Центральной контрольной комиссии телефонограмму, начинающуюся словами: «Произошло нечто неслыханное в нашей партии!»

Объясняя ситуацию, оппозиция настаивала, что все это «сделано для того, чтобы товарищу Каменеву и еще двадцати товарищам искусственными мерами заткнуть рот в деле установления истины». У них было одно требование: «чтобы не вышедшие еще в свет 69 тысяч экземпляров были выпущены с припечаткой» их документов. Или это указание немедленно выполняется, или в понедельник пусть собирается Политбюро.

Естественно, никаких допечаток с документами оппозиции никто делать не стал. Хотя остаток тиража и был выпущен в свет, но ровно с теми же документами, что и первые 500 штук.

А 28 декабря собралось Политбюро. На заседании, рассматривая очередное заявление Зиновьева, Бухарин, отмахиваясь, предложил «считать вопрос о телеграмме исчерпанным», а «публикацию документов в советской периодической печати, с чьей бы стороны они ни исходили, нецелесообразной». Это предложение и было утверждено^[279].

Лев Борисович понял, что с Политбюро, которое полностью на стороне Сталина, бороться бесполезно. 30 декабря 1926 года он сел писать личное заявление председателю Центральной контрольной комиссии Орджоникидзе и всем ее членам: «Политбюро, не выслушав меня и не ознакомившись со всеми имеющимися по делу документами и свидетельствами, вынесло решение по существу вопроса об “ачинской телеграмме”... При этих обстоятельствах... я прошу ЦКК постановить, чтобы представленные мной документы были напечатаны в следующем номере “Большевика”... или отдельно в виде брошюры... такова моя единственная просьба в ЦКК»^[280]. Каменев понимал, что, скорее всего, ЦКК откажет. Ведь не было случая, чтобы кто-то жаловался в ЦКК на Политбюро. До он в общем-то и не собирается против Политбюро дело возбуждать. Но, может, в этом случае он получит разрешение выпустить отдельной брошюрой все эти документы. Да, Политбюро сообщило, что документы будут опубликованы в протоколах ИККИ, но ведь это только через 5 месяцев. Да и кто их там увидит? Только члены Исполкома Коминтерна.

Нелепая выходка 78

В Политбюро.

Пожалуйста, разрешите мне поместить в "Правде" заметку. Или, если это неудобно, пожалуйста, сообщите мне о решении Р.Б.

27. XII. 26. С ком. приложением Л. Каменев

Письмо в редакцию "Правды".

Ув. тов.,

Потому Вас перепечатать следующую заметку из "Правды" № 27 от января 1917 г., когда она редактировалась т. Лениным:

"Нелепая выходка."

В одной из сибирских газет напечатано, а вчера в "Единстве" пере-
печатано, будто я на митинге в уездном городишке Енисейской губ., Ачин-
ске, предложил послать приветственную телеграмму В.К. Михаилу Алекса-
ндровичу за его отказ от престола.

Это - совершенно пустяки. Правда только то, что я был избран на
митинге в комиссию для посланки телеграммы от Ачинской Думы о присоеди-
нении к революции. В комиссию кроме меня были избраны: два командира
полков, судебный следователь, городской нотариус, местный богатый-купец.
В телеграмме по настоянию всех, против меня, было упомянуто, насколько
я помню, что все должны последовать примеру гражданина Михаила Романо-
ва, "показавшего пример подчинения воле народа в Учредительном Собра-
нии". Телеграмма на митинге не голосовалась и послана была за подписью
городского головы.

Что провинциальный корреспондент наврал - это и понятно и не сто-
ит никаких опровержений. Но зачем понадобилось "Единству" подобрать
эту уездно-ссылную сплетню. ← И. КАМЕНЕВ."

27. XII. 26. С ком. приложением Л. Каменев

Записка Л. Б. Каменева в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой опубликовать в газете «Правда» статью «Нелепая выходка» от 8 апреля 1917 года и приложением статьи

27 декабря 1926

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 87]

5 января 1927 года на заседании Секретариата ЦКК в присутствии Каменева рассматривалось его заявление. Заседание шло три часа. Президиум собрать не успели, поэтому рассматривали на заседании секретариата. Да Каменеву это было и не важно. Секретариат, президиум, все равно. Ему важно было получить разрешение на публикацию документов об апрельской конференции. На заседании

присутствовали Орджоникидзе, Янсон, Ярославский, Шкирятов, Лебедь, Сольц и сам Каменев.

Заседание вел Орджоникидзе и вначале уточнил:

– В каком порядке мы будем обсуждать заявление товарища Каменева?

Каменев ответил коротко:

– Я думаю, что только в порядке напечатания представленных мной документов. Это моя единственная просьба к вам – напечатать документы.

Однако Янсон возразил, что надо бы подробно разобрать вопрос, иначе возникает конфликт.

Тут Каменев разразился эмоциональной речью:

– Я достаточно долго был членом Политбюро, чтобы знать, может ли ЦКК входить в конфликт с Политбюро. Сталин меня оскорбил, я тогда же заявил, что я буду апеллировать в ЦКК по поводу лжи Сталина. Но Политбюро, не вызвав меня, не расспросив, как было дело, вынесло по этому делу свое решение. Что я должен сделать? Конфликт со Сталиным превратился в конфликт с Политбюро. Я утверждаю, что некоторые члены Политбюро, когда выносилось это решение, даже не знали, не читали моего опровержения. Политбюро решало этот вопрос не с точки зрения справедливости, а с точки зрения целесообразности.

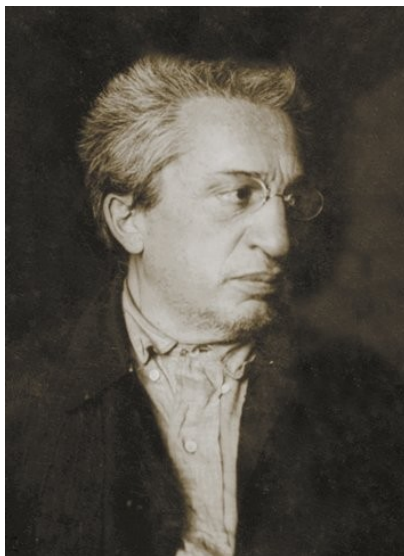
*Григорий Константинович Орджоникидзе
1927*

[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 17]

Каменев, конечно, больше всего был обижен на Сталина. И это после всего, что Каменев для него сделал:

– Один член Центрального комитета, не спрашивая ни у кого, не посоветовавшись ни с кем, вышел на самую высокую арену, которая у нас сегодня имеется, и бросил обвинение, предварительно его не проверив. А оно сейчас на весь свет, на потеху всей мировой буржуазии, перепечатывается во всех буржуазных газетах всюду и везде. Я прошу элементарного права – чтобы перепечатали нашу старую «Правду». В «Правде» сказано, что провинциальный корреспондент наврал, что дело было так-то и так-то. Рассказана вся правда, рассказано, что было на самом деле. А вот вы печатаете эсеровские показания, а опровержение, сделанное в «Правде» на другой день после этого заявления, – вы этого не печатаете. Ведь так завтра можно напечатать любое обвинение против любого из нас. Я прошу напечатать несколько строчек из «Правды» и показания 26 товарищей.

Каменев говорил очень эмоционально, постоянно возвращаясь к одному и тому же вопросу – если напечатали мнение одних большевиков, почему нельзя напечатать и других?

Арон Александрович Сольц

1927

[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 102]

– Это элементарные права членов партии, – убеждал всех, и в первую очередь себя, Каменев, – но если партии нужно, чтобы я сносил несправедливые обвинения, то я готов с этим согласиться.

Однако Ярославский усомнился в правдивости показаний 26 человек, которые хотел опубликовать Каменев:

– Мы знаем, что есть такие люди, которые будут писать то, что им будет диктовать товарищ Каменев.

Каменев же продолжал защищать и себя, и их, повторяя, что было дано опровержение еще за две недели до начала апрельской конференции.

Про саму телеграмму Каменев объяснял, что он сам голосовал против упоминания приветствия Михаилу Романову. Но на митинге присутствовали в основном офицеры. Для них отказ Михаила Романова от престола являлся революционным шагом, поэтому они и решили упомянуть о нем в телеграмме. «Эта резолюция была принята обывательским офицерским митингом, где ни одного пролетария не было», – говорил Каменев.

Сольц и Орджоникидзе объясняли, что все эти разборки не принесут пользы. Каменев же просил только о том, чтобы напечатали документы^[281]. Но достучаться Каменеву до них не удалось.

35 б.
181
58
при этом условиях ~~полностью~~ ~~официально~~ ~~официально~~
~~ЧК~~ ~~и не могу, однако, не выразить и~~
Моравицкому свой отказ, ЧК ~~и~~ ~~в~~ ~~своих~~ ~~реше-~~
ний ~~не~~ ~~принимало~~ ~~принимало~~ ~~мои~~ ~~решения~~.
Я уверен, что ~~каждый~~
~~и~~ ~~выражаю~~ ~~то~~ ~~революция~~ ~~отсутствует~~ ~~или~~
расеиваясь ~~Секретарь~~ ~~Ч.К.~~ ~~из~~ ~~55~~ ~~в~~ ~~будет~~
работала ~~членом~~ ~~ЧК~~, ~~они~~ ~~исключены~~ ~~в~~ ~~составе~~ ~~или~~
~~ЧК~~ ~~принимает~~ ~~на~~ ~~распоряжение~~ ~~или~~ ~~на~~ ~~распоряжение~~ ~~или~~
всего.
9.1.27. Р. Каменев
P.S. Мне это работало много ~~только~~ ~~и~~ ~~ожида-~~
тельно ~~ожида-~~ ~~Трибунал~~ ~~ЧК~~, ~~как~~ ~~товарищам~~
патристическое ~~расшире~~ ~~в~~ ~~высшем~~ ~~указном~~
преображении.

20 54
26 186

Письмо Л. Б. Каменева Президиуму ЦКК

Ув. товарищи,

Я получил ⁽⁸²⁾ постановление Президиума ЦКК от 5.1.27, касавшееся моего заявления в ЦКК от 30.11.26.

В постановлении ~~сказано~~ - как и заявлено на заседании Секретариата ЦКК - 1926, ~~сказано~~ инициатива не ~~разрешена~~ ^{пленуму ЦКК}, ~~сказано~~ "я и заявляю свое заявление" многократно ~~сказано~~ ^{председателем} партии пришло в мой кабинет. В этот момент я и начал свое заявление, но не все слышали, чтобы этому инициативу был в интересах партии - посылать в печать.

Впрочем, признавая мое постановление Президиум ЦКК выступает мне вопреки во вашем сведении состоялось:

1. Признавая мое постановление решилось не подтверждать форму постановления, которое в результате прежнесказанного заседания было принято Секретариатом ЦКК в моем присутствии.

Пункт а) постановление Секретариата совершенно изменен, а пункт б) вообще не был принят, а его в постановлении Секретариата (по делу Каменева) не было.

Сам Президиум не имеет никакого шанса изменить постановление Секретариата, так как он не имеет никакого авторитета на заседании Президиума и выступать не может, область моего заявления не была и новой революции была принята без моего участия. Я считаю что нарушением интереса и прав члена партии.

2. Когда Секретариат ЦКК принял свое - как и не имеет никакого авторитета и внес и просил принять его революции свое заявление. Это заявление не было принято при революции Секретариата. Теперь революция без моего заявления и без моей личности и без моей личности революция принята или заявление, одна как по воле других революции, которые применены к моему заявлению или не приняты при моем заявлении.

Записка Л. Б. Каменева членам Президиума ЦКК ВКП(б) о своем несогласии с решением ЦКК

9 января 1927

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 102. Л. 30-35]

В итоге ЦКК приняла решение: «напечатание новых документов в периодической печати является заменой рассмотрения вопроса в предусмотренном партией и ИККИ порядке - дискуссией». Поэтому удовлетворение просьбы Каменева о публикации документов решили считать нецелесообразным^[282].

Каменев был раздосадован, получив постановление Президиума ЦКК. «Как будто не тот текст обсуждали, - думал Каменев, читая постановление. - Первый пункт совершенно изменен, а второй просто совершенно новый. Неправильно излагается мое заявление, неправильно излагаются мои мотивы».

Каменев написал в ЦКК записку о своем несогласии с постановлением: «Я должен категорически протестовать против такого отношения и к существу моей просьбы, обращенной в ЦКК, и к

сделанным на заседании заявлениям»^[283]. Но он понял, что доказывать что-то ЦКК бесполезно, она превратилась в орудие Политбюро, и только. Сталин вновь победил.

Глава 12

Большевики-ленинцы и XV съезд партии. Раскол оппозиции Январь 1927 - июль 1928

В конце января 1927 года Каменеву пришлось по долгу службы уехать в Италию.

Его назначили послом СССР. Для него это приравнивалось к ссылке, чего и хотел Сталин. «Позолоченная клетка» – именно так Каменев называл Рим. Прекрасный дом, хорошая погода, интересный город, но абсолютно нечего делать и не с кем поговорить. Удрученный, что все дело кипит в Союзе без него, он писал о своем положении так: «Возможности две: или спиться, или написать работу в 24-х томах»^[284].

Проводы Л. Б. Каменева в Италию. Среди присутствующих – Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев

Январь 1927

[РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 24. Л. 16]

18
24

Б. Б. Р. и.

Возвратил Трифору,
 за прошедшие последние дни пребывания в Риме я мно-
 го утвердился в мысли, что клань была абсолютно
 нецен. Трифору доки, курьезная повесть, интересной пове-
 стью, которую вслаивают молодым людям, но абсо-
 лютно бессмысленно, предавая им. Случ. беседовал
 минут 20 на тему утверждения, который по общему
 мнению не был ему верен, но ни слова о наших
 взаимоотношениях, ни слова о дружбе,
 платонизме, а также еще. В разговоре - комедия абсолютная.
 Единственно-ценное - это Телов. Фигуры и цели-
 ная хорошая беседа. После разговора (единственно
 видна, разговора), разговора с вами еще. Разговору Москва
 приехать на этот вечер и на завтра. С. Кит, Рот
 Табо еще не поправил и поправкой минут 15
 составил письмо. Разговаривал на интересные
 темы, в том числе и о кел. Ура: поздравляю келю.
 Возвращение: или стили или написать работу
 в 24 часа. Буду спешить и поспешу.
 Трифору всем друзьям, Л. В. в разговоре.
 Разговору. Повесть, М. В., спорил как бы, но
 поговорил, в том числе, в том, что это все односторонне!
 Будет дружба! Не забуду тебе хотя бы в том.
 Никому из М. В.

Письмо Л. Б. Каменева Г. Е. Зиновьеву из Рима о пребывании в
 Италии на должности посла СССР

5 февраля 1927

[РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 79. Л. 18]

При этом он не прекращал общения с членами оппозиции. Шла подготовка к XV съезду. Каменев возлагал на него большие надежды. Оппозиция готовила проект платформы большевиков-ленинцев «Кризис партии и пути его преодоления».

В связи с тем, что Каменев не просто находился в Риме, а являлся все же советским послом, у него были беседы с Муссолини. Которые, кстати говоря, ему припомнят позже, и не в лучшем ключе.

В каждом письме Зиновьеву он писал, что в Риме «абсолютно нечего делать». Он сетовал, что там Советским Союзом вообще никто не интересуется, а оппозицией тем более: «Я чувствую себя здесь так, как чувствовал в первые дни тюрьмы».

Да, он писал статью для энциклопедии, но писать что-то оппозиционное не мог без живых впечатлений^[285]. Он жаждал узнать, как идут дела, как пройдет пленум.

«Ты не очень верь доброму тону письма, – писал Каменев, – тоска ужасная, одиночество, злость, кругом все чужое. Завидую вам и нервы держу в порядке прямо-таки силком»^[286]. Он очень скучал по русскому духу. Очень ждал официальных извещений о платформе^[287]. Скрашивала его дни только переписка с Максимом Горьким и Григорием Зиновьевым.

В начале лета в Рим к Каменеву приехала Татьяна Ивановна Глебова^[288]. Он уговаривал ее приехать еще с февраля. Но она смогла выбраться только в июне, и его жизнь заиграла новыми красками. Ее открытое лицо и лучезарные глаза всегда светились радостью. Она была счастлива быть рядом со Львом Борисовичем, и не важно где. Вечерами они обсуждали литературу, сочиняли вместе письма Максиму Горькому и два раза, в июне и августе, побывали у него в гостях в Сорренто. Там состоялось их знакомство с Анастасией Цветаевой, на которую они произвели очень приятное впечатление. После она вспоминала, что Каменев походил на короля Георга, но при этом держал себя просто и весело^[289]. А Татьяна была очень милой и приятной и, будучи литератором, могла легко поддержать любую беседу.

А в Советском Союзе между тем готовились к очередному партийному съезду. 5 августа Политбюро утвердило день открытия съезда – 1 декабря 1927 года. На 20 октября назначили пленум, на котором должны быть представлены тезисы ЦК по вопросам съезда. Кроме того, было решено издавать «Дискуссионный листок» при «Правде», где будут публиковаться контртезисы оппозиции^[290]. При этом предполагалось, что «полемика должна вестись в строго товарищеских, деловых рамках без обострения и преувеличения».

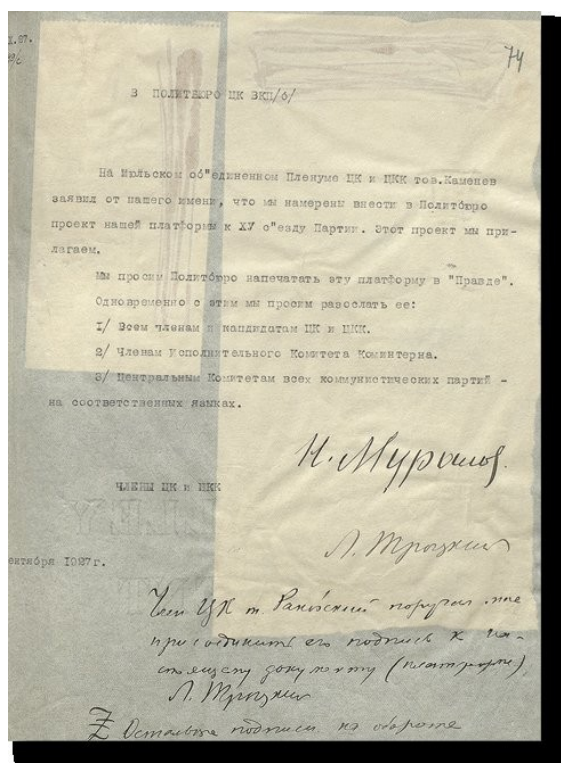
Оппозиция тоже подготовилась к съезду. 3 сентября 1927 года проект ее платформы был готов, подписан 13 членами оппозиции, в том числе Каменевым^[291], и отправлен в Политбюро.

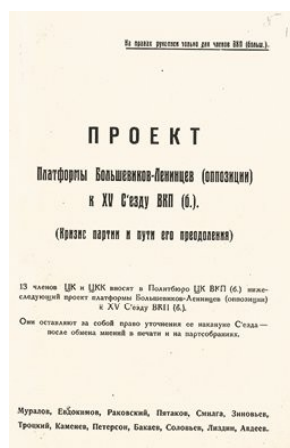
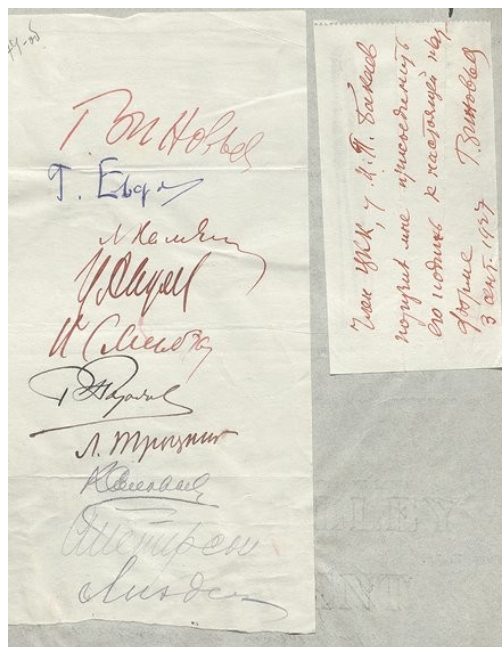
Главное, что выделяла оппозиция в этом документе, – рост влияния госаппарата, а вместе с ним и бюрократического извращения рабочего государства^[292]. Подробно изложив проблемы в положении рабочих и крестьян, кооперации, развитии промышленности, национальном вопросе, положении в партии и комсомоле, армии и флоте, положении СССР на мировой арене и, конечно, разногласия в партии, оппозиция представила практические решения каждого вопроса.

Так, для рабочих предлагалось «пресечь поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня», повысить зарплаты в соответствии с достигнутым повышением производительности труда, пресечь «бюрократические безобразия в области рационализации», выдавать пособия по безработице, «действительно соответствующие

средней зарплате данной местности», улучшить жилищные условия, «обязав предприятия усилить затраты на жилищное строительство»^[293].

Для решения аграрного вопроса предлагалось вести правильную политику заготовительных цен и организацию доступного кредита; изменить существующую систему единого сельскохозяйственного налога, освободив от него беднейшие и «маломощные крестьянские дворы»; увеличить вложения средств в совхозное и колхозное строительство и повысить цены на сельскохозяйственные продукты ради возможности удержать хозяйство хотя бы на нынешнем уровне.

Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) с приложением записки 13 членов оппозиции в Политбюро ЦК ВКП(б)

3 сентября 1927

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 132. Л. 74-74 об.]

В промышленности оппозиция ратовала за увеличение темпов индустриализации, так как работа промышленности не должна отставать от растущих потребностей и ресурсов страны. Отвергая пятилетку Госплана, она предлагала упорядочить финансы, дать отпор «покушениям на монополию внешней торговли».

Кроме того, оппозиционеры призывали взять курс на борьбу с чиновничеством и вовлекать трудящиеся массы в дела управления. Будучи уверенными в неизбежной войне «империалистов» против СССР, призывали к организации пролетарских революций «в решающих странах».

И главное, что подчеркивала оппозиция в своей платформе, – что она категорически против раскола партии: «Наша задача состоит не в том, чтобы строить какую-то новую партию, а в том, чтобы добиться исправления линии ВКП... Пролетарская революция в СССР может победить до конца только при единой большевистской партии»^[294].

А 6 сентября 1927 года Зиновьев, Петерсон, Муралов и Троцкий отправили в Политбюро и Президиум ЦКК заявление, в котором указывалось на репрессии против инакомыслящих накануне съезда, на слишком малый срок для дискуссий перед съездом (был дан лишь месяц), говорилось о срывах выступлений оппозиционеров на партийных собраниях, снятии с постов и ссылке оппозиционеров, увольнении с работы сторонников оппозиции, запрете перевода оппозиционеров из кандидатов в члены партии, что для Троцкого приравнялось к исключению из партии, запрете публиковаться в печати.

В том же заявлении выставлялись требования: немедленно рассмотреть платформу оппозиции, вернуть в партию исключенных оппозиционеров, обеспечить возможность дискуссий на партийных собраниях, организовать печать и распространение всех предсъездовских документов, в том числе и платформы оппозиции, и ускорить созыв пленума. А главное – оппозиция просила «устранить фракционный характер подготовки съезда и прекратить безобразия, недостойные пролетарской партии»^[295].

8 сентября срочно собралось объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК. Несмотря на то что туда пригласили Зиновьева и Троцкого, им не дали нормально высказаться. После выступления Сталина прения были закрыты, и они даже не смогли хоть как-то прокомментировать его обвинения. Поэтому 12 сентября они отправили так называемые дополнения к своим выступлениям. Секретариат, как и ожидалось, отказался их приобщать к стенограмме. Причина абсолютно смешная – «дополнения» на 16 страницах, а можно приобщить якобы только одну^[296].

Как и стоило ожидать, все требования были отвергнуты. Политбюро возмущалось, что оппозиция принялась критиковать тезисы ЦК, даже не увидев их. А ведь дискуссию можно начинать только после официальной публикации тезисов ЦК. Авторы платформы называли оторвавшимися от партии и пролетариата интеллигентами, давно уже потерявшими веру в силу революции. Отказ напечатать платформу оппозиции Политбюро объяснило нарушением резолюции X съезда «О единстве партии». И это несмотря на то, что платформа прямо говорит

о необходимости единства партии. В итоге был сделан вывод, что «оппозиция, очевидно, стремится сорвать план подготовки к съезду». Политбюро, «не может быть сомнения», не допустит этого^[297]. Поэтому решили: печатание и распространение платформы воспретить. А в случае распространения в СССР и за границей – «считать ответственными за нарушение партдисциплины подписавших ее товарищей».

Кроме прочего, Политбюро категорически было не согласно с тем, что «ухудшение дипломатических отношений СССР с капиталистическими государствами» – признак ослабления международных позиций пролетариата СССР. По его мнению, это, скорее, результат политического кризиса на Западе^[298].

В итоге платформу оппозиции Политбюро назвало «платформой раскола партии», а ее авторов – хныкающими и нетерпимыми интеллигентами. Вместе с резолюцией Политбюро этот документ был разослан всем членам ЦК и ЦКК «под личную расписку с обязательством обращаться с этими документами наравне с шифром и вернуть в Секретариат»^[299].

А потом прокатилась волна обысков^[300]. У сторонников оппозиции целенаправленно искали и изымали документы оппозиционного характера. Все протесты, что найденные документы являются большевистски-ленинскими, а не контрреволюционными, игнорировались. Среди обнаруженного была и платформа оппозиции, причем в типографском виде.

20 сентября стали появляться сведения из разных городов, что платформа оппозиции все же распространяется. Все это развязало Политбюро руки, чтобы обвинить оппозицию в создании нелегальной антипартийной типографии. На самом деле речь шла всего лишь о паре пишущих машинок, стеклографе и ротаторе. Зиновьев и Петерсон пытались защищаться, требовали расследования действий ГПУ в связи со слежкой и обысками сторонников оппозиции. Угрожали довести до Коминтерна все сведения о творящихся безобразиях^[301]. Но Политбюро опять все решило по-своему. 22 сентября 1927 года оно утвердило резолюцию о раскрытии нелегальной типографии^[302].

В первую очередь оно обвинило оппозицию во лжи: «оппозиция дала свое заявление от 8 августа^[303] не ради единства, а для того, чтобы обмануть партию и прикрыться этим обманом для усиления своей раскольнической работы». А организовав в Москве нелегальную типографию, по мнению Политбюро, совместно «с беспартийными буржуазными интеллигентами», встала на путь создания новой партии. В ответ на угрозу Зиновьева Политбюро и ЦКК заявили, что сделают все от них зависящее, чтобы отстоять единство партии: «Партия совершила бы самоубийство, если бы поколебалась хотя бы на одну минуту вышвырнуть вон из своих рядов разложившихся раскольников и дезорганизаторов»^[304].

Реакция Зиновьева не заставила себя долго ждать. В обращении ко всем членам и кандидатам ЦК, ЦКК и всем обкомам Зиновьев прямо обвинил Сталина в том, что он притянул историю с нелегальной типографией для оправдания своего нежелания публиковать платформу: «Эту платформу Сталин напечатать, видимо, не может, ибо ленинской правды он, предавший ленинизм, вынести не может. Сталин знает, что эта платформа встретит горячую поддержку рабочих-коммунистов»^[305].

А Сталин только и ждал нового заявления. 27 сентября Политбюро указало на «вульгарно масловский жаргон» этого заявления. А самое главное, что оно «целиком разоблачило действительную природу оппозиции»^[306]. По его мнению, оппозиция сползла «на рельсы буржуазной демократии» и «перешла не только к организации второй партии, но и защите элементов, явно враждебных СССР».

29 сентября многие оппозиционеры, у которых прошли обыски, были исключены из партии^[307]. Зиновьев, Троцкий и Смилга продолжали атаковать Политбюро своими заявлениями. Они требовали опровергнуть ложные утверждения Политбюро и «вывести партию из сталинской трясины»^[308].

А дальше состоялся злосчастный октябрьский пленум. Лев Борисович, преодолевая все преграды, приехал в Москву. Он понимал, что оппозиционерам будет нужна его помощь, и был раздосадован тем, что не мог быть рядом с ними при обнародовании платформы. На пленуме царила ужасная атмосфера. Троцкому не просто не давали говорить, его пытались силой стащить с трибуны и кидали в него предметы. Николай Кубяк бросил стакан, Емельян Ярославский прямо во время выступления Троцкого швырнул в него книгу с контрольными цифрами плана народного хозяйства. Николай Шверник еще раз бросил ее в Троцкого, но уже за его реплику из зала на речь Бухарина^[309]. В итоге Зиновьева и Троцкого исключили из состава ЦК.

107
даст его ожидания. Нужна же ограниченность Сталина, чтобы думать, будто можно такого рода жалкими канцелярскими махинациями заставить забыть гигантские события новейшей истории.

В 1918 году Сталин, на первых шагах своей борьбы против меня, вынужден был, как мы уже знаем, написать следующие слова:

"Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партии обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому." /Сталин, "Правда", 6-го ноября 1918 года/.

О полной ответственности за свои слова я вынужден ныне сказать: жестоким разгромом китайского пролетариата и китайской революции на трех ее важнейших этапах; усилением позиции тред-юнионистских агентов британского империализма после генеральной атаки 1926 года; нападением, обилием ослаблением позиции Коминтерна и СССР партия обязана прежде всего и главным образом т. Сталину.

31 октября 1927 г.

Л. Троцкий
/Л. ТРОЦКИЙ/

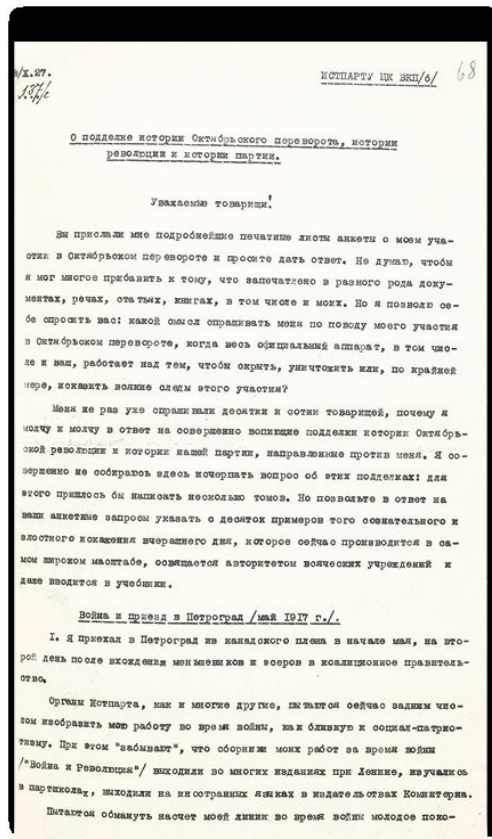
Л.Х.З.
128/с

67
В СЕКРЕТАРИАТ НК ВКП/с/

Послан при сем свое письмо Истпарту. Прошу раздать его своевременно на Паскуне членам ЦК и ЦКК, так как это письмо имеет непосредственное отношение к предстоящей партийной дискуссии.

31 октября 1927 г.

Л. Троцкий

Письмо Л. Д. Троцкого Истпарту «О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии» с приложением записки Л. Д. Троцкого в Секретариат ЦК ВКП(б)

21 октября 1927

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 82. Л. 67, 68-107]

Каменев не должен был выступать на пленуме. Но он с места пытался донести до всех, что платформа оппозиции является контртезисами к тезисам ЦК, поэтому ее необходимо опубликовать, отменив постановление Политбюро. Все его реплики перекрикивались, а Николай Скрыпник назвал предложение Каменева «провокационным». Нервы Каменева не выдерживали в той обстановке: «Вы сами провокатор, черт побери! Что за слова!»^[310]

Обсуждая вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК, Каменев сказал, что доклад Вячеслава Менжинского не об оппозиции, а «о каких-то белогвардейских сволочах»^[311]. Но ему повторили, что сдаваться не собираются. Если они «хоть капельку» сдадутся оппозиции, это для них разложение партии^[312].

Каменева называли «реалистом с оппортунистическим уклоном», говоря, что «надо его предварительно и крепче побить для того, чтобы из него вышел толк, – выдохся из него весь ленинизм».

Перед выступлением Сталина Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Смилга демонстративно покинули зал. Их провожали криками: «Скатертью дорога!» Сталин же удовлетворенно успокаивал присутствующих: «Нервы у них разъехались, и не хватает мужества выслушать представителей ЦК»^[313].

Сталин сам зачитал «Завещание Ленина», при этом поворачивая его не против себя, а против оппозиции. Он подчеркивает, что Ленин обвиняет Троцкого в «небольшевизме» и указывает на «неслучайное» отрицание Зиновьевым и Каменевым вооруженного восстания в Октябре 1917 года. «Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в “Завещании” насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина»^[314] – и этим Сталин был доволен.

Отказ печатать платформу оппозиции он объяснил достаточно просто: «ЦК не хотел и не имел права легализовать фракцию Троцкого».

23 октября 1927 года Янсон зачитал резолюцию пленума об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК за доведение фракционной борьбы «до степени, граничащей с образованием новой антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами»^[315].

Каменев не собирался молча это слушать и попросил слова. Его перебивали криками: «Это провокация», «Закрой свой граммофон», «Это злобный саботаж», «Это третье издание платформы». Но он, перекрикивая голоса, заявлял, что «у партии не может быть никаких оснований доверять проведение 7-часового рабочего дня, поднятие экономического и политического положения бедняков, проведение форсированного наступления на кулаков той группе, которая в течение 2-х лет проводила прямо противоположную точку зрения». «Мы солидарны с Троцким, Зиновьевым, Преображенским, Серебряковым! Имейте мужество исключить нас всех, 11 членов ЦК и ЦКК», – кричал Каменев^[316].

Немногочисленные аплодисменты оппозиции заглушил голос Рыкова, председательствующего на собрании, который призвал к голосованию за исключение Троцкого и Зиновьева из ЦК. 189 против 11 высказались «за».

В этот же день было написано заявление оппозиции (членов ЦК и ЦКК) с протестом против исключения из ЦК Троцкого и Зиновьева. Она называла это «попыткой избавиться от критики накануне съезда», обещала, что Политбюро не удастся он нее избавиться, «ибо оппозиция защищает взгляды Ленина и будет их защищать всегда, везде и при всяких условиях»^[317].

Каменев активно включился в работу к подготовке к съезду. Съезд – это не Сталин, не его Политбюро, не его ЦКК. Там будет много сторонников оппозиции. И Каменев верил, что съезд, который, по его

мнению, должен был быть создан еще год назад, поможет выдержать удар и заставить Сталина прислушаться к мнению оппозиции, хотя бы перестать устраивать гонения на нее. Каменев снова ошибался.

2 112
ст, далее, все данные ^{расшифровки} ^{ответственности фрак-}
ции Троцкого и ^{В. Смирнова} ~~Смирнова~~ представить на
рассмотрение XV съезда партии. ^(неоднократно)
организации ^{исполняют} ^{своего рода}
функции ^(или выполняют) ^{партии} ^{Классовый} ^{Мас-}
ловым, Руд. Френкел, Суворова, ^{Кот-}
^{Иван для партийной} ^{Коммунистич.}
г.г.) - представить на рассмотре-
ние XV съезда партии.

Российская
 Социалистическая Федеративная
 Советская Республика.
 Председатель
 МОСКОВСКОГО СОВЕТА
 Раб. и Кр. Депутатов.
 191 г.
 №
 Москва, Тел. 64-20; 72-61

«Правда»
 Пред. «Антикоммунистическая»
 Миссия?

Ув. тов.,
 Поделавши Вам нашим
 ж. Сисса по пункту порядка
 дня № 10 «О работе
 в однедневие». Согласно
 постановлению пленума
 ЦК. они должны были на-
 печатаны в «Правде» и в дис-
 курсивной форме. Просим
 напечатать эти тезисы немедленно,
 в первую очередь. Указано бы
 ли было решение в напечатании
 тезисов и будет напечатано как
 утверждение на решениях
 пленума и интересами подготовки
 к 1-му съезду.

2. XI. 27.
 газет

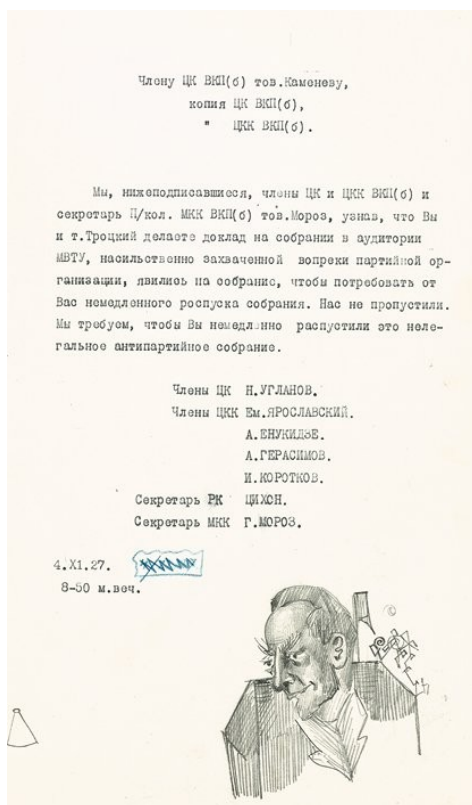
Г. Е. Зиновьев
 Л. Б. Каменев
 Н. И. Муралов
 Х. Г. Раковский
 И. Т. Смилга
 Л. Д. Троцкий

Г. Е. Зиновьев
 Л. Б. Каменев
 Н. И. Муралов
 Х. Г. Раковский
 И. Т. Смилга
 Л. Д. Троцкий

Записка Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Муралова, Х. Г. Раковского, И. Т. Смилги и Л. Д. Троцкого в газету «Правда» о публикации их контртезисов
 2 ноября 1927
 [РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 150. Л. 1]

Пылая энтузиазмом, засидевшись в Италии, он занялся подготовкой контртезисов и оппозиционных собраний, совсем как в дореволюционное время.

Пленум поставил точку в попытках участия оппозиции в дискуссиях на партийных собраниях. Раз нам не дают выступать на них, мы будем организовывать свои собрания, решил Каменев.

*Заявление Н. А. Угланова, Е. М. Ярославского, А. С. Енукидзе, А. Г. Герасимова, И. И. Короткова, А. М. Цихона Л. Б. Каменеву с требованием немедленно распустить нелегальное собрание в МВТУ
4 ноября 1927
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 8]*

3 ноября Зиновьев, Каменев, Муралов, Раковский, Смилга и Троцкий отправили в газету «Правда» для публикации тезисы оппозиции «О работе в деревне»^[318], чуть позже «О пятилетнем плане народного хозяйства»^[319] и «О внутрипартийном положении»^[320].

А 4 ноября в зале МВТУ «объединенная оппозиция» провела «нелегальное» собрание. Присутствовало около 2 тысяч человек. Узнав, что собрание проводит оппозиция, руководство университета пыталось разогнать собрание, отключив свет. Но это не помогло. Публика не расходилась, а Каменев и Троцкий продолжили выступать при свечах. Ближе к 9 часам вечера для разгона собрания приехали Угланов, Ярославский, Енукидзе, Герасимов, Коротков, Цихон, но их попросту не пустили на собрание. В итоге им пришлось писать обращение с требованием немедленно распустить «антипартийное собрание» и освободить «насильственно захваченную аудиторию»^[321]. Но собрание продолжилось.

Подобное собрание было организовано 6 ноября и в Ленинграде, где выступали Зиновьев и Радек. Пришедшие члены Ленинградской губернской контрольной комиссии также не смогли его разогнать^[322].

В связи с этим Политбюро особенно подготовилось к демонстрации 7 ноября. Сталин ожидал, что оппозиция проведет свою демонстрацию. В день праздника ОГПУ отслеживало не только передвижения лидеров оппозиции, но и размещение оппозиционных лозунгов и плакатов, раздачу агитационных листов. В Ленинграде оппозиционерам, в том числе Зиновьеву, Евдокимову и Радеку, отказали в билетах на трибуны. Они поневоле заняли места для делегатов. После того как одна из колонн рабочих попыталась их поприветствовать, организованная группа людей, поддерживаемая конной милицией, оттеснила оппозиционеров. Им даже пришлось укрыться в общежитии Толмачевской академии, откуда им уже «не рекомендовали» выходить до конца демонстрации. Фактически их арестовали^[323].

В Москве события развивались еще круче. Каменев вместе с Троцким, Иваром Смильгой и Николаем Мураловым, объезжая город на машине, просто-напросто подверглись обстрелу. Хорошо, что выстрелы были в воздух. А 5 человек и вовсе напали на машину, изрядно потрепав автомобиль. После этого все направились на собрание в квартиру Смильги, над окнами которой с утра оппозиция вывесила плакат «Выполним завещание Ленина» и красное полотно с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого. Прибыв туда, они обнаружили, что плакаты пытаются сорвать с крыши при помощи крюков. Действо собрало немало народа, с возмущением смотревшего на все это. После того как сам Смильга и его гости попали в квартиру, попытки сорвать плакаты стали ожесточеннее. А потом группа военных, среди которых Каменев узнал начальника военной школы ЦИК Лашука, ворвалась в квартиру, в щепки разнесла дверь. Сорвав и разорвав плакаты, они унесли их «в качестве трофея».

Дело идет о судьбе партии, о судьбе
революции, о судьбе рабочего
ударов. Судить будет народ.
Судить будет рабочий класс.
Мы не сомневаемся в этом.

И. М. Муралов
Н. Смильга
7.11.29

В Политбюро Ц.К. ВКП(б),
 В Президиум Ц.К.К. ВКП(б),
 Присоединяю тем не менее действительный
 бюрократический зритель, прикрывая
 безнаказанностью, отомкнув известия
 всему мировому пролетариату, описав
 нумером в некоторых словах фактически
 происшедшее событие.

1. Вовремя нашей поездки с тов. Троцким
 по городу и нашим приверженцам из
 армии рабочих колонн, медальоны, вонючие
 скакалки и другие вещи, которые
 были это подделанные и ворованные
 свистками, дезориентировать рабочих
 и вонючие медальоны и
 доверять дело до допотопических свистков.
 Мы помещаем в этом только одного
 рабочих, настраивая которых было
 противоборством настраивая

Число наших сторонников будет
 расти неуклонно. ~~А~~
 Мы хотим вам об этом в
 нескольких строках, методический
 в революционной борьбе. Число
 Ц.К. тов. Смирнов. Мы ставим
 своей задачей и в дальнейшем фактически
 обеспечить и в дальнейшем каждого
 из нас в отношении, как и
 Политбюро и Президиум Ц.К.К. ВКП(б).
 Каждый из нас знает, что
 что фактически зритель получил
 инструкции и сведения рабочих
 и что фактически все это фактически
 кампания является следствием
 Ц.К. ВКП(б), полагаясь на Президиум
 Ц.К.К. как на основной и на все
 другие органы. Вполне ясно, а в
 деле для коммунистов, что не
 было фактически ни то фактически, что
 фактически не было-то было.

Письмо Н. И. Муралова, И. Т. Смильга и Л. Д. Каменева в Политбюро
 ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) о событиях на демонстрации 7 ноября
 7 ноября 1927
 [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 36-44]

Возмущенные произошедшим Каменев, Смилга и Муралов написали письмо в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК. Говоря о том, что «трудно придумать действия более постыдные для руководителей борьбы с оппозицией», они уверяли, что «мировой пролетариат узнает» о случившемся и захочет еще сильнее узнать взгляды оппозиции, за которые она подвергается такой травле. «Мы ставим своей задачей немедленно закрепить ответственность за произошедшее каждого из Вас в отдельности, как и Политбюро, и Президиума ЦКК вместе. Центром всей этой омерзительной кампании является Секретариат ЦК ВКП(б), пользующийся Президиумом ЦКК как послушным, на все готовым орудием. Всякому ясно, а Вам яснее, чем кому бы то ни было, что, не будь прямых на это приказов сверху, все произошедшее не имело бы места»^[324].

Интересно, что в информационной сводке ОГПУ сказано, будто демонстрантам не понравился вывешенный лозунг и именно они, «разбив дверь, ворвались в помещение, отняли плакаты и выгнали оппозицию»^[325].

Никакой реакции Политбюро не последовало. Узнав о том, что происходило по всей Москве в отношении членов оппозиции, 9 ноября Каменев, Троцкий и Муралов вновь написали обращение в Политбюро и Президиум ЦКК с просьбой «немедленного и точного расследования и привлечения виновных к ответственности по целому ряду бесчинств, насилий и погромного характера действий». При этом в обращении указывалось, что все совершалось не демонстрантами, а за их спинами «силами небольших групп»^[326].

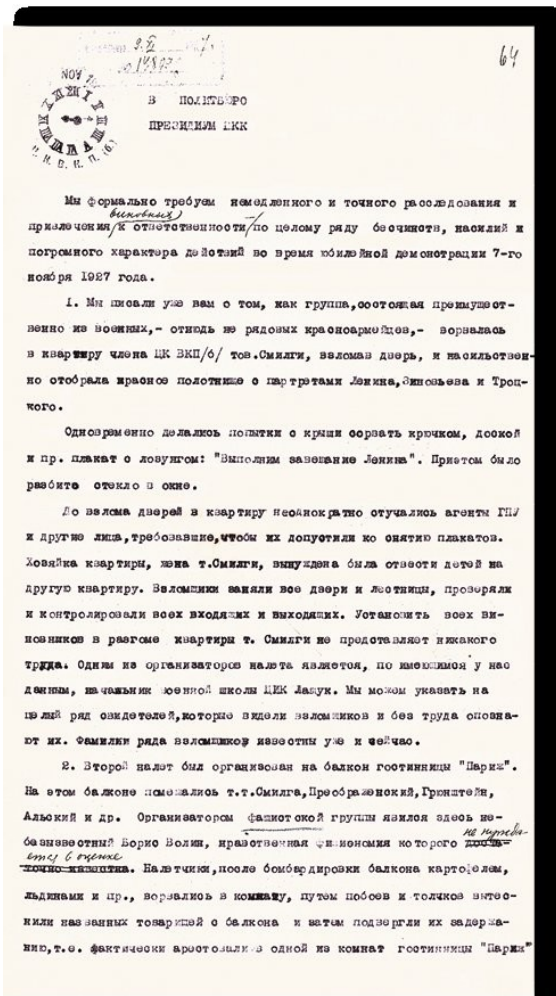
Понятно, что никакого расследования Политбюро проводить не собиралось. А Московский горком и вовсе выступил с предложением исключить из партии лидеров оппозиции – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Смилгу и всех остальных, потому что «выступление оппозиции с контрдемонстрацией против партии в 10-ю годовщину Октябрьской революции не может рассматриваться иначе, как выступление антисоветское, ведущее к подрыву диктатуры пролетариата»^[327]. Вместе с тем предлагалось снять всех с занимаемых постов.

и решительность проявляли наиболее черносотенные элементы. Делил ряд потерпевших коммунистов нам известен. На означении их показаний, как и показаний свидетелей, можно без труда установить виновных. Все такого рода деления ни в малейшей степени не походили на расправу толпы. Наоборот, все они совершались за спиной толпы, при небольшом количестве арестов, силами небольших групп, при руководящем участии официальных или полуофициальных лиц, которых, как уже сказано, не трудно найти.

Мы считаем абсолютно чуждыми ~~этим~~ произвести формальное, открытое и беспристрастное расследование по названным нами и многим не названным хулиганским беспорядкам против оппозиционеров или подозреваемых в оппозиционности. Значение этого ~~вопроса~~ для дальнейшего внутреннего развития нашей страны не требует пояснений. В случае неполучения от нас ответа мы примем для освещения всего этого дела те меры, которые вытекают из интересов нашей партии ~~революции~~ и международного рабочего движения.

9 ноября 1927 г.

Иванов.
Л. Троцкий
М. Мурашев

Письмо Л. Б. Каменева, Л. Д. Троцкого и Н. И. Муралова в Политбюро
и ЦКК ВКП(б) об отношении к оппозиции 7 ноября
9 ноября 1927
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 64-66]

При этом, если не считать лозунга «За Троцкого и Зиновьева», все остальные были достаточно безобидные: «Выполним завещание Ленина», «За подлинную рабочую демократию», «Повернем огонь направо против нэпмана, кулака и бюрократа».

10 ноября в 10 часов утра оппозиционеров ждало очередное расширенное заседание Президиума ЦКК совместно с членами ЦКК, МКК и РКК города Москвы. Казалось бы, серьезное заседание, на котором обсуждается, можно сказать, возможный раскол партии. Но все было превращено в цирк. На все издевки в сторону оппозиции участники заседания смеялись и поддакивали. Все комментарии оппозиционеров тонули в ойканье и прочих возгласах.

Начал заседание Янсон. Он напомнил, что со стороны ЦК было сделано все положенное для обеспечения «правильной дискуссии» по имеющимся в повестке дня XV съезда вопросам:

– Мы готовы были печатать и печатали бы все, что получали от оппозиции. Мы предоставляли возможность выступать во всех партийных организациях. Но товарищи Троцкий и Зиновьев не сделали попыток выступить на партийных собраниях.

Он упрекал оппозицию в ее методах, которых, по его словам, давно не бывало в партии:

– Мы имеем выпуск нелегального антипартийного листка. Мы видим целую стадию типографской деятельности, начиная с кустарных способов, заканчивая правильно поставленной подпольной типографией.

Янсон обвинял оппозицию в подготовке антисоветской демонстрации на 10-летие революции. Рассказывая о неудачах организации контрдемонстрации в Ленинграде, Янсон объяснял, что сами участники шествия «смыли» оппозиционеров за их лозунги и понесли на руках к Мойке:

– Они начали барахтаться, кричать, шуметь, локтями и руками действовать. Те, которые их несли обратно, тоже стали тумачами действовать, и, говорят, настолько здорово, что у кое-кого остались впечатления на лице кое-какие.

Это все вызвало смех в зале среди собравшихся.

– Здесь, кажется, присутствует Радек, – продолжал Янсон. – Я, знаете ли, воспользуюсь его присутствием и расскажу...

– А я с большим удовольствием буду опровергать Ваше вранье, – заявил с места Радек.

Янсон продолжал утверждать, что поведение оппозиции вне стен, на виду у демонстрации, у иностранных гостей является не только антипартийной, но и антисоветской деятельностью.

Описывая события в Москве, Янсон не стал отпираться: машина Троцкого, Каменева и Муралова была обстреляна, но в воздух. Объяснил он это очень просто – всем автомобилям надлежало иметь пропуска, а так как их машина оказалась без пропуска, то вот их и остановили милиционеры.

Муралов восклицал с места:

– Каким способом! Вы скажите, каким способом.

– Каким способом, говорите? Вот таким. Кричали – остановитесь. Когда не остановились – стреляли в воздух, а больше ничего там не было, – резюмировал Янсон.

Рассказывая о событиях, происходящих в квартире Смильги, он настаивал, что именно демонстранты и простой народ не выдержали оппозиционных лозунгов и ворвались в квартиру, чтобы покончить с ними. Вот и все. Оппозиция, по мнению Янсона, старается изобразить

дело так, будто «народ и партия на их стороне», а при подсчете сил становится ясно, что на их стороне меньше процента.

Янсон предложил изгнать всех из партии – скопом, без всяких формальностей. Снять со всех постов, все привилегии отнять. В конце выступления он добавил:

– В истории рабочего движения было немало случаев, когда друзья рабочих становились их врагами.

Каменев долго терпел, но тут уже не выдержал:

– Правильно, товарищ Янсон! Вот такая именно стадия, вот такие люди, которые тут сидят, находятся на таком пути, что скоро уже будут врагами рабочего класса.

Теперь уже оппозиция взорвалась аплодисментами, и председатель ЦКК Шкирятов предоставил слово Каменеву.

Заряженный негодованием Каменев начал говорить уверенно и дерзко, поддерживая тон, который задал Янсон. Он понимал, что переубедить собравшихся у него никогда не получится. Все это бесполезно. Да и желания у него никакого не было. Он просто хотел высказать все, что в нем накопилось.

– На основе моего двухлетнего наблюдения за ЦКК к вашему беспристрастию и к вашей готовности и способности защитить единство партии нет ни малейшего доверия. Вы стоите перед моментом, когда должны будете отдать отчет в ваших действиях по охранению единства партии. Я считаю, что вы своего долга не выполнили, вы превратились в орудие одной фракции. Это мы доведем до сведения XV съезда. Поэтому, товарищи, те действия и решения, которые вы принимаете за три недели до съезда, для нас не имеют никакого значения.

В зале поднялся шум. Да и все выступление Каменева проходило в шуме, постоянно выкрикивались какие-то комментарии. Каменев все парировал очень язвительно. Он четко дал понять, что члены ЦКК им не судьи, а слово он взял только для того, чтобы ответить на слова Янсона.

Говоря об имеющихся лозунгах и плакатах, Каменев сказал, что «самое растленное воображение не может доказать, что хотя бы один из этих лозунгов хранил в себе хотя бы зерно чего-либо антипартийного».

При этом Борис Ройзенман пытался противоречить Каменеву, утверждая, что лозунг «повернем огонь направо против кулака, нэпмана и бюрократа» – это призыв к погрому.

Каменев только посмеялся над этим и не смог не сострить:

– Ну, товарищи, извольте радоваться! Товарищи, исключите, пожалуйста, нас из партии, потому что если Ройзенман думает так, то нам в одной партии делать нечего, абсолютно нечего. Но только знайте, товарищ Ройзенман, что когда вы исключите нас из партии, то Ленин будет с нами.

По поводу плакатов Троцкого и Зиновьева Каменев вообще считал, что ЦКК не имеет права что-то предъявлять:

– 6-го числа надо было опубликовать декрет, что вывешивание портретов Зиновьева и Троцкого является контрреволюционным актом, то тогда вы были бы вправе от нас требовать какие бы то ни было ответы. А я этого декрета не читал.

Каменев обвинил ЦКК и лично Янсона в бездействии: никто после случившихся инцидентов не задержал и не допрашивал ни «хулиганов», которые срывали портреты, ни «милиционеров», которые стреляли по машине.

– Это все только потому произошло, – говорил Каменев, – что они были уверены в своей безнаказанности.

Последние слова Каменева прервали звонок об окончании времени его выступления и постоянные выкрики. На просьбу о продлении времени Янсон ответил категорическим отказом:

– Если бы товарищ Каменев давал объяснения по существу – другой вопрос, а он выступает с обвинениями, ругатней и клеветой против партии. Нам это слушать незачем.

Уже уходя с трибуны, Каменев еще раз выкрикнул:

– Вы не беспристрастны! Вы орудие раскола!

Проводили его шумом и выкриком: «Скатертью дорога!»^[328]

Далее выступали и другие члены оппозиции Радек, Троцкий, Смилга, Муралов. Все выступление Троцкого можно характеризовать одной его фразой: «Если вы думаете, что вы будете говорить беспартийным, что мы хотим ограбить мужика или что мы агенты Чемберлена, а мы будем молчать, так вы жестоко ошибаетесь».

На заседании выступила и Крупская. Она продолжала вести линию, взятую в 1926 году, – оппозиция слишком далеко зашла и уже не видит вреда в своих лозунгах.

Троцкий поинтересовался у нее, нужно ли опубликовать завещание Ленина.

Крупская прямо не стала отвечать, лишь сказала:

– Ведь зачем писал Владимир Ильич «Завещание»? Единственной его мыслью и целью было предотвратить раскол, и если вникнуть в дух «Завещания», то дух его таков, чтобы во что бы то ни стало сохранить единство партии^[329].

В тот же день, 10 ноября 1927 года, Политбюро на основании решения ЦКК постановило «предложить лидерам оппозиции категорически и немедленно отказаться от переноса партийных разногласий за пределы партии и от организации или участия в нелегальных собраниях». В случае отклонения от этого – Троцкого и Зиновьева «обещали» исключить из партии. Судьбу же Каменева и остальных должен был решить XV съезд партии^[330].

В это время оппозиция продолжала действовать. Она отправила в «Правду» свои тезисы «О пятилетнем плане народного хозяйства» с

требованием их опубликовать завтра же: «Какую бы то ни было задержку в напечатании тезисов мы будем рассматривать как издевательство над решениями пленума и интересами подготовки съезда»^[331].

В связи с этим постановлением на следующий день, 11 ноября, ЦКК собралась вновь^[332]. Цель была одна – выполнят ли Троцкий и Зиновьев решение Политбюро? Устраивая шум и подгоняя Троцкого и Зиновьева на трибуну, не давая должным образом ознакомиться с постановлением, Янсон хотел решить все «здесь и сейчас». Но Зиновьев наотрез отказался:

истории всех стран, соединяйтесь!

1927 г.

11 ноября Коммунистическая Партия (большев.). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

П184/1с. . 10. ноября 1927 г.

Тов. Сталину.

Выписка из протокола № 134 заседания Политбюро ЦК от 10. XI. 1927 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1.- Постановление ЦКК об оппозиции. (т.т. Янсон, Ярославский).	☒ Особые постановления Политбюро ЦК. 1. ~~Всем организациям~~ Принять решительные меры против попыток оппозиции перенести партийную дискуссию за пределы партии. 2. Выступления всех членов партии перед непартийными кругами должны исходить из необходимости разъяснения и защиты линии партии. Оппозиционеров, выступающих на непартийных собраниях против политики партии, немедленно исключать из партии. 3. ~~Дирекции~~ ~~Всем партийным организациям~~ не допускать нелегальных собраний, созываемых оппозиционерами, а в случае их созыва, несмотря на принятые организациями меры, распускать их силами партийных организаций и рабочих.

Секретарь ЦК

Иван Гандин
Михаил М...

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об исключении оппозиционеров из партии и недопущении открытой дискуссии
10 ноября 1927
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 89]

КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ВКП(б).

Оппозиция разбита на голову в партийных организациях. Партия в целом, ее рабочие ячейки в особенности, ясно и решительно отмежевались от оппозиции, изолируют ее, как антипартийную и раскольническую кучку.

Видя свою изолированность, лидеры оппозиции, переходят на "новый", неизвестный путь. Они отворачиваются от партии, разывают последние связи и начинают обращаться за помощью к чуждым партии силам, Киевчанам, к буржуазным интеллигентам и прочим непролетарским силам. Антисоветские уличные выступления Троцкого, Зиновьева, Каменева, Смилги и других в день десятилетия Октября в Москве и Ленинграде, насильственный захват аудитории Московского Высшего Технического Училища для устроительства нелегального антипартийного собрания, избиения представителей партийной линии на организованных оппозицией нелегальных собраниях, — все эти и подобные им факты последних дней говорят о том, что оппозиция, проиграв борьбу в партии и будучи осуждена перед всем рабочим классом во время демонстрации 7 ноября, — начинает собирать вокруг себя враждебные рабочему классу силы и подготавливает новые антисоветские выступления.

Считая подобный образ действий оппозиции и прежде всего ее лидеров совершенно недопустимым и абсолютно несовместимым с именем членом нашей Ленинской партии, ЦК ВКП(б) принял необходимым передать в ЦКК вопрос о последних антипартийных выступлениях оппозиции.

Одновременно с этим ЦК ВКП(б) постановил предложить всем организациям партии в своей работе за ленинскую партийность и за сохранение единства нашей партии руководствоваться следующими указаниями:

1. Принять решительные меры против попыток оппозиции перенести партийную дискуссию за пределы партии.

83

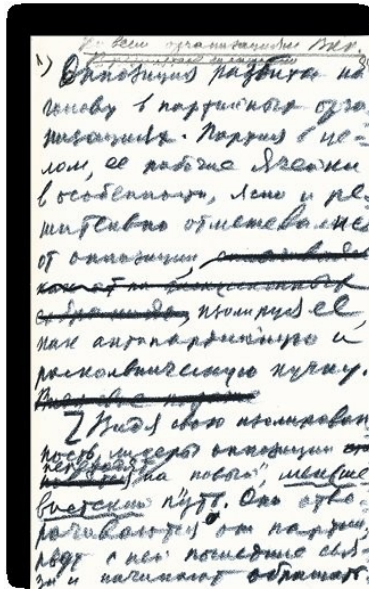
- 2 -

2. Выступления всех членов партии перед непартийными кругами должны исходить из необходимости раз'яснения и защиты линии партии. Оппозиционеров, выступавших на непартийных собраниях против политики партии, немедленно исключать из партии.

3. Не допускать нелегальных собраний, создаваемых оппозиционерами, а в случае их созыва, несмотря на принятые организационные меры, распускать их силами партийных организаций и рабочих.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

10.XI.27 г.

Сообщение ЦК ВКП(б) о разгроме оппозиции, опубликованное в «Правде»

10 ноября 1927

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 82-83, 84]

- Вы получите сегодня же письменный ответ. Довольно. Это законнейшее наше право.

Каменев поддержал его, выбежав к трибуне:

- Вы не можете отказать нам в законном требовании и заставлять нас давать ответ под револьверным дулом. Мы просим дать нам постановление Политбюро на руки, обдумать и ответить вам письменно. Мы не на улице и не на площади!

А пока шло заседание, в «Правде» было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) о разгроме оппозиции. Написал его лично Сталин. Указывая, что именно оппозиция 7 ноября устраивала избиения представителей партийной линии и антипартийные собрания, он призывал не допускать впредь нелегальных собраний, а выступающих на них оппозиционеров «немедленно исключать из партии».

Троцкого и Зиновьева решение об их исключении не удивило. Они давно понимали, что к этому все идет, что Сталин сделает все, чтобы их исключили до XV съезда.

11 ноября 1927 года на квартире Смилги было проведено совещание, на котором произошел спор. «Ленинградская группа» заявила о необходимости подчиниться XV съезду. Иначе вторая партия неминуема. Группа Троцкого же категорически выступила против подчинения съезду, назвав это капитуляцией.

Воспользовавшись данным им временем, обсудив все, лидеры оппозиции составили ответ от имени Троцкого и Зиновьева в ЦКК, в котором говорилось, что они бы с удовольствием не проводили отдельных собраний, если бы им позволяли высказываться на партийных собраниях. Кроме того, они готовы не выносить «партийные споры за пределы партии», но только в том случае, когда партийная печать перестанет «лить на оппозицию отравленную клевету»^[336].

12 ноября Янсон ознакомил всех с этим письмом. В итоге почти единогласно было принято решение, которое еще раз подтвердило постановление объединенного Пленума ЦК и ЦКК 12-14 ноября 1927 года (за – 210, против – 2, воздержался – 1)^[337].

Оппозиция обвинялась в том, что не воспользовалась предоставленной возможностью защищать свои взгляды в печати и партийных организациях, продолжала устраивать нелегальные собрания, выпускать антипартийные листки и проводить политику раскола. Предлагалось исключить из ЦК и ЦКК членов и кандидатов в члены Центрального комитета Каменева, Смилгу, Евдокимова, Раковского, Авдеева и членов Центральной контрольной комиссии Муралова, Бакаева, Шкловского, Петерсона, Соловьева и Лиздиня. Снять всех перечисленных с партийной и советской работы. Троцкого и Зиновьева из рядов партии исключить. О пребывании Каменева и других лидеров оппозиции в рядах партии, как и прежде, решить на XV съезде.

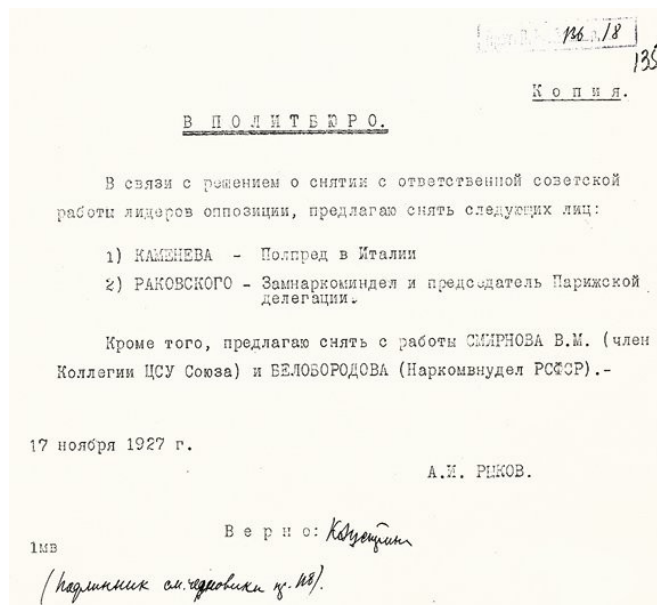
Каменев был возмущен всем, что происходило на заседании ЦКК, и постановлением пленума. «Это же просто бред думать, что мы стремимся на путь повстанчества. При нормальном партийном режиме не было бы никаких конфликтов», – рассуждал он.

14 ноября от имени оппозиции в защиту Троцкого и Зиновьева было составлено обращение в ЦК и ЦКК, ставшее известным как «Заявление 31-го». Отвергая все обвинения в антипартийной деятельности, так как это противоречит смыслу, целям и задачам оппозиции, его авторы говорили, что это решение их не испугает. Такие меры не смогут заставить их отказаться от защиты своих взглядов. А утвердив для демонстрации лозунги «долой оппозицию», ЦК сам вынес внутрипартийные споры на улицу.

Они отрицали, что стремятся создать «вторую партию», – «мы остаемся и останемся на почве единой ленинской партии». «Мы готовы оказать XV съезду, несмотря на крайне ненормальные условия его подготовки и созыва, поддержку в каждом шаге, направленном к восстановлению единства и нормальных условий жизни партии»^[338].

Но ЦК и ЦКК, казалось, даже уже не читали их письма и объяснения. Они, как и прежде, стояли на своем: прекратить нелегальные антипартийные собрания, отказаться от перенесения внутрипартийных споров за пределы партии, а «Заявление 31-го» «признать совершенно неудовлетворительным»^[339]. В тот же день, 17

ноября, по рекомендации ЦКК Политбюро сняло Каменева с должности полпреда в Италии^[340]. Это Каменева не только не опечалило, но обрадовало. Наконец он сможет вернуться в СССР.

Предложение А. И. Рыкова Политбюро снять Л. Б. Каменева с поста полпреда в Италии. (Утверждено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б))

17 ноября 1927

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 135]

Что больше всего возмущало Льва Борисовича, так это обвинение в попытке создать вторую партию. Ему, который все отдавал партии Ленина, это было дико слышать.

25 ноября споры зиновьевцев и троцкистов продолжились. Каменев стал сомневаться, есть ли у них что-то общее с Троцким и правильно ли они вообще поступили, пойдя на объединение их сил. Троцкий представил аналитический документ, который, по мнению зиновьевцев, не соответствовал платформе оппозиции. Они были не согласны с оценкой Троцким рабочего класса (Троцкий говорил о его пассивности), а также с его мнением, что спасение революции «лежит только на Западе». Каменев высказался категорически против таких заявлений. Предложение подчиниться решениям XV съезда при сохранении взглядов Троцкий охарактеризовал как «отказ от оппозиции, ликвидаторство, преклонение перед фетишем сталинской легальности, как отказ от большевистской преемственности». В итоге Каменев и Зиновьев решили оставаться при своих взглядах, изложенных в

платформе: ни шагу по пути ко второй партии и подчинение XV съезду. Каменев верил, что только так можно отстоять в партии ту линию, которую они отстаивали два года. Троцкий категорически отказался подписывать обращение к съезду^[341].

История с тем же накалом продолжилась на XV съезде, которого так долго ждала оппозиция. Она до последнего надеялась на своих сторонников. Но все стало ясно уже по реакции делегатов на доклад Сталина.

2 декабря 1927 года на вечернем заседании съезда, после выбора Секретариата, Орджоникидзе огласил постановление ЦКК от 12 ноября и предложил для разбора дела в отношении оппозиции и исключения ее членов из рядов партии создать комиссию аж из 65 человек.

Но все, в том числе и Каменев, понимали, что зависит все от доклада Сталина. 3 декабря 1927 года на вечернем заседании Сталин вышел к трибуне, чтобы доложить главный на тот момент вопрос – «Партия и оппозиция».

Каменев внимательно слушал всю речь. Ему нельзя было пропустить ни слова. Он знал, что будет очередное нападение на оппозицию и ему надо будет суметь ответить на него. После рассказа о достижениях партии, о внутрипартийной демократии и коллегиальности руководства, о решении важнейших вопросов не узкой верхушкой, а коллегиально действующими центрами Сталин перешел к вопросу дискуссии и оппозиции.

Он подчеркивал необходимость дискуссии, но только той, которая улучшает дело и «вооружает рабочий класс»:

*Выступление И. В. Сталина на XV съезде партии
3 декабря 1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 16]*

– Когда оппозиция требовала открытия всесоюзной дискуссии месяца за три до съезда, до выработки тезисов ЦК, до опубликования этих тезисов, она пыталась навязать нам такого рода дискуссию, которая неминуемо облегчила бы дело наших врагов, дело врагов рабочего класса, дело врагов нашей партии. Именно поэтому ЦК воспротивился планам оппозиции. И именно потому нам удалось поставить дискуссию на правильные рельсы, дав ей базу в виде тезисов ЦК к съезду^[342].

Каменев все это фиксировал на бумагу.

– Итоги дискуссии? Итоги известны. На вчерашний день за партию голосовало, оказывается, 724 тыс. товарищей, за оппозицию – 4 тыс. с лишним. Грохотали у нас оппозиционеры, что ЦК оторвался от партии, партия оторвалась от класса, что если бы да кабы, да во рту росли грибы, то они, оппозиционеры, имели бы наверняка 99 % на своей стороне. Но так как грибы во рту не растут, то оказалось, что у оппозиции даже 1 % не имеется. Таков итог, – резюмировал Сталин.

А дальше Каменев только и успевал записывать, какими словами Сталин называл руководителей оппозиции: «мелкобуржуазные интеллигенты», «люди, не страдающие скромностью», «оторванные от жизни интеллигенты».

Все слова Сталина поддерживались аплодисментами, смехом и криками: «Правильно!»

Сталин утверждал, что оппозиция расходится с партией по всем вопросам, а значит, у нее есть все необходимое для создания новой партии. «Не хватает только мелочи, – говорил Сталин, – не хватает силушки для этого».

Дальше было хуже. Сталин подробно осветил семь основных вопросов, по которым принципиально расходятся партия и оппозиция. Каменев, слушая это, понимал, что битва проиграна: все воспринимают оппозицию как новую партию. Но никакой новой партии быть не может! Есть только одна партия, ради которой он живет и работает.

Опять Сталин вспоминал, как Каменев отказался поддержать вооруженное восстание:

– Ленин его подгонял палочкой, угрожая исключением из партии.

Вспоминал о его разоблачительной брошюре «Две партии», в которой Каменев раскрыл все иллюзии сотрудничества с Троцким.

Сталин недвусмысленно дал понять, что восстанавливать Троцкого и Зиновьева в партии никто не собирается, во всяком случае сейчас. На это вновь прозвучали аплодисменты и крики: «Правильно!»

И вдруг Сталин прямо поставил Каменева перед выбором:

– Надо выбирать: либо боязнь того, что Троцкий использует письма Каменева и разгласит его тайные разговоры с Троцким, и тогда – опасность остаться вне партии, либо отбросить всякую боязнь и остаться в партии. Либо одно, либо другое.

Подводя итог, Сталин озвучил свои условия:

– Оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном, и в организационном отношении. Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. Она должна заклеить ошибки, ею совершенные, ошибки, превратившиеся в преступление против партии, открыто и честно, перед всем миром. Она должна передать нам свои ячейки для того, чтобы партия имела возможность распустить их без остатка. Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут – вышибем^[343].

Дальше Каменев уже не слушал... Нужно было действовать и принимать меры, если они хотят остаться в партии.

Съезд на стороне Сталина, а значит, дальнейшая борьба не приведет ни к чему хорошему. Никто не хочет уступать. Спор действительно достиг апогея, и единство партии под угрозой. Поэтому, посоветовавшись, зиновьевцы приняли решение капитулировать.

3 декабря 1927 года они подготовили заявление. Составление его далось не так-то легко. Если просто признать свои ошибки, тогда зачем они столько времени отстаивали свои интересы? Если не признать, то как им вернуться в партию, ради которой они все это и делали? Каменев много раз переписывал текст заявления. Среди его бумаг можно найти вариант – «Вот как должна звучать наша речь, если мы

хотим изменить решение съезда»^[344]. В итоге заявление было готово, его подписали 120 человек, включая Каменева и даже Троцкого.

Они признавали, что встали на путь фракционности и «прибегали к средствам, идущим вразрез с партдисциплиной», но только из-за того, что встречали нестерпимые обвинения. Они подчеркивали свою уверенность в правоте своих взглядов, говоря, что не могут отказаться от них. Но ради сохранения единства партии они согласны прекратить всю фракционную деятельность, так как «борьба в таких формах должна быть ликвидирована». В заявлении подчеркивалось, что «ни на раскол, ни на вторую партию мы не пойдем»^[345].

5 декабря у Каменева появилась возможность высказаться и донести решение оппозиции до съезда. Однако все пошло не по плану. В гробовой тишине Каменев вышел к трибуне:

– Я выхожу на эту трибуну с единственной целью – найти путь примирения оппозиции с партией^[346].

На этом тишина закончилась. Зал взорвался возгласами: «Поздно!», «Ложь!» Но Каменев продолжал:

– Оппозиция представляет меньшинство в партии. Она, конечно, никаких условий со своей стороны ставить партии не может. Она может сказать съезду тот вывод, который она для себя делает из истории двух лет борьбы, и ответить на те вопросы, которые ей поставлены.

Рассказывая о принципиальных разногласиях с партией, Каменев представил два пути решения вопроса – создание второй партии или полное подчинение партии большевиков. Однако он сразу оговорил, что создание второй партии – это гибельный путь для пролетарской диктатуры и революции.

– Этот путь для нас заказан, запрещен, исключен всей системой наших взглядов, всем учением Ленина о диктатуре пролетариата. По этому пути мы своих единомышленников вести не можем и не хотим.

Это снова взорвало зал криками: «Врете!», «Но вы вели!»

Каменев продолжал сквозь шум:

– Остается, стало быть, второй путь. Этот путь – после жестокой, упорной, резкой борьбы за свои взгляды – целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, не вопреки ей. Стать на этот путь – для нас значит подчиниться всем решениям съезда, как бы тяжелы они для нас ни были, и выполнить.

Последовали крики «Никто не поверит», но Каменев настаивал, что оппозиция прекратит всю фракционную борьбу и ликвидирует фракционные организации.

Если бы Каменев на этом и закончил, поставил точку, то, возможно, дальнейшая жизнь его и всех оппозиционеров сложилась бы иначе. Но тогда он не был бы Каменевым. Он всегда защищал свои принципы и идеи до конца. И здесь не смог промолчать. По мнению Каменева,

съезду следовало понять, что их идеи не временные мысли, пришедшие из ниоткуда. Они для оппозиции принципиальны, даже под угрозой исключения из партии:

– Если бы мы к этому прибавили отречение от взглядов – это было бы не по-большевистски. Если бы с нашей стороны было отречение от взглядов, которые мы защищали неделю или две недели тому назад, то это было бы лицемерием, вы бы нам не поверили. Это лицемерие внесло бы гниль в самую суть дела, в самое начало, в основной камень этого перемирия. Никому оно не нужно. Я говорю, конечно, о тех взглядах, которые являются подлинными нашими взглядами, которые изложены в нашем документе – платформе и тезисах, которые нами подписаны, а не о тех преувеличениях, которые нам часто приписывались.

И дальше Каменева понесло. Он уже не слышал выкриков с мест и требования Ворошилова отказаться от меньшевистских взглядов, он продолжал говорить, что именно их критика поможет преодолеть трудности, которые стоят перед партией и страной, утверждал, что многие их взгляды получили подтверждение в жизни.

– Разве можно требовать отречения от наших взглядов на Англо-русский комитет? Разве можно требовать от нас отречения от наших взглядов на китайскую революцию? Разве можно требовать от нас отречения от наших взглядов по вопросу расслоения крестьянства? Разве можно требовать от нас отречения по вопросу об отставании промышленности? – спрашивал Каменев.

Все это только разозлило присутствующих. Они недоумевали – так в чем же тогда отказ от оппозиции, если Каменев со своими соратниками не собирались отречься от своих взглядов? Они желают остаться в партии, но не принимать линию партии? В зале стоял гул. А Каменев продолжал, будто не замечая ничего: «Отречение от взглядов – это вещь явно невыполнимая».

Понятно, что после этого Каменеву можно было не рассчитывать на благосклонность. Его упертость, нежелание идти на компромисс, неприятие проигрыша решили его судьбу. Именно XV съезд поставил крест на его политической деятельности.

Дальнейшее выступление Каменева превратилось в перепалку. Его закидывали репликами и вопросами, на которые он не успевал реагировать. «Наша позиция, – выкрикивал Каменев, – назад в партию во что бы то ни стало». Но в это уже никто верил. Ему лишь выкрикивали в ответ: «Обойдемся без вас», «Вы в историю уже вошли», «Отрекитесь от троцкизма!», «Веры нет!»

Рудзутак прервал выступление Каменева, которое перешло уже в невыносимый гул, и вызвал на трибуну Рыкова, без промедления заявившего, что выступление Каменева ни в малейшей мере не может удовлетворить съезд.

Однако решение об оппозиции будет принято только после вердикта специально созданной для этого комиссии, и Лев Борисович это понимал. Останется ли он в партии или нет – от него уже не зависит. Сам он считал, что сделал все правильно.

Ожидание затянулось на 5 дней. В это время многие оппозиционеры стали подавать заявления о восстановлении в партии. Каменев знал, что заседание комиссии съезда по вопросу об оппозиции запланировано на 10 декабря 1927 года^[347]. Именно поэтому 10 декабря Каменев направил Орджоникидзе «примирительное заявление», подписанное им, Евдокимовым, Авдеевым и Бакаевым, тем самым демонстрируя, что, пообещав подчиниться решению съезда, они подчинились.

В заявлении, подчеркивая не раз уже сказанное, что они отвергают «путь второй партии принципиально», авторы указывали: «1. Оппозиционная фракция должна прекратить и прекращает свое существование. 2. Решение съезда о запрещении пропаганды ее взглядов принимается всеми нами к исполнению. Мы призываем всех наших единомышленников сделать для себя те же выводы из решений съезда. Каждый из нас должен стать на то место, которое укажет ему партия, и проводить ее решения со всей энергией на повседневной практической работе, помогая партии идти к целям, поставленным Лениным»^[348].

Кроме того, Каменев просил о восстановлении в партии исключенных за оппозиционные взгляды и ходатайствовал за освобождение арестованных за оппозиционную деятельность, называя это «само собой разумеющимся и необходимым».

Этот документ разрушил троцкистско-зиновьевский блок. В глазах Троцкого Каменев стал изменником. Поэтому в тот же день по распоряжению Троцкого было составлено другое заявление, подписанное Раковским, Мураловым и Радеком, которое показывало другую позицию. Так и оформился раскол.

Записка Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, П. Н. Авдеева и И. П. Бакаева председателю ЦКК Г. К. Орджоникидзе с приложением сопроводительной записки Л. Б. Каменева

10 декабря 1927

[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 55. Л. 1, 2]

Оба эти обращения были рассмотрены комиссией^[349] 10 декабря 1927 года, после того как Орджоникидзе огласил заявления оппозиции за подписью 120 человек от 3 декабря 1927 года, началось обсуждение.

Первым слово взял Петровский и сообщил, что ничего нового в этих заявлениях нет:

– Если действительно оппозиция хочет искренне, по-большевистски заявить, что она желает работать в партии, она так и должна об этом заявить. Пусть они заявят, что они наши единомышленники. Этого до сих пор мы не видим.

Он настаивал, что, если члены оппозиции хотят оставаться членами партии, они должны не только признать ошибки, но и осудить платформу оппозиции как антипартийную и антигосударственную. Только так, по мнению Петровского, они докажут, что являются единомышленниками. И каждый по отдельности должен подавать заявление съезду, а «не скопом». Этого же мнения придерживался и Калинин.

Его поддержал Голощекин. При этом он предложил вопрос о принятии «бывших оппозиционеров» в партию передать в ЦКК. Однако отметил, что в таком виде заявление с тремя словами «просим восстановить в партии» – совершенно не годится. Предлагал выработать политическую резолюцию об оппозиции.

А вот Скрыпнику вообще «не понравилось» заявление Каменева, Евдокимова, Бакаева и Авдеева, составленное, по его мнению, «тонко и иезуитски»:

– Там указано, что каждый должен стоять на том месте, которое укажет ему партия, и проводить ее решения. Но дальше они заявляют, что освобождение арестованных абсолютно необходимо. Что это – условие? Они ставят условие партии, что будут проводить ее решение в том случае, если будут освобождены арестованные. Мне кажется, не вызывая их, им нужно отказать. Нужно потребовать полного безоговорочного осуждения прежней деятельности и потребовать определенного ответа. Если они не дадут – их заявление рассматриваться не будет.

Ярославский, как и Петровский, считал, что ничего нового в заявлениях оппозиции нет, поэтому предложил напечатать их и раздать членам съезда, чтобы они в этом убедились. А уже после он предлагал вынести резолюцию с оценкой деятельности оппозиции.

В итоге после обмена мнениями было решено признать заявления неудовлетворительными и сообщить об этом оппозиции. Решение комиссии Каменеву было передано устно. С ним беседовали и Орджоникидзе, и Томский, и Янсон.

В следующий раз комиссия заседала лишь 17 декабря^[350]. Собранным Орджоникидзе огласил проект резолюции^[351].

В ней указывалось, что оппозиция в идеологической области «от разногласий тактического характера перешла к разногласиям программного характера», скатившись к позиции меньшевизма. В области тактической – оппозиция перешла за грань не только устава партии, но и за грань советской легальности. В области организационных вопросов – оппозиция от фракционности перешла к созданию своей собственной троцкистской партии.

Резолюция подтверждала правильность исключения из партии Троцкого и Зиновьева, а других оппозиционеров – из числа членов ЦК и ЦКК.

Особое внимание Орджоникидзе уделил тому месту, где заявления оппозиции признаются неудовлетворительными. В резолюции указано, что документ от 3 декабря как будто бы настаивает на пропаганде меньшевистских взглядов. Документ Раковского, Муралова и Радека от 10 декабря «настаивает на необходимости не только сохранения меньшевистских взглядов, но и на необходимости их пропаганды». Документ Каменева, Бакаева, Авдеева и Евдокимова «настаивает на сохранении меньшевистских взглядов оппозиции при отказе от их пропаганды».

Интересно, что до этого ни на съезде, ни в каком-либо решении ЦК оппозиция в меньшевизме не обвинялась. Это впервые появилось в проекте резолюции XV съезда.

В конце резолюции предлагалось исключить из партии 23 человека из группы Сапронова, «как явно антиреволюционной», и 75 членов троцкистской оппозиции, в том числе и Льва Борисовича Каменева.

Резолюция полностью одобрялась всеми присутствующими, поэтому было принято решение вызвать представителей оппозиции – авторов заявлений от 10 декабря – и ознакомить их с резолюцией.

Каменев, Бакаев, Авдеев, Радек, Муралов и Раковский в полной тишине выслушали Орджоникидзе. Они все, конечно, ожидали иного решения.

– Разрешите закрыть заседание комиссии? – поинтересовался Орджоникидзе.

Каменев этого сделать не дал, он попросил слова:

– Я считаю, что оглашенная здесь резолюция комиссии есть величайший удар нашей партии. Но так как апеллировать против решения комиссии есть только одна инстанция – съезд, то мы будем апеллировать против решения этой комиссии к съезду. Надеюсь, что

съезд предотвратит этот громадный удар, который комиссия хочет нанести единству партии.

– Право апеллировать имеет всякий, товарищ Каменев, – сказал Орджоникидзе. – Разрешите уже закрыть заседание комиссии.

Но его перебил Раковский:

– Я присоединяюсь к заявлению Каменева.

Бакаев хотел получить сейчас же резолюцию на руки:

– Я просил бы дать нам возможность познакомиться с проектом резолюции комиссии не по слуху, а прочесть его.

Орджоникидзе ему в этом отказал:

– Мы размножим проект резолюции и дадим вам его.

На следующий день они все уже встретились на съезде. Теплящаяся надежда Каменева разбилась вдребезги. Речь Смилги, который пытался откреститься от обвинений в меньшевистских и троцкистских взглядах, только усугубила положение оппозиции. Съезд принял резолюцию единогласно^[352].

Каменев не представлял, как можно жить вне партии. Что он будет делать? Каменев видел лишь один выход – осудить платформу оппозиции, осудить то, что он защищал два года своей жизни. Он обещал Орджоникидзе подать апелляцию и сделал это на следующий день, 19 декабря. Обращение было адресовано президиуму съезда и подписано 23 бывшими оппозиционерами. Они признавали все ошибки и принимали к исполнению требования съезда «об идейном и организационном разоружении», отрекались от «платформы»: «Осуждаем как антиленинские взгляды, отрицающие возможность победоносного строительства СССР, социалистический характер нашей революции, социалистический характер нашей госпромышленности, социалистические пути развития деревни в условиях пролетарской диктатуры и политику союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства или отрицающие пролетарскую диктатуру в СССР (“термидор”)». Признавали, что встали на путь создания второй партии, признавали ошибкой выступление 7 ноября, организацию нелегальной типографии и все то, в чем их обвиняли. Все 23 человека, включая Каменева и Зиновьева, просили съезд вернуть их в партию и дать возможность участвовать «в практической повседневной работе».

Однако, как выкрикнул кто-то на одном из заседаний съезда, – было поздно. Каменев просил разрешения присутствовать при оглашении резолюции на съезде, но его не пустили. Он вне партии, а значит, и на съезде быть не имеет права.

Орджоникидзе по всем правилам огласил обращение, и решение было ожидаемое – «не рассматривать заявление исключенных... ввиду того, что съезд исчерпал вопрос об оппозиции в резолюции от 18 декабря», принимать заявления исключенных из партии активных

деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке и принимать решения по ним только спустя шесть месяцев^[353].

Получается, что обращение не дало результатов, но при этом раскололо троцкистско-зиновьевский блок. Троцкий, в отличие от Каменева, не собирался отрекаться от «платформы». Каменеву тогда было уже все равно, что думает Троцкий. Он не оставлял попыток восстановиться в партии. 23 декабря 1927 года Каменев «индивидуально» обратился к ЦК и ЦКК с просьбой о восстановлении в партии^[354].

Рассматривала этот вопрос ЦКК, как и положено, через полгода – 22 июня 1928 года^[355]. 21 июня Политбюро не стало противиться желанию Каменева, учло признание им «принципиальных ошибок», осуждение фракционной деятельности троцкистов и приняло решение о восстановлении его в партии. Кроме него в партии были восстановлены еще 37 бывших оппозиционеров, в том числе и Зиновьев. Каменева восстановили с прежним партийным стажем, но перерыв все же учли в его личном деле^[356]. Однако партбилет ему вручили только 6 октября 1928 года.

50 20
156

В Ц.К.К. и Ц.К.

Ув. м.,
После восстановления 15-го
о моем исключении из партии
и - ввиду дружеских товарищеских
обращений к ЦКК с просьбой
о восстановлении, и проявив
в заседании 18-го свое отношение
к требованиям ЦКК,
сформулированным в резолюции
ЦКК 15-го об оппозиции.
Повторяю мне свое
просьбу перед Ц.К. и Ц.К.К.

23. XII. 27. Л. Каменев

*Заявление Л. Б. Каменева в ЦКК и ЦК ВКП(б) с просьбой о
восстановлении в партии*

23 декабря 1927

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 102. Л. 50]

Но это все произошло потом. А тогда, после XV съезда, Каменев решением ОГПУ в январе 1928 года на полгода был выслан в Калугу. Зиновьев отправлен туда же. Причем открыто это высылкой не называлось, а значилось как «направление на работу в периферию»^[357]. Тем же решением Троцкого отправили в Алма-Ату. Однако перед этим вышла директива, называющая Каменева и Зиновьева капитулянтами и изменниками^[358]. Ее даже опубликовала «Правда» 15 января.

По заполнению подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП(б).
Заполняется черными чернилами исключительно
на русском языке.

ОТЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
на п./б. № **1227612**

Фамилия *Каменев*
Имя и отчество *Лев Григорьевич*
Год рождения *1883*
Время вступления в партию *1901*
перевод с 11-27 по 22-й-28г.
Наименование организации, выдавшей билет *Москва. Моск. Союз. ком. РК*
М. П. Секретарь *Ванько*
Партикома
Личная подпись получившего на руки партбилет
Время выдачи партбилета *6-1* 19*28* г.

Отчетная карточка на партбилет Л. Б. Каменева № 1227612

6 октября 1928

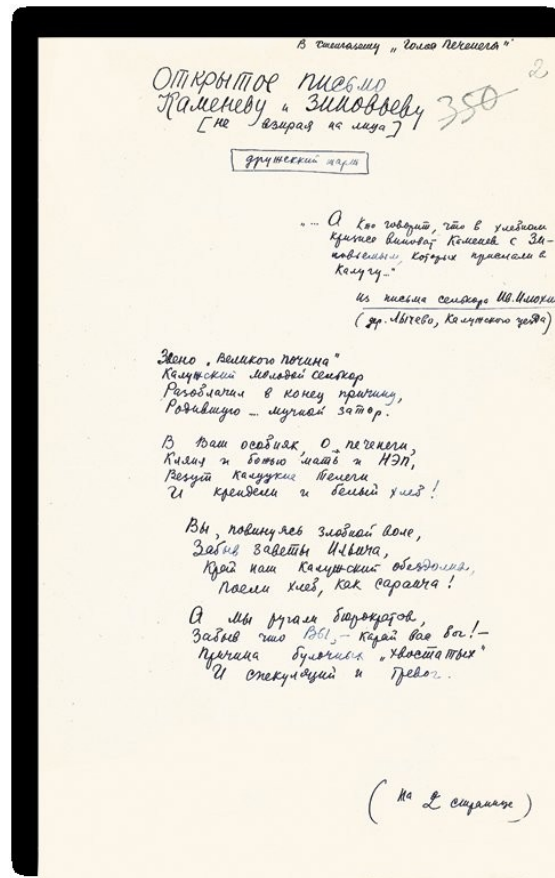
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99]

Тесно кружатся в новом свете:
Знаменевская толпушка
И в Каменевском кабинете!
Воз в Фантасмагориче!

Вы взяли охоту Агафону...
Вы вбежали на руки нас...
На Вас, а не на спекулятов
Вручили нам голых нас!

К. Антискин

Калуга,
21 июля 1928.

Шутливое стихотворение К. Алтайского «Открытое письмо
Каменеву и Зиновьеву»

21 июля 1928

[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 206. Л. 2-3]

В сложившейся ситуации Каменеву и Зиновьеву это оказалось только на руку. Подтверждая разрыв с Троцким, они направили в «Правду» свой ответ Троцкому, опубликованный с разрешения Политбюро 27 января 1928 года^[359]. Этим они еще раз подтвердили полное подчинение решениям XV съезда и лояльность линии партии.

В Калуге Каменев проживал на краю города, на самом берегу Оки, а работал заместителем председателя Калужского губплана^[360]. Несмотря на его положение, Каменеву очень нравился город. Он исправно исполнял свои обязанности по работе, продолжал общаться с Зиновьевым, читал, писал, поддерживал переписку с Максимом Горьким и надеялся на его приезд в Калугу. Льву Борисовичу очень хотелось встретиться с Константином Циолковским, но тот отказался то ли в силу возраста, то ли из-за занятости. Однако прислал Каменеву свои книги. Правда, Каменев с сожалением признавал, что ничего в них не понял и «причину космоса» так и не увидел.

Его супруга Татьяна Глебова поддерживала его во всем и металась между Калугой и Москвой, так как в столице она читала лекции в Университете Востока. В Калуге же, почти по завершении срока ссылки, в конце июня, у Каменева и Глебовой родился сын Владимир или Волик^[361]. А 10 июля они уже все вместе вернулись в Москву. К тому времени Каменев был восстановлен в партии.

*Татьяна Ивановна Глебова с сыном Владимиром
1930
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 86]*

Глава 13

«Закулисные фракционные игры»

Июль 1928 – май 1932

Не успев вернуться из Калуги, Каменев тут же оказался втянут в историю. Накануне его возвращения, 9 июля 1928 года, с ним связался Сокольников и сообщил о необходимости с ним переговорить. А 11 июля он позвонил ему и рассказал подробности – у Бухарина разрыв со

Сталиным, и Николай Иванович хотел бы встретиться с Каменевым лично, так как боится, что тот признает линию Сталина правильной.

Каменев этому удивился. И особенно – поскольку, будучи еще в Калуге, он прослышал, что Бухарин, Рыков и Томский были категорически против его восстановления в партии. Потому он эту просьбу всерьез и не воспринял. А они в тот же день явились к нему без предупреждения. Льву Борисовичу ничего не оставалось, как принять их и выслушать Бухарина.

Николай Бухарин казался замученным и очень взволнованным:

– Дело в ЦК партии зашло так далеко, что Вы, вероятно, и троцкисты неизбежно будете в него втянуты и будете играть в его решении важную роль. Я хочу поэтому, чтобы Вы знали ситуацию. Я знаю, к Вам обратятся сталинцы. Вы, конечно, как политики будете пользоваться этим положением: «набивать цену», но я этого не боюсь. Решать будет политическая линия, и я хочу, чтобы Вы знали, вокруг чего идет борьба.

Вспоминая, как единогласно его вышибли из партии, Каменев засомневался:

*Григорий Яковлевич Сокольников
Декабрь 1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 100]*

*Николай Иванович Бухарин
Декабрь 1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 98]*

– Да серьезная ли борьба-то?

– Вот об этом я и хотел поговорить, – продолжал Бухарин. – Мы считаем, что линия Сталина губительна для всей революции. С ней мы можем пропасть. Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами.

«Да неужели?» – думал Каменев. Но при этом продолжал внимательно слушать.

– Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать.

Каменев на все реагировал сдержанно, а в конце задал простой вопрос:

– Чего же Вы хотите от нас?

Бухарин тогда беспокоился только об одном: что Сталин будет искать Каменева для того, чтобы заручиться поддержкой.

– Сталин хвалится, что Вы у него в кармане. Ваши всюду ангажируют за Сталина. Это было бы ужасно. Вы сами, конечно, определите свою линию, но я просил бы, чтобы Вы одобрением Сталина не помогали ему душить нас^[362].

Эта встреча не была единственной, подобные встречи повторялись летом и осенью 1928 года. При этом Каменев ничего не делал и не обещал. Понимая риск, он все же не мог устоять перед соблазном из первых рук узнавать о положении в партии. В итоге, как и ожидалось, нелепые попытки со стороны Бухарина создать какой-либо блок против

Сталина потерпели крах. Бухарин плохо знал Каменева. Иначе бы понял сразу, что тот никогда не ввяжется в борьбу за власть, да еще против своих принципов, идя на сговор с «правым уклонистом». Однако как для одного, так и для другого эти встречи не прошли бесследно.

В Москве Каменева назначили начальником Научно-технического управления ВСНХ СССР. Он, исправно выполняя скучнейшую для него работу, радовался возвращению в партию и надеялся, что постепенно вернется к партийной работе.

А в это время Троцкий написал свое знаменитое обращение от 21 октября 1928 года о тактике оппозиции и с призывом активизировать оппозиционную борьбу против Сталина. В нем же он упомянул и Каменева, и его беседы с Бухариным и представителями Троцкого, и якобы его сожаление о разрыве с Троцким ^[363].

Узнав о содержании обращения, Каменев еще раз убедился, что не зря порвал с Троцким. Он, скорее, сожалел, что связался с ним, а о разрыве сожалел как раз Троцкий.

«Надо же, – думал тогда Каменев, – а товарищ Сталин-то оказался прав. Троцкий начал использовать все, что только можно, против бывших союзников».

На какое-то время он и думать забыл об этом так называемом обращении. Но вот ему стало известно, что письмо рассылается членам Политбюро. Подумав, что его содержание могут воспринять всерьез, Каменев заволновался и решил защитить себя, написав письмо Сталину 29 ноября 1928 года.

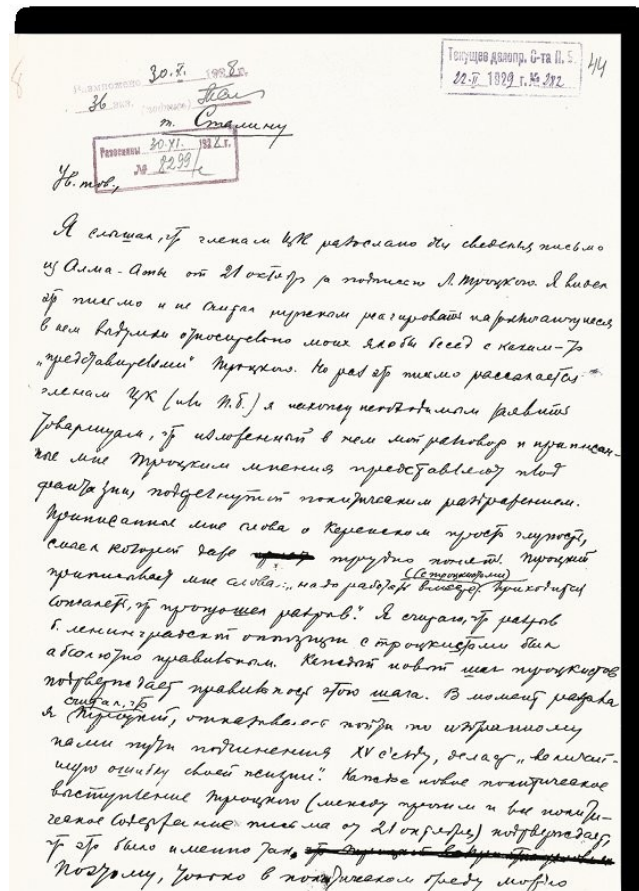
притисаѣ или нѣтъ бы намен на полати ³
„притисаѣ виеде“ с притисаѣ. ⁴⁵

Ели тисаѣ притисаѣ of 21.5 действующего
ратисаѣ Секретаря ЧК, и притисаѣ ратисаѣ
по деи на адресам и деи на притисаѣ.

С кои притисаѣ

29. x. 28.

Машин

Письмо Л. Б. Каменева И. В. Сталину о его общении с Л. Д. Троцким
29 ноября 1928
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 136. Л. 44-45]

Объясняя месяц молчания, Лев Борисович в письме указал, что изначально не считал нужным реагировать на это обращение и тем более на выдумки относительно бесед с «представителями» Троцкого.

О беседах с Бухариным Каменев умалчивал. Раз о них известно Троцкому, то и Сталину тоже. Поэтому отрицать их не стоит. Да и что они были, что не были.

Каменев писал, что изложенный якобы его разговор с Троцким – абсолютный «плод фантазии, подстегнутой политическим раздражением». Он подчеркнул, что каждый шаг Троцкого говорит о правильности решения разорвать с ним отношения: «Поэтому только в политическом бреде можно приписать мне хотя б намек на желание “работать вместе” с троцкистами»^[364].

И история как будто бы затихла, но ненадолго. В январе 1929 года, еще до высылки Троцкого за пределы СССР, краткие конспекты бесед Каменева с Бухариным и Сокольниковым, которые он делал для того,

чтобы Зиновьева тоже держать в курсе дел в партии, были опубликованы в листовке троцкистов под названием «К партийным конференциям. Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе»^[365]. Подписана листовка была – «большевики-ленинцы», к которым раньше себя причислял и Каменев.

Орджоникидзе лично вручил этот листок Каменеву в руки. Тогда Каменев знать не знал, как все его конспекты попали к Троцкому. Он думал, что, может, их кто-то украл, но кто? Теперь ему стало понятно, откуда в письме Троцкого от 21 октября 1928 года взялась информация о том, что Бухарин «бежит к нему». Значит, украли их несколько месяцев назад. Только спустя время он узнает, что это его секретарь Швальбе передал копии письма своему другу-троцкисту^[366]. А тогда он, конечно, испугался. Его исключили из партии за несогласие с линией партии, а тут Бухарин ему открыто предлагал союз против Сталина. Да, он не согласился. Но это уже второй вопрос.

✕ 63

Следует перевести или добавить к этому сообще-
нию.
С момента XV съезда я, Зиновьев и др. наши бывшие
друзья, которые вместе с нами подали заявление
XV-ому съезду, считали своим долгом открыто выска-
зать три условия, под которыми мы возвращаемся в
партию. Все полномочия Компартии с нашей
стороны целиком подтверждали во время
партии. Машова была наша подруга до беседы
с Бухариным. Машова она осталась и после
этой беседы.

С тов. издателя
Машова

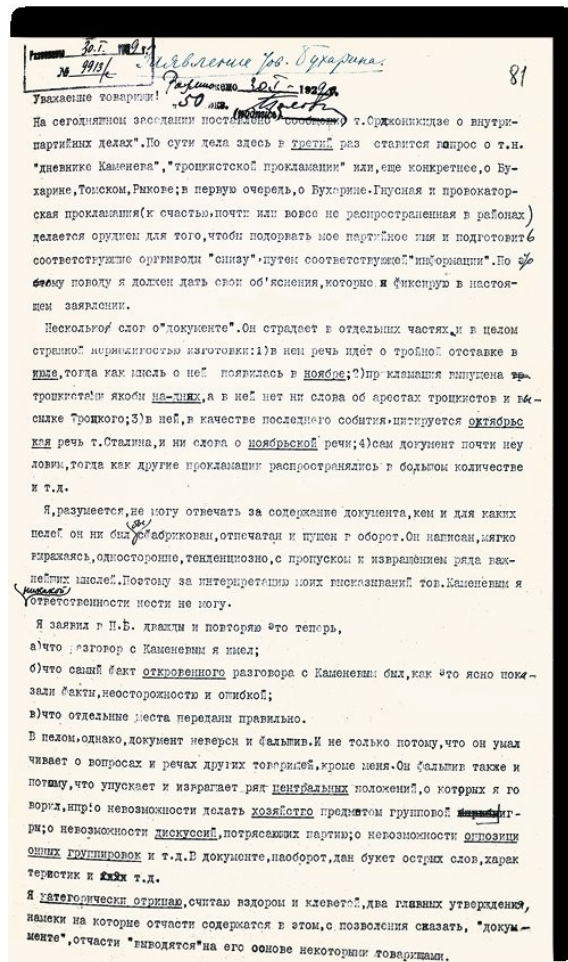
27.5.29

конспект, да еще и с искажениями. Он отрицал, что вел речь о блоке, и вообще утверждал, что занимал позицию невмешательства^[368].

Этим дело не закончилось. Политбюро решило досконально разобраться, что творится внутри партии, и постановило срочно провести объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК и заслушать Бухарина^[369].

Бухарин занял свою позицию. Он отрицал практически все, что написано в листовке. «Это гнусная и провокаторская прокламация, – писал он в Политбюро, – делается оружием для того, чтобы подорвать мое партийное имя и подготовить соответствующие оргвыводы “снизу”». Он не отрицал разговора с Каменевым, но признавал его ошибкой. А в целом называл документ неверным и фальшивым. Он отрицал наличие у него разногласий с партией и предложение создания блока ^[370].

[illegible]

Письмо Н. И. Бухарина в Политбюро ЦК ВКП(б) о переговорах с Л. Б. Каменевым
20 января 1929
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 81-87]

Но это ему не помогло. На объединенном заседании Политбюро и ЦКК 9 февраля 1929 года был вынесен вердикт – Бухарин «вел без ведома и против воли ЦК и ЦКК закулисные фракционные переговоры с Каменевым по вопросам об изменении политики ЦК и состава Политбюро ЦК». При этом сам Бухарин, а также Сокольников, Рыков и Томский отделались лишь осуждением их поведения. Последние – за то, что скрыли факт «известных им закулисных переговоров»^[371].

Несмотря на то что на заседании постоянно звучало имя Каменева, а листовка называлась не иначе как публикация «Дневника Каменева», в отношении Льва Борисовича никаких санкций не было выработано.

Ознакомившись со стенограммой заседания и возмущившись обвинениями Бухарина, а также «уколами» Менжинского, Каменев не

смог промолчать – Бухарин сам к нему пришел, а теперь выставляет его виноватым во всем. Выждав немного, Каменев совместно с Зиновьевым составил письмо членам ЦК и ЦКК^[372].

В нем Каменев еще раз выразил свою уверенность, что письмо было украдено троцкистами, – «среди наших ближайших личных друзей нет человека, который решился бы на подобный негодяйский, бесчестный и преступный против партии поступок». Каменев вновь ошибался.

Очень сильно задела Каменева фраза Менжинского о нем и Зиновьеве – «пристали к партии с камнем за пазухой».

«Что за камень, – возмущался Лев Борисович, – в чем проявляется его действие? Когда у нас были разногласия с партией, мы открыто о них заявляли, никогда не делали из своих разногласий и мнений тайн от партии. И сейчас мы не носим за пазухой никакого камня против партии».

Здесь же он пытался донести, что его встреча с Бухариным не означает его нелояльность к партии, как на заседании сказал Молотов: «Неужели кто-либо думает, что лояльность требовала от Каменева, чтобы после посещения его Бухариным он немедленно побежал бы в ЦКК с докладом о том, что ему сказал член Политбюро Бухарин?»

В конце письма Каменев решился упомянуть о своем положении – «в партийных делах мы поставлены в положение “иностранцев на родной земле”, а порученная нам советская работа не соответствует ни кругу наших интересов, ни нашему предшествующему опыту»^[373].

46
Резолюция № 1147/1
26.07.29

РАССЕРПЧЕНО 29.08.29

ЧЛЕНАМ ЦК и ЦКК ВКП(с).

38

Уважаемые товарищи.

Ознакомление со стенограммой об"единенного заседания ЦК и Президиума ЦКК от 30/1 и 9/II 1929 года, на котором обсуждалась известная прокламация троцкистов, воспроизводящая письмо Каменева к Зиновьеву от июля 1928 года, вынуждает нас сделать ряд заявлений. Если бы мы промолчали, это могло бы быть сочтено за наше согласие с рядом заявлений участников совещания. Тем самым мы приняли бы на себя ряд обвинений, ни на чем не основанных и невинных для членов партии, и против которых мы должны решительно и категорически протестовать.

1) В дополнение к тому, что я уже писал в воспроизведенном в стенограмме письме к тов. Серго, я считаю нужным подчеркнуть, что преступное оглашение (напечатание) моего письма могло быть произведено только троцкистами. Решительно никто, кроме троцкистов, (да еще белоохранителей) не мог быть заинтересован в опубликовании этого письма. За то троцкисты, ставящие ставку на всевозможные затруднения для нашей партии и готовые прибегнуть к любому отравленному оружию для увеличения этих затруднений, и используют теперь в каждой своей прокламации это письмо. З тем, что напечатали это письмо троцкисты и что только они (да еще белоохранители) были в этом политически заинтересованы - не может быть ни малейшего сомнения. Не раз"ясненным остается лишь вопрос, как могло попасть к ним это письмо. Мы лично абсолютно убеждены, что здесь имел место кража. Высказанное на заседании ЦК и Президиума ЦКК одним из ораторов предположение, что письмо это могло попасть к троцкистам через кого-либо из наших друзей, отвечает по той простой причине, что никто, абсолютно никто, кроме нас, ни на минуту не имел этого письма в своем распоряжении. А и, вообще, передача этого письма для распространения (в том числе для опубликования) могла бы быть только делом негодяя, лишнего всякого чувства чести перед товарищами и всякого чувства ответственности перед интересами партии. Мы омерзены

41

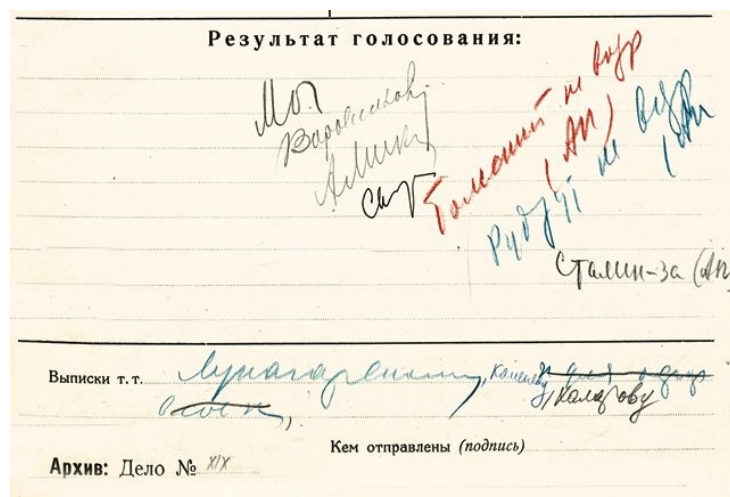
Однако, все эти члены ЦК и ЦКК в беседах с нами решительно
отвадили вопрос интрапартийных разногласиях и
отказались наши попытки ознакомиться с положением
дел в руководстве партии. Мы понимали это так, что Политбюро
считает, что нам не следует вмешиваться в вопросы, которые,
как было широко известно в партии, разделяют членов ЦК и
ЦКК. Так как мы хотели и хотели действовать только в полном соот-
ветствии с положениями ЦК, так как нам не хотелось никакой раз-
нобой с ЦК, то мы принимали ~~от совет~~ к сведению и исполнению,
полагая, что ЦК приведет нас к активной работе в тот момент, ко-
торый он сочтет удобным и нужным в интересах партии. А в резуль-
тате нам приходится выслушивать от ряда товарищей упреки, что мы
судто бы "выжидаем", что мы ведем чуть-ли не групповую политику
и т.п. Ничего подобного на деле нет. Мы ничего не "выжидаем", ни-
какой "групповой" политики не разыгрываем, никаких "камней за па-
зухой" не храним, никаких "блоков" ни с кем не пытались заключать
и не заключали. Мы солидарны с линией ЦК и готовы на любой рабо-
те засвидетельствовать это. Относительно же нынешнего нашего по-
ложения мы готовы повторить то, что Каменев сказал т.Бородину
заведомо до троцкистской прокламации, - что в партийных делах мы
поставлены в положение "иностранцев на родной земле", а поручения
нам советская работа не соответствует ни кругу наших интересов
ни нашему предшествующему опыту.

14.3.29. *М. Каменев,
Г. Зиновьев*

Письмо Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева членам ЦК и ЦКК ВКП(б) о
встрече с Н. И. Бухариным и отношениях с троцкистами
14 марта 1929
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 38-41]

№ _____		НА ГОЛОСОВАНИЕ В КРУГОВУЮ	
Дата голосования 27.11.1929 г.		ПОЛИТБЮРО	
		(Протокол № 86 пункт 40 опр. _____)	
СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:		
Просьбу ГИЗ'а (т. Малатова) о включении т. Каменева в состав Государственной редакционной ко- миссии по изданию юбилейного собрания сочинений Л. Толстого вместо т. Скворцова-Степанова. (№ 03 31/10.21. пр. 175 п. IV)	Удовлетворить.		

76

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о включении Л. Б. Каменева в состав редколлегии, готовящей к изданию сочинения Льва Толстого
27 июня 1929*

*Автографы В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 791. Л. 76]*

Изучив письмо, Политбюро все же решило, что объяснения нельзя считать удовлетворительными. А то, что Каменев считал глупостью – а именно бежать в ЦК и передавать разговор с Бухариным, – Сталин отметил скромно: «Почему бы нет»^[374]. Для Политбюро лояльность заключалась именно в этом – своевременно предупредить ЦК.

В итоге Бухарин и Томский решением объединенного пленума ЦК и ЦКК 29 апреля 1929 года были сняты с занимаемых ими постов и предупреждены, что в случае малейшей попытки нарушить постановления ЦК они будут выведены из состава Политбюро «как разрушители партийной дисциплины»^[375].

По сравнению с «группой Бухарина» Каменев отделался устным порицанием. Правда, ему тоже сменили место работы. 27 мая 1929 года он занял должность председателя Главного концессионного комитета при СНК СССР. Для Каменева что то, что это было одинаково скучным. Размеренная жизнь сменялась встрясками в связи с появлением новых листовок троцкистов и всплывающими в различных показаниях подробностями его беседы с Бухариным. Лев Борисович понимал свое положение, понимал, что подобные документы будут часто возникать и его будут вызывать на допросы^[376].

Политбюро все пристальней следило за бывшими оппозиционерами. 18 октября 1929 года оно утвердило директиву ЦК и ЦКК об отношении к бывшим оппозиционерам^[377]: «Предоставляя бывшим оппозиционерам работу и возможность на деле доказать свой отказ от троцкизма и преданность партии, необходимо проявить максимальную

сдержанность и осторожность при приеме их в партию... От заявляющих о разрыве с оппозицией партийные организации должны требовать открытого письменного заявления не только об отказе от фракционной борьбы и признании правильности решений партии, но и безоговорочного осуждения своих ошибок и платформы оппозиции, снятия подписей с платформы, готовности решительно бороться с троцкизмом, сапроновщиной и другими антипартийными течениями и уклонами и открытого резкого отмежевания от контрреволюционных выступлений Троцкого, удлинить срок сверх шести месяцев для недостаточно проверенных, учитывая внимательно социальное положение, революционное прошлое, прежнюю работу в партии и теперешнее поведение».

Несмотря на то что 25 декабря 1929 года постановление Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с поступившими в очередной раз новыми материалами о закулисно-фракционной работе решило применить к Каменеву и Зиновьеву «более строгий курс»^[378], жизнь Каменева шла своим чередом – без взлетов и падений. А в мае 1932 года у Льва Борисовича наконец появилась интересная работа, возвращающая его хоть немного к тем годам, когда он занимался изданием сочинений Ленина. 3 мая 1932 года Каменева назначили заведующим издательством «Академия», при этом просили совмещать работу в Главконцесскоме^[379].

*Т. И. Глебова, Волик (младший сын Каменева Владимир Львович), И. Глебов и Л. Б. Каменев
1932
[РГАКФД. 4-31319 ч]*

Для Каменева это была отдушина. Он с удовольствием взялся за издательскую деятельность, составлял планы, редактировал рукописи, все это эмоционально обсуждал с Максимом Горьким. Татьяна Глебова тут же принялась помогать ему во всем и стала сотрудницей издательства. Однако длилась радостная жизнь недолго. И решил все как будто случай, который произошел в сентябре на даче в Ильинском.

Глава 14

«Платформа Рютина»

Сентябрь - октябрь 1932

У Каменева в Ильинском была дача, на которой он достаточно часто любил бывать. Однако принадлежала она не только ему, он делил ее с семьей Зиновьева.

Каменев как-то в один из сентябрьских дней 1932 года приехал на дачу совсем ненадолго – взять необходимые ему для работы бумаги. Зиновьев, встретив его, протянул ему несколько листов:

– Прочти и скажи, кто, по твоему мнению, написал.

Каменев очень торопился, но все же решил ознакомиться. Бегло прочитав их, он сказал:

– Какие-то троцкисты оголтелые.

Зиновьев, обращаясь к Стэну, сказал:

– Вот видите, как мы совпали, даже не говоря ничего.

Каменев только тогда увидел гостя Зиновьева и немного удивился его словам:

– Что значит совпали?

– Так вот Стэн предполагает, что это от правых – прокомментировал Григорий Евсеевич.

Каменев удивился еще больше:

– Как от правых? Почему? Есть какие-то доказательства? Правые к таким вещам, как печатание нелегальных документов, не прибегали.

Молчавший до этого Ян Стэн, между прочим член Центральной контрольной комиссии, сказал:

– Я получил ее от члена партии, примыкающего к правым.

*Мартемьян Никитич Рютин
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 90]*

Каменев, махнув на них рукой, вернул листки Зиновьеву и уехал. А вернувшись через несколько дней, а именно 15 сентября, он узнал, что Стэн был прав.

Только теперь Зиновьев предложил Каменеву почитать достаточно толстую тетрадь.

Каменев отнекивался:

– Да некогда мне, собираться надо. Завтра в отпуск еду.

Зиновьев все же настоял на своем. Каменев, мельком пролистав, понял, что это действительно написано «правыми», но достаточно давно. И тем не менее, памятуя свою прошлую встречу с Бухариным и наказ Политбюро – предупреждать ЦК обо всем, Лев Борисович предложил Зиновьеву рассказать об этом документе:

– По-моему, этот документ старый, но все же надо кому-нибудь из нас переговорить с кем-то из ЦК.

А дальше он уехал в отпуск, который должен был продлиться до 1 ноября, и не вспоминал ни о правых, ни о документе. Пока в начале октября его не заставили явиться на допрос.

Оказывается, тот документ, что показывал ему Зиновьев, был платформой так называемого Союза марксистов-ленинцев, возглавлял который Мартемьян Рютин.

6

118.42

ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю платформу к-р. организации "Совза
Марксистов-Ленинцев" найденную нами вместе с архивом
организации 15-го октября с/г. в селе Головино во
дворе дома Сильченко - чл. ВКП/б/, в квартире которого
происходила конференция организации.

Архив и платформа хранились в жестяной банке в
земле.

Приложение: Платформа и опись архива.-

С А М П Р Е Д О П У *В. Балицкий* /В. БАЛИЦКИЙ/

" 16 " октября 32г.

22

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
(схема платформы).

1. МАРКС о роли личности в истории.

- 1) Выдержка из письма МАРКСА к члену Интернационала К. ГИЛЬЕНУ.
- 2) Ленинское замечание о СТАЛИНЕ.
- 3) Собойн СТАЛИНА в толковании насчет себя этого замечания.
- 4) Роль гансма в условиях гигантского, немного цент-
рализованного госаппарата и судьба революции.

2. СТАЛИН как безпринципный политикан.

- 1) Определение и сущность безпринципного политиканст-
ва вообще.
- 2) Безпринципное политиканство СТАЛИНА.
- 3) 8 примеров этого политиканства (каждый подробно
приведен и проанализирован).

3. СТАЛИН как софист.

- 1) Безпринципное политиканство и софистика.
- 2) Сущность софистики по ГЕГЕЛЬ и ЛЕНИНУ.
- 3) 6 или 8 примеров софистических рассуждений и до-
казательств (каждый подробно проанализирован).
- 4) Отличие диалектики от софистики. Большая цитата из
Ленина, затем 2-я по вопросу о диалектике и ком-
ментарий к ним.

4. СТАЛИН как вождь.

- 1) 10 подлинных видов пролетарских и нелиных буржуаз-
ных революционных характерных черт.
- 2) Отличие вождя от диктатора. Примеры.
- 3) Характеристика СТАЛИНА как вождя и как диктатора.

5. СТАЛИН как теоретик.

- 1) Дореволюционные теоретические работы СТАЛИНА.
- 2) Его работы в период с февраля 1917 года.

Записка заместителя председателя ОГПУ В. А. Балицкого И. В. Сталину о контрреволюционной платформе организации «Союза марксистов-ленинцев» с приложением схемы платформы «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»

16 октября 1932

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 187. Л. 6, 22]

И уже гораздо позже, на допросе 3 октября 1933 года, Зиновьев говорил, что летом на даче в Ильинском Стэн показывал ему документы за подписью марксистов-ленинцев. Они их, конечно, расценили как «подлые контрреволюционные документы». Притом Зиновьев не забыл упомянуть, что их читал и Каменев^[380].

9 октября 1932 года Каменев уже попал на допрос к Емельяну Ярославскому^[381]. Ярославский не просто задавал ему вопросы, он его напрямую обвинял: ознакомившись с воззванием контрреволюционной группы Рютина с призывами к террору, восстаниям, забастовкам (хотя этого в платформе и не было), Каменев не доложил партии о существовании этой группы, тем самым нарушив обязательства, которые дал на XV съезде.

Напор Ярославского выбил Каменева из колеи:

– В ответ на эти обвинения я только расскажу, как фактически было дело.

Он рассказал, что, приехав поздно вечером на дачу, получил из рук Зиновьева несколько листков. Тот, в свою очередь, поинтересовался – кто может быть их автором. Каменев по стилю сразу подумал, что это «озверевшие троцкисты», а самое главное, что это давний документ:

– Все факты, которые там приводились, оканчивались приблизительно весной 1932 года. Все то новое, что было в партии с весны, скажем, вопросы колхозного строительства, колхозной торговли, декреты – не упоминалось. Ян Стэн же указывал на правых, так как документ он получил именно от «члена партии, примыкавшего к правым».

Ярославский настаивал:

– Вы обязаны были немедленно сообщить об этом ЦКК, что распространяется документ, явно контрреволюционный, направленный к террору и забастовкам. Ведь вы сами были членом Политбюро и принимали решение, что член партии не имеет права скрывать от партии о существовании каких-либо группировок.

На что Каменев просил выслушать его. Он рассказывал, как он уехал в город, а когда вернулся на дачу накануне съезда, Зиновьев ему заявил, что действительно тот документ был от «правых», и вручил еще одну большую тетрадь. Каменев отказывался ее читать ввиду занятости, но потом все же взял полистать.

– Я сейчас же зашел к Зиновьеву, – продолжал Каменев, – и заявил, что, по-моему, этот документ хоть и старый, но во всяком случае необходимо, чтобы кто-нибудь из нас переговорил с одним из членов ЦК по этому вопросу. Так как я уезжал на следующий день, то и просил его переговорить с кем-нибудь. После этого я уехал в отпуск в уверенности, что Зиновьев переговорил с кем нужно. К тому же я был уверен, что этот документ, который, по моему мнению, был создан весной, вам давно известен. Я думал, что не совершаю никакого преступления, не говоря никому об этом.

Ярославский настаивал:

– Это совершенно нетерпимое отношение члена партии. В то время как вы читали эти документы, возвращали их Стэну, он передавал их другим, так и делалась работа контрреволюционной группы.

Каменев еще раз повторил: он был уверен, что партия в курсе. И указал, что ему и встречаться-то ни с кем не удастся:

– Я десятки раз добивался свидания с товарищами Сталиным и Кагановичем, чтобы поговорить по вопросам более важным, чем писания свихнувшихся троцкистов или окончательно спятивших с ума правых. Нельзя держать людей на положении третьестепенных граждан и ставить это в политическое преступление.

Ярославский не упустил возможность заметить:

– Хорош третьестепенный гражданин – председатель Главконцесскома, имеющий возможность вхождения решительно везде, почти член правительства.

Каменев продолжал, что он в принципе избегает политических разговоров, что ему очень нравится работать в «Академии».

Ярославский не уступал:

– Вопрос стоит о пребывании в партии.

– Моем? – удивленно спросил Каменев.

– Да, конечно!

– В какой связи?

Ярославский, ухмыльнувшись, сказал:

– В связи с этим делом.

Каменев опешил:

– Я не вижу, каким образом можно поставить так вопрос.

– Я считал, что с Вашей стороны будет, по крайней мере, указание, что Вы считаете этот поступок неправильным.

– Я же сказал об этом. Я считал, что, условившись с Зиновьевым о том, что он поговорит с секретарями ЦК о документе, я выполнил свои обязанности. Если ЦКК считает, что я не должен был этим ограничиться, то я готов признать свою вину. Но чтобы из этого вытекало исключение из партии – это совершенно нецелесообразная вещь^[382].

Но Ярославский все уже для себя решил и для Каменева тоже.

В тот же день, не откладывая в долгий ящик, вопрос рассматривали на заседании Президиума ЦКК ВКП(б). Там же присутствовал и Каменев^[383].

Председатель ЦКК Рудзутак сразу дал слово Ярославскому, который, по его мнению, подробно ознакомился с делом.

Рассказывая об организации «Союз марксистов-ленинцев» и перечисляя его участников, Ярославский добрался и до Каменева и подробно пересказал их разговор:

– Мы имеем здесь дело пока с членами партии, которые заслуживают, конечно, самых строжайших партвзысканий. И считаем необходимым немедленное исключение из партии всех знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционный документ и не сообщивших ЦК и ЦКК, как укрывателей врагов партии и рабочего класса.

Каменев вскочил с места:

– Я прошу слова!

Говоря, что нельзя «спутывать все в единую кашу», а к исключению из партии необходимо подходить индивидуально, Лев Борисович просил объяснений:

– Дайте же, наконец, понять, что неужели я Рютину писал, содействовал ему, сотрудничал вместе с ним? Объясните же мне, в чем, наконец, дело? Я имею право требовать от ЦКК индивидуального подхода к данному случаю и нахожу доклад Ярославского чудовищно преступным относительно меня.

Каменев вновь и вновь повторял, что документ явно старый, поэтому он был уверен, что партия в курсе его существования. При этом он обвинил Ярославского в умалчивании важного факта – Зиновьев звонил Кагановичу, чтобы сообщить об этом документе, три раза звонил, и это может подтвердить его секретарь.

– Что же остается от настоящего обвинения? Да, мы читали эту шутовину, мы знали, что это контрреволюционная дребедень и с нами ничего общего не имеет! Что же остается? Обвинение в том, что я не пришел к Ярославскому и не рассказал эту историю. Вот это обвинение! Что же, товарищи, за это вы будете меня исключать? Я считаю, что это будет неслыханно. Я повторяю, мы пережили этот момент, вы нас исключали, партия исключала. Это было результатом борьбы против партии, против ее руководства, против определенной политической линии. Это была резкая мера, оправданная нашим поведением. Ни одного движения за последние годы против партии я не сделал. Вы знаете, я систематически воздерживаюсь от всякой беседы, от всякого разговора с элементами, связанными с оппозицией.

В полемику включился Ройзенман:

– Вы должны были позвонить в ОГПУ.

Каменев, уже соглашаясь с тем, что должен был позвонить в ОГПУ, закончил свое выступление вопросом:

– Так что же, вы считаете, что меня надо исключить из партии за то, что я прочел контрреволюционную прокламацию?

Далее слово дали Угланову^[384].

После выступления Шкирятова, Енукидзе и всех остальных Каменев еще пытался спорить, убеждать, что не в интересах партии «провозгласить перед рабочими всех стран, что Зиновьев и Каменев оказались способными укрывать контрреволюционеров». Видя нежелание услышать его, Каменев подытожил:

– От кого вы обороняетесь? От нас, что ли? Мы не враги партии, мы хотим работать для партии^[385].

4

№ ОБ. _____ /г.с. от _____ 1932 г.

1120/46³⁹
20.X.1932

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
НА ГОЛОСОВАНИЕ
В КРУГОВУЮ

102

РАССЕКРЕЧЕНО

О Р Г Б Ю Р О

(протокол № _____ пункт _____ от _____ 1932 г.)

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Об освобождении КАМЕНЕВА Л.Б. и ЗИНОВЬЕВА Г.Е. от выполняемой ими работы.	а/ <i>Отстаивать</i> ~~Свободить~~ КАМЕНЕВА от работы Председателя Глав. Концессии и члена Арбитражной комиссии при Все-русской Торговой Палате.
	б/ ЗИНОВЬЕВА от работы члена Коллегии Наркомпроса и Зам. Пред. РУС"А. П.
	в/ "и б" внести на утверждение ЦК.

Выписки т.т. _____

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ:

Одобрено 11 *Воп. Кертману*
Судяков

Воп. Кертману
Судяков

Воп. Кертману
Судяков

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) об освобождении Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева от занимаемых должностей

20 октября 1932

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 961. Л. 102]

ЦКК постановила исключить из партии участников и пособников контрреволюционной организации^[386].

А 10 октября 1932 года Политбюро приняло постановление «О контрреволюционной группе Рютина, Галкина, Иванова и др.». Кроме участников группы из партии были исключены Каменев и Зиновьев, как «обманувшие оказанное им доверие партии, изменившие ей». Вина их заключалась в том, что они, зная о существовании контрреволюционной

группы Рютина и получая ее документы, не рассказали об этом партии, а значит, содействовали этой группе.

*Т. И. Глебова и Л. Б. Каменев
1932
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 49]*

Коллегии ОГПУ предлагалось «по отношению ко всем организаторам и участникам деятельности контрреволюционной группы... принять соответствующие меры судебно-административного характера, отнесясь к ним со всей строгостью революционного закона»^[387].

Вот так быстро, без особых разбирательств участь Каменева была решена. Два года жизни, два года убеждений в лояльности к линии Сталина закончились ничем. Вновь исключение из партии, вновь ссылка.

Тогда Каменев был очень зол на Зиновьева. Если бы тот не заставил его читать эти документы или хотя бы никому об этом не растрепал, он мог бы спокойно дальше работать в издательстве и наладить нормальную жизнь. Лев Борисович просил тогда одного – не отправлять его в ссылку вместе с Зиновьевым. Ни видеть, ни слышать его он не хотел. Да и супруга Каменева Татьяна убеждала Льва Борисовича, что Зиновьев его просто подставил. И с ней сложно было не согласиться. В итоге Зиновьева отправили в Кустанай, а Каменев с женой и маленьким сыном Воликом оказался в Минусинске.

*Л. Б. Каменев с младшим сыном Владимиром
1932
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 43]*

Глава 15

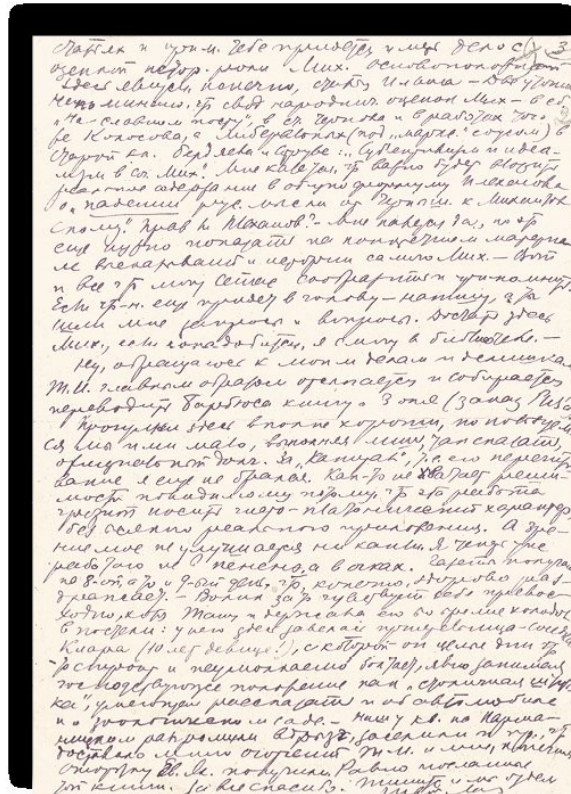
Ссылка в Минусинск и возвращение в партию

Октябрь 1932 - ноябрь 1934

В ссылке Лев Борисович продолжил литературную деятельность, благо ему разрешили взять с собой книги – они занимали половину вагона. Татьяна Глебова переводила книги с английского и немецкого языка. Именно она познакомила советских граждан с американским писателем Эптоном Синклером.

Каменев с женой так и проводили день за днем, вечера за вечерами за литературой, часто рассуждая и споря о поэзии. Воспевая Блока и Ахматову, они очень иронично относились к Демьяну Бедному^[388]. Минусинск – не Калуга, морозы доходили до 35 градусов, и, чтобы хоть как-то согреться, приходилось по нескольку дней всем вместе быть в одной комнате. У Каменева начало садиться зрение, но больше всего он переживал за маленького Волика, который часто болел.

Вся семья постоянно находилась под пристальным наблюдением со стороны органов НКВД и их «скрытых» сотрудников. Однако доложить им было не о чем. Каменев отверг всякие попытки со стороны

Письмо Л. Б. Каменева Г. Е. Зиновьеву из Минусинска о своей жизни
в ссылке
11 января 1933
[РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 159. Л. 1-2]

20 февраля 1933 года Каменев по настоянию жены решился написать письмо в Политбюро и ЦКК. Это было письмо-покаяние. Он просил восстановить его в партии и признавал «ошибочность» своего поведения, хотел «раз и навсегда оборвать путь», который привел его к теоретическому и практическому отрыву от партии.

В таком стиле Каменев писал впервые. Он не просто отрекался от своих идей, но и признавал их ошибочными. Возможно, он просто устал жить в опале, с грузом прошлого. Он смирился с положением стороннего наблюдателя за жизнью партии. Теперь у него было лишь одно желание – вернуться домой и продолжать работать в издательстве «Академия», растить сыновей. Лев Борисович писал, что только теперь он осознал, что ошибся «во всем основном»: в понимании общих задач, стоявших перед партией, в оценке разных групп в партии и ее руководства. Но главными своими ошибками Каменев считал – неверие в победу социализма в одной стране, союз с Троцким и переход к фракционной борьбе: «Я повторил жалкий прием дискредитирования личности вождя, чтобы этим затемнить смысл

своего собственного отхода от генеральной линии партии». При этом Каменев даже не упоминал о том, что стало причиной его исключения из партии. Он каялся за свои «предыдущие грехи» оппозиционного периода.

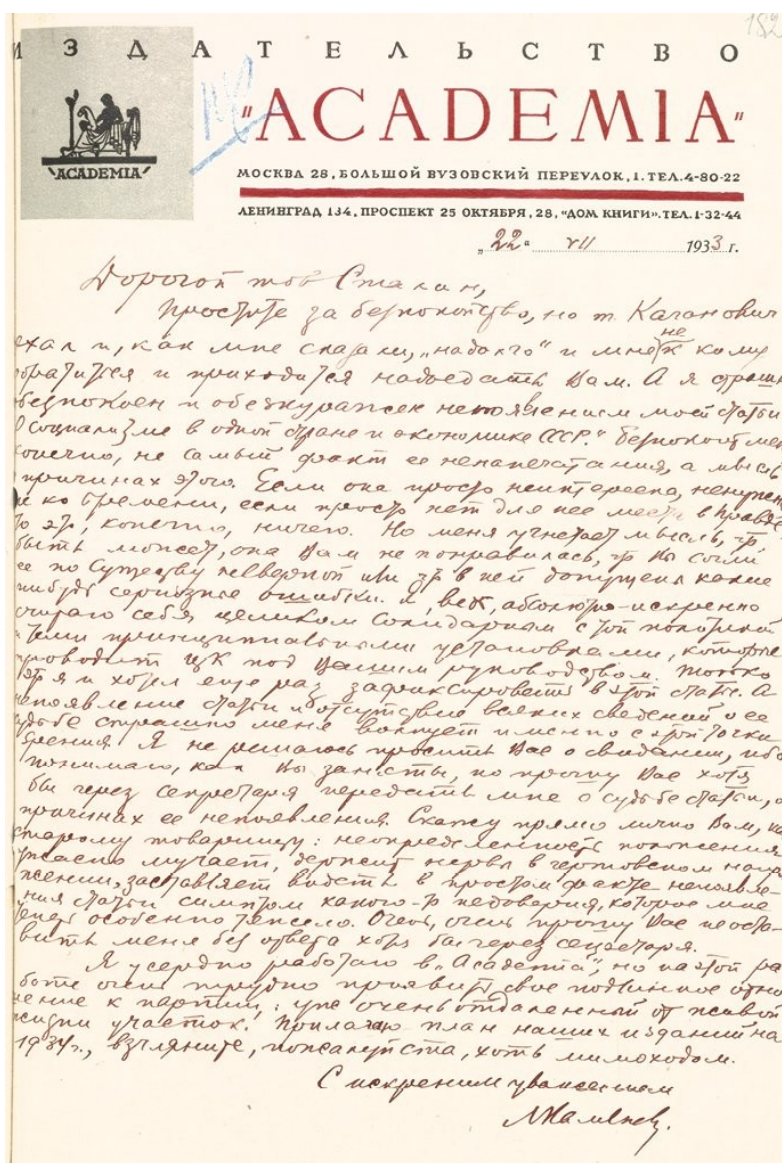
Он признавал, что партия идет вперед под руководством Сталина. Продвигается все ближе к поставленным Лениным целям, превращает «отсталую аграрную страну в страну индустриальную и крупного социалистического земледелия».

Завершил он свое письмо так: «Сознание глубокой неправильности, ошибочности, а частью и преступности моего поведения относительно партии с 1925 года, горячее желание посылить исправить то зло, которое могло оно причинить, искреннее стремление отдать свои силы служению великому делу... заставляют меня просить Политбюро и ЦКК оказать мне доверие и дать возможность на деле доказать твердость моего решения порвать во все стороны старыми ошибками»^[390]. Позднее это письмо будет опубликовано в «Правде»^[391] и безусловно сыграет свою роль.

[illegible]

Заканчивая письмо, Каменев просил поддержать его просьбу о восстановлении в партии: «Мне кажется, что в рядах товарищей, работающих под Вашим руководством, я еще мог бы пригодиться»^[392].

Сложилось так, что до Сталина эти письма дошли только в конце марта. С ними приключилась своеобразная история. Они не отправлялись по почте, их лично везла в Москву Татьяна Глебова. По необъяснимым причинам ее задержали по дороге и отняли чемодан^[393]. Поэтому и Сталин, и Политбюро смогли ознакомиться с письмами только 9 апреля 1933 года.

Письмо Л. Б. Каменева И. В. Сталину о статье «О социализме в одной стране и об экономике СССР»

22 июля 1933
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 190. Л. 182]

Тогда в партию Каменева не вернули, но вернули в Москву. А 15 мая 1933 года Секретариат ЦК вновь направил Каменева на работу в издательство «Академия» в качестве заведующего^[394]. С восстановлением в партии Сталин решил повременить и посмотреть на поведение Каменева^[395]. При этом ему доверили написать статью «О социализме в одной стране и об экономике СССР» – именно о том, против чего он в свое время протестовал. Статья редактировалась и согласовывалась со Сталиным^[396] и в итоге была опубликована в «Правде» 31 июля 1933 года.

А дальше жизнь Каменева начала постепенно налаживаться. 12 декабря 1933 года Политбюро предложило ЦКК «оформить прием в члены партии Зиновьева и Каменева в одном из районов Москвы, где чистка уже окончена»^[397]. И уже 14 декабря ЦКК разрешила Московскому горкому ВКП(б) «оформить прием Каменева и Зиновьева в члены партии в Октябрьском районе (по месту их работы), выдать им партбилеты, в которых отметить перерыв пребывания в партии после XV съезда ВКП(б): Зиновьеву – с ноября 1927 г. по июнь 1928 г., Каменеву – с декабря 1927 г. по июнь 1928 г., и обоим перерыв в период с 9 октября 1932 г. по 12 декабря 1933 г. Наклеить марки о прохождении чистки»^[398].

Решение о приеме в партию было принято не просто так и не по доброте Сталина, а преследовало определенные цели. Близился очередной съезд, и Сталину хотелось продемонстрировать единение партии и «необычайную сплоченность» ее рядов^[399]. Именно этот съезд войдет в историю как «съезд расстрелянных».

Каменев изначально даже не предполагал, что его допустят на съезд, поэтому и не высказывал подобной просьбы. Но вот до него дошел слух, что на съезде будет бывший оппозиционер Преображенский. И не просто присутствовать, но и выступать. А ведь он еще несколько месяцев назад находился в такой же опале, что и Каменев. Лев Борисович решился обратиться к Авелю Енукидзе с просьбой передать президиуму съезда его желание присутствовать на съезде и, «если можно, получить слово по одному из докладов». Для Каменева это была возможность во всеуслышание «раскритиковать свои ошибки и высказать свои теперешние взгляды»^[400].

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ ВКП(б)

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ СССР

№ 223-158
Дата 16/12-33г.

ПК ВКП(б) т.Поскребышеву; Московскому Горкому ВКП(б) т.Хрущеву; т.т.Зиновьеву (Арбат, д.35, кв.59), Каменеву (Арбат, Карманный пер., д.3, кв.5); Планово-контрольной гр., в дело(2).

ВЫПИСКА

об'единенн.
из протокола заседания Презид. ЦКК ВКП(б) № 152 п. 4 от 14.XII- 1933 г.
и Коллегии НКРКИ СССР

С л у ш а л и:

Постановление Презид. ЦК ВКП(б) от 12.XII-1933 г. о приеме в члены партии т.т.ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА (прот. № 151/39).
т.Ярославский.

Постановили:

Предложить Московскому Горкому ВКП(б) оформить прием т.т.ЗИНОВЬЕВА Г.Е. и КАМЕНЕВА Л.Б. в члены партии в Октябрьском районе (по месту их работы), выдать им партбилеты, в которых отметить перерыв пребывания в рядах партии после XV съезда партии: Зиновьеву с ноября 1927 г. по июнь 1928 г., Каменеву - с декабря 1927 г. по июнь 1928 г. и обоим перерыв в период с 9.X-1932 г. по 12.XII-1933 г. Наклеить марки о прохождении чистки.-

С подлинным верно:

Зам.Управляющего делами
ЦКК-НКРКИ СССР

Левцкий (Левцкий)

п-7.

Материал передан т.т. Зиновьеву
в Секр. Отд. ЦКК-НКРКИ СССР.

Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) с предложением принять в
партию Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева
14 декабря 1933
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 191. Л. 38]

По заполнении подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП (б).
Заполняется чернилами исключительно
на русском языке.

ОТЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
на п./в. № 2525753

Фамилия Каменев
Имя и отчество Лев Борисович
Год рождения 1883
Время вступления в партию 1901 г.
Наименование организации, выдавшей билет Октябрьский Р.К.
Секретарь Дир.
М. П. Каменев
Время выдачи партбилета 19 Дек. 1933 г.

Отчетная карточка на партбилет Л. Б. Каменева № 2525753
19 декабря 1933
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99]

В итоге разрешение он получил. И 5 февраля на вечернем заседании выступил с речью^[401].

Восхваляя достижения последних лет, прочитанные доклады и, «конечно, замечательнейший документ мирового коммунистического движения – доклад товарища Сталина», сам Каменев рассказывал о своих ошибках. Причем не только за годы оппозиции, но и за годы работы с Лениным. То, что раньше он называл своими принципами, теперь Каменев называл ошибками, в том числе свою позицию против вооруженного восстания в Октябре 1917 года. Он признавал, что был неправ, когда отрицал возможность построения социализма в отдельной стране, когда встал на путь фракционности, когда создал блок с Троцким, вступил в переговоры с Бухариным и пассивно помогал группе Рютина. Закончил Каменев свой доклад обещанием начать жизнь заново: «Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 г. по 1933 г. боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собой по библейскому, простите, выражению эту старую шкуру»^[402].

Татьяны от первого брака, которого Каменев принял как родного. И его новая работа. Начались активная подготовка статей, разработка плана изданий института, строительство нового здания для него, вечера в компании Максима Горького^[404]. Но все неожиданно изменил один день – 1 декабря 1934 года.

Глава 16

Начало конца. Убийство Кирова 1-2 декабря 1934

1 декабря 1934 года в 16 часов 30 минут в Смольном раздался выстрел, который оборвал впоследствии не одну жизнь. Убили Сергея Мироновича Кирова.

В тот день Киров не планировал появляться в Смольном. Он весь день у себя дома готовился к выступлению на собрании партийного актива Ленинградской партийной организации, которое должно было состояться вечером в 18 часов во Дворце Урицкого (Таврическом дворце).

Решение о его проведении секретариат Ленинградского обкома принял только 28 ноября, поэтому времени у Кирова на подготовку осталось очень мало. Дорабатывая доклад, Киров постоянно звонил в Смольный с просьбой доставить ему необходимые материалы. Курьер Ленинградского обкома М. Ф. Федорова несколько раз посетила квартиру Кирова. Но ему все равно не хватало сведений. И вместо того, чтобы гонять курьера, он решил сам ехать в Смольный. Ближе к 16 часам Сергей Миронович позвонил в гараж и попросил своего второго шофера Ф. Г. Ершова подать машину. В 16 часов 30 минут он уже был в Смольном и направлялся по коридору в свой кабинет^[405].

В это же время, по стечению обстоятельств, бывший член партии, на то время безработный Леонид Николаев шел по тому же коридору ему навстречу. Он, как и Киров, изначально не планировал посещать Смольный. Он пошел туда только с целью получить билет на собрание партактива – то самое, на котором должен был выступать Киров. Ни его супруга Мильда Драуле, ни Смольнинский райком не смогли ему достать пропуск. И только «для страховки», как говорил сам Николаев позже, он решил съездить в Смольный и «там попытаться через знакомых сотрудников городского комитета получить билет». Николаев зашел в Смольный в 13 часов 30 минут без всяких препятствий, по партийному билету, который не сдал при исключении из партии. Он бродил по кабинетам знакомых, но его попытки раздобыть билет оказались тщетными. Все просили его прийти ближе к вечеру. И именно

тогда, когда Николаев уже собирался уходить, он увидел идущего по коридору Кирова. Пропустив его на 15 шагов вперед, он пошел вслед за ним. Охранник Кирова Михаил Борисов сопровождал шефа на расстоянии 25 шагов. Он знал, как Сергей Миронович терпеть не мог охрану, считал ее ненужной, поэтому Борисов и держался поодаль. И именно в тот момент, когда Киров завернул за угол к своему кабинету, Николаев понял, что ни Киров, ни он не попадают в поле зрения охраны. Вынув наган, он подбежал к Кирову со спины и с расстояния трех шагов выстрелил ему в затылок. Киров упал и умер мгновенно. Так оборвалась жизнь первого секретаря Ленинградского обкома партии, друга Сталина Сергея Кирова – в коридоре, в нескольких шагах от его кабинета ^[406].

*Сергей Миронович Киров
1932
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1659. Л. 4]*

РАССЕКРЕЧЕНО

Современно секретно

СПРАВКА

по материалам о злодейском убийстве
С.М.КИРОВА

1. Обстоятельства убийства С.М.КИРОВА

У С.М.КИРОВА личного комиссара, который сопровождал бы его повсюду, не было. Охрану С.М.КИРОВА осуществляли сотрудники оперола, каждый из которых отвечал за нее в пределах порученной ему зоны.

1 декабря 1984 года С.М.КИРОВ, по выходе из дома, как и обычно был принят под охрану 2-х сотрудников оперола, которые на автомашине сопроводили его до Смольного.

Подъехав к Смольному, С.М.КИРОВ вошел к главному под'езду, которым пользовались все посетители, и по лестнице стал подниматься на 8 этаж, где был расположен его служебный кабинет, сопровождаемый сотрудником БОРИСОВЫМ, встретившим его, как это было-предусмотрено установленным порядком, в вестибюле Смольного.

Летом 1984 года, в целях улучшения охраны С.М.КИРОВА намечалось выставление вблизи его кабинета дополнительного поста с установленным порядком прохода к нему лишь по особым пропускам. Одновременно намечалось, что С.М.КИРОВ будет пользоваться отдельным под'ездом. Однако, С.М.КИРОВ запретил проведение этих мероприятий и продолжал проходить через главный под'езд. Таким образом, в связи с этим запретом, в приемную С.М.КИРОВА и вообще в любое помещение Смольного мог пройти без пропуска любой член партии, предъявив свой партийный билет.

В 16 ч. 30 м. С.М.КИРОВ подходил к своему кабинету и тут НИКОЛАЕВ совершил свой террористический акт.

В это время сопровождавший С.М.КИРОВА комиссар БОРИСОВ отстал от него примерно на 20 шагов и находился за поворотом коридора. Второй сотрудник оперодела, несший дежурство по 3-му этажу Смольного, ДУРЕЧКО также находился в другом конце коридора, а третий - ИВАНОВ стоял на посту на лестничной площадке - проверял партбилеты или пропуска посетителей.

Первым к месту происшествия подбежал электромонтер Смольного ПЛАТЧ. До этого он обогнал С.М.КИРОВА и, пройдя 8 шагов, услышал 2 выстрела. Обернувшись, ПЛАТЧ увидел лежащего КИРОВА и НИКОЛАЕВА, сползающего по стене на пол. Аналогичную картину зафиксировал зам.управляющего домами Ленсовета ЯЛОЗОВ, который пришел в обком партии по личным делам и, услышав выстрелы, выскочил в коридор. Затем к убитому С.М.КИРОВУ подошли ЧУДОВ и другие работники обкома и горкома партии, в том числе инструктор горкома ЛЮНИНОВ. Как впоследствии показал ЛЮНИНОВ, услышав первый выстрел, он открыл дверь кабинета и увидел в коридоре лежащего человека и второго кричащего и размахивающего пистолетом. ЛЮНИНОВ испугался, закрыл дверь и вышел в коридор, спустя полторы-две минуты после второго выстрела, когда услышал из коридора шум шагов подбегающих людей.

П. Личность НИКОЛАЕВА, его связь с зиновьевской оппозицией и представителями иностранных государств

НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич, 1904 года рождения, уроженец г. Ленинграда, из рабочих, образование 6 классов, состоял в ВКП(б) с 1924 года.

До ареста НИКОЛАЕВ дважды привлекался к партийной ответственности: в 1929 г. ему было поставлено на вид за неосторожную езду на велосипеде, а 31 марта 1934 года он был исключен из партии первичной парторганизацией за отказ перейти работать по мобилизации на транспорт. 29 апреля 1934 г. Смольнинский РК ВКП(б) отменил решение об исключении НИКОЛАЕВА из партии и ограничился в отношении его объявлением строгого выговора с занесением в личное дело.

*Справка об обстоятельствах убийства С. М. Кирова
31 августа 1956
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 457. Л. 21-49]*

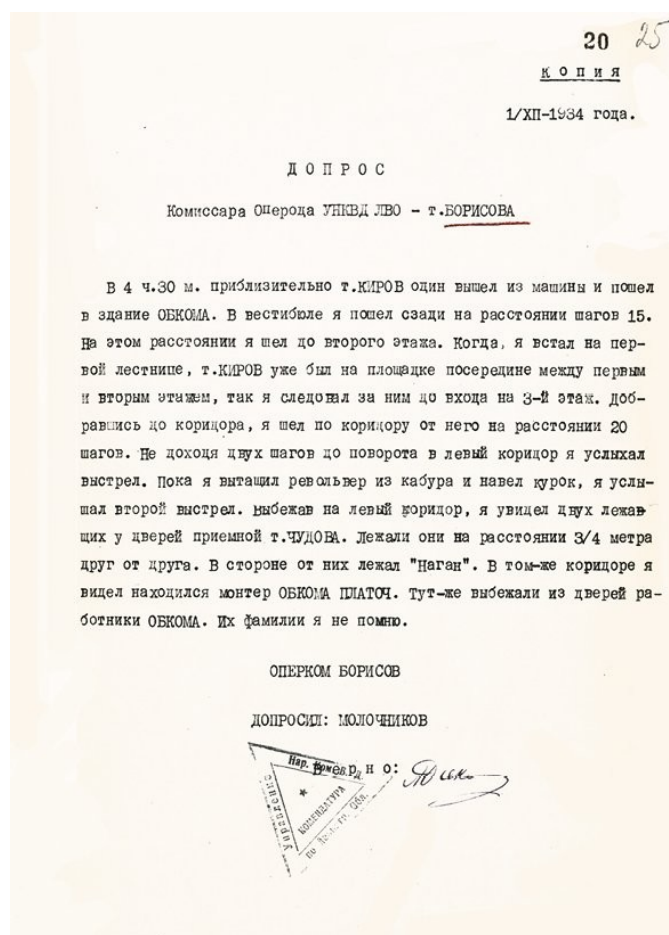
После этого Николаев, размахивая руками и крича: «Я ему отомстил!», пытался застрелиться сам. Но подбежавший сзади электромонтер С. А. Платоч, который в это время проводил ремонтные работы в коридоре, ударил его по голове и сбил с ног. Николаев промахнулся.

Выбежавшие из кабинетов на звук выстрела, в том числе второй секретарь Ленинградского обкома М. С. Чудов, и подбежавший Борисов увидели распластанного на полу лицом вниз Кирова. Меньше чем в метре от него на спине лежал Николаев. До конца не понимая, что произошло, Чудов срочно вызвал врачей. Уже через 7 минут появилась доктор санчасти Смольного М. Д. Гальперина, после приехали еще 6 врачей и профессоров. Все это время Кирову делали искусственное дыхание, хотя всем было ясно, что это уже бесполезно. Прибывший в 17 часов 40 минут профессор Джанелидзе констатировал смерть.

Все вокруг понимали, что нужно срочно сообщить о произошедшем Сталину. Но что сообщать? У всех теплилась надежда, что Киров еще

жив. И только дождавшись констатации смерти, Чудов, собравшись с духом, связался с ЦК по кремлевской вертушке.

В это время в кабинете Сталина в Кремле проходило небольшое заседание, на котором присутствовали Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Климент Ворошилов и Андрей Жданов. На раздавшийся звонок отреагировал Каганович и взял трубку.

*Показания водителя С. М. Кирова комиссара Оперода УНКВД ЛВО М. В. Борисова об обстоятельствах убийства Кирова
1 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 25]*

Молча выслушав Чудова, он коротко ответил:

– Ждите звонка.

Обведя всех взглядом, остановился на Сталине и сказал:

– Кирича убили.

Это новость ошарашила всех. Сталин не мог в это поверить и сам позвонил Чудову.

*С. М. Киров и И. В. Сталин
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1670. Л. 1]*

Чудов, перебарывая волнение, рассказал, как обстояло дело, кто стрелял, когда приехали врачи. Сталин попросил к телефону профессора Джанелидзе.

– Товарищ Киров умер мгновенно, – сказал профессор и продолжил описание причин смерти уже на грузинском языке.

Выслушав все, Сталин вызвал к себе Генриха Ягоду и группу работников НКВД: Паукера, Гулько, Петерсона. После недолгого инструктажа в связи со случившимся их отпустили. Всех, кроме Ягоды. В скором времени к ним присоединились Серго Орджоникидзе, Анастас Микоян, Михаил Калинин, Андрей Андреев, Влас Чубарь, Амель Енукидзе. На заседании члены Политбюро с поникшими головами обсуждали вопросы, связанные с организацией похорон Кирова. Но главный вопрос был один – почему Николаев убил Кирова.

*Авель Сафронович Енукидзе
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 41. Л. 15]*

Сталин, не сомневаясь, заявил:

– За всем стоят зиновьевцы. Они потерпели поражение в открытой борьбе, теперь перешли к террору против партии^[407]. Николаев – зиновьевец.

Никто из присутствующих это оспаривать не стал.

Этот вывод положил начало расследованию и репрессивным мерам ко всем участникам бывшей оппозиции.

На том же заседании Сталин дал указание Енукидзе подготовить проект постановления ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие процессуальные кодексы союзных республик» в части расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Утвержден он был в тот же день.

В соответствии с постановлением с 1 декабря следствие по таким делам надлежало заканчивать в срок не более десяти дней. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. Дела слушались без участия сторон. Кассационное обжалование приговора и ходатайства о помиловании не допускались. Приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно^[408].

На следующий же день, 2 декабря, все дела об арестованных за последнее время по обвинению в подготовке и организации террористических актов против работников советской власти

белогвардейцах, а их насчитывалось 71 человек по Московской и Ленинградской областям, были переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР^[409]. 5 декабря в Москве и Ленинграде прошли закрытые заседания Военной коллегии Верховного суда, на которых 66 человек из 71 были обвинены в подготовке террористических актов и приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. 6 декабря в газете «Правда» появилось сообщение ТАСС, что приговоры приведены в исполнение^[410].

Глава 17

Расследование. Поиск следов зиновьевской группы 2-15 декабря 1934

На следующий день после убийства Кирова 2 декабря все газеты были посвящены Сергею Мироновичу и гремели заголовками о его гибели. Однако имя убийцы не оглашалось. В правительственном сообщении говорилось лишь: «Стрелявший задержан. Личность его выясняется». При этом уже было решено, что в одиночку такое убийство осуществить невозможно – убийцу подослали «враги рабочего класса»^[411].

3 декабря газеты опубликовали сообщение НКВД СССР, которое раскрывало всем имя убийцы: «Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея, убийцы товарища Кирова – Николаев Леонид Васильевич, 1904 года рождения, бывший служащий Ленинградской РКК. Следствие продолжается»^[412].

На самом деле установить личность Николаева не составило труда. Его арестовали на месте преступления, а в его кармане нашли партийный билет, по которому он беспрепятственно и попал в Смольный. Причину, по которой он пошел на этот шаг, Николаев рассказал на первом же допросе. Виной всему было его бедственное материальное положение: его исключили из партии, он не мог устроиться на работу, и ему все отказывали в помощи. Киров никак не реагировал на его просьбы.

44 1
~~СОВ. СЕКРЕТНО~~

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ тов. С Т А Л И Н У

Направляю Вам следующие документы по делу НИКОЛАЕВА,
Леонида Васильевича:

1. Протокол допроса НИКОЛАЕВА Леонида, от 3/ХП-1934 г.
2. 2 протокола допроса НИКОЛАЕВА Петра от 3/ХП-1934 г.
3. 2 протокола допроса ПЛАТЧА С.А. от 1 и 2/ХП-1934 г.
4. 2 протокола допроса ВАСИЛЬЕВА Г.Г. от 1 и 3/ХП-1934 г.
5. Протокол допроса БОРИСОВА от 1/ХП-34 г.
6. 4 протокола допроса ДРАУДЭ'Мильды от 1 и 3/ХП-34 г.
7. 6 писем НИКОЛАЕВА Петра и выписки из его дневника.

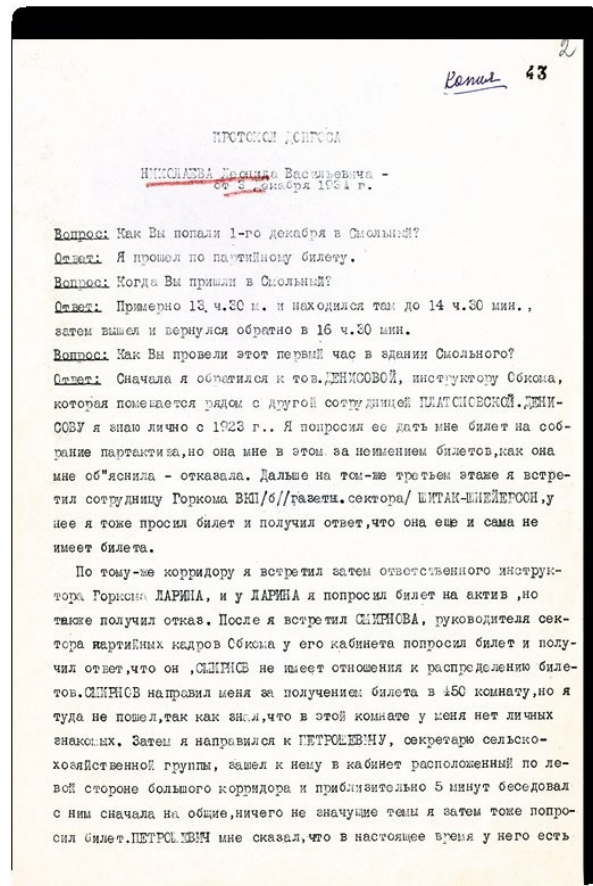
ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

А. А. Агранов
/АГРАНОВ/

4 " декабря 1934 г.

г. Ленинград.

№ 26187

*Протокол допроса Л. В. Николаева с сопроводительной запиской Я. С. Агранова И. В. Сталину
3-4 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 1, 2]*

«О своем материальном и моральном положении я многократно писал в разные партийные инстанции... Но ни от райкома партии, обкома, ЦК, ниоткуда я реальной помощи не получил. Письма Кирову и Сталину тоже не помогли», – говорил Николаев.

Как выяснится дальше в ходе следствия, работу ему предлагали, и неоднократно, однако Николаев отказывался от простой работы с окладом в 120 рублей, он хотел получить руководящую должность.

До 4 декабря Николаев на всех своих допросах говорил, что совершил преступление один и по личным мотивам. Кроме того, ходили слухи о связи его жены Мильды Драуле с Кировым. Существовала ли она на самом деле, ответить сложно. Но слухи были. Сразу после смерти Кирова многие шушукались, что Николаев убил Кирова именно из ревности. Многие за это поплатились – их исключили из партии, чтобы не порочили имя Кирова, а самое главное, чтобы не разрушали

идею о причастности зиновьевского блока к его смерти. В дальнейшем эти «сплетни» положат начало так называемому Кремлевскому делу – судебному процессу в июле 1935 года. Но об этом позже.

Открывает завесу тайны над причинами убийства Кирова дневник Николаева (хотя больше это похоже на заметки), обнаруженный при обыске дома его матери^[413]. Именно эти записи подтверждают, что Николаев давно задумал убийство кого-нибудь из руководящих партийцев. Там он писал, что хочет отомстить «бездушным чиновникам» и подумывает убить кого-то из них: «Лидака, Чудова, лучше всего Кирова». Все это не мешало ему слать письма в Ленинградский обком, в том числе и Кирову, с просьбой помочь в поисках работы. Конкретно на Сергея Мироновича он нацелился в середине ноября. Это подтверждает запись, где Николаев описывает свою попытку убить его 14 ноября на Московском вокзале.

Утром 2 декабря Сталин на специальном литерном поезде прибыл в Ленинград, чтобы забрать тело Кирова в Москву^[414]. С вокзала он сразу направился в больницу им. Свердлова, где находилось тело. После в сопровождении Молотова, Жданова и Ворошилова Сталин посетил вдову Сергея Мироновича Марию Львовну и уехал в Смольный. Там в 10 утра состоялось заседание правительственной комиссии по похоронам Кирова, на котором обсуждались вопросы о траурных мероприятиях и перевозке гроба с телом Кирова в столицу. Но Сталин поехал туда не для этого.

По его заданию с Литейного, 4 в Смольный привезли Николаева. Сталин лично его допрашивал^[415]. Николаев говорил неохотно. А на вопрос – почему он стрелял в Кирова, отвечал, что тот ему не давал работы.

Сталин, пытаясь выяснить, по чьей указке он стрелял, задавал один и тот же вопрос:

– Кто руководил твоими действиями?

Николаев каждый раз повторял:

– Я был один.

Такой ответ Сталина не удовлетворял. На следующий день, 3 декабря, он отстранил «старое» руководство Ленинградского УНКВД от дознания. Людей не просто заменили, их сместили с должностей и предали суду за халатное отношение к своим обязанностям по охране государственной безопасности в Ленинграде.

Временно исполняющим обязанности начальника Ленинградского управления НКВД стал Яков Агранов. Через несколько дней на эту должность уже назначили Леонида Заковского, но постановлением Политбюро оставили Агранова в Ленинграде для общего руководства следствием по делу Николаева. Расставив нужных людей, Сталин уехал из Ленинграда, увезя с собой гроб с телом Кирова. На следующий день гроб доставили в Колонный зал, чтобы каждый желающий мог проститься с Кировым. Среди них был и Каменев.

Льва Борисовича смерть Кирова потрясла. Он понимал, что не может наравне со всеми партийными друзьями Кирова стоять в почетном карауле у его гроба, но не проститься с ним не мог. Каменев пришел со своей супругой в Колонный зал 4 декабря поздно вечером и пробыл там до 2 часов ночи^[416]. Он сожалел о его смерти и не скрывал своих слез. Тогда, плача у гроба, он и не предполагал, как потеря Кирова отразится на его дальнейшей жизни.

В Ленинграде в это время «новые» следователи под руководством Агранова допрашивали Леонида Николаева. Перед ними стояла одна задача – добиться от Николаева признания, что он действовал по указке зиновьевцев. Но Николаев стоял на своем: «Я самостоятельно принял решение об убийстве Кирова». Несмотря на это, в период с 4 по 10 декабря были арестованы 13 человек: И. И. Котолынов, Н. Н. Шатский, Г. В. Соколов, И. Г. Юскин, В. В. Румянцев, Н. С. Антонов, В. И. Звездов, Л. О. Ханик, А. И. Толмазов, Н. П. Мясников, В. С. Левин, Л. И. Сосицкий, С. О. Мандельштам. Кого-то Николаев упомянул в своем дневнике, с кем-то работал, а кого-то не знал вообще. Но все они, кроме Юскина, во второй половине 1920-х годов являлись активными оппозиционерами.

Пока Николаева на допросах «убеждали», что он – член контрреволюционной зиновьевской организации, в Москве состоялись похороны Кирова. В ночь с 5 на 6 декабря тело Кирова было кремировано. 6 декабря в час дня Сталин в сопровождении Кагановича, Молотова, Калинина, Ворошилова, Андреева, Рудзутака и Петровского вынесли урну с прахом из Колонного зала. После траурного митинга ровно в 15 часов Орджоникидзе поместил урну в Кремлевскую стену. Каменев все это видел своими глазами.

Глядя на Мавзолей, слушая траурные речи, он искренне жалел, что не может находиться там вместе со всеми.

– Таня, наказание за мои ошибки в том, – говорил он своей супруге, – что в этот тягчайший для партии момент я не могу быть возле своих партийных товарищей, чтобы разделить это горе.

Через два дня после траурных мероприятий Сталин вызвал Агранова в Москву. Он был недоволен ходом следствия – спустя столько времени никакого зиновьевского следа в деле не обнаружено. На допросах арестованные не только отрицали свою причастность к убийству Кирова, но и принадлежность к зиновьевской организации.

*В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и М. И. Калинин несут
урну с прахом С. М. Кирова на Красную площадь
6 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 230]*

Я. Х. Петерс, С. А. Мессинг, И. П. Павлуновский, Л. М. Каганович, В. А. Балицкий и Я. С. Агранов

1927

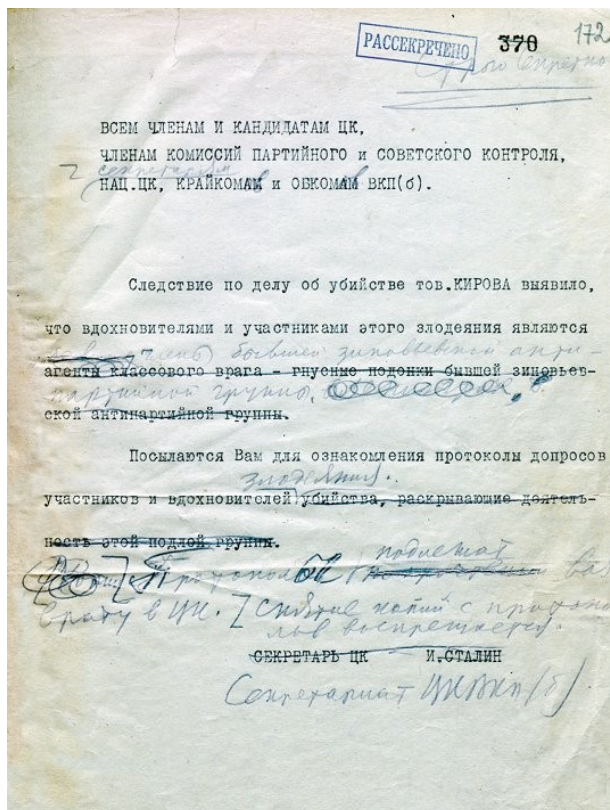
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58. Л. 66]

Получив нагоняй, Агранов ужесточил методы допроса. Именно после этой встречи Николаеву стали обещать, что сохраняют ему жизнь, если он даст «нужные показания». И только после того, как ему сообщили, что арестована его жена и цена ее свободы – признание участия зиновьевцев в убийстве Кирова, он согласился. 13 декабря он подписал протоколы допросов, составленные следователями. В них Николаев «признавался», что он и остальные арестованные входят в контрреволюционную зиновьевскую группу. После этого 15 декабря всех подозреваемых исключили из партии.

В тот же день в Москве и Ленинграде прошли объединенные пленумы Московского и Ленинградского обкомов. В их резолюциях подчеркивалось, что Кирова убили «подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы», и звучали призывы «вытравить подлых контрреволюционных последышей» этих зиновьевцев^[417]. 17 декабря 1934 года резолюции пленумов были опубликованы в центральных газетах^[418].

Для обсуждения этой новости на многих предприятиях созывались партийные собрания. И на всех звучали похожие предложения и резолюции: «мы требуем сурового наказания террористов из осколков зиновьевской группировки», «зиновьевская оппозиция должна быть уничтожена окончательно», «мы требуем физического уничтожения нашего заклятого врага». Власть добилась нужного результата. И даже при наличии других мнений и сомневающихся, вывод был один – к

виновным нужно применить самое суровое наказание. «Если хоть как-то оппозиция причастна к убийству Кирова, – высказался один из рабочих, – я бы на месте Зиновьева застрелился»^[419].

Циркуляр Секретариата ЦК ВКП(б) об участии бывшей зиновьевской антипартийной группы в убийстве С. М. Кирова
Не позднее 16 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 198. Л. 172]

Глава 18

Арест Каменева. Первые допросы 16-23 декабря 1934

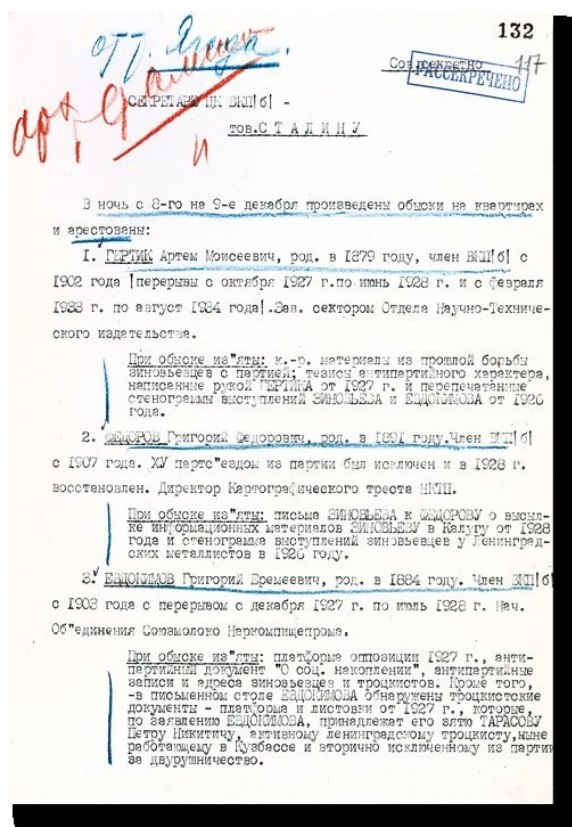
Пока допрашивали ленинградцев об их причастности к убийству Кирова, в Ленинграде и Москве проходили «дополнительные» аресты бывших участников зиновьевской оппозиции, которые в будущем станут участниками дела «Московского центра» и «Ленинградской

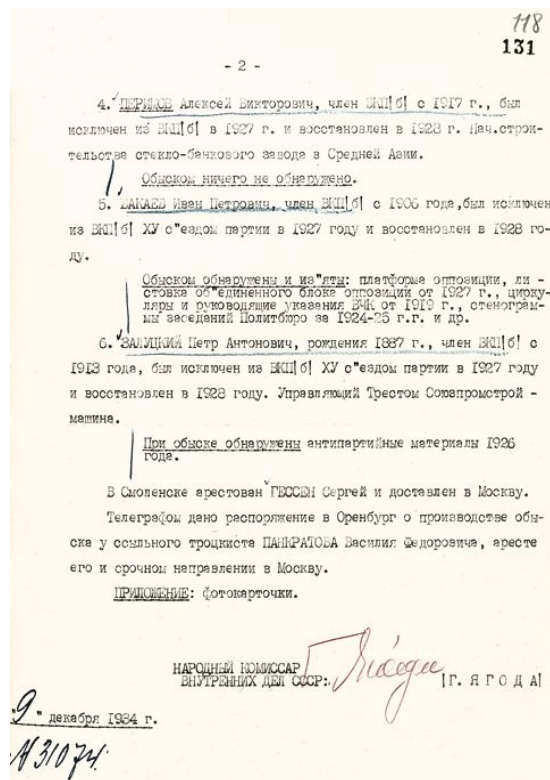
контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и др.». За период с 8 по 15 декабря были арестованы 18 человек^[420]. 11 из них осуждены как участники «Московского центра».

16 декабря настал черед главных лиц, которых так часто упоминали на допросах, – «руководителей зиновьевской контрреволюционной организации» Григория Зиновьева, Георгия Сафарова и Льва Каменева.

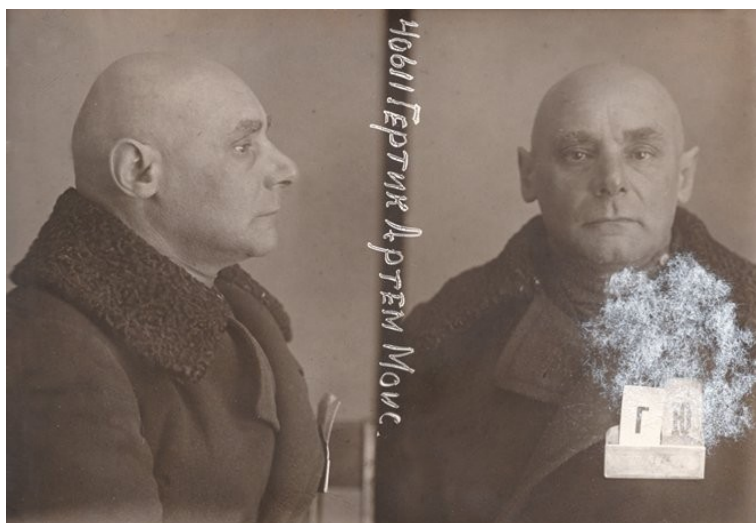
16 декабря в 7 часов вечера в квартиру Каменева с обыском пришла группа чекистов во главе с самим начальником Отдела охраны членов правительства Карлом Паукером. Он с порога объяснил, что Каменева подозревают в причастности к убийству Кирова.

Одновременно с обысками нагрянули к Сафарову и Зиновьеву. Оба, не теряя времени, принялись писать письма Сталину. Каменев же этого делать не стал. Тогда это ему даже и в голову не пришло. Он был растерян и абсолютно уверен, что это ошибка. Многие в его жизни бывало, но убийство...

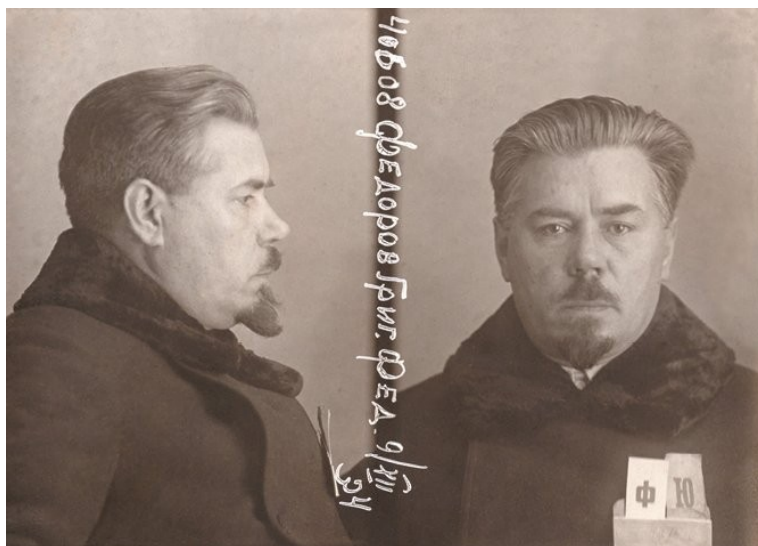

Докладная записка наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды И. В. Сталину об аресте А. М. Гертника, Г. Ф. Федорова, Г. Е. Евдокимова, А. В. Перимова, И. П. Бакаева и П. А. Залуцкого
9 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 117-118]

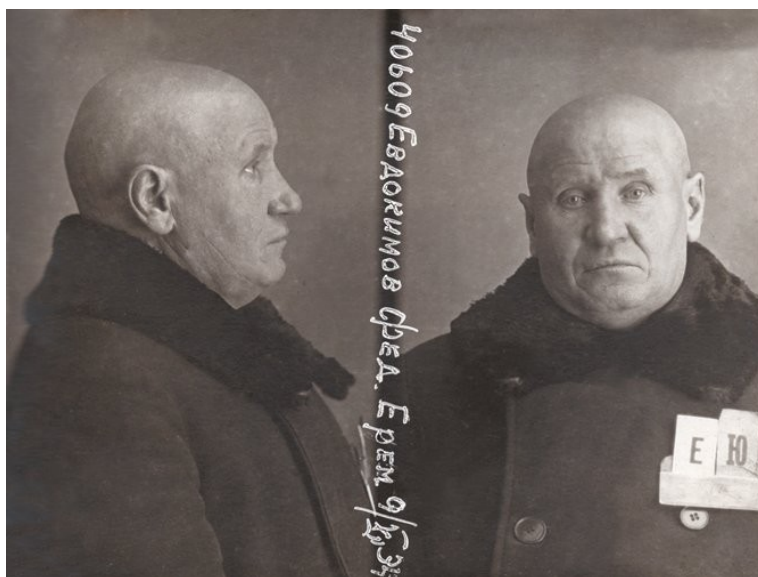
Артемий Моисеевич Гертик. Тюремное фото
9 декабря 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 119]

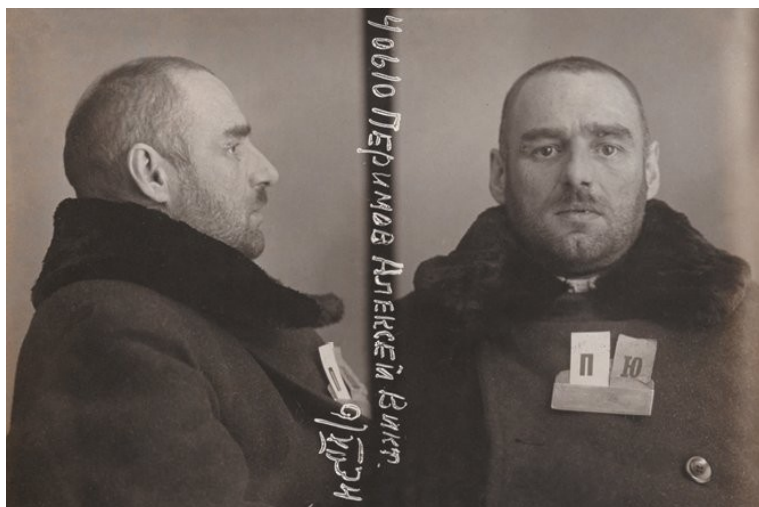
Григорий Федорович Федоров. Тюремное фото
9 декабря 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 120]

Григорий Еремеевич Евдокимов. Тюремное фото
9 декабря 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 121]

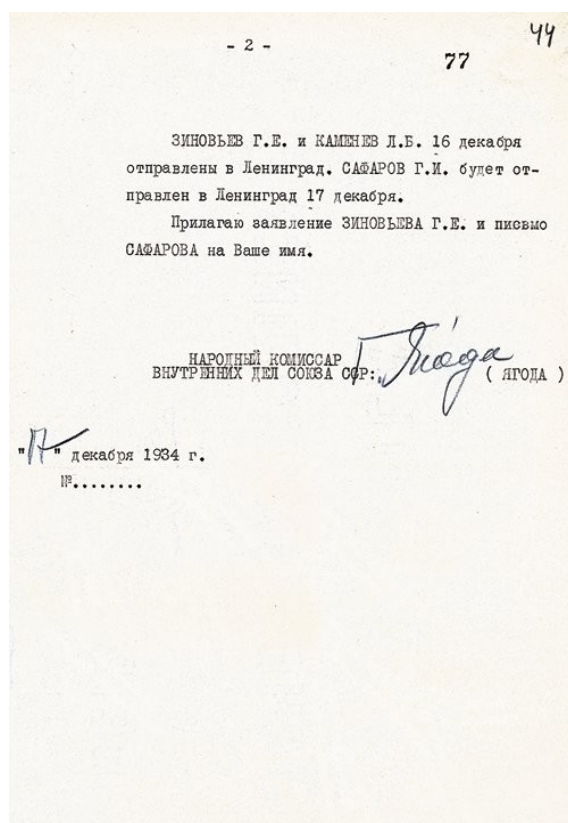
*Алексей Викторович Перимов. Тюремное фото
9 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 122]*

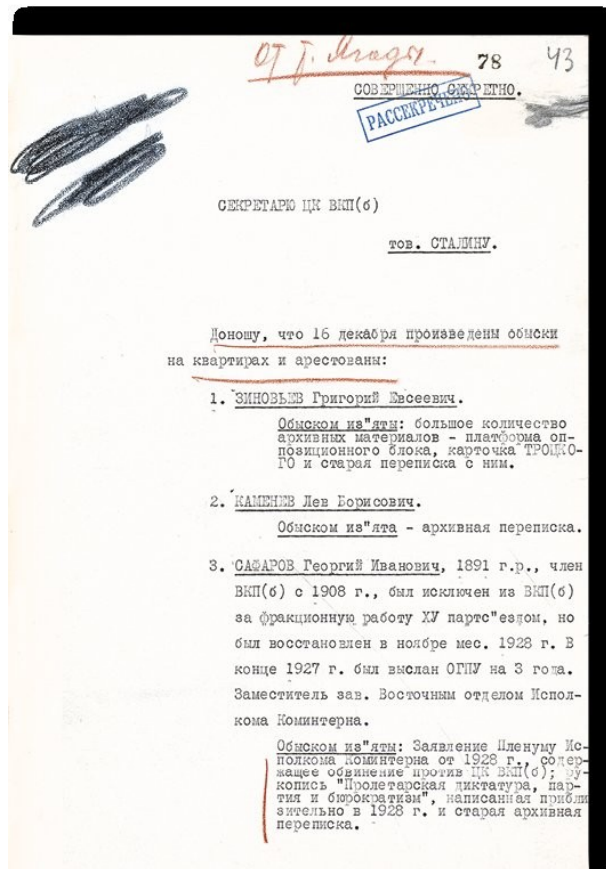

*Иван Петрович Бакаев. Тюремное фото
9 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 123]*

Петр Антонович Залуцкий. Тюремное фото
9 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 124]

Докладная записка наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды И. В. Сталину об аресте Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Г. И. Сафарова 16 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 43-44]

В квартире Каменевых обстановка царила очень напряженная и гнетущая. При обыске перерыли буквально все, даже вещи и постель сына Волика. Внимательно осматривали каждую вещь^[421]. Обыск ничего подозрительного не выявил. Была обнаружена лишь старая переписка Каменева 1920-х годов, ее и изъяли.

Паукер при этом пытался подбодрить и успокоить Каменева:

– Товарищ Каменев, не переживайте, это все недоразумение и через день-два разъяснится.

На что Каменев печально и устало отвечал:

– Конечно, это недоразумение, и все разъяснится... Но все же быть арестованным своими же, именно теперь – совершенно непереносимо.

Подбадривала его и супруга Татьяна Глебова:

– Лева, вот увидишь, все разрешится! Я завтра же пойду к Сталину и буду просить его о личном вмешательстве.

Каменев мог лишь растерянно бормотать ей в ответ:

– Да, иди, завтра же иди, а если Иосиф Виссарионович не сможет тебя принять, иди к Генриху Григорьевичу – скажи, что это все ужасное недоразумение.

Несмотря на то что при обыске ничего подозрительного обнаружить не удалось, Каменева арестовали. Уходя, уже в дверях, он, обернувшись, еще раз попросил свою жену идти за помощью к Сталину:

– Таня, завтра же иди^[422].

Однако Глебова не стала ждать завтрашнего дня. Как только Льва Борисовича увели, она помчалась к Горькому, чтобы сообщить о произошедшем и от него по телефону попытаться дозвониться до секретаря Сталина Александра Поскребышева и договориться о приеме у Сталина. Попытка оказалась неудачной. Утром следующего дня, 17 декабря, она направила Сталину короткое письмо с просьбой ее принять и выслушать. «Я боюсь за его жизнь, – написала Глебова, – он сказал после возвращения из Минусинска, что не переживет, если снова какой-нибудь несчастный случай подорвет к нему доверие партии и Ваше»^[423]. Только к полуночи она получила короткий ответ Поскребышева – в ближайшие дни Сталин не сможет ее принять.

76

45

Ничего кроме страха архивов (во что
ожидалось за 30 с лишним лет — в такой
длительный период оппозиции) у людей не
и быть не может.

Вот она. Я же могу себе и представить
что могло бы быть подозрание
против меня. Успокою Вас
поверить этому ветреному слову.
Потрасте до глубины души. 2. апреля

16 декабря 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 45]

16.XII.34. 46
75
Тяжелоубавляющий Игорь Виссарионович,
великий вождь партии и страны.
Я предлагаю не жить, чем дожить до этого
моменту, страшного недоумения. Я честно
и искренне разрываю с контр-революционными
проявлениями, как, так же, обращаю помощь
борьбе с ними. Товарищи, не надо мучить про-
водила мою жизнь, могу сказать, что эта ра-
ба вы для революции желает сделать. Не
могу изложить свое преступление перед
партией. Мне нет жизни вне партии и я
прошу Вас разобрать, рассмотреть это мое
недоумение. В своем дураком уме, на самом
напрямом ряде деловой работы никто Вам
этот армию великого велика и великого Сталина
я доказываю, что доверия Вашего доверия.
Товарищи Сталин! Проверьте, что это не
чужие фальшивки и не то же!
Т. Сафаров

Письмо Г. И. Сафарова И. В. Сталину
16 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 46]

Татьяна Ивановна не сдавалась. Сразу после этого она написала еще одно письмо, а на следующий день еще. Она взывала к Сталину: «Я так уверена в невозможности в настоящее время какой-либо причастности Л. Б. к каким бы то ни было антипартийным группам, а не только к проклятому, ужасному преступлению, что я готова ручаться Вам своей жизнью и партийной честью. Теперь же я прошу и умоляю Вас лично проверить обвинения, взведенные на Каменева». Ответа на эти письма не последовало.

Дорогой, родной Алексей Александрович!
 Очень Вас прошу принять участие и
 присутствовать - я отпущу у Вас самую
 малость времени! Мне необходимо
 только Вам сказать о Мле Горьковой
 и я умоляю Вас присутствовать лично
 возможно скоро, я боюсь за ее жизнь: от
 сказан, после возвращения из Мухоморова, что
 не переживет, если снова какой-нибудь
 неосторожный случай подорвет к нему
 доверие народа и Вас.

Татьяна Глебова

17/12 34

Письмо Т. И. Глебовой И. В. Сталину с просьбой о встрече
 17 декабря 1936
 [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 58]

Каменев в это время уже был в Ленинграде. После ареста его сразу увезли в «Большой дом» (Литейный, 4) – здание Управления НКВД, которое незадолго до убийства Кирова стало функционировать как тюрьма, известная в народе под названием «Дом слез».

С 17 декабря началась череда допросов Каменева. Изначально его допрашивал следователь Рутковский. На первом допросе Каменеву задали всего 3 вопроса, он достаточно подробно на них ответил.

– Следствие располагает данными о том, что Вы возглавляли контрреволюционную антипартийную организацию из участников бывшего зиновьевско-троцкистского блока, – сообщил Рутковский. – Что Вы можете показать по этому делу?

Каменев отвечал четко и честно, практически не думая:

– Отрицаю не только руководство какой-либо контрреволюционной антипартийной организацией, но и принадлежность к ней, а также свою осведомленность о существовании подобных организаций^[424].

Каменев рассказал, что с момента отъезда в ссылку в Минусинск, а это ноябрь 1932 года, он ни с кем из бывших участников оппозиции не поддерживал связей и никого из них не видел, за исключением нескольких случайных встреч. Он попытался вспомнить каждого, с кем встречался:

– Из них вспоминаю встречу на даче с Евдокимовым в прошлом или этом году, причем разговоров на политические темы я с ним не вел. Видел как-то Залуцкого в трамвае, но и с ним не говорил. После того как я вернулся из Минусинска, в апреле 1933 года, мне кто-то передавал, кто именно не помню, о том, что Евдокимов и Бакаев хотели бы видеть меня. Я это предложение отклонил. В последний мой приезд в Ленинград, приблизительно в начале лета 1934 года, в столовой Академии наук я встретил случайно Яковлева Моисея, который просил меня переговорить с ним наедине после обеда по делам Академии. Я отказался. Отказался я также и от предложения Зиновьева хлопотать о Гертике Артеме, бывшем в ссылке, после моего возвращения из Минусинска. Раза два видел за это время Равич Ольгу, приезжавшую из Воронежа в Москву по делам. Разговоров на политические темы я ни с кем не вел.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

17 декабря, 1934 г. я, РУТКОВСКИЙ допросил -

КАМЕНЕВА, Льва Борисовича-

КАМЕНЕВ, Лев Борисович, 1883 г.р., урож. гор. Москвы, отец был инженером. Прож. - Москва, Карманицкий пер. д. 3 кв. 5. Директор Пушкинского Дома ИРЛИ, жена Татьяна Ивановна ГЛЕБОВА 39 лет, дети: сыновья Александр Львович КАМЕНЕВ 27 лет, главный инженер ГИВФ; Юрий - 12 лет, учится; Владимир 5 лет; не являющийся. Незакончен. высшее образование. Чл. ВКП/б/ с 1901 г., перерыв с ноября 1932 г. по апрель 1933 г., общ. и революц. работа: с 1901 г. в Москве, Тифлисе, затем в эмиграции. С 1904 г. опять в Москве, затем был арестован. В Ленинграде был арестован в 1909 г. и выслан. Опять эмиграция до 1914 г.. В этом же 1914 г. возвратился в Ленинград, был арестован и выслан в Туруханск. Край. Освобожден в Февр. Революцию.

ВОПРОС: Следствие располагает данными о том, что Вы возглавляли к.-р. антипартийную организацию из участников б. зиновьевско-троцкистского блока. Что Вы можете показать по этому делу?

ОТВЕТ: Отрицаю не только руководство какой либо к.-р. антипартийной организацией, но и принадлежность к ней, а также свою осведомленность о существовании подобных организаций. С момента отъезда в Минуссинск /ноябрь 1932 г./ я ни с кем из б. участников зиновьевско-троцкистского блока не поддерживал связей и никого из них не видел, за исключением нескольких случайных встреч. Из них вспоминаю встречу на даче с ЕВДОКИМОВЫМ в прошлом или этом году, причем, разговоров на политические темы я с ним не вел. Видел как то ЗАЛУЦКОГО в трамвае, но с ним не говорил. После того, как я вернулся из Минуссинска, в апреле 1933 г., мне кто то передавал /кто именно - не помню/ о том, что ЕВДОКИМОВ и БАКАЕВ хотели бы видеть меня. Я это предложение отклонил. В предпоследний

*Протокол первого допроса Л. Б. Каменева после ареста
17 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 158]*

Свое нежелание общаться с бывшими друзьями по оппозиции он объяснял твердо принятым решением - порвать с ними и заслужить доверие партии.

- В 1932 году я уже стремился отойти не только от политических, но и от личных связей с бывшими участниками зиновьевско-троцкистского блока, и могу с уверенностью сказать, что на собраниях, которые решали бы какие-либо политические вопросы, не присутствовал.

При этом Каменев уверял, что и у них не было желания общаться с ним, так как по всем текущим вопросам политики партии они узнавали новости у Зиновьева.

В связи с этим следователь задал вопрос:

– Вы сохранили политические и личные связи с Зиновьевым до настоящего времени?

Каменев признался, что общался с Зиновьевым. И это несмотря на запрет Глебовой и на обиду. Их дружба оказалась сильнее. Однако он об этом не сказал, а преподнес все как вынужденное общение:

– С момента, когда я был привлечен к ответственности за рютинскую платформу, не будучи связанным ни с одним из участников организации Рютина, а получив ее для ознакомления от Зиновьева, в моих отношениях к Зиновьеву произошло сильное охлаждение. Однако ряд бытовых условий, а именно совместная дача, не дал мне возможности окончательно порвать связь с ним. Считаю необходимым отметить, что, живя в одной даче, летом 1934 года мы жили совершенно разной жизнью и редко встречались. Нас посещали разные люди, и мы проводили время отдельно. Бывавшие у него на даче Евдокимов и, кажется, Куклин были гостями его, а не моими. Находя это положение все же для себя неприемлемым, я при первой же возможности стал строить себе дачу по другой железной дороге.

И на всякий случай добавил:

– Еще в период совместной борьбы с партией я никогда не считал Зиновьева способным руководить партией, последние же годы подтвердили мое убеждение, что никакими качествами руководителя он не обладает.

Казалось, Рутковского этот ответ удовлетворил, и он задал последний вопрос:

– Что Вам известно лично или со слов других о существовании в Ленинграде контрреволюционной организации из бывших участников зиновьевско-троцкистского блока?

– Я ничего о существовании такой организации не знаю, – уверенно ответил Каменев^[425].

В это же время другие арестованные на допросах рассказывали иное. Так, 17 декабря 1934 года заведующий сектором пуска и оргстроительства Государственного института по проектированию металлургических заводов Сергей Осипович Мандельштам на допросе сообщал о том, что в Ленинграде существовала контрреволюционная зиновьевская организация, деятельность которой «направлялась Московским центром» в составе Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Федорова, Гертика^[426]. А сам Леонид Николаев на одном из допросов, после сильной «обработки» следователями, показал, будто ему известно, что «в Москве имеется центральная группа зиновьевско-троцкистской организации», в которую входят Зиновьев и Каменев^[427].

После первого же допроса Каменев понял всю серьезность своего положения. Его обвиняли не просто в руководстве несуществующей контрреволюционной антипартийной организацией, его практически обвиняли в убийстве Кирова.

«Нужно срочно писать Сталину, – подумал Каменев, – удалось ли Тане поговорить с ним? В любом случае надо писать. Он должен и от меня услышать правду, иначе будет поздно».

Каменев понимал, что письмо может и не дойти до Сталина, но попробовать стоило: «Пишу Вам в самую трагическую минуту моей жизни и умоляю Вас прочесть это письмо, которое будет, вероятно, последним... Я хочу заявить Вам и всему руководству партии, что я неповинен в той позорной и преступной деятельности, за которую привлечена ленинградская группа. Это люди, с которыми я с момента возвращения в партию порвал... потому что убедился, что это болтуны и политические онанисты. Я был в их рядах, и это величайшая ошибка моей жизни».

Каменев хотел, чтобы Сталин понял, что он ни с кем из бывших соратников по оппозиции после возвращения из Минусинска не только не общался, но и не виделся. Что он очень доволен своей работой в книжном издательстве и Институте литературы и благодарен партии за нее. «Надо быть сумасшедшим, авантюристом или истериком, – писал Каменев, – чтобы предпочесть той дороге, которую мне открыла партия, и в первую очередь Вы, товарищ Сталин, чтобы предпочесть ей онанистическую болтовню с Гертником или Куклиным».

При этом Каменев признавал, что совершил «трагическую ошибку» – не порвал личные связи с Зиновьевым. Объяснял это только наличием общей дачи: «Чтобы покончить это положение, еще летом начал строить себе отдельную дачу по другому шоссе. Этим порвалась бы та тоненькая нитка, на которой еще держатся наши отношения, ибо для меня эти отношения давно были в тягость... Но теперь эта тоненькая нить и душит меня!.. Товарищ Сталин, спасите меня от позора быть втянутым в одно дело с людьми, с которыми я не имею ничего общего... у меня в уме и в сердце выветрились до дна какие бы то ни было остатки оппозиции».

Каменев просил, чтобы Сталин просмотрел показания ленинградцев. Он был уверен, что там нет никаких фактов, подтверждающих его общение с бывшими оппозиционерами после его минусинской ссылки. Как же он ошибался. «Помогите мне, товарищ Сталин, выключите меня из этого чужого мне, позорного и отвратительного дела, – продолжал в письме Каменев. – Мысль, что я могу быть предан суду по подобному делу рядом с этими людьми, терзает меня величайшей мукой... Искренне преданный партии и Вам»^[428].

Письмо Каменев передал следователю Рутковскому, а тот, в свою очередь, как и просил Каменев, – заместителю наркома внутренних дел

Якову Агранову для отправки Сталину. Сталин письмо получил и даже прочитал, но реакции на него никакой не последовало. Красным карандашом он черкнул в углу листа – «мой архив» и передал его своему секретарю. Каменев мог писать что угодно, Сталин уже все решил для себя.

Следующий допрос у Каменева состоялся уже 20 декабря. Тот же следователь, те же вопросы, та же цель – добиться от Каменева признательных показаний, что он является руководителем контрреволюционной организации. Именно эта «директива» была спущена сверху.

При этом Рутковский уверял, что дело ясное, так как имеются признательные показания других осужденных.

– Следствием установлено, что после подачи Вами заявления руководящим партийным органам об отказе от борьбы с партией Вы, ставя себе задачей продолжать борьбу с партией и советским правительством, стали на путь создания контрреволюционной организации. Что Вы можете показать по этому поводу?

– Категорически это отрицаю, – говорил Каменев.

– Следствие располагает данными о том, что Вы возглавляли до последнего времени созданную Вами, Зиновьевым и другими вашими единомышленниками организацию. Что Вы можете показать по этому вопросу?

– На этот вопрос мною даны показания 17 декабря.

Рутковский настаивал:

– Показаниями Куклина и Горшенина установлено, что Вы и Зиновьев в 1929 году внедряли среди участников Вашей организации контрреволюционные антипартийные убеждения, руководя одним из созданных Вами для этих целей семинаров. Что Вы можете показать по этому вопросу?

– Никаких контрреволюционных антипартийных убеждений после возвращения в партию я никому не внедрял.

– Следствие располагает данными о том, что Вы, Зиновьев и лица с Вами связанные, официально выступая за линию партии, в своем кругу враждебно относились к политике партии и партийному руководству. Подтверждаете ли Вы это?

– Нет, не подтверждаю, – стоял на своем Каменев.

Далее следователь задавал разные вопросы, которые касались темы возможной смены руководства партией. Каменев очень эмоционально реагировал на них, отвечая, что «разговоры на подобные темы считает абсолютной глупостью» и о смене правительства ни с кем не говорил и не думал, и вообще считает такие разговоры преступными.

– Я вел пропаганду против политической линии руководства партии во время антипартийной борьбы, не придавая этой борьбе никакого личного характера, – объяснял Каменев. – С момента прекращения моих

разногласий с политической линией руководства я целиком поддерживал данное руководство.

Тогда Рутковский у него напрямую спросил:

– Признаете ли вы себя ответственным за то, что Ваши враждебные выпады привели к убийству Кирова членами возглавлявшейся Вами контрреволюционной организации.

Каменев продолжал все отрицать:

– Я не могу признать себя виновным в гнуснейшем преступлении, совершенном злодеями, с которыми я не имел и не мог иметь никакой связи.

Надо запомнить этот момент, потому что на судебном заседании он будет говорить противоположное. Однако уже на этом допросе он скажет о своей моральной ответственности за произошедшее:

– Я недостаточно активно и энергично боролся с тем разложением, которое было последствием этой борьбы и на почве которого могла возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов из подонков бывшей антипартийной организации.

Это высказывание и загонит его позже в тупик. А пока он согласился с обвинениями, что Кирова убили его бывшие соратники по антипартийной борьбе^[429].

Несмотря на то что дело только начали рассматривать, Комиссия партийного контроля не стала ждать окончания следствия. В то время как Каменев на всех допросах отрицал свою причастность к контрреволюционной организации, КПК объявила его контрреволюционером. 20 декабря 1934 года Каменева за контрреволюционную работу вновь исключили из рядов партии. Этот раз оказался последним^[430].

В тот же день в Военную коллегия Верховного суда СССР были переданы результаты предварительного расследования по делу «Ленинградского центра»^[431].

21 декабря Сталин у себя в кабинете собрал на совещание Ягоду, Ульриха, Акулова, Вышинского и Агранова. Он знал, как идет следствие, ему ежедневно отправляли копии протоколов допросов. И он был недоволен. Именно на этом совещании Сталин принял решение проводить не один процесс, а два: дело ленинградского центра и дело московского центра. Здесь же написан и утвержден проект сообщения НКВД для печати, опубликованного 22 декабря, «о предварительном расследовании» по делу об убийстве Кирова – оно якобы совершено Николаевым как членом «террористической подпольной антисоветской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде»^[432].

618
217

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАССЕКРЕЧЕНО

СТРОГО СЕКРЕТНО

КОМИССИЯ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ при ЦК ВКП (б)
Москва, Центр, Старая площадь, 2

№ ПК-43/с Кому

Дата
20-ХП-1934г.

ВЫ П И С К А

из пр.Партколлегии КПК № 43 пункт 1 от 20-ХП- 1934 г.

СЛУШАЛИ:

О контрреволюционной работе: ЗИНОВЬЕВА Григория Евсеевича, КАМЕНЕВА Льва Борисовича, САФАРОВА Георгия Ивановича, ТАРАСОВА Ивана Ивановича, СЕРЕДЮХИНА Александра Карповича, ГОСИЩКОГО Льва Ильича, ФАДЕЕВА Федора Фадеевича, ПОТАШНИКОВА Григория Петровича, МЯСНИКОВА Николая Петровича, ГАЙДЕРОВОЙ Зинаиды Никандровны, ПОПОВА Георгия Федоровича, АЛЕКСАНДРОВА Александра Ивановича, КОРШУНОВА Ефима Константиновича, КОСТРИЩКОГО Ивана Станиславовича, СОЛОВЬЕВА Константина Степановича, ТРОФИМОВА Сергея Николаевича, МУШТАКОВА Андрея Андреевича, МАТВЕЕВА Владимира Павловича, БОГОМОЛЬНОГО Якова Исааковича, ПАЙО Федора Александровича, ЛЕВИНА Михаила Абрамовича, ИСАЕВА Германа Ивановича, РЕМ Михаила Семеновича, ПРЯЗОВА Григория Михайловича, ШИРЯЕВА Дмитрия Никитовича.

ПОСТАНОВИЛИ:

Исключить из рядов ВКП(б), как контрреволюционеров.

 СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОЛЛЕГИИ *Шкирков*

Порядок пользования секретными документами КПК при ЦК ВКП(б) — СМОТРИ НА ОБОРОТЕ

Постановление Комиссии партийного контроля об исключении из партии бывших оппозиционеров, в том числе Л. Б. Каменева
20 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Д. 124]

Получив установки руководства, Ягода через своего помощника Льва Миронова передал следователям задание - в течение одного дня 22 декабря опросить всех и вытребовать «утвердительные» показания о том, что Николаев примыкал к оппозиции в 1920-е годы и являлся членом контрреволюционной зиновьевско-троцкистской организации. Было необходимо доказать связь Николаева с зиновьевцами. После

этого уже становилось возможным обвинять Зиновьева и Каменева в убийстве Кирова.

В это время Льва Борисовича не допрашивали, но ему приносили материалы следствия «для ознакомления». И только те, которые, по мнению работников НКВД, могли бы убедить Каменева в виновности зиновьевцев в смерти Кирова и существовании «центра».

Агранов понимал, что так просто от Каменева не добиться признания вины. В итоге к нему в камеру под видом арестованного «подсадили» своего человека, Л. Д. Радина, в надежде, что Каменев разболтает ему что-нибудь. Но и ему Каменев постоянно говорил о своей непричастности к убийству Кирова: «Я никакой подрывной деятельности против партии никогда не вел»^[433].

После этого Агранов решает поговорить с ним сам. Он пришел в камеру Каменева с предложением обдумать все еще раз, повспоминать и подробно изложить все, что ему известно о деятельности «ленинградской группы».

– Это Ваш партийный долг, – убеждал его Агранов.

Каменев был уверен в своей невиновности. Но бывшее оппозиционное прошлое порождало в нем чувство вины за нынешние события. Поэтому Лев Борисович, не задумываясь, согласился подробно рассказать все, что знает. Он преисполнился решимости, особенно после того, как узнал о высказываниях других арестованных о нем. «Надо постараться вспомнить, чтобы путаницы не было, – думал Каменев. – Итак, ленинградская оппозиция. И документов под рукой никаких нет... Как бы не запутаться». И он начал писать: «В категорической форме вопрос о дальнейшем поведении “ленинградской оппозиции” встал к концу XV съезда. Троцкий и его группа фактически становились на путь второй партии. Ленинградцы колебались. Я решительно выступал за прекращение всякой подпольной деятельности и за подчинение партии... Я занимал “правые” позиции, а вся оппозиция под влиянием Троцкого и подчинившегося ему Зиновьева была в “боевом”, “наступательном” настроении... Произошел раскол. Сафаров, Наумов, Саркис объявили нас “капитулянтами” и “изменниками”. Из троцкистов на нашу точку зрения встал лишь Пятаков. Помню, что основным моим аргументом было следующее рассуждение: нам не удалось изменить линию партии в желательном для нас направлении в открытой борьбе, но если мы останемся в партии и подчинимся ей, то мы, несомненно, с течением времени получим возможность влиять на ее политику... Ради этого надо отказаться от так называемой “платформы”. Я искренне верил, что партия, натываясь на неизбежные трудности, прибегнет к нашей помощи. Что наша политическая роль в партии бесповоротно сыграна, мне тогда еще не приходило в голову».

Здесь же Каменев поделился своими мыслями, которые он вынашивал в 1929 году: «...политическая линия Сталина по существу

казалась и мне, и Зиновьеву, и другим гораздо правильнее линии Бухарина с его “врастанием кулака в социализм”, недоверием к индустриализации. Несмотря на все столкновения, раздражения и “обиды”, я считал товарища Сталина гораздо более достойным поста руководителя партии, чем кого бы то ни было из правых. Я никогда не верил в победу правых».

Каменев в записке дал нелестную характеристику Зиновьеву, помня, что именно из-за него попал в Минусинск: «Отсутствие воли, отсутствие последовательности, способность под влиянием случайных впечатлений то загораться необоснованными надеждами и оптимизмом, то впадать в мрачайший пессимизм. Лучшая формула его поведения – “и хочется, и колется, и маменька не велит”», – вот что думал Каменев о Зиновьеве, сидя в тюрьме. По его мнению, Зиновьев именно из-за своей обиды на партию проявлял внимание ко всяким слухам и «политическим сплетням», выказывал готовность выслушать всякого, кто к нему обратится.

Про себя Каменев настойчиво писал, что после возвращения из Минусинска он порвал отношения со всеми «бывшими единомышленниками по ленинградской оппозиции», добавляя при этом, что, «к великому своему горю и несчастью, не порвал личных связей с Зиновьевым».

«Я еще раз подтверждаю, – писал Каменев, – что с момента возвращения в партию я не имел ничего общего с бывшей ленинградской оппозицией и ничего не знал о ленинградской группе... Я еще раз заявляю: я не играл словами, и в моих письмах из Минусинска в ЦК к товарищу Сталину, в моих статьях в “Правде” и в речи на 17 съезде я выразил все свои мысли до конца и без остатка и не изменял им с тех пор ни на йоту»^[434]. 24 декабря 1934 года Каменев через конвой передал Агранову свое письмо.

А в это время 23 декабря 1934 года в «Правде» было опубликовано сообщение под заголовком «В народном комиссариате внутренних дел СССР». В нем говорилось, что «кроме лиц, привлеченных к суду по делу Николаева (убийство т. Кирова), органами НКВД арестованы в связи с этим делом в Москве 16 декабря следующие участники бывшей зиновьевской антисоветской группы: Шаров Я. В., Куклин А. С., Файвилович Л. Я., Бакаев И. П., Вардин И. В., Залуцкий П. А., Горшенин И. С., Зиновьев Г. Е., Булах В. С., Гертик А. М., Евдокимов Г. Е., Каменев Л. Б., Федоров Г. Ф., Костина А. П., Сафаров Г. И.».

При этом указывалось, что в отношении Федорова, Сафарова, Зиновьева, Вардина, Каменева, Евдокимова «следствие установило отсутствие достаточных данных для предания их суду» и принято решение передать их дела на рассмотрение особого совещания при НКВД для ссылки их в административном порядке^[435]. На самом деле никакое особое совещание дело не рассматривало. Все было решено заранее.

Лев. А. С. АТРАНОВ 348

Товарищ АТРАНОВ,

Вы предложили мне изложить то, что мне известно о деятельности, так называемой, "ленинградской группы" за последние годы. Это вполне совпадает и с моим желанием. Должен только оговориться, что, так как ряд фактов имеет уже многолетнюю давность, и, с другой стороны, я лишен каких бы то ни было письменных документов, то возможно, что в мое изложение вкрадутся ошибка или путаница в последовательности событий. Прошу не ставить мне это в вину. Пишу я совершенно искренне и с желанием изложить все, что помню.

В категорической форме вопрос о дальнейшем поведении "ленинградской оппозиции" стал к концу XV съезда. ТРОЦКИЙ и его группа фактически становились на путь второй партии. Ленинградцы колебались. Я решительно выступал за прекращение всякой подпольной деятельности и за подчинение партии. Происходили жаркие споры. До тех пор я играл в определении тактики оппозиции второстепенную роль. Во-первых, потому, что много месяцев отсутствовал из СССР (был в Италии) и вернулся перед самым съездом. Во-вторых, потому, что занимал "правые" позиции, а вся оппозиция - под влиянием ТРОЦКОГО и подчинившегося ему ЗИНОВЬЕВА, - была в "боевом", "наступательном" настроении. Роли переменялись после поражения на съезде. Моя "капитулянтская" точка зрения явно находила сочувствие. Первым делом надо было "укрепить" ЗИНОВЬЕВА, которого явно страшила перспектива "второй партии", но который в то же время не решался сделать из этого всяких выводов, боялся потерять влияние среди "левых" и потому колебался. Он, впрочем, скоро перешел на мою позицию. Отглядываясь теперь назад, я

изменено, я хочу заявить, что со времени моего приезда из Минусинска я ни делом, ни словом, ни помышлением не изменил ни одному слову из того, что я писал Ц. Комитету и тов. СТАЛИНУ. Я писал тогда искренно, столь же искренно говорил на XVII съезде и честно выполнял взятые на себя обязательства и мне казалось, что передо мной прямая дорога. Теперь, когда все полстало прахом и все безнадежно, я еще раз заявляю: я не играл словами и в моих письмах из Минусинска в Ц. К. к тов. СТАЛИНУ, в моих статьях в "Правде" и в речи на XVII съезде я выразил все мои мысли до конца и без остатка и не изменял им с тех пор ни на йоту.

24/XII-34 г.

Л. КАМЕНЕВ.

В е р н о:

*Письмо Л. Б. Каменева Я. С. Агранову о деятельности
«ленинградской оппозиции»
24 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 200. Л. 93-102]*

Глава 19

Дело «Ленинградского центра». Первые признания Каменева

25 декабря 1934 - 13 января 1935

Началась подготовка к процессу по делу Николаева или так называемого «Ленинградского центра». Проект обвинительного заключения писал заместитель прокурора СССР Андрей Вышинский^[436], но Сталин два раза вносил в него исправления и дополнения. 25 декабря обвинительное заключение было одобрено членами Политбюро, а через два дня, 27 декабря, опубликовано в газете «Правда»^[437].

Перед началом судебного заседания председателя Военной коллегии Верховного суда Василия Ульриха и Вышинского вызвали в Москву к Сталину. Ульрих получил указание весь процесс провести за 2 дня, а всех обвиняемых приговорить к расстрелу. Приговор был заранее согласован в Москве и там же отпечатан на машинке.

28 декабря в 14 часов 20 минут в Ленинграде начался закрытый судебный процесс. Председательствовал на суде В. В. Ульрих, членами Военной коллегии выступили И. Матулевич и А. Горячев, секретарем коллегии являлся Батнер.

Несмотря на отсутствие Сталина в Ленинграде, он был в курсе всего происходящего. В день по несколько раз он получал от Ягоды подробную информацию о ходе судебного заседания и показаниях обвиняемых. К Ягоде она поступала от Агранова по высокочастотной связи из Ленинграда^[438]. Кроме того, сам Ульрих два раза звонил Сталину^[439]. Первый раз он просил разрешения отправить дело на исследование, так как Николаев в первом признании на суде указывал, что действовал в одиночку. Второй раз – перед вынесением смертного приговора. Ульрих сомневался, так как Сталин на допросе Николаева 2 декабря обещал сохранить ему жизнь, если он выдаст участников заговора против Кирова. Но Сталин был непреклонен: всем должна быть одна мера – расстрел^[440].

355
139
Сообщение
Н. И. Ежова
и И. А. Акулова
И. В. Сталину
об отправке в
Секретариат ЦК
обвинительного
заключения по
делу Николаева
25 декабря 1934
И. В. Сталин
В. М. Молотов
Л. М. Каганович
Г. К. Орджоникидзе
К. Е. Ворошилов
М. И. Калинин
В. В. Куйбышев
А. А. Андреев
В. Я. Чубарь
А. И. Микоян

Сообщение Н. И. Ежова и И. А. Акулова И. В. Сталину об отправке в Секретариат ЦК обвинительного заключения по делу Николаева
25 декабря 1934

Автографы И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, В. В. Куйбышева, А. А. Андреева, В. Я. Чубаря, А. И. Микояна [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 201. Л. 139]

детарский Ленинград должен быть - расстрел всех нас без исключения". МАНДЕЛЬШТАМ в заключении сказал: "Да здравствует Ваш суровый приговор".

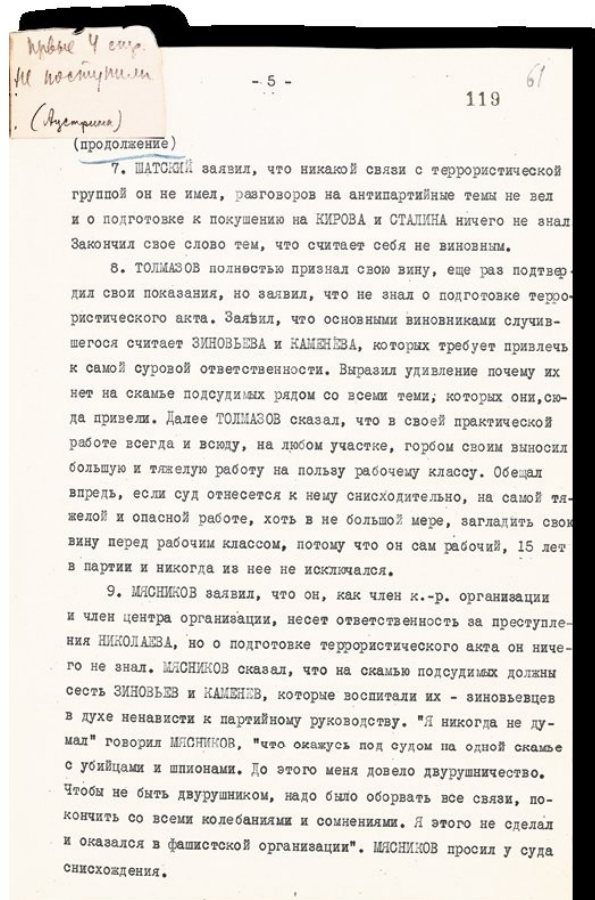
В 2 часа 30 минут 29 декабря суд удалился на совещание для вынесения приговора.

В 5 часов 45 минут 29 декабря суд объявил приговор по делу, которым все обвиняемые в количестве 14-ти человек (НИКОЛАЕВ Л., АНТОНОВ, ЗВЕЗДОВ, ЮСКИН, СОКОЛОВ, КОТОЛЬНОВ, ШАТСКИЙ, ТОЛМАЗОВ, МЯСНИКОВ, ХАНИН, ЛЕВИН, СОСИЦКИЙ, РУМЯНЦЕВ и МАНДЕЛЬШТАМ) приговорены к расстрелу. Почти все обвиняемые выслушали приговор подавлено, но спокойно. НИКОЛАЕВ воскликнул: "Нестоеко" и слегка стукнулся головой о барьер скамьи подсудимых. МАНДЕЛЬШТАМ негромко сказал: "Да здравствует Советская власть, да здравствует коммунистическая партия" и пошел вместе с остальными обвиняемыми к выходу.

ЗАМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР - Я. АГРАНОВ.

В е р н о :

13. Грешко

*Сообщение Я. С. Агранова о судебном заседании в Ленинграде и
вынесенном четырнадцати обвиняемым приговоре
29 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 201. Л. 6-65]*

На суде Леонид Николаев подтвердил все свои последние показания. Обвиняемые Толмазов, Ханик, Левин и Сосицкий признались, что являются членами контрреволюционной организации. Кроме того, все они указали, что были сторонниками смены партийного руководства на Зиновьева и Каменева. Сосицкий утверждал, что именно деятельность Зиновьева и Каменева «приводила к террористическим тенденциям среди отдельных членов организации». Большинство подсудимых заявили, что именно Зиновьев и Каменев должны нести главную ответственность за убийство Кирова.

29 декабря в 6 часов 40 минут суд огласил приговор, который признавал всех 14 обвиняемых виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 УК РСФСР: «На основании изложенного и руководствуясь постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 года,

выездная сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР приговаривает всех четырнадцать к высшей мере наказания – расстрелу. Все лично им принадлежащее имущество конфисковать. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно».

После оглашения приговора всех подсудимых в наручниках вывели из зала и увезли в Управление НКВД. Уже в машине Николаев, словно очнувшись от гипноза, кричал, что он оклеветал товарищей. Ему обещали сохранить жизнь, но его обманули. В 6 часов 45 минут приговор был приведен в исполнение. Перед расстрелом Мандельштам и Румянцев кричали: «Да здравствует Коммунистическая партия большевиков». Котолынов, стоя уже у трупов расстрелянных осужденных, заявил: «Весь этот процесс – чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением Николаева, ни в чем не виноваты. Это сущая правда. Я умираю с чистой совестью перед партией и Родиной»^[441].

Получ. 29 XII-34 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

РАСЕКРЕЧЕНО

114

ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.

из Ленинграда.

МОСКВА, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР - тов. АГРАНОВ.

Сегодня, 29-го декабря 1934 года, в 5 час. 45 мин. Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР за организацию и осуществление убийства тов. КИРОВА приговорены к расстрелу: НИКОЛАЕВ Леонид, ЗВЕЗДОВ, СОКОЛОВ, КОТОЛЫНОВ, ШАТСКИЙ, МЯСНИКОВ, ТОЛМАЗОВ, ЛЕВИН, ХАНИК, СОСИЦКИЙ, РУМЯНЦЕВ и МАНДЕЛЬШТАМ.

В 6 час. 45 мин. приговор приведен в исполнение.

ЗАМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СССР - АГРАНОВ.

В е р н о:

В. Турсов

Сообщение Я. С. Агранова И. В. Сталину по прямому проводу о расстреле четырнадцати осужденных за убийство С. М. Кирова

29 декабря 1934

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 201. Л. 71]

Сразу после этого Агранов из Ленинграда по прямому проводу сообщил, что приговор приведен в исполнение. 30 декабря 1934 года об этом было напечатано в газете «Правда». Тогда Каменев и узнал о случившемся. Однако к нему с допросами следователи не торопились.

С 3 по 7 января 1935 года следователям удалось «раздобыть» развернутые показания у Бакаева. Он подтверждал, что бывшие зиновьевцы ведут антисоветскую деятельность, представляют собой контрреволюционную организацию, имеют руководящий центр. При этом никаких конкретных фактов антисоветской деятельности он не

приводил. Но именно эти показания дали возможность получить от других обвиняемых формальные признания своей виновности.

Следующий допрос у Каменева был только 9 января. На все вопросы Лев Борисович повторил все то, что изложил в записке Агранову^[442]. Однако в этот раз, под давлением, он не просто рассказал о том, что после XV съезда зиновьевская группа надеялась со временем вернуть свое влияние на политику. Он заявил:

– Так как мы скрывали от партии это наше убеждение в правильности своей линии и эти свои надежды на возврат к руководству, то это поведение я признаю двурушническим и глубоко враждебным интересам партии.

При этом Каменев уверял, что после возвращения из ссылки он «ни словом, ни делом не отклонился от того, что писал из Минусинска в ЦК», что писал в своих статьях в «Правде», что говорил на XVII съезде, потому что все это выражало его подлинное убеждение.

Экз. № 1

63

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
РАССЕКРЕТИТЬ

66

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП (большевиков)

товарищу И.В. СТАЛИНУ.

9-го марта с.г. Внездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, под моим председательством, рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида НИКОЛАЕВА - Милыды ДРАУЛЕ, Ольги ДРАУЛЕ и Романа КУЛИШЕРА.

На судебном следствии подсудимые полностью подтвердили правдивость всего изложенного в обвинительном заключении и, помимо того, Милыда ДРАУЛЕ на мой вопрос о том, какую она преследовала цель, добиваясь получения для себя пропуска на собрание партактива Ленинграда 1-го декабря п.г., где должен был делать доклад тов. С.М. КИРОВ, - ответила, что она "хотела помочь" Леониду НИКОЛАЕВУ, при чем на вопрос, за чем должна была заключаться эта помощь - заявила: "там было-си видно по обстоятельствам".

Таким образом, устанавливается, что Милыда ДРАУЛЕ, не только участвовала в подготовке террористического акта Леонидом НИКОЛАЕВЫМ, но и предлагала активно ему помочь в самом выполнении терракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания - расстрелу.

В ночь на 10-ое марта приговор приведен в исполнение.

Прошу указать, нужно ли дать в прессу краткое сообщение о приговоре.

Приложения: копия приговора.

18

В. УЛЬРИХ.

" 11 " марта 1935 г.
г. Москва.
Отп. 2 экз.
АВ.

Соб. Шенот Ульрих 18/35

Докладная записка В. Ульриха И. В. Сталину о соучастии М. Драуле, О. Драуле и Р. Кулишера в убийстве С. М. Кирова и их расстреле
11 марта 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 63]

Что именно заставило Каменева так оговорить себя, остается загадкой. Но это признание о двурушничестве, глубоко враждебном поведении сделало свое дело.

На следующий день, 10 января, Каменева допрашивали Миронов и Люшков. Они требовали, чтобы Каменев признал существование подпольной контрреволюционной организации. Приводили показания уже расстрелянных осужденных. А главное, указывали на то, что

Зиновьев во всем сознался и все обвинения подтверждает. На самом деле Зиновьев таких показаний не давал.

Этот допрос стал переломным. Без физического давления, а только путем уговора, обмана и призыва вспомнить о «партийном долге» представители НКВД «вытащили» из Каменева признательные показания. Мало того, Каменев сам поверил в свою политическую и моральную ответственность за смерть Кирова. В отличие от предыдущих допросов, все ответы Каменева были достаточно краткими, хотя сам допрос получился долгим и нудным.

Люшков сообщил Каменеву:

– Показаниями Евдокимова, Бакаева, Шарова, Федорова и других устанавливается, что возвращение зиновьевцев в партию после XV съезда ВКП(б) носило двурушнический характер и что одновременно с возвращением в партию была создана подпольная организация зиновьевцев, деятельность которой была направлена против существующего партийного руководства и Советского правительства. Изложенное подтверждается также показаниями Зиновьева. Подтверждаете ли Вы это?

– Подтверждаю, – тихо сказал Каменев.

– Признаете ли Вы, что созданная после XV съезда ВКП(б) организация зиновьевцев является контрреволюционной?

– Да, признаю, – еще тише ответил Каменев.

Люшков зачитывал обвинения дальше:

– Показаниями ряда перечисленных выше лиц, следствием установлено, что контрреволюционной организацией зиновьевцев после XV съезда ВКП(б) руководил московский центр, в состав которого входили и Вы. Подтверждаете ли Вы наличие московского центра и свою принадлежность к нему? Назовите всех участников центра.

И тут Каменев не смог сдержаться:

– Я не знаю никакого оформленного центра организации, а знаю ряд лиц, которые встречались и совещались по текущим политическим вопросам. Все они входили в названную выше организацию бывшей зиновьевской оппозиции. Это были Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Шаров.

– По данным следствия, контрреволюционная организация зиновьевцев, в частности, ее московский центр существовал до последнего времени. Подтверждаете ли Вы это?

– Этого я подтвердить не могу! – жестко отвечал Каменев. – Во всяком случае, мои сведения о существовании указанной выше группы, руководившей организацией бывших участников зиновьевской оппозиции, кончаются серединой 1930 года. Я лично был за прекращение борьбы с партией.

– Следствием установлено, что организация существовала до последнего времени. Следствие предлагает Вам дать правдивый ответ на этот вопрос.

Каменев настаивал на своем, хотя уже и сам сомневался в своих словах:

– Я исхожу при этом из того, что мне неизвестны какие-либо собрания организации или указанного выше центра со второй половины 1930 года. Мне неизвестны также решения, которые принимались бы указанной выше руководящей группой лиц, неизвестны никакие действия, которые были бы продиктованы этим центром после этого времени.

– Вы считали, что сохранение какой бы то ни было организации являлось прямым вредом для партии, и поэтому Вы стояли за прекращение борьбы с партией. Приняли ли Вы меры и какие именно как один из организаторов и руководителей контрреволюционной организации зиновьевцев к ликвидации этой организации?

– Я признаю свою вину в том, что не предпринял никаких шагов внутри самой организации для того, чтобы ликвидировать ее существование. Я считал, что мое личное поведение – отстранение от организации, статьи в партийной прессе, достаточно свидетельствует о прекращении мною борьбы с партией, и считал, что эти факты должны воздействовать на моих единомышленников в смысле прекращения их борьбы.

– Признаете ли Вы, что Вам было известно о существовании организации зиновьевцев в Ленинграде, которой руководил московский центр, и о лицах, возглавлявших ленинградскую организацию?

Каменев уже сам запутался, существовала ли организация в 1930-е годы или просто он ничего о ней не знал:

– Признаю, что мне было известно о существовании нелегальной организации зиновьевцев в Ленинграде после XV съезда ВКП(б). О существовании этой организации я знал до первой половины 1930 года. Продолжала ли она существовать после этого времени, я не знаю.

Каменев не отрицал, что встречался с бывшими оппозиционерами, однако утверждал, что не вел с ними никаких общих политических дел с середины 1930 года.

Люшков настаивал на том, чтобы Каменев признался во влиянии московского центра на деятельность ленинградских зиновьевцев:

– Расскажите следствию все, что Вам известно о систематической связи московского центра с организацией зиновьевцев в Ленинграде. Назовите конкретные факты поездки представителей «Московского центра» в Ленинград, и наоборот.

– Мне абсолютно ничего об этом неизвестно^[443], – такой фразой Каменев завершил свой допрос, который должен был быть для него последним перед судом. Однако это оказалось не так.

13 января был составлен первоначальный вариант обвинительного заключения. В нем указывалось, что Зиновьев и Каменев виновными себя не признали, Куклин и Гертик отрицали свое участие в «Московском центре», а Перимов и Гессен признали лишь свою связь с

другими обвиняемыми. Такие результаты Сталина не устраивали. В связи с этим, несмотря на объявленное окончание следствия, 14 января допросы продолжились.

В тот же день за признательными показаниями пришли и к Каменеву. И если на всех предыдущих допросах он говорил об оппозиционной деятельности до середины 1930 года, то теперь указывал, что «центр» в составе Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Шарова, Куклина продолжал свою деятельность до 1932 года, хотя ничего этого на самом деле не было:

– Я полагаю, что в это время все члены зиновьевской группы считали своей обязанностью делиться с указанным выше центром всеми теми сведениями и впечатлениями, которые у них имелись по их служебному положению.

Говоря об этом, Каменев подчеркивал, что никакой активной деятельности зиновьевская группа уже не вела. Но Каменеву в ответ на это показали обвинительное заключение по делу «Ленинградского центра». Он был поражен и раздавлен. Тогда ему и в голову не могло прийти, что это все ложь. Ему ничего не оставалось, как признать свое негативное влияние на бывших оппозиционеров-ленинградцев:

– Перед лицом этих последствий моих действий я признаю свое поведение не только в период с 1925 по 1932 год, но и в 1933–1934 годах преступным перед партией, страной и пролетарской революцией.

Удалось получить признательные показания теми же методами и у Зиновьева. Несмотря на то что ни один не признался в участии в организации убийства Кирова, следователям пока хватило и того, что они признали свою «политическую ответственность» за этот террористический акт. После дополнительных допросов обвинительное заключение было переделано, но дата оставалась прежней – 13 января.

Глава 20

Судебный процесс по делу «Московского центра»

15 января 1935

15 января 1935 года в 11 часов 10 минут в Ленинграде начался суд. Ни прокурора, ни защитников. Только обвиняемые, председатель Ульрих, два члена суда, Матулевич и Горячев, и секретарь А. А. Батнер. Вот такая действительность, последствие постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года. На скамье подсудимых находилось 19 человек:

Григорий Евсеевич Зиновьев, Григорий Еремеевич Евдокимов, Артем Моисеевич Гертик, Иван Петрович Бакаев, Лев Борисович Каменев, Александр Сергеевич Куклин, Яков Васильевич Шаров, Борис Львович Браво, Сергей Михайлович Гессен, Борис Наумович Сахов, Иван Иванович Тарасов, Леонид Яковлевич Файвилович, Александр Владимирович Герцберг, Иван Степанович Горшенин, Анатолий Исаевич Анишев, Николай Алексеевич Царьков, Александр Фабианович Башкиров, Алексей Викторович Перимов и Григорий Федорович Федоров. Их обвиняли в подстрекательстве к совершению террористических актов и участия в контрреволюционной организации.

Председатель Ульрих начал слушание:

- Объявляется заседание Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР открытым. Слушается дело Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и других в числе 19 человек обвиняемых в преступлениях, предусмотренных статьями 17, 58-8, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Товарищ секретарь, все подсудимые налицо?

ОТ ПРОКУРАТУРЫ ССРЗА ССР .

При производстве расследования по делу БАКАЕВА И.П., ГЕРТИК А.М., КУЖИЛИНА А.С. и других, привлеченных к ответственности в связи с раскрытием в гор. Ленинграде подпольной контр-революционной группы, подготовившей и осуществившей убийство тов. С.М. КИРОВА, были получены новые данные в отношении подпольной контр-революционной деятельности ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф., дела о которых первоначально были направлены на рассмотрение Особого Сопещения НКВД.

В виду этих данных и, в частности, показаний БАКАЕВА И.П., разоблачающих участие ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф. в подпольном контр-революционном "московском центре" и САФАРОВА Г.И., сообщившего следствию ряд фактов о подпольной контр-революционной деятельности указанных выше лиц вплоть до последнего времени, дело по обвинению ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., КАМЕНЕВА Л.Б. и ФЕДОРОВА Г.Ф. передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Одновременно с указанными выше лицами преданы суду Военной коллегии Верховного суда СССР: БАКАЕВ И.П., ГЕРТИК А.М., КУЖИЛИНА А.С., ГОРШЕНИН И.С., ТАРАСОВ И.И., ЦАРЬКОВ Н.А., БРАВО В.Л., ШАРОВ Я.В., ФАРИМОВИЧ Л.Я., ГЕРЦБЕРГ А.В., ГЕССЕН С.М., САХОВ В.Н., ВАШКИРОВ А.Ф., ПЕРИМОВ А.В. и АНИЩЕВ А.И.

26 Военная коллегия Верховного суда Союза ССР под председательством тов. УЛЬЯНКА В.В. и членов Г.Т. МАДУЛЕВИЧ И.О. и ГОРЮНОВА А.Д. 15 января с.г. приступила к рассмотрению этого дела.

Верховный суд СССР. Состав Военной коллегии Верховного суда СССР: Председатель Г. Ульях В.В. членов Г.Т. Мадулевич И.О. и Горюнов А.Д.

Опубликовано
"Правда" №16(6262). 16. I. 1935 г.

Сообщение Прокуратуры СССР о начале судебного процесса по делу «Московского центра», опубликованное в газете «Правда»

15 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 104]

Получ. 15.1-35 г.

РАССЕКРЕЧЕНО

Сов. секретно.

250

105

ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.

из Ленинграда.

МОСКВА, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ - тов. ЯГОДА.

Спецсообщение № 1.

О начале судебного процесса по делу ЗИНОВЬЕВА, ЕВТЮКИМОВА, БАКАЕВА, КАМЕНЕВА и других.

В 11 час. 30 мин. открылось судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР. Председатель т. УЛЬРИХ приступил к опросу подсудимых.

ЗАМ НАРКОМА - АГРАНОВ.

В е р н о:

15.1.35

Записка Я. С. Агранова Г. Г. Ягоде по прямому проводу из Ленинграда о начале судебного процесса по делу «Московского центра»

15 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 105]

Секретарь Батнер ответил:

– Так точно, все 19 налицо^[444].

Далее Ульрих провел перекличку подсудимых, задав вопрос – получил ли каждый из подсудимых копию обвинительного заключения. Когда очередь дошла до Каменева, он сухо ответил: «Да».

После этого секретарь зачитал обвинительное заключение. Описывая все случаи контрреволюционной работы, Батнер приводил цитаты из допросов обвиняемых: «мы стали конденсаторами контрреволюционной злобы и ненависти остатков эксплуататорских классов», «выстрел Николаева явился следствием его пребывания и воспитания в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации», «партия совершенно права в том, что она говорит по вопросу о политической ответственности бывшей антипартийной “зиновьевской” группы за совершившееся убийство», и остальное в том

же духе. Все слушали обвинение в полной тишине, узнавая или не узнавая свои слова на допросах.

А секретарь продолжал:

– Следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявить членам «Московского центра» прямое обвинение в том, чтобы они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против товарища Кирова. Но вся обстановка и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного «Московского центра» доказывают, что они знали о террористических настроениях членов этой группы и разжигали эти настроения^[445].

Каменева трясло при зачитывании обвинения. Но не от страха, нет, а от осознания того, что вся его партийная деятельность, вся его работа за 10 лет, все, чем он жил и во что искренне верил, привели к смерти Кирова. Казалось, он не слышал, что его обвиняют в руководстве контрреволюционной организацией «Московский центр», которой на самом деле не существовало. Он думал только о гибели Кирова. Оказывается, вот к чему пришли его товарищи по оппозиции – к террору как решению проблем. И Каменева не интересовала его дальнейшая судьба. Он просто был раздавлен. После всех сказанных слов он был готов к любому приговору.

А Батнер продолжал:

– Бакаев, Горшенин, Федоров, Евдокимов, Шаров, Куклин, Гертик признали свое участие в «Московском центре». Гессен, Перимов, Браво, Герцберг, Файвилович, Сахов признали свое участие в контрреволюционной зиновьевской группе. Царьков, Анишев, Башкиров, Тарасов признали свое участие в ленинградской подпольной контрреволюционной зиновьевской группе. Каменев...

При этих словах Каменев вздрогнул.

– ...виновным себя признал, подтвердив, что до 1932 года принимал участие в подпольной контрреволюционной деятельности, входил в «Московский центр» и что не порвал окончательно с Зиновьевым своих связей лишь благодаря ряду бытовых условий. Признал, что «недостаточно активно и энергично боролся с тем разложением, которое было последствием борьбы с партией и на почве которого могла возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов из подонков бывшей антипартийной организации...»^[446]

«Да, все так, – подумал Каменев, – я виновен, виновен в смерти Кирова».

– Зиновьев, – продолжал секретарь, – виновным себя не признал.

Каменев вздрогнул второй раз.

– Вследствие изложенного и в соответствии с постановлениями ЦИК СССР от 10 июля и 1 декабря 1934 года, вышеназванные лица подлежат суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Обвинительное заключение составлено в городе Ленинграде 13 января 1935 года^[447].

Ульрих сразу после этого задал Зиновьеву вопрос:

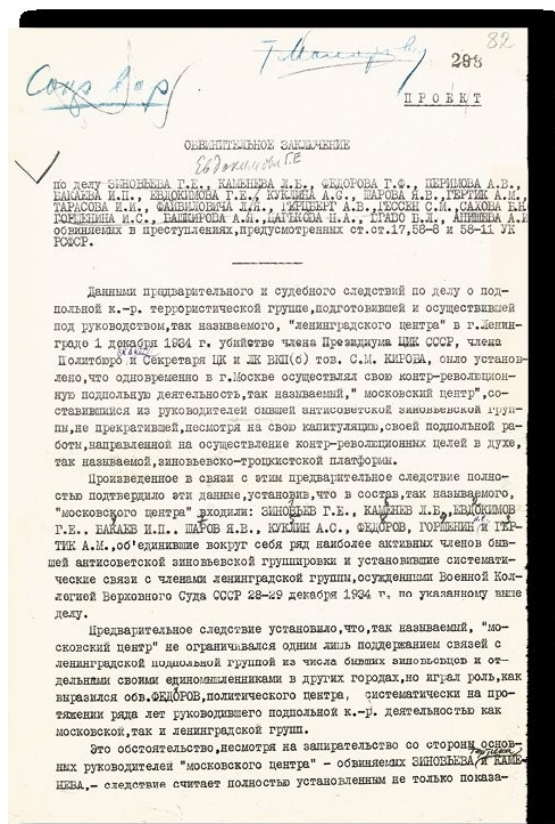
- Подсудимый Зиновьев, признаете ли Вы себя виновным, что в течение ряда лет, вплоть до декабря 1934 года, состояли руководителем подпольной контрреволюционной организации?

- Я признаю себя виновным, - ответил Зиновьев, - и надеюсь, что буду в будущем иметь возможность дать объяснения. Разрешите еще два слова по поводу того, что в конце обвинительного акта говорится, что я не признал себя виновным. Я следствию в заявлении 13 января рассказывал о своей вине.

- Заявление у нас имеется, мы с ним ознакомились, - сказал Ульрих.

- Я хотел бы просить его зачитать.

- Во время судебного следствия.

Зиновьев, Ефремов, Тертик, Бакаев,
Кукин, Каменев, Маров, Седоров, Горюнов,
Перимов, Маров, Царев, Студт, Тертик,
Тесен, Садов, Рабинвич, Царев, Студт,
Ашинева

15. АНШЕВ Анатолий Иванович, 1898 г.р., служащий, быв. член ВКП(б) исключавшийся в 1927г. за фракционную деятельность, но восстановленный в 1928г. в связи с его заявлением о полной солидарности с политикой партии и Советской власти;

16. ЦАРКОВ Николай Алексеевич, 1908г.р., служащий, быв. член ВКП(б) исключавшийся из партии за фракционную деятельность, но восстановленный в 1929г. по тем же мотивам;

17. БАШКИРОВ Александр Феофанович, 1903 г.р., студент Электротехнического ин-та, б. член ВКП(б), исключавшийся за фракционную деятельность в 1927г., но восстановленный в 1928г. по тем же мотивам;

18. ПЕРИЛОВ Алексей Викторович, 1897 г.р., служащий, исключенный из ВКП(б) в 1928г., но восстановленный в том же году по тем же мотивам;

19. ФЕДОРОВ Григорий Федорович, 1891 г.р., служащий, исключенный из ВКП(б) в 1927г. за фракционную деятельность, но восстановленный в 1928г. по тем же мотивам, - все б. члены ВКП(б) -

в том, что являлись участниками/подпольной контр-революционной группы, образовавшейся в Москве и Ленинграде из числа бывших участников зиновьевской антисоветской группы, и принимали активное участие в контр-революционной подпольной деятельности этих групп, Приведен к убою 1 декабря 1934 г. члена Президиума ЦК СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Секретаря ЦК и ЦК ВКП(б) тов. С.М. КИРОВА.

Кроме того, ЗИНОВЬЕВ Г.Б., КАМЕНЕВ Л.Б., ЕВДОКИМОВ Г.Е., БАКАЕВ И.П., ГЕРТИК А.И., КУЖИН А.С., ЦАРОВ Я.В., ФЕДОРОВ и ГОРШЕНИН - в том, что, входя в указанную выше подпольную к.-р. группу, являлись членами "московского центра" этой группы, руководившей деятельностью как московской, так и ленинградской подпольных к.-р. групп, - т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлениями Центрального Исполнительного Комитета СССР от 10 июля и 1 декабря 1934 года, вышеуказанные лица подлежат суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Обвинительное заключение составлено в гор. Ленинграде "13" января 1935 года. -

ЗАМ. ПРОКУРОРА ССР

(А. Вышинский)

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
НПР ПРОКУРОРА ССР

(Л. Шенкин)

"УТВЕРЖДАЮ" - ПРОКУРОР ССР

(И. Акулов)

*Проект обвинительного заключения по делу «Московского центра»
Не позднее 15 января 1935
Правка И. В. Сталина
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 82-89]*

Забегая вперед, скажем, что позже обвинительное заключение будет переписано. Про Зиновьева будет указано, что он признал свою вину.

Далее Ульрих поочередно задал каждому всего один вопрос:

- Признаете ли Вы себя виновным, что состояли членом «Московского центра» контрреволюционной организации?

Каждый стоя ответил согласием: «Признаю».

Председатель огласил порядок допроса на суде. Каменев шел одиннадцатым, сразу после Зиновьева.

Начались допросы. Первым был Евдокимов. Все вопросы, задаваемые на суде, перекликались с теми, что уже задавались на допросах, и вели к убийству Кирова. По сути, весь допрос сводился к нескольким вопросам: существовала ли контрреволюционная организация, руководилась ли она «Московским центром», давал ли

этот «центр» установки своим единомышленникам, привела ли деятельность «Московского центра» к убийству Кирова.

Каменев слушал показания всех очень внимательно, его продолжало лихорадить, и ему очень хотелось курить. Оглядывая зал суда, подсудимых, Каменев думал, что все происходящее правильно, они виновны в смерти Кирова.

Выступление Анишева его очень сильно удивило. Все, что тот говорил, вызывало у Каменева изумление. «Первый раз это слышу, – думал Каменев. – Неужели это правда? Анишев... Кто это? Он хотел, чтобы я и Зиновьев были у руководства партии? Впервые его вижу и слышу. Они занимались травлей Кирова. Он говорит, что вся наша деятельность должна была повлечь за собой террористический акт. К сожалению, она к этому и привела».

На допрос был вызван Горшенин. Каменев продолжал внимательно слушать, комментируя про себя все его слова:

«Что говорит Горшенин? Какая тактика? Не было ее, я искренне выступал на 17 съезде. Никакими сведениями он меня не снабжал. Все это вздор»^[448].

И тут Горшенин заявил, что его удивляет позиция, занятая на следствии Каменевым, который в течение всего времени, по его словам, являлся активным членом центра организации.

– Мне совершенно точно известно, что до 1932 года на квартире Каменева происходили совещания членов центра, происходили встречи членов центра с Каменевым – и довольно часто... А в 1933–1934 годах Каменев только из-за осторожности ни с кем не встречался.

Но вот на допрос вызвали Зиновьева. Слушая и разглядывая его, Каменев думал: «Как ты жалок, Гриша... Как мы все мучительно беспомощны. Никто не может найти ни одного слова, ни одного звука в свое оправдание. Интересно, он скажет, какую литературу читал последние годы? Что он предлагал мне на даче? Про планы Троцкого? Не сказал... А должен был сказать. Какую чушь ты несешь, Григорий... Как же была права Татьяна. Таня, как ты была права».

Вместе с этим Каменев чувствовал стыд: «Я ведь клялся Ленину, клялся служить его заветам... а теперь что?»

Из раздумий его выдернул голос Ульриха:

– Подсудимый Каменев, что Вы можете сказать по предъявленному Вам обвинению?^[449]

Каменев встал. Его трясло, но он решил, что должен собраться с духом и сказать все, что его съедало изнутри. «Я скажу все, что думаю и чувствую, мне нужно выговориться, а там будь что будет», – размышлял Каменев.

И севшим, но вполне уверенным голосом он начал:

– Я не хотел бы занимать суд длинными декларациями, для которых теперь не время и не место. Я поэтому начну с заявления, что я целиком и полностью, до последней формулировки присоединяюсь к

тому анализу деятельности контрреволюционной группы, к которой я принадлежу. На одной стадии я принимал обширное участие, на другой стадии – менее обширное, последние два года – очень слабое участие. Я не хочу ослабить свою вину. Да, я не знал о том, что был «Московский центр». Но что же из того? Ведь он был, – это доказано. Дожив до 50 и больше лет, пережив три революции, 8-й раз сидя в заключении, я умудрился ослепнуть до того, что не видел этого политического центра, которому я сам активно содействовал и действием, и бездействием... Я не знал о связи между Москвой и Ленинградом. Но я должен был знать!.. Нас считали дипломатами, которые служили целый ряд лет проводниками рабочего класса, но дураками нас как будто еще никто не считал, а выходит, мы больше десяти лет служили контрреволюции. Это значит заменить одиночку только сумасшедшим домом от слабоумия... Я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда жил тем, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, в 1932 году я понял, что у нас нет никаких шансов, нет никаких условий. Я поставил свою личную ставку на другое – на путь вхождения в партию. Я здесь совершил величайшую ошибку, потому что преступления вытекают из моего прошлого с 1925 по 1932 год...

Далее Каменев выражал восхищение, и это без преувеличения, политикой индустриализации и коллективизации, называя их «величайшими процессами», которые осуществились под руководством Сталина. Он говорил о том, что действительно в 1932 году отошел от оппозиции, «когда я увидел, что политической идеи нет, что люди не знают, чего хотят». И он был в этом искренним.

И тут вдруг Каменев перешел к Зиновьеву:

– Я с трепетом слушал речь Зиновьева. Я ждал, вынудит ли он меня своим поведением или нет, но он меня все-таки вынудил. Я должен сказать...

Каменев повернулся к Зиновьеву:

– Зачем же Вы, Зиновьев, раз Вы действительно все подводите до конца, зачем Вы не сказали, чем Вы упивались, какой литературой упивались в самые последние дни наших свиданий? Почему Вы не сказали, как Вы воспринимали и как Вы оценивали, какой вывод политический делали из того, что Вас вывели из «Большевика»? Ведь это имело значение для характеристики Ваших настроений уже в самые последние моменты... в августе – ноябре 1934?

Каменев припомнил ему, как вывод Зиновьева из журнала «Большевик» тот оценивал как личную диктатуру Сталина и его личный произвол. Как Зиновьев получил доступ к троцкистской литературе и с упоением рассказывал об антипартийных планах Троцкого.

За эти слова Зиновьев оправдывается в своем последнем слове:

– Я делился своей точкой зрения, – говорил Зиновьев о своих рассуждениях о планах Троцкого, – наши разговоры носили характер почти размышления вслух^[450].

В итоге допроса Каменев жестко сказал:

– Я говорил 17 съезду о том, что хочу сбросить ослиную шкуру. Это были вы – ленинградцы, соглашение с которыми было действительно самым проклятым днем в моей жизни, и которое я потом тянул по малодушию и по инерции. На мне лежит проклятье не только трупа товарища Кирова, но и того, что эти товарищи, – Каменев указал на всех подсудимых, – здесь сидят.

Каменев устал, поэтому решил закончить свою речь. Все, что думал, он сказал.

Далее были бесконечные допросы. Плавню 15 января перетекло в 16-е.

Наконец Ульрих предложил приступить к последним словам подсудимых:

– У меня есть такая просьба: не прибегать к тем уже изложенным словам и предложениям, чтобы не затягивать судебное заседание. Последнее слово будем слушать в том же порядке, как и допрос.

Каменев с последним словом выступал после Зиновьева. Ему дали на это 10 минут^[451]:

– Товарищи, никакая речь сейчас, конечно, не изменит ничего в прошлом, и, я полагаю, никакая речь не может ничего изменить и для будущего. Но я бы хотел когда-нибудь, в последний час, иметь право не иметь тайн от партии. Мне хотелось и хочется сейчас иметь чувство, что вот все, что больше ничего нет. Весь навоз выкинут!

Каменев вновь и вновь признавал себя ответственным за то, что превратил группу людей из бывшей зиновьевской оппозиции «в жалкую прогнившую до конца грязь».

– Насколько глубоко зашло моральное разложение. И эти люди, – говорил Каменев, – считали меня своим руководителем до последнего момента. Они считали, что я их единомышленник. Я в камере имею перед собой доклад товарища Куйбышева об итогах... С одной стороны, у меня в камере лежит обвинительный акт по делу контрреволюционной группы Зиновьева и Каменева, с другой – этот отчет, которым подведен итог десятилетней работы партии. Таков первый, общий, теоретический итог, а второй практический – труп Сергея Мироновича Кирова...

Нервы Каменева были на пределе. Голос его дрожал, но он продолжал говорить:

– Когда мы, люди, которые имеют седые головы, начинали учиться и учить социализму, мы знали великое учение Маркса. Это была теоретическая подготовка. Потом пришел Ленин, и эта теоретическая подготовка воплотилась в жизнь. Потом, когда время... время сняло Ленина, его сменил Сталин, который продолжает дело...

Дальше Каменев продолжил анализировать свою деятельность за последние 10 лет. Эмоции захлестывали его. Пару раз он сорвался на слезы, говоря, что фактически стал руководителем бандитской контрреволюционной группы и бесславно закончил свой путь.

Несмотря на пафосные речи, Каменева нельзя заподозрить в неискренности. Слишком сильно ударила по нему смерть Кирова. И его убедили, что именно он виноват в ней. Сидя в камере, анализируя все материалы следствия, которыми его снабжали, он сломался психологически. Как бодро он отрицал на первых допросах свое участие в контрреволюционной организации, и как в последнем слове, душимый слезами, признавал свою вину в руководстве несуществующим «Московским центром» и гибели Кирова.

После всех высказанных последних слов суд удалился на совещание. Вернувшись, председатель огласил приговор. Он не сильно отличался от обвинительного заключения. Ульрих зачитал, что все подсудимые по данному делу полностью признали свою вину, а Военная коллегия признала их виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 17, 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Каждый из них, по решению суда, был либо руководителем, либо активным участником так называемого «Московского центра». Руководствуясь постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила: Зиновьева, Гертника, Куклина, Сахова к 10 годам тюремного заключения; Шарова, Евдокимова, Бакаева, Горшенина, Царькова – к 8 годам; Федорова, Герцберга, Гессена, Тарасова, Перимова, Анишева, Файвиловича – к 6 годам; Башкирова, Браво – к 5 годам. И, наконец, Каменева Льва Борисовича, «являвшегося одним из руководящих членов “Московского центра”, но в последнее время не принимавшего в его деятельности активного участия», к тюремному заключению на 5 лет^[452].

Заканчивая приговор, Ульрих огласил:

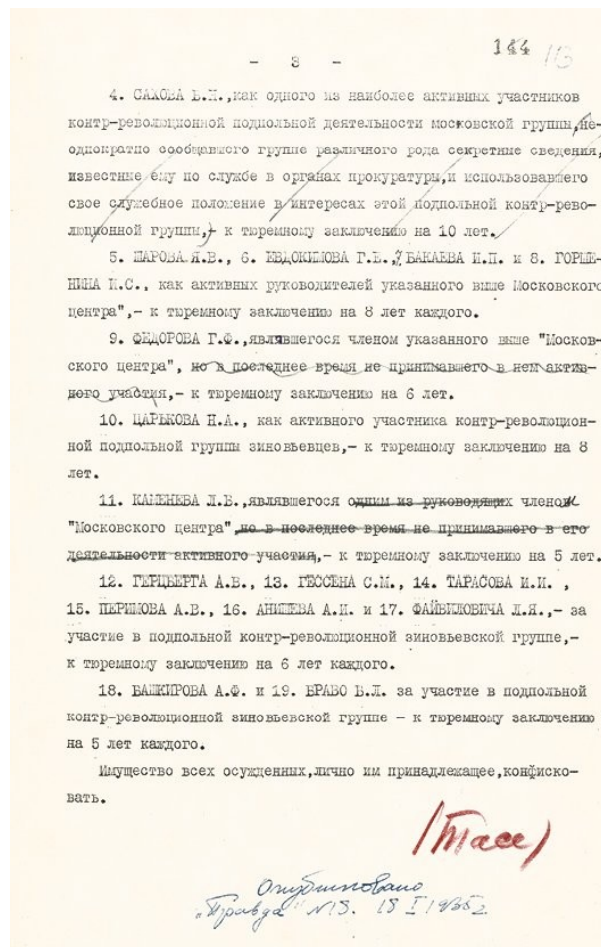
– Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, конфисковать. В срок отбывания наказания зачесть осужденным предварительное заключение. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

О ПРИЧИНЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР
ПО ДЕЛУ ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., ГЕРТИКА А.М. и др.

15-16 января с.г. в г. Ленинграде Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР, под председательством В.В. УЛЬРИХ, в составе членов Коллегии И.О. МАТУШЕВИЧА и А.Д. ГОРЯЧЕВА, рассмотрела дело по обвинению ЗИНОВЬЕВА Г.Е., ЕВДОКИМОВА Г.Е., ГЕРТИКА А.М., БАКАЕВА И.П., КУЗЬМИНА А.С., КАМЕНЕВА Л.В., ШАРОВА Я.В., ФЕДОРОВА Г.Ф., ГОРШЕНИНА И.С., ШЕРШОВА А.В., ТАРАССОВА И.И., ФАБИАНОВИЧА Л.Я., ГЕРШБЕРГА А.В., ГИССЕН С.М., САХОВА В.Н., БАШКИРОВА А.Ф., ЦАРЬКОВА Н.А., БРАВО В.Д. и АНДРЕЕВА А.И., в преступлениях предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Данными судебного следствия и признаниями самих обвиняемых было установлено существование ^{до 1934} вплоть до последнего времени подпольной контр-революционной группы, образовавшейся из числа участников антисоветской зиновьевской оппозиции, во главе с т.н. "Московским центром", в который входили ЗИНОВЬЕВ Г.Е., ШАРОВ Я.В., КУЗЬМИН А.С., ЕВДОКИМОВ Г.Е., ГЕРТИК А.М., БАКАЕВ И.П., КАМЕНЕВ Л.В., ФЕДОРОВ Г.Ф. и ГОРШЕНИН И.С.

Суд установил, что под руководством т.н. "Московского центра" действовала и подпольная контр-революционная ленинградская группа, во главе с, так называемым, "Ленинградским центром", главные участники которого осуждены Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 28-29 декабря 1934 года по делу об убийстве 1 декабря 1934 года в гор. Ленинграде члена Президиума ЦИК Союза ССР, члена Политбюро и Секретаря ЦК и ЛК ВКП(б) тов. С.М. КИРОВА.

Сообщение ТАСС о приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР по делу «Московского центра»

18 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 111-113]

Стоит сказать, что приговор с указанием мер наказания Ульрих уже имел на руках до начала судебного заседания. Не располагая никакими фактами, упирая на долг перед партией и цель ее укрепления, от подсудимых требовали выступить с саморазоблачением, признать антисоветскую деятельность всех участников бывшей зиновьевской оппозиции и моральную ответственность за действия Николаева. Это удалось. Все речи обвиняемых – просто покаяния. Не только Каменев поверил в свою вину.

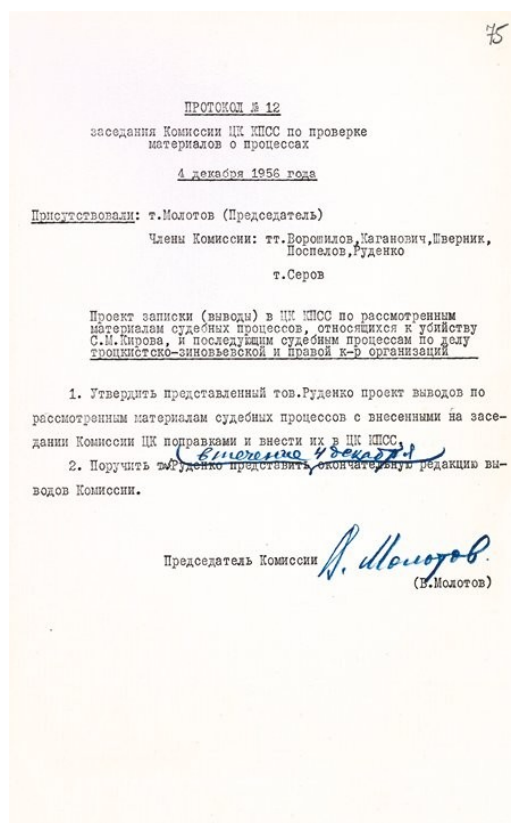
Как и суд над «Ленинградским центром», это заседание было закрытым. По ходу заседания Сталин получал сообщения от Ягоды о том, как проходит суд, что говорят, как воспринимают. Ягода, в свою очередь, получал их от Агранова по прямому проводу: «Спецсообщение № 1. О начале судебного процесса по делу Зиновьева, Евдокимова,

Бакаева, Каменева и других... Председатель товарищ Ульрих приступил к опросу подсудимых»^[453]. Всего насчитывается 22 подобных сообщения.

15 января 1935 года Агранов отправил 7 таких спецсообщений, еще 7 – 16 января и 8 – 17 января. Последние слова подсудимых были переданы полностью.

Полученные сведения по распоряжению Сталина тут же направлялись членам и кандидатам в члены Политбюро: Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинин, Косиору, Куйбышеву, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутaku, Сталину, Чубарю^[454].

16 января 1935 года Особое совещание при наркоме внутренних дел СССР рассмотрело еще одно уголовное дело против самого мифического центра – «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы». По нему проходили 77 человек. Все они были приговорены к разным срокам тюрьмы и ссылки ^[455].

ВЫВОДЫ

1. Николаев был убийца-одиночка, враждебно настроенный против партии, против Советского государства.

2. Бридически не доказано, что в 1934 году существовал "Ленинградский центр" в лице Котельнова, Звездова, Сосяцкого, Левина, Румянцева и других, которые подготовили и осуществили убийство С.М.Кирова. В Ленинграде существовали остатки бывшей зиновьевской группы, были отдельные встречи, разговоры, недовольство Сталиным, недовольство тем, что Зиновьев и Каменев исключены из руководства. Не доказано, что Николаев тогда-либо принадлежал к зиновьянцам. С указанными людьми тогда-то случайно встречался по комсомолу.

3. Искать убийц среди зинovieвцев, привлечь их к уголовной ответственности - это было указание Сталина. Процесс над "ленинградским центром", а затем процесс над Сафаровым, Задлуким и другими в январе 1936 года были проведены с грубейшими нарушениями юридических законов. На этих процессах не доказана причастность зинovieвцев к убийству С.М.Кирова. Все они признавали лишь свою морально-политическую ответственность. *Их оправдание было бы истинно и справедливо.*

Эти процессы, можно думать, нужны были для того, чтобы подорвать в главных политических противниках — Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и другим, — своего рода мостики. Первый процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими проходил после того, как было «явлено в газетах, что Николаев, Катылинов, Румянцев, Звездов, Соколий и другие участники "ленинградского центра" были расстреляны. Зиновьев и Каменев в это время были арестованы и сидели в тюрьме. Узнав из газет, что бывшие зинovieвцы убили Кирова, Зиновьев, таким образом припечет этим фальсифицированным фактом, признал свою морально-политическую ответственность за убийство Кирова.

1. Обжалована к 1934 году.

2. Удильце тунг. Зубчатый крест на ошей.
Удильце. Носовиде сина для крестов от. Зубчатый,
до с. крестовидно
3. Крест крестовидно носовид.

3. Ein Kunstwerk zu machen

Протокол № 12 заседания Комиссии ЦК КПСС по проверке материалов о троцкистско-зиновьевских судебных процессах с приложением выводов об убийстве С. М. Кирова

4 декабря 1956

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 457. Л. 75-76]

Глава 21

Жизнь в заключении

16-25 январа 1935

После судебного процесса Каменев был опустошен, чувствовал отвращение к самому себе. При этом морально он был готов к более жесткому приговору. Даже к пуле.

«Неужели это мы, – думал Каменев, – что мы сделали с собой, с людьми... Мы же просто гнилое ведро исторических отбросов революции. Каких прекрасных пролетариев мы завели в болото».

Вернувшись с судебного заседания в тюремную камеру, Каменев написал два письма: своей жене Татьяне и своему другу Максиму Горькому. Ему нужно было поделиться своими мыслями и чувствами. «Они должны знать, – подумал Каменев, – что все сказанное мной на суде является правдой».

Письмо к жене было полно раскаяния, горечи и надежды. Он описывал свое состояние на процессе: «ощущение такое, как будто тебя заставляют глотать содержимое помойного ведра, а это содержимое плоды твоей “исторической” работы. Без суда я, вероятно, никогда так живо и глубоко не ощутил бы этого... К концу у меня было такое состояние отвращения к себе, что я абсолютно спокойно принял бы приговор к расстрелу и спокойно пошел бы под пулю, которая прекратила бы это ощущение искаженной жизни своей и своих “политических” друзей».

Каменев искренне раскаивался, верил и принимал тот факт, что он вместе с Зиновьевым «завел в болото» своих однопартийцев, а последствием его «поведения за 10 лет был труп Кирова»^[456].

Жену Каменев просил не быть к нему «суровее, чем партия»: «Не лишай меня окончательно своего доверия. Не бросай меня... Для меня было бы великим счастьем знать, что и ты не окончательно отошла от меня, не отнимаешь окончательно своей руки от меня, что я могу тебе сказать не “прощай”, а “до свидания”».

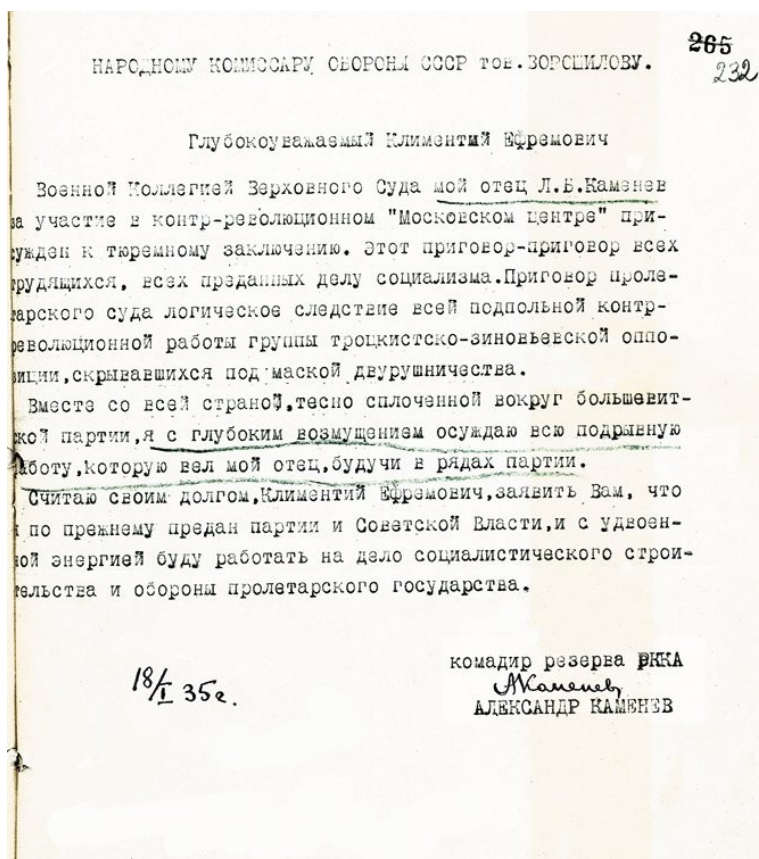
Маленькому шестилетнему сыну Волику Каменев просил все рассказать, иначе он узнает от других. Это письмо он просил показать двум сыновьям Александру и Юрию. Каменев рассчитывал на свидания с семьей. Но на следующий день его старший сын Александр отрекся от отца. Он отправил письмо наркому обороны СССР Клименту Ворошилову, в котором написал, что приговор его отцу – это «приговор всех трудящихся, всех преданных делу социализма»: «Вместе со всей страной, тесно сплоченной вокруг большевистской партии, я с глубоким возмущением осуждаю всю подрывную работу, которую вел мой отец, будучи в рядах партии»^[457].

Стоит сказать, что к тому времени из-за суда над Каменевым Александра уже сняли с должности начальника-инженера 4-го сектора спецотдела Главного управления Гражданского воздушного флота. Это письмо не спасло его. Он был не только сыном Каменева, но и племянником Троцкого. Его арестовали 5 марта 1935 года и сослали в Алма-Ату. Второй раз арестовали 17 августа 1936 года. Расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 10 мая 1937 года за создание у себя на работе диверсионно-вредительской группы «по прямым заданиям отца». Только спустя много лет удастся доказать, что ничего подобного не было.

В письме Максиму Горькому Каменев просил, чтобы тот не усомнился в правдивости и искренности его отношения к нему, в том,

что он ему говорил при встречах. Сам себя он называл «отбросом исторического процесса и революции».

«Алексей Максимович, с Вами я не фальшивил, – писал Каменев, – когда я говорил Вам о возродившемся во мне чувстве любви и уважения к Сталину и моей готовности искренно работать с ним, о том, что во мне перегорело всякое чувство обиды и раздражения, я говорил правду, говорил то, что действительно родилось во мне в последние годы – после долгой борьбы, – и говорил без всяких целей и расчетов, потому что так сложилась моя история»^[458].

Заявление А. Л. Каменева наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову с осуждением деятельности своего отца Л. Б. Каменева

18 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 232]

«Приговор свидетельствует, – продолжал он, – что партия не потеряла окончательно надежд на мое политическое оздоровление». В этом Каменев ошибался. Впереди его ждали еще два суда и то, к чему,

как он писал в письме, был готов. Расстрел. Но это позже. Сейчас его жизнь продолжалась в тюрьме.

Пока Каменев пребывал в заключении, его жена продолжала всем доказывать, что ее Лева ни в чем не виноват. За это она и поплатилась. Московская партколлегия исключила ее из партии с такой формулировкой: «За потерю революционной бдительности, защиту контрреволюционера Каменева и отстаивание его невиновности и непричастности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группе»^[459]. У нее не только отобрали партбилет, но и попросили оставить расписку о выезде из Москвы через месяц. НКВД сообщил ей, что ее высылают из Москвы с запрещением жить в Ленинграде, на Украине и в Белоруссии^[460]. Игоря, первого сына Глебовой, исключили из комсомола и института. Может быть, все бы и обошлось, но он по примеру своей матери яростно защищал Каменева. Выступив на комсомольском собрании с речью, он опроверг все обвинения в причастности Каменева к убийству Кирова. За что и поплатился^[461].

Получив письмо мужа, Татьяна была шокирована его содержанием. «Он мне лгал» – единственное, что засело у нее в голове после его прочтения.

Отойдя от шока, она написала Каменеву ответ, полный отчаяния и разочарования^[462]. Все, что случилось на процессе, все, что он написал ей в письме, она расценила как предательство. Она искренне верила, что Каменев давно вне оппозиции, давно не с Зиновьевым.

«Лева! Не такого письма ждала я от тебя, изнемогая бессонными ночами от стыда и отчаянья, – писала Глебова. – При той высокой оценке, какую ты сам же даешь моей партийной честности, я имела право рассчитывать, прежде всего, на разъяснение того, как случилось, что ты ОПЯТЬ ОКАЗАЛСЯ В РЯДАХ ЗИНОВЬЕВЦЕВ... Ведь я была уверена, что твой арест вызван надеждами, которые николаевская шайка возлагала на вас с Зиновьевым в своих грязных и преступных планах... А я-то верила тебе! Ручалась за твою искренность и честность своей партийной честью и жизнью – и кому? – партколлегии, тов. Ягоде, – самому Сталину!! Значит, я обманула всех? Ты снова предал партию? Предал также и меня – твоего верного друга и товарища?»

Обвиняя Каменева в мягкотелости, Глебова выражала недоумение его высказываниями в письме: «Ты с глубочайшим отвращением пишешь о “помойном ведре зиновьевской группы”. Но разве для тебя это НОВОСТЬ? И разве партия не давала контрреволюционной деятельности вашей группы гораздо более резкой характеристики, с которой ты не раз всенародно соглашался?»

При этом Татьяна из письма Каменева не поняла, в чем заключается его преступление: «Что же такое ты скрыл от партии, скрыл от меня? Ответа на это в твоём письме нет. Ответ на это дал суд – пятилетним тюремным заключением. Так карает советская власть только тяжких преступников».

Особенно Татьяне было обидно, что в письме он пишет только о себе, передает приветы детям. А что будет теперь с ними и с ней? Говоря о своем исключении из партии, она негодовала, закидывала его вопросами: «Ты способен хоть минуту подумать о моем горе? Ни слова тревоги, боли за наше самочувствие! А знаешь, что Игоря тоже исключили? А подумал ли ты, что пережил Волик? Ну, что ж, Лева, не довольно с тебя? Говорит все это что-нибудь твоему уму и сердцу?»

Она была очень обижена на него и, заканчивая письмо, написала, что не сможет ему простить его лжи: «Никаких театральных “прощай” и “до свидания” я говорить тебе не собираюсь. Но, так как никто кроме меня о тебе не позаботится, я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить тебе возможность полезной и планомерной работы, хотя бы пока над Пушкиным и Колоколом»^[463]. Глебова не сомневалась: Каменев сам виноват, что оказался в таком положении.

Она понимала, что ей надо как-то дальше жить и растить детей, а значит, в первую очередь следует попытаться восстановиться в партии. Но возможно ли это? Она решила попробовать. 21 января 1935 года Глебова написала письмо председателю Комиссии партийного контроля Кагановичу с просьбой оставить ее в партии.

19-08

административной (14 лет), в партаппарате (М.К. ВКП(б) - 8 года и АННО ИЛИИ - 4 года), докторской, литературной - повсюду я активно боролась за генеральную линию партии.

При моем вступлении в кандидаты партии - в 1919 году - я уже была руководителем н/о АИУТхроники ВКР, позднее - ГССЖИ, где в 1921 году мне пришлось выдержать большую борьбу за его сударствование Кав-дела и монополию госпроката. Мой тезис по буржуазности кинопромышленности был - как сказал кто-то, Красин - положен в основу работы его комиссии, о чем, вероятно, помнит еще т. Маншев. (В Привде тогда были мои статьи по этому вопросу). В этой работе мне пришлось преодолевать даже сопротивление чести госпрокатных партийцев, заключавшая в открытую травлю меня, которой положило конец только вмешательство Красн. Район. Контрольной Комиссии, по предложению которой я была переведена в партию (в мае 1926 г.), в расформированном бюро ячени ГССЖИ и смене его адм. руководства.

За все время существования женотделов - я активно работала на женотделской работе, что подтвердит Вам любой женотделский работник Москвы, и кроме того проработала 12 лет по повышению квалификации женского труда. Борьба моя с троцкизмом в отрыве от директором техн. уч. заведения отмечена ЦКК и в 1932 году я прошу Комиссию партийного контроля принять также во внимание, что Каменев я защищала только перед партколлегией, в остальном же я, как всегда, выполняла свои партийный долг: после ареста Каменева (несмотря на болезнь) выступала перед коллективом сотрудников изд-ва "АКЛА ЕИИ", которым руководил Каменев и где он пользовался авторитетом, с подробным разъяснением истории контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции, руководящей роли Каменева в этой антисоветской группе и непосредственной ответственности прежней контрреволюционной деятельности этой группы с трижды проклятым злодейством, отним у нас КИРОВА.

Я очень прошу Комиссию партийного контроля и Вас, ЛАЗАРЬ МОИСЕВИЧ, учесть мою честную политическую работу и дать мне возможность продолжать ее, чтобы доказать мою преданность партии НА ДЛЕ. О решительном изменении моего отношения к Каменеву я прошу судить по моему ответу на его письмо, которое я также прилагаю.

Я бы просила также разрешить мне продолжать работу над "Историей Женщины" при ГАИМке, в качестве организатора и редактора этого издания, имеющего целью показать исторический путь борьбы за раскрепощение женщины, указавшими ЭНГЕЛЬС, МАРКС, ЛЕНИНЫМ и СТАЛИНЫМ и его победоносное завершение в СССР.

Этому делу я хотела бы отдать все силы, чтоб ооздать памятник движению "миллионов и миллионов трудящихся женщин", которому принадлежал такое значение ЛЕНИН и СТАЛИН и в которой и мы сами, ЛАЗАРЬ МОИСЕВИЧ, принимали большое участие, выступая на наших делегатских собраниях в Колонном зале.

Всеми силами я буду стараться оправдать доверие партии!

Татьяна Глебова
21/1 35.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМПЕКС ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ

ТАС, КАГАНОВИЧУ

ЛАЗАРЬ МОИСЕВИЧ !

Я не выполнила своего партийного долга в борьбе с контрреволюционными настроениями и деятельностью Каменева. Я не только не разоблачала его перед партией, но даже заверяла Моск. обл. партколлегия в своей глубокой уверенности в его теперешней преданности партии, полном разрыве с антипартийной группой и непричастности к непосредственной контрреволюционной работе.

Отсутствие правильного политического чутья и личная ослепленность помешали мне увидеть скрытое контрреволюционное лицо Каменева, выявившееся на процессе и в присланном мне после суда письме, копия с которого я прилагаю.

Оказалось, что после стольких выражении раскаянья и всенародного признания своих ошибок и преступлений перед партией, понадобился еще военный суд, чтобы Каменев мог окончательно понять все "личное и моральное разложение" знаменитца, необходимость искреннего и честного отношения к партии со стороны партизан. Он пишет: "Без суда я, вероятно, никогда бы так живо и глубоко не ощутила этого."

Теперь мне совершенно ясно, что, как партизан, я не имела никакого права доверять Каменеву - его словам, внешним поступкам, глубине его искренности. Моя прямая обязанность была, раз уж я оставалась его женой, - проявить максимальную инициативу в предупреждении новых и новых партий с его стороны. Этого своего долга я не выполняла и считаю совершенно правильным и заслуженным исключение меня из партии Моск. обл. партколлегия.

В свое оправдание могу сказать только, что я прилагала все усилия, чтобы быть одительной к настроениям и поведению Каменева, к рецидивам его печального прошлого, - особенно после того, как я своими руками передала Центральному Комитету Партии его заявление из Мьяусиска. С этого момента я считала, что выжила Каменева как он на поруки. Но с этой задачей я не справилась: он снова обманул партию - и меня также...

Вина моя тяжела и усугубляется упорством, с которым я защищала Каменева перед партколлекцией, несмотря на товарищеское раз'яснение моими ошибками членами партколлекции.

И все же я решаюсь просить Комиссию Партийного Контроля и Вас, Лазарь Моисеевич, об оставлении меня в партии.

Я прошу принять во внимание мою незапятнанную работу до сих пор. У меня и в мыслях нет ссылаться на какие-нибудь мои заслуги, они скромны. Но я только хотела бы обратить Ваше внимание, что у меня нет никаких взысканий ни по советской, ни по партийной работе и, что, работая в различных областях -

Письмо Т. И. Глебовой председателю Комиссии партийного контроля Л. М. Кагановичу об осуждении поведения Л. Б. Каменева и с просьбой о восстановлении ее в партии

21 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Д. 19-19 об.]

«Я не выполнила своего партийного долга в борьбе с контрреволюционными настроениями и деятельностью Каменева, - так Глебова начала свое письмо. - Отсутствие правильного политического чутья и личная ослепленность помешали мне увидеть скрытое контрреволюционное лицо Каменева, выявившееся на процессе... Прошу принять во внимание мою незапятнанную работу до сих пор. У меня и в мыслях нет ссылаться на какие-нибудь мои заслуги, они скромны. Но я только хотела бы обратить Ваше внимание, что у меня нет никаких взысканий ни по советской, ни по партийной работе... Я очень прошу Комиссию партийного контроля и Вас, Лазарь Моисеевич, учесть мою честную политическую работу и дать мне возможность продолжать ее, чтобы доказать мою преданность партии на деле»^[464].

Для усиления она приложила свое письмо Каменеву. При этом она сознавала, что вряд ли ей пойдут навстречу. Она упорно защищала Каменева, уверяла, что он не виновен, уверяла в этом самого Сталина, а теперь получается, что она все это время всех обманывала, вводила в заблуждение.

23 января 1935 года Татьяна Ивановна написала письмо Сталину. Она понимала, что прошло время заступаться за Каменева. Все это послужило только ей во вред. Пора подумать о себе, о средствах на жизнь.

«Слов нет сказать, как стыдно и больно, что Вы могли подумать, что я умышленно обманывала Вас, ручаясь за политическую чистоту Каменева. Я переоценила свою бдительность, свое политическое чутье и не сумела разобраться, когда он снова начал обманывать партию. Он обманул и меня»^[465].

При этом Глебова честно писала, что не знает, в чем конкретно заключается преступление Каменева, но его письмо подтверждает, что «какая-то грязь была на его совести». Она признавала, что исключение из партии и ее выселение из Москвы «совершенно заслуженны». При этом просила оставить ее в партии: «Умоляю Вас, Иосиф Виссарионович, об оставлении меня в партии – ради всей моей чистой и незапятнанной работы в партии до сих пор... Независимо от того, останусь ли я в рядах партии или буду вне ее, – вся моя жизнь до последней капли крови принадлежит партии и Вам»^[466].

14-05

нов и лишенов предугадан, фенди по
мудри, указавшему фенди, Марсом, Лилии
и Вами и поведомо завершено по
Вашим руководству в стране поведомо
судимости.

Никола Виссарионович! Независимо
от того останет ли я в рядах марши
или буду вне ее — вся моя жизнь до
последней капли крови принадлежит
марши и Вам.

Павел Пубов

23/5 35.1

18

Никола Виссарионович!

Слов нет сказать, как сильно я боюсь,
как Вы могли подумать, что я действительно
обманываю Вас — ругать за пошлость
честному Каменеву.

Я переосмысливаю свою действительность, свои
пошлостные чувства и не сумела разобраться,
когда он снова начал обманывать меня.
Он обманул и меня.

А и сейчас точно не знаю, в чем Конкретно
заключается его новая линия марши, но бро-
нзы суда и его покаяние миссии по мне
от 17/1 — подтверждает, что кака то правда
была на его совести...

Очень прошу Вас прояснить миссию Ка-
менева и мой долг, которые принадлежат —
Вы увидите, что я не обманываю Вас, а
была сама обманута!

От порока и обиды, я не могла сдержать
Ваш в глаза эти дни — дайте сдержать в свои
Ваш порок. Спасибо, спасибо Каменеву, как

Письмо Т. И. Глебовой И. В. Сталину с просьбой о восстановлении ее в партии

23 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Д. 13-14 об.]

Сталин письмо прочитал и даже переслал членам Политбюро для ознакомления. Но на этом все.

В это время Каменев, сидя в камере, все никак не мог успокоиться. Он все думал, думал, накручивал себя, заставляя мимолетные встречи с партийцами превращаться в контрреволюционные заговоры. Он пытался вспомнить всех, с кем встречался, и все, о чем они говорили. Все это уже походило на бред.

«Шацкий и Ломинадзе. Я встречался с ними в 1932 году. Тогда они были настроены резко враждебно по отношению к партийной линии и к руководству вообще. Я тогда еще понял, что им доверять нельзя... Кто еще? Ваганьян не менее двух раз приставал ко мне с указанием на недопустимость пассивного поведения бывших оппозиционных групп и лично моего. Помню, как он намекал, что мое отрицательное отношение будет расцениваться как трусость. Теперь мне кажется, что оба предложения в своей основе имели единый организационный план. Может, это все мои догадки, а может, это поможет правительству распутать все нити и узлы подполья. Надо рассказать об этом. Но не подумает ли Сталин, что я хочу снять с себя хотя бы малейшую ответственность за произошедшее?

Кто еще представлял опасность? Шляпников. И Медведев, конечно. Это несомненные враги, не очень даже стремящиеся прикрыть свою враждебность.

До отъезда в Минусинск я несколько раз виделся с Томским по деловым поводам. Хотя мы и не говорили о политике, было понятно, что он никак не пересмотрел свое враждебное отношение к партийному руководству. Помню такую его фразу: “Мы дали себя провести Сталину. Теперь он победил надолго и будет долго нас мучить”.

Рыков. Его я видел последний раз еще до его снятия. Из фраз его помню только одну – “Я и Томский думаем одинаково”. А вот Бухарина он не понимал: “Он занимается какой-то эквилибристикой и, кажется, надеется провести Сталина”.

А что же на самом деле Бухарин? Он считал несправедливостью и случайностью его отстранение от участия в руководстве партии. Несомненно, он хочет заслужить доверие, хочет вернуться к руководящей роли.

Преображенский. Его я встретил только на 17 съезде. Только он на меня произвел впечатление, что он действительно пересмотрел свои взгляды и помирился с партией.

Сафаров. Очень опасный человек. И в первую очередь из-за своего неустойчивого характера и постоянной готовности делать самые острые выводы из любого положения.

Ротштейн. В 1932 году в доме отдыха ОГИЗа, помню, он говорил, что ничего не понимает в политике партии, что она ведет к обеднению страны. А в 1934 году он уже с полным восторгом говорил о том, что написал письмо Сталину, и благодаря ему он имеет возможность целиком отдаваться своей работе»^[467].

Всеми своими мыслями и воспоминаниями Каменев решил поделиться с Аграновым. Зачем? Наверное, у самого Каменева даже не было ответа на этот вопрос. В его голове застряла мысль, что «для дела компартии опасны не только прямые враждебные настроения и группы, но и люди, которые хранят про себя свое отрицательное отношение к политике партии».

19 января 1935 года он написал Агранову: «Я хочу рассказать все, что я знаю или о чем хотя бы подозреваю, о людях, с которыми мне приходилось встречаться или о которых я слышал». 23 января Агранов отправил протокол допроса Каменева Ежову и Сталину^[468].

В то время как у Каменева продолжались метания, Сталин понимал, что его план «свалить» всю ответственность за смерть Кирова на оппозицию провалился. Это можно четко увидеть в закрытом письме, написанном Сталиным 17 января 1935 года. Он назвал его «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова». Сталин направил его всем членам Политбюро с предложением: «Хорошо было бы сегодня же обсудить это дело и принять решение»^[469].

В этом письме Сталин сообщал, что «злодейское убийство совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя “Ленинградским центром”, идейным и политическим руководителем “Ленинградского центра” был “Московский центр”». Однако стоит обратить внимание на то, как в этом письме написано о связи так называемого «Московского центра» с убийством Кирова. Забавно видеть в столь важном документе, да еще и после завершившегося суда, такие слова, как «по-видимому», «наверное».

РАССЕКРЕЧЕНО

25

Сов. секретно.-

126

СЕКРЕТАРЕ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. СТАЛИНУ.-

направляю Вам копии протокола допроса КАМЕНЕВА Л.Б.
и заявления ЗИНОВЬЕВА Г.Е.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМПССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Агренев
(Агренев)

23 января 1935г.
№ *551198*

гор. Москва

✓ вл. работ. № 135, № 11487

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КАМЕНЕВА, Лиза Борисовна,

от 19-го января 1935 года.

Я хочу рассказать все, что я знаю, или о чем хотя бы подозреваю, о людях, с которыми мне приходилось встречаться или о которых я слышал, поскольку они выражали в какой бы то ни было степени антипартийные мнения, настроения и взгляды.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что мне кажется весьма опасным то настроение, которое проявили ЛОМИНАДЗЕ и ШАЦКИН во время моей беседы с ними в 1932 году. Оба они были настроены резко враждебно по отношению к партийной линии и к руководству вообще, в частности, к тов. СТАЛИНУ. Оба они считали невозможным оставаться бездеятельными и очень настойчиво говорили мне о необходимости связи между различными антипартийными группами, выдавая, как форму этой связи, создание каждой группой строго законспирированной тройки, которые бы поддерживали между собой сношения.

Они сказали, при этом, что такая тройка у них существует в составе ШАЦКИНА, ЛОМИНАДЗЕ и, кажется, точно не помню фамилии - РЕЗНИКОВА. Помню, что это третье лицо находилось в Воронеже. На мой вопрос об отношении к СТАЛИНУ, они отозвались пренебрежительно, сказав, что он человек невиданный, что он путается неведомо с кем и что ему нельзя доверять. Они были, несомненно, разочарованы, когда я назвал их затыком рабоческой, указав, что опыт всей партийной жизни показыва-

*Протокол допроса Л. Б. Каменева с сопроводительной запиской Я. С. Агранова И. В. Сталину
19, 25 января 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 25, 26]*

Итак, в письме Сталин указал, что «Московский центр» «не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве товарища Кирова, но, наверное, знал о террористических настроениях “Ленинградского центра” и разжигал эти настроения»^[470]. При этом, подводя итоги, он все же указал, что «зиновьевская антипартийная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая в своей практике... сочла возможным прибегнуть к террору, как к методу борьбы против партии и ее руководства»^[471].

С тем, что процесс провален, согласились и Агранов, и Ежов. 23 января 1935 года Ежов направил Сталину записку с материалами для доклада на совещании руководящего состава НКВД. В ней он отдельное внимание уделяет делу об убийстве Кирова и указывает «причину неудач» - «следствие люди вести не умеют». Отсутствие нужного

результата Ежов объясняет низкой квалификацией следователей: они «в разговоре с оппозиционерами терялись, так как многие не знают не только оппозиционной борьбы зиновьевцев, но и истории партии вообще». Кроме того, Ежов ругал общий для всех допрашиваемых стандарт вопросов. «Получается это потому, что следователи друг у друга списывают вопросы и часто требуют аналогичных ответов от допрашиваемого». Из-за этого, по мнению Ежова, стирается индивидуальная грань допроса, а протоколы все «слишком приглажены и подстрижены».

Получается, что после ареста все подсудимые начали «каяться» в своей деятельности и «политически оплевывать свое прошлое». Ежов утверждал, что это не так. По его мнению, многие, наоборот, «выпятили свое контрреволюционное лицо и сущность». При этом он не предлагал записывать прямые их ругательства в адрес партии, но хотя бы оттенить эту особенность в протоколах, чтобы «было видно более точно лицо врага»^[472].

3 февраля 1935 года в НКВД проходило оперативное совещание. На нем Яков Агранов признался, что доказать, будто «Московский центр» знал о подготовке террористического акта против Кирова, не удалось^[473].

Но, кроме этого, имел место еще один провал – в пропаганде. Реакция рабочего класса на два процесса по делам «Ленинградского» и «Московского» центров не получилась такой, какую ожидали. Причем два раза. Первый раз – когда 17 декабря были опубликованы резолюции Московского и Ленинградского пленумов, которые виновниками в убийстве Кирова называли зиновьевцев. Второй раз – после обсуждения закрытого письма Сталина.

18 января 1935 года закрытое письмо «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова» было отправлено всем первым секретарям краевых и областных комитетов партии с указанием «немедля распределить и доставить» его всем райкомам, в том числе комсомола, всем заместителям политдиректоров МТС, начальникам политотделов совхозов и низовым организациям важнейших промышленных предприятий основных промышленных центров, а также вузов и втузов. При этом ЦК нацкомпартий, политотделам Красной армии, политотделам на транспорте и организациям НКВД письмо «рассылалось особо аппаратом ЦК ВКП(б)»^[474].

Казалось бы, после судебного заседания и вынесенного приговора должна быть поставлена точка в убийстве Кирова. Даже Сталин в закрытом письме сообщал, что «очаг злодеяния – зиновьевская антисоветская группа – разгромлена до конца, а виновники злодеяния понесли должное наказание»^[475].

Однако именно это письмо положило начало новому витку в «расследованиях» и политических репрессиях.

Вскоре после суда Николай Ежов подготовил черновой вариант брошюры «От фракционности к открытой контрреволюции». В ней уже говорилось о том, что зиновьевцы стремились уничтожить Сталина, хотя ни в деле «Ленинградского центра», ни в деле «Московского центра» ни разу не упоминалось о подготовке покушения на Сталина.

Подлежит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 пр. № 100, п. 5) 126

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАССЕКРЕЧЕНО
СТРОГО СЕКРЕТНО
(Им. О. П.)

Всеобщая Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П20/146

26.1 1935 г. Т.Т.Ежову, Ягоде, Жданову.

Выписка из протокола № 20 заседания Политбюро ЦК от 1935 г.

Спросом членов ПБ от 26.1.35г.

146.- О зиновьевцах.

а) Выслать из Ленинграда 663 человека зиновьевцев на 3-4 года в следующие пункты: город Туруханск, Подкаменная Тунгуска, Сургут, Якутск, Дудинку, Вилюйск, Енисейск, Воробьево, Киренск, Тургай, Нарын, Верхотурск.

б) Группу бывших оппозиционеров членов партии в количестве 325 чел. откомандировать из Ленинграда на работу в другие районы в партийном порядке.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

блс

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке 663 зиновьевцев и командировании 325 бывших оппозиционеров из Ленинграда в другие районы

26 января 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 126]

Все это делалось для того, чтобы продолжить репрессии против бывшей оппозиции. 26 января 1935 года Сталин подписал постановление Политбюро – из Ленинграда предлагалось выслать 663 зиновьевца на север Сибири и в Якутию сроком на 3-4 года. Этим же решением 325 бывших оппозиционеров (нынешних члена партии) были откомандированы из Ленинграда на другую работу.

Обо всем этом Каменев не знал. Лишь 29 января 1935 года ему разрешили свидание с женой. После полученного от нее письма эта встреча была очень важна для него. Он очень нервничал, боялся, что она не придет. А увидев жену, бросился к ней с рыданиями.

Татьяна, успокаивая Льва Борисовича, гладя его по седым волосам, пыталась выяснить, в чем же его вина? За что его посадили в заключение? Каменев клялся, что никакой контрреволюционной работы

по возвращении из ссылки не вел. И если и виноват, то в сохранении контрреволюционной группы зиновьевцев, от которой он и правда отошел. Но при этом не разоблачил ее.

Глебова, несмотря на злость и обиду, поверила Каменеву. И, глядя в его заплаканные глаза, сказала:

– Если бы ты, Лева, продолжал свою оппозиционную работу, я застрелила бы тебя собственной рукой^[476].

Глава 22

«Кремлевское дело». Покушение на вождя

Январь - июль 1935

Лев Борисович содержался в Челябинском политизоляторе особого назначения. Спокойно отсидеть свой срок наказания Каменеву не удалось. В это время разгоралось новое дело против оппозиции, ставшее известным в последствии как «Кремлевское». И здесь убийство Кирова уже ни при чем. Оказалось, что готовилось покушение на самого Сталина, которое удалось предотвратить благодаря «бдительности» сотрудников Кремля. И Каменев в нем играл, на удивление, главную роль. Однако до марта 1935 года он об этом и не подозревал.

Началось все в январе 1935 года, когда по доносам стало известно, что в Кремле систематически распространяются контрреволюционные провокационные слухи и клевета на партийное руководство. Разговоры велись среди уборщиц правительственных учреждений Кремля. В основном болтали об убийстве Кирова, «Завещании Ленина», в котором тот нелестно отзывался о Сталине и обстоятельствах смерти жены Сталина Надежды Аллилуевой, застрелившейся 9 ноября 1932 года.

Ходили слухи, что она не сама свела счеты с жизнью, а кто-то говорил, будто сам Сталин довел ее до самоубийства. За такие разговоры и было арестовано несколько уборщиц. На допросах выяснилось, что они только обсуждали то, что слышали от работников кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля. Вот кто являлся первоначальным источником возникновения контрреволюционной клеветы. Распутав клубок, путем допросов и сопоставления фактов, следствие выяснило, что «в течение ряда лет в Кремле сформировалась обстановка полного разложения». Оказывается, работников в комендатуру Кремля, в правительственную библиотеку и даже в

Секретариат Центрального исполнительного комитета принимали не по деловым качествам, а исключительно по личным связям, более того, «приветствовалась» готовность представительниц женского пола сожительствовать с ответственными работниками партийного и государственного аппарата.

*Надежда Сергеевна Аллилуева
1927
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1663. Л. 1]*

Следствие пришло к выводу, что вся распространяемая клевета оказалась контрреволюционным заговором, а не безобидными слухами, как могло показаться изначально. В Кремле, под самым носом Сталина, была создана разветвленная контрреволюционная, террористическая организация, главной целью которой являлось убийство вождя.

Организация состояла из пяти групп. В первую группу сотрудников правительственной библиотеки^[477] помимо всех прочих входила бывшая жена брата Льва Каменева Нина Розенфельд (Бебутова). Вторая группа – военнослужащие комендатуры Кремля^[478], третья^[479] – военные работники и слушатели Военно-химической академии, которые поддерживали связь с заграничным троцкистским центром, четвертая^[480] – группа троцкистской молодежи, к которой принадлежали сын Троцкого Лев Седов и племянник Каменева Борис Николаевич Розенфельд. Впоследствии выяснилось, что именно он, Розенфельд, являлся ее руководителем. Пятая группа состояла из бывших активных участников белогвардейского движения^[481], именно она вплотную контактировала с сотрудниками кремлевской библиотеки. По официальным сообщениям, всего по «Кремлевскому делу» было

арестовано 65 человек, из них 14 участников террористических военных групп, 21 человек – террористическая группа правительственной библиотеки, 8 человек – троцкистская группа молодежи, 3 человека – группа в Оружейной палате Кремля, 7 человек – группа обслуживающего персонала Кремля.

После многочисленных допросов и очных ставок брат Каменева, художник Николай Розенфельд, и его бывшая жена признались, что действительно готовились к совершению террористического акта в отношении Сталина, а возглавлял его подготовку Лев Каменев. Именно его указаниям они следовали и выполняли все директивы. Каменев давно говорил им, что единственным выходом из тяжелого положения страны является уничтожение Сталина.

Для подготовки убийства Иосифа Виссарионовича были задействованы разные группы людей. Так, например, Борис Розенфельд по поручению своей матери Нины Розенфельд создал контрреволюционную группу из троцкистской молодежи. Они занимались отслеживанием Сталина вне Кремля. Брат Каменева Николай Розенфельд отвечал за пропаганду террористических взглядов, распространял пасквилы про Сталина среди группы реакционно настроенных художников.

Существовало два плана по уничтожению Сталина: огнестрельным оружием и путем отравления. В первом случае планировалось, получив оружие в Комендантском управлении Кремля, застрелить Сталина в одном из помещений внутри Кремля. Во втором – применить сильнодействующий яд, который всегда находился у Нины Розенфельд. Отравить еду Сталина планировали вновь с привлечением работников комендатуры Кремля.

24/ X 257
Работавшая в здании Правительства уборщица Константинова Ана-
стасия Митрофановна, в присутствии Катинского говорила:
"Бот посмотри И.С. хорошо ест, а работает мало. За него люди
работают, поэтому он такой и толстый".
Иск скан
правдоу
гипер
сведения
доложено
подпись 16/86
Р. 17/81 34

243
289

Работающая в здании Правительства уборщица АВДИЕВА А.Е. в присутствии уборщицы Милаковой говорила: И.С. "убил свою жену. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом. А за ним то все ухакивают. Один дверь открывает, другой воды подает и т.д."

сказано
Далее
Милакова
примечание: через
другое свидетельство
Романов
17/12/34

с Озеровым
А 34
Арешкина
Милакова
24/1/35

244
290

Работающая в здании Правительства уборщица БИТЕНСКИЯ Бронислава Яковлевна, 13-го октября, в присутствии уборщицы Милаковой выражала недовольство и говорила: "Вот тов. С. получает денег много, а нас обманывают, говорят, что он получает 260р. 31 коп. сам хозяин, что хочет, то и делает. Может он получает и несколько тысяч, разве узнаешь об этом."

Кому слышно
Долженко
Милакова
Арешкина
Милакова
24/1/35

В наших газетах пишут, что армянские люди с голоду умирают, а когда у нас умирают, так этого не видят и об этом никогда не напишут. Рабочих обманывают во всем и крупном, только чтобы не волновались".

Разговоры на подобные темы у машинисток носят систематический характер.

Высказывания уборщиц зданий правительства о И. В. Сталине,
которые были переданы А. С. Енукидзе
Ноябрь - декабрь 1934
[РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 241, 243-244]

Казалось бы, это триумф НКВД. Не только раскрыто такое громкое дело, а еще и предотвращено убийство самого Сталина. Вот только все это большая ложь – от начала до конца. Ну, разве кроме того, что разные люди сплетничали и обсуждали между собой разные слухи. Но известно об этом станет только после смерти Сталина, когда будет пересматриваться прошлое. А пока невинные люди вынуждены были отбывать наказание за вымышленное преступление.

На самом деле всего к уголовной ответственности по «Кремлевскому делу» было привлечено не 65, а 112 человек. В первую очередь арестовали 17 человек обслуживающего персонала и технических работников кремлевских учреждений. Это уборщицы, швейцары, телефонистки. Кроме них аресту подверглись 18 сотрудниц правительственной библиотеки и несколько командиров охраны Кремля. Большинство обвиняемых даже не работали в Кремле, а шесть человек вообще являлись домохозяйками. Многие из них оказались привлечены по данному делу лишь на основании знакомства с

некоторыми арестованными служащими учреждений Кремля или даже за то, что имели общих знакомых. При этом сами арестованные работники Кремля в большинстве случаев не знали друг друга. Не знал никого из обвиняемых, кроме пяти своих родственников, и привлеченный к этому делу Каменев.

К моменту ареста в органах НКВД не имелось ни свидетельских показаний, ни оперативных материалов, ни каких-либо иных доказательств преступной деятельности обвиняемых. Все расследование проводилось только путем допроса арестованных, причем по определенной схеме.

На сей раз следователи учили все «ошибки», допущенные на допросах по делам «Московского» и «Ленинградского» центров. Они стали «выбивать» признания: путали вопросами, давили показаниями сослуживцев, угрожали арестом родственников, шантажировали, пугали расстрелами и пытками, обещали сохранить жизнь членам семей. Допросы шли по кругу непрерывно по 18–20 часов. Следователи, сменяясь, задавали одни и те же вопросы, не давая арестованным спать и пить. На допросах по несколько раз от следователя звучала фраза: «Если хотите жить, то Вы должны признать участие в организации».

Первоначально арестованным вменялось в вину распространение провокационных слухов по поводу «Завещания Ленина», смерти Аллилуевой, убийства Кирова. После получения признания в этом следователи начинали «убеждать» арестованных в том, что распространение таких слухов разжигало враждебное отношение к Сталину и могло вызвать террористические настроения. Если арестованные соглашались с этими доводами, а делалось все, чтобы они согласились, их самих обвиняли в принадлежности к террористическим группам и подготовке убийства Сталина. Несмотря на то что многие арестованные «ломались» под давлением и угрозами, в основном протоколы допросов были составлены следователями и не имели ничего общего с реальными показаниями подсудимых. Арестованные пытались обратить на это внимание и писали жалобы в прокуратуру и НКВД – сказанное ими не совпадало с тем, что написано в протоколах. Вдобавок некоторым арестованным вообще не предъявлялось никакого обвинения, а некоторых даже не допрашивали^[482].

РАСКРЕЧЕНО

13

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам список лиц, арестованных нами за к.-р.
деятельность: 1) ШЛЯПНИКОВ А.Г., 2) МЕДВЕДЕВ С.П., 3) МАДЬЯР
Л.И., 4) СМЫЛГА И.Т., 5) ШАЦКО Л.А., 6) ДАНИЛОВ С.С., 7) ВУЙ-
ОВИЧ В.Д., 8) БУДЗИНСКАЯ Р.Л., 9) ОСИНСКАЯ С.С., 10) ГОЛЕНДО
М.С., 11) ПАНКРАТОВ В.Ф., 12) РЕЗНИК В.Д., 13) КУШНЕР Б.А.,
14) РОЗНЕР М.Я., 15) МАСЛЕННИКОВ С.И., 16) ЛИВЯНТ З.Б., 17) ЗО-
РИНА, 18) МРАЧКОВСКИЙ.

Мы считаем необходимым заключить каждого из них в конц-
лагерь сроком на 5 лет.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР С.С.Р. (И. АГРАНОВ)

"3" марта 1935 г.

№ 55514

Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР Я. С. Агранова И. В. Сталину об аресте А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева, Л. И. Мадьяра, И. Т. Смылги, Л. А. Шацкого, С. С. Данилова, В. Д. Вуйовича, Р. Л. Будзинской, С. С. Осинской, М. С. Голендо, В. Ф. Панкратова, В. Д. Резника, Б. А. Кушнера, М. Я. Рознера, С. И. Масленникова, З. Б. Ливянта, С. С. Зорина и С. В. Мрачковского

3 марта 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 4]

РАСЕКРЕЧЕНО 3

Совсем секретно

СПРАВКА

по результатам изучения материалов по делу "О контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля и др." 1935 года

По делу "О контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля и др." было привлечено к уголовной ответственности 112 человек: Каменев Л.Б., Авдеева А.Е., Бураго Н.И. и другие /список прилагается/.

Из этого количества 30 человек были осуждены 25-27 июля 1935 года Военной Коллегией Верховного суда СССР, в том числе 2 человека к расстрелу /Синелобов А.И. и Чернышевский М.И./ и остальные к разным срокам лишения свободы.

80 человек были осуждены постановлениями Особого Совещания при НКВД СССР от 14 июля 1935 года к разным срокам лишения свободы и ссылки.

Один человек /Чернозубов В.И./, прошедший по делу как участник контрреволюционной организации, был осужден ранее - в 1934 году - по Закону от 7 августа 1932 года за хищение.

Один человек /Презент М.Я./ во время предварительного следствия умер в Бутырской тюрьме.

Осужденные по приговору Военной Коллегии признаны виновными в следующем:

В 1933-34 г.г. из числа сотрудников правительственной библиотеки и комендатуры Кремля образовались контрреволюционные группы, поставившие своей целью подготовку и совершение террористических актов против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства и в первую очередь против тов.Сталина.

В состав террористической группы служащих библиотеки входили Розенфельд Н.А., Муханова В.К., Давыдова З.И., Бураго Н.И., Синелобов А.И. и Раевская В.И., руководящая роль принадлежала Розенфельду и Мухановой, которые сами готовились совершить террористический акт против тов.Сталина.

7.

Никто из привлеченных по данному делу ничего конкретного о связях с Каменевым не показал.

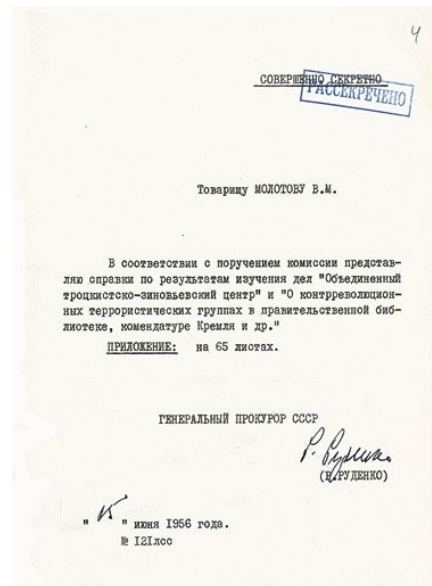
Допрошенный на предварительном следствии и при рассмотрении дела в суде Каменев категорически отрицал какую бы то ни было причастность к указанному террористическому заговору.

Так, при предъявлении обвинения Каменев собственноручно написал:

"...Я решительно отрицаю не только наличие у меня каких бы то ни было террористических настроений, намерений или мыслей, но и какое бы то ни было влияние, а тем паче "непосредственное" на группу террористов. С 1935 года после возвращения из Инкуизии я неизменно считал, как считал и сейчас, тов.Сталина гениальным осуществителем заветов Ленина, величайшим вождем партии и пролетариата, а его исчезновение с исторической ареной величайшей катастрофой, которая могла бы постигнуть мировой пролетариат. Заявляю это с полной искренностью, как глубоко продуманное убеждение, твердо зная, что оно сложилось у меня после борьбы и опыта, - уже в 1933 году, и что поэтому какой бы то ни было намер на террор встретил бы с моей стороны самое резкое противодействие" /Л.д.32 т.13/.

Аналогичные, но более подробно показания он дал и в суде. Эти показания Каменева материалами дела не были опровергнуты.

Таким образом следует признать, что уголовное дело о так называемых "контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля и др." было создано искусственно, а привлеченные по этому делу лица осуждены необоснованно.

Справка по результатам изучения материалов дела «О контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля» с приложением сопроводительной записки Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко В. М. Молотову

15 июня 1956

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 454. Л. 4, 53-59]

Каменев долгое время не знал о происходящем. Он отбывал свой срок в Челябинском политизоляторе особого назначения, и только 5 марта его этапировали в Москву. На допрос его первый раз вызвали 20 марта, уже после того, как были допрошены его брат Николай, племянник Борис и Нина Розенфельд.

Допросам подверглась и жена Каменева Татьяна Глебова. Арестована она была 7 марта 1935 года. Маленькому Волику сказали, что мама заболела и ее положили в больницу. Самого Волика отправили на дачу к Максиму Горькому^[483].

К сожалению, узнать, что на самом деле она говорила на допросах, мы никогда не сможем. Протоколы ее допросов, как и все остальные, написаны следователями. Ясно одно, ее заставляли признать, что Каменев до самого ареста в 1934 году был на стороне контрреволюционной оппозиции, а сама она активно участвовала в контрреволюционной деятельности^[484]. И только сохранившееся письмо Сталину, которое она написала 14 марта 1935 года, подтверждает, что она, в отличие от своего мужа, «не сломалась», а все написанное в протоколе ложь^[485].

27.X'

исполн. № 112
WG

От м. Агранова

112 114

~~Секретно-секретно.~~
РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЬ МК ВКЦ(б) -

тов. С Т А Л И Н У .

Направляю Вам заявление арестованной ГЛЕБОВОЙ
Татьяны Ивановны от 14/ш-с/г.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТА ССР: *Агранов* /АГРАНОВ/

17го марта 1935г.
№ 55649

Тов. С Т А Л И Н !

Решаюсь писать Вам, п. что боюсь не выдержать и сойти с ума или наложить на себя руки при мысли, что Вы можете усугубиться в моей беспредельной преданности и любви к Вам, как к великому продолжателю дела Ленина. Мое отношение к Вам и к партии Вам давно известно, но если несчастное стечение обстоятельств или оговор, клевета его опорочат - я смою это пятно своей кровью. Меня поддерживает только вера в принципиальность и справедливость ИКВД, которое, как и партийные контрольные органы, всегда оказывало мне доверие, несмотря на запутанность положения, в которое я себя поставила моей привязанностью к КАМЕНЕВУ и бесплодными попытками удерживать его на правильном пути. И сейчас я не могу заставить себя поверить, чтоб он мог злоумышлять против Вас, в ком он видел для себя единственную надежду на какое-либо привлечение к политической работе: "Сталин отличным хорошим хозяином, чтоб дать зря пропадать старым кадрам" сказал он мне, радуясь по поводу продвижения в Академию, что он понимал, как полит. продвижение на культурном фронте. Но, конечно, он несомненно тяготился своим теперешним отрывом от полит. работы, хотя недавно же сказал, что руководство Академией Наук было бы способно поглотить все его силы и стремления, ибо теперь вопрос культуры и науки - один из решающих политических вопросов.

*Письмо Т. И. Глебовой И. В. Сталину о своей невиновности с запиской заместителя наркома внутренних дел СССР Я. С. Агранова
15 марта 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 114, 115-116]*

Каменев всего этого не знал и понятия не имел, зачем его вызывают. Он уже признал свою вину в убийстве Кирова. Что еще? Ничего нового он сообщить не может.

Допрашивали его недолго. Вопросы по очереди задавали заместитель начальника СПО ГУГБ Люшков и начальник 2-го отдела СПО ГУГБ Каган. При этом они его ни в чем не обвиняли, скорее, просто рассказывали о показаниях его брата.

- Что Вам известно о политических настроениях вашего брата Николая Борисовича Розенфельда? - спросил Люшков.

Каменев немного растерялся:

- Человеком, имеющим принципиальные взгляды в политических вопросах, я его не считал. Я видел с его стороны только личное сочувствие ко мне, которое объяснял не какими-нибудь обдумантыми политическими взглядами, а обывательскими родственными чувствами.

- Ваш брат показывает, что он разделял Ваши политические взгляды, которые Вы защищали в борьбе с партией.

- Я специально его политическими взглядами не интересовался.

Люшков решил идти ва-банк:

- Ваш брат Николай Борисович Розенфельд нами арестован за террористическую деятельность. На следствии он признал, что участвовал в подготовке убийства товарища Сталина, и показал, что его террористические намерения сформировались под Вашим влиянием. Что Вы можете показать по этому вопросу?

Каменев был ошарашен. «В убийстве товарища Сталина» – звучало в его голове. «Что я могу показать? Только то, что он сошел с ума», – думал Каменев. Вслух же он сказал:

- Мне об этом ничего не известно. Он бывал у меня время от времени, я ему материально помогал. Бывая у меня, он присутствовал при разговорах, которые велись у меня на квартире и на даче в Ильинском. Эти разговоры, главным образом, велись с Зиновьевым.

Каменева вновь вернули к тем вопросам, которые не раз уже ему задавали, – о его общении с Зиновьевым:

- Какие разговоры Вы вели с Зиновьевым в связи с контрреволюционными документами, выпускаемыми Троцким за границей?

- Зиновьев знакомился с так называемыми бюллетенями оппозиции в институте Ленина. О содержании этих контрреволюционных документов Троцкого он меня информировал, высказывая свое положительное отношение по отдельным вопросам оценки Троцким положения в партии и в СССР. Я Зиновьеву не возражал и никому о его контрреволюционных взглядах по этому вопросу не сообщал вплоть до моего ареста.

- Значит, Вы с его контрреволюционными взглядами соглашались?

- Я эти документы сам не читал, и своих оценок я ему не высказывал.

- Какие разговоры Вы вели с Зиновьевым в связи с арестами, произведенными после убийства товарища Кирова?

- После ареста Бакаева и Евдокимова ко мне пришел Зиновьев, чрезвычайно взволнованный, и сообщил мне об этих арестах. Я его всячески успокаивал. Он был все же чрезвычайно возбужден и бросил мне фразу, что он боится, как бы с делом убийства Кирова не получилась такая же картина, как в Германии 30 июня, когда при расправе с Рэмом заодно был уничтожен и Шлейхер. Эта параллель носила недопустимый контрреволюционный характер. Я ее приписывал исключительно возбужденному состоянию Зиновьева и успокаивал его^[486].

На самом деле Николай Розенфельд не давал показаний против своего брата, так же как и Нина Розенфельд, и его племянник Борис, и уже тем более его жена Татьяна. Николай на допросах не отрицал, что

некоторые мероприятия в стране вызывали у него недовольство и порождали его отрицательное отношение к Сталину, но он об этом никогда, нигде и никому не говорил. И, конечно, он не участвовал ни в каких организациях и не предпринимал никаких практических действий для устранения Сталина. Мало того, Николай заявлял, что он только на следствии понял, что является «скрытым врагом», поскольку в душе его имелось недовольство правительством.

Тем временем, не дожидаясь окончания следствия, а вернее, чтобы помочь его скорейшему завершению, Политбюро сделало свой вывод: в Кремле сформировался «контрреволюционный блок зиновьевцев, троцкистов, агентов иностранных государств, объединенный общей целью террора против руководителей партии и правительства». 3 апреля 1935 года Политбюро приняло постановление «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе»^[487]. Именно на этом заседании в первый раз была озвучена мысль о существовании единого блока троцкистов и зиновьевцев. Енукидзе же, по мнению членов Политбюро, не входил в этот блок. Он просто прошляпил ситуацию и так распустился, что не смог разглядеть, как у него под носом действуют враги народа.

11 апреля 1935 года Каменева вновь вызвали на допрос^[488].

В этот раз те же следователи пытались добиться от Каменева признания, что он до самого ареста, то есть до 16 декабря 1934 года, вел активную контрреволюционную работу. Каменев все отрицал. Несмотря на то что ему предъявляли обвинительные показания Зиновьева, Николая Розенфельда, бывшей жены Ольги Каменевой, которую тоже арестовали, Каменев стойко выдерживал все обвинения.

– Предъявляем Вам показания арестованного по Вашему делу Зиновьева Г. Е. от 19 марта сего года, который заявляет, что Вы вместе с ним вели контрреволюционную деятельность до Вашего ареста по делу убийства товарища Кирова. Что Вы можете сказать по этому поводу?

– Показания Зиновьева я отрицаю.

Следователи давили и обвиняли Каменева в распространении контрреволюционной клеветы в 1934 году после убийства Кирова, при этом они искажали слова Каменева, сказанные им на допросе 29 марта:

– Зиновьев Вам передавал контрреволюционную клевету, сравнивая аресты убийц товарища Кирова с событиями 30 июня в фашистской Германии. Таким образом, Вы являлись участником распространения клеветы и в 1934 году. Вы и Ваши сообщники инспирировали также распространение контрреволюционной клеветы о том, что товарищ Киров убит на личной почве.

Каменев же взывал к их разуму:

– Высказывания своих настроений в личном разговоре нельзя признать как распространение контрреволюционной клеветы.

Однако следователи не унимались и продолжали обвинять:

- Следствием установлено, что Вы и Ваши сообщники в целях дискредитации руководства ВКП(б) и советской власти систематически сеяли контрреволюционную клевету и провокационные слухи о вожде партии товарище Сталине.

Каменев понимал всю серьезность ситуации, но, несмотря на давление со стороны следователей, все отрицал. Здесь дело касается не его одного, а его семьи. Люшков пытался выбить признания, показывая протоколы допросов Ольги Каменевой, его брата Николая и жены Татьяны, кричал:

- Вы пытаетесь обманывать следствие!

Но Каменев спокойно на все обвинения отвечал: «Нет, не признаю», «Не подтверждаю», «Я это отрицаю».

Задачей следствия было добиться от Каменева признания в его участии в подготовке покушения на Сталина или хотя бы в создании «атмосферы озлобления», которая могла бы привести к террористическому акту против Сталина.

Но в этот раз Каменев был непреклонен. Он понимал, все это ложь. Чужие люди могли говорить что угодно, но не его семья. Им он доверял как самому себе, в том числе первой жене Ольге:

- Я абсолютно отрицаю, чтобы я с 1932 года занимался систематическим распространением клеветы на партию или имел целью облегчение деятельности террористов.

Следователи не сдавались:

- Показаниями ряда арестованных контрреволюционных террористов установлено, что Вы морально и политически подкрепляли и вдохновляли их террористические намерения по отношению к вождю нашей партии товарищу Сталину.

Каменев настаивал на своем:

- Я о террористических настроениях каких бы то ни было лиц не знал.

- Ваш брат Н. Б. Розенфельд показал, что он и его соучастники готовили убийство товарища Сталина, руководствуясь Вашими установками.

- Я еще раз заявляю следствию, что о преступных замыслах террористов мне известно не было, и директив о совершении террористического акта я не давал^[489].

В мае 1935 года началась проверка партийных документов. Внешне безобидное мероприятие для устранения беспорядка в учете и выдаче партийных документов на деле оказалось партийной чисткой с выявлением «чуждых элементов» – троцкистов, скрывавшихся под маской добропорядочных большевиков.

Так же, как Каменев настаивал на своей невиновности, партийная верхушка была уверена в его причастности к заговору против Сталина. И эту легенду умело поддерживал Ежов.

6 июня на утреннем заседании пленума Николай Ежов выступил с докладом, в котором вдохновенно рассказывал о «вскрытии целого ряда террористических групп», непосредственно связанных с Зиновьевым, Каменевым и Троцким^[490]. Казалось бы, доклад должен был раскритиковать поведение Енукидзе и его неумелое руководство в подборе кадров. Даже в повестке дня он назывался «Об аппарате ЦИК Союза ССР и о Енукидзе». Но тогда ни Ежову, ни тем более Сталину он был неинтересен, да и все «Кремлевское дело» затевалось не из-за него. На тот момент главная задача для Ежова заключалась в том, чтобы связать зиновьевцев с троцкистами и обвинить их в террористических методах борьбы с властью. Судебные процессы по делам «Ленинградского» и «Московского» центров не справились с этой задачей. Обвинение зиновьевцев в убийстве Кирова не возымело того эффекта, которого ждали. Поэтому решили бить по-крупному.

– Товарищи, в повестке дня Пленума ЦК значится вопрос об аппарате ЦИК Союза ССР и о товарище Енукидзе, – сказав это, Ежов выдержал паузу. – Я, однако, вынужден коснуться целого ряда событий, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой теме. 1 декабря 1934 года в Ленинграде был предательски убит Сергей Миронович Киров. Это событие вскрыло наглядно до конца озлобленные, идущие на крайности меры борьбы с советской властью классовых врагов, вскрыло их новые методы борьбы. То, что я хочу здесь сообщить, не меняет по существу этой оценки, а лишь дополняет ее целым рядом новых фактов. Эти факты показывают, что при расследовании обстоятельств убийства товарища Кирова до конца еще не была вскрыта роль Зиновьева и Каменева в организации террористической работы против вождей партии и правительства. Последние события показывают, что эти люди являлись не только вдохновителями, но и прямыми организаторами убийства товарища Кирова и подготовлявшегося в Кремле убийства товарища Сталина.

Безусловно, Енукидзе тоже досталось. Ежов его обвинил в «политической близорукости и слепоте», которая едва не стоила жизни товарищу Сталину.

Если бы присутствующие на пленуме читали протоколы допросов, то они бы поразились тому, насколько одинаковы формулировки в ответах обвиняемых и в речи Ежова. Самая примечательная – «контрреволюционная клевета ставила своей задачей создать обстановку озлобленности вокруг товарища Сталина» – фигурировала чуть ли не во всех протоколах допросов.

Ежов докладывал, что НКВД провел тщательное расследование и раскрыл пять террористических групп, две из которых орудовали в Кремле. И все они стремились только к одному – убить Сталина. По словам Ежова, все сознались в подготовке покушения на Сталина, хотя это было совсем не так.

Руководителем первой группы Ежов назначил Каменева:

- Из показаний участников этой группы выяснилось, что они систематически получали указания о подготовке убийства товарища Сталина от Каменева. Эти указания Каменев передавал через своего брата Розенфельда. Сам Розенфельд, будучи убежденным террористом, тоже готовил покушение на товарища Сталина и был связан с двумя из вскрытых террористических группировок.

Рассказывая о планах и деятельности других террористических групп, Ежов постоянно возвращался к Каменеву: «Такой план могли иметь люди, только хорошо знавшие кремлевские порядки. Эти порядки знал Каменев»^[491].

Преувеличивая свои заслуги, Ежов утверждал, будто, «только припертый десятками фактов и показаниями почти всех активных участников террористов», Каменев в конце концов признался, что его целью было «совершить гнусное злодеяние – убийство Сталина». И снова звучала ложь. Каменев выстоял на всех допросах и не сказал того, что так ждали от него следователи. Но, казалось, Ежову это уже и не нужно:

- Следствие сейчас располагает абсолютно достаточным количеством данных, которые показывают, что Зиновьев и Каменев были непосредственными участниками организации террористической работы в СССР и активно организовывали убийство товарища Кирова и готовили покушение на товарища Сталина.

При этом вдохновителем террора Ежов называл Троцкого, так как именно он взял под свою защиту всех террористов, в том числе Каменева и Зиновьева. Да и все показания по «Кремлевскому делу», по его мнению, свидетельствовали, что «организатором террора против руководителей партии и советского государства **теперь** является Троцкий». Примечательно, что совсем недавно вдохновителем он называл Каменева.

А дальше Ежов по кругу повторял одно и тоже: «Эти факты показывают, что убийство Кирова было организовано Зиновьевым и Каменевым».

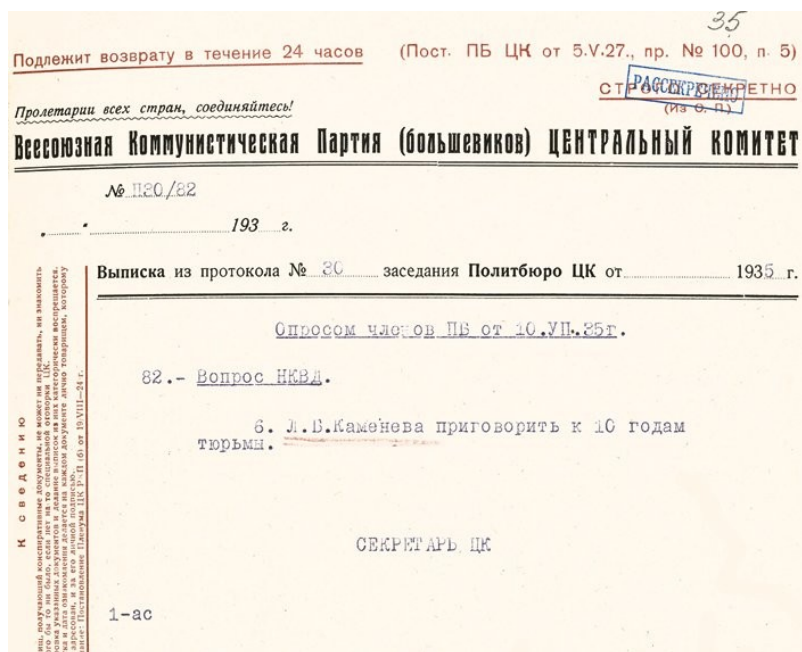
И только в самом конце доклада он вспомнил несчастного Енукидзе. Возлагая на него ответственность за то, что могло бы быть, Енукидзе обвинили в политической слепоте, преступном благодушии, непартийном поведении, потере классового чутья, полуменьшевицком колебании и много еще в чем.

- Енукидзе должен быть наказан самым суровым образом, иначе это будет непонятно никому. Он создал такую обстановку, при которой любой белогвардеец мог проникнуть в Кремль. Предлагаю вывести Енукидзе из состава ЦК партии^[492].

Забавно, что обсуждению подверглись только поведение Енукидзе и предложения о его наказании: исключить из партии или же еще и предать суду. После споров и выкриков все единогласно проголосовали за вывод Енукидзе из состава ЦК. Большинством голосов его исключили

из партии^[493]. Досталось и другим сотрудникам аппарата Центрального исполнительного комитета. Проведенная Комиссией партийного контроля чистка из 107 человек, работавших в Секретариате ЦИК, оставила только 9, из Кремля в другие места работы было переведено 75 человек, уволено – 23^[494].

Выводы Ежова на пленуме о виновности Каменева в убийстве Кирова и подготовке покушения на Сталина, причем совместно с Троцким, никак не комментировались и не обсуждались. Все приняли эту информацию безоговорочно, как давно уже всем доказанный факт.

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о приговоре Л. Б. Каменева к десяти годам тюрьмы
10 июля 1935
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 215. Д. 35]*

Приближался день судебного заседания. Каменев, сидя в заключении, решил, что он не сломается, как на прошлом суде, и не будет брать на себя ответственность за то, чего не совершал.

«Я не допущу прежней ошибки, – думал Каменев. – Никакое покушение на Сталина я не готовил. Я не верю, что к этому причастны Николай и Борис. Я не верю, что Таня могла обвинить меня. Кто угодно, но не она».

Политбюро думало иначе. 10 июля 1935 года «опросом» И. В. Сталин, А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, С. В. Косиор, В. М. Молотов и Г. К. Орджоникидзе приняли

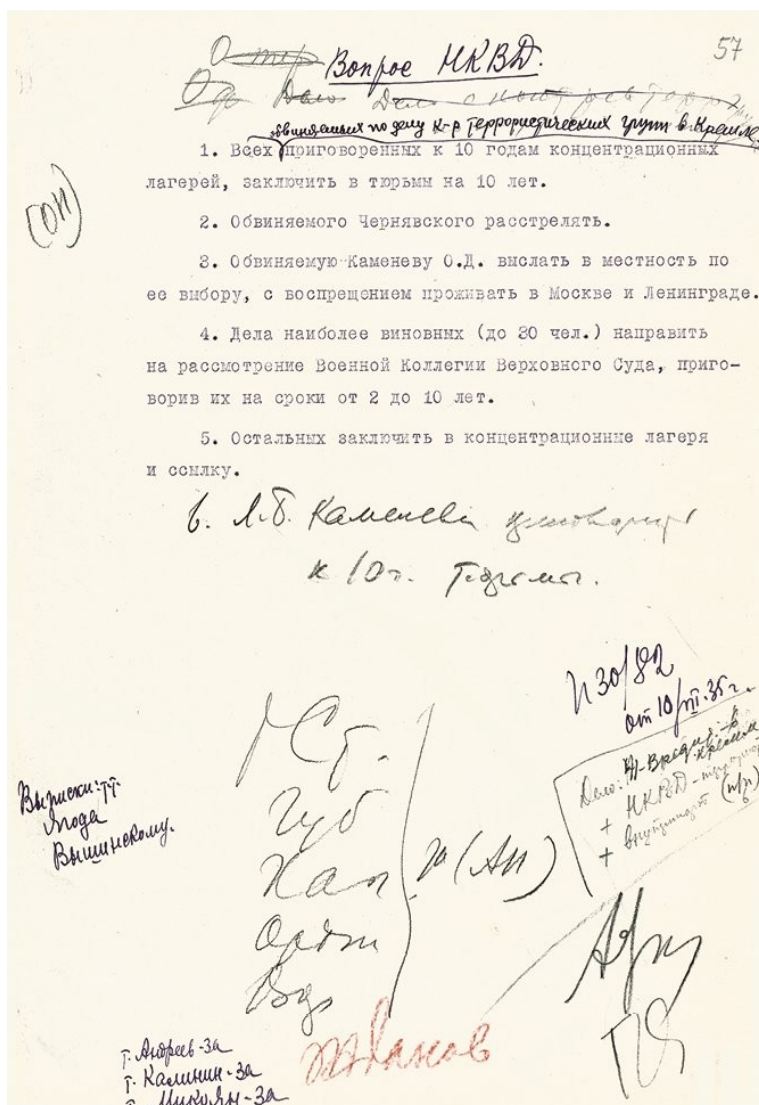
постановление: «Л. Б. Каменева приговорить к 10 годам тюрьмы»^[495]. Без суда, ведь, по их мнению, все было ясно.

Судебный процесс все же состоялся 25-27 июля 1935 года. Весь суд представлял собой большую фикцию. Обвинительного заключения не существовало. Приговор был составлен заранее. На заседаниях Военной коллегии Верховного суда творилось черт знает что. Подсудимые вводились по одиночке и допрашивались отдельно. Практически все отрицали свои слова, записанные в протоколах их допросов. Пытаясь донести правду, они объясняли, что вся вина их только в том, что они пересказывали друг другу различные домыслы о руководителях Советского правительства. Ни о каких преступных действиях они не помышляли.

Каменев также был непреклонен. В этот раз ничто не заставило его взять на себя ответственность за чужие действия и помыслы. Выслушав обвинение, он категорически заявил:

– Я решительно отрицаю не только наличие у меня каких бы то ни было террористических настроений, намерений или мыслей, но и какое бы то ни было влияние, а тем паче «непосредственное», на группу террористов. С 1933 года, после возвращения из Минусинска, я неизменно считал, как считаю и сейчас, товарища Сталина гениальным осуществителем заветов Ленина, величайшим вождем партии и пролетариата, а его исчезновение с исторической арены величайшей катастрофой, которая могла бы постигнуть мировой пролетариат. Заявляю это с полной искренностью, как глубоко продуманное убеждение, твердо знаю, что оно сложилось у меня после борьбы и опыта, – уже в 1933 году, и что поэтому какой бы то ни был намек на террор встретил бы с моей стороны самое резкое противодействие^[496].

Самое интересное, что следователи, несмотря на все старания, так и не добились доказательств не только участия Каменева в подготовке убийства Сталина, но даже малейшего его влияния на какие бы то ни было антисоветские группы. Никто из 29 подсудимых в судебном заседании не дал показаний о подстрекательстве Каменева к совершению каких-либо террористических актов. И даже его брат Николай Розенфельд, признавая наличие среди своих знакомых антисоветски настроенных, утверждал, что никогда об этом Каменеву не говорил.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заключении в тюрьму на десять лет всех приговоренных к десяти годам лагерей по делу контрреволюционных террористических групп в Кремле («Кремлевское дело»)

10 июля 1935

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 549. Л. 57]

Вот только все это не играло никакой роли. Лев Борисович был приговорен Военной коллегией Верховного суда к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года. Из Челябинска его перевели в Верхнеуральскую тюрьму особого назначения.

30 подсудимых Военная коллегия Верховного суда признала виновными, причем 24 – в террористической деятельности, а 6 человек

– в проведении антисоветской агитации^[497]. Все они были приговорены к разным срокам лишения свободы, а двое – сотрудники комендатуры Кремля Синелобов и Чернявский – к расстрелу. При этом 14 человек на суде не признали себя виновными, 10 человек на суде рассказали, что только слышали «клеветнические разговоры от других лиц», и 6 человек признались, что вели антисоветские разговоры^[498]. Но это для суда оказалось не важно.

Материалы на остальных 80 человек, которые в принципе не имели никакого отношения к Кремлю и аппарату ЦИК^[499], были направлены на рассмотрение особого совещания при НКВД СССР. 14 июля 1935 года все обвиняемые приговорены «за контрреволюционную деятельность» к разным срокам ссылки или ИТЛ. В их числе и родственники Льва Борисовича Каменева.

25–27 июля 1935 года Военной коллегией Верховного суда были осуждены:

- Розенфельд Николай Борисович, брат Каменева, художник издательства «Академия», по ст. 58-8, 58-10 и 58-11 к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года.

- Розенфельд Нина Александровна, бывшая жена Николая Розенфельда, сотрудница правительственной библиотеки, по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года.

Осуждены особым совещанием 14 июля 1935 года:

- Каменева Ольга Давидовна, сестра Льва Троцкого, первая жена Каменева (1883 г. р.), председатель исследовательского совета Управления кинофикации СНК РСФСР, лишена права проживания в Москве и Ленинграде сроком на 5 лет.

- Розенфельд Борис Николаевич, племянник Каменева (1908 г. р.), инженер Мосэнерго, к 5 годам заключения в концлагерь^[500].

Это же совещание приговорило жену Каменева Глебову Татьяну Ивановну (1895 г. р.) к ссылке в Западную Сибирь на 3 года. Первоначально она должна была ехать в Западную Сибирь в г. Камень. 27 июля 1935 года постановление ОСО при НКВД СССР изменило место ссылки на г. Бийск. Взяв сына, она отправилась к месту назначения.

Глава 23

Первый Московский открытый процесс. Приговор

Июль 1935 – 25 августа 1936

Морально Каменев был подавлен и часто задавался вопросами – во имя чего все это и зачем? Немного отвлекали его от грустных мыслей работа над книгами и, конечно, общение со своей семьей. Несмотря на то что Татьяна называла его эгоистом, Лев Борисович все это время думал только о них. Он пытался добиться передачи Татьяне и Волику денег из издательства и очень сокрушался, что его просьба оставалась без ответа. Он считал, что «лишать человека возможности помочь малолетним детям – это несправедливо, незаконно и противоречит всем принципам советского, пролетарского правосудия...»^[501]

Не ответили и на его просьбу предоставить адрес старшего сына Александра – его любимого Лютика. Он знал, что его отправили в Алма-Ату, как и то, что он клянет отца за «свалившуюся на него катастрофу». Тем важнее было для Каменева пообщаться с ним. За Юрика он меньше беспокоился, так как тот находился в Москве и явно у друзей. Каменев считал, что его такими методами игнорирования перевоспитывают, но полагал, что уже староват для этого.

Льва Борисовича бросало из крайности в крайность. То он бодрился и с энтузиазмом принимался за литературную работу, то впадал в отчаяние. «Жизнь, как она мне сейчас дана, обесценена вконец, цена ей – ломаный грош, – так охарактеризовал свою жизнь в заключении Каменев. – Но за самое последнее время сделано все, чтобы ее еще и совершенно обесмыслить... смысла тянуть лямку вообще нет»^[502].

И при всем при том Каменев на удивление оставался верен идеалам революции. «Что бы ни случилось с каждым из нас и в истории человеческого рода, день этот навсегда прославлен в веках как начало новой эры человечества», – вот так он отзывался об Октябрьской революции. Более того, он считал себя счастливым, потому что являлся современником и участником таких событий. В письмах сыну Волику он писал о социализме: «Рабочие и крестьяне во всем мире поддерживают СССР и с любовью и надеждой смотрят на действия Сталина и его товарищей и помощников». Пребывая в заключении, он умудрялся посылать сыну гербарии из тюремного сада^[503].

Занятия Каменева, как и у всех заключенных, не отличались разнообразием. Он много читал и играл в шахматы. Гулял по три часа в день во дворе, разглядывая огород, выращенный заключенными. Еду давали однообразную и элементарную, но это его не волновало, Каменев всегда был непритязателен в еде. Главное, он сохранял здоровье.

Чтобы чем-то занять себя, Каменев взялся за исследование по неоконченной повести Пушкина «История села Горюхина». Перечитывал Ленина и Маркса, книги из уездной библиотеки, газеты

«Известия» и «Правда». Пытался тренировать память, занимался итальянским языком и читал Петрарку в оригинале со словарем.

Из всех просьб, которые озвучил Каменев, удовлетворили только одну – ему разрешили переписываться с женой. Но сначала его письма оставались без ответа. Лев Борисович очень переживал по этому поводу. Ему было важно знать, что Татьяна не отреклась от него. Он даже договорился через энкавэдэшников узнать причину отсутствия писем.

А все это время его супруга писала ему письма, много писем, но не отправляла. Первое письмо, которое она отправила, написано 12 ноября. Она была очень обижена на него. Это сквозит в ее письмах. Ведь ее исключили из партии и сослали черт-те куда не только за потерю партийной бдительности, а за отстаивание невинности Каменева в убийстве Кирова. Прошел почти год, а Глебова так и не смогла простить ему того, что он признал себя виновным на суде. «Я ручалась за твою невинность своей партийной жизнью и честью. Я оказалась обманщицей перед партией», – еще раз напомнит ему Татьяна в письме. Партия много значила не только для Каменева, но и для нее. И ее ранило, что Каменев не понимал этого.

Даже после того, как его жену и младшего сына отправили в ссылку на Алтай, Каменев в письмах все больше говорил о себе, о своих переживаниях, своих занятиях. Обижаясь на мужа и заявляя, что жизнь для нее кончена, Татьяна все же пишет, как дела у Волика, и о том, что он очень скучает по папе. Зная, что Зиновьев отбывает наказание в той же Верхнеуральской тюрьме, Глебова просила, чтобы он не смел верить ему, в его дружеские чувства: «Все это ложь и притворство, спекуляция на твоём добродушии и одиночестве»^[504].

Зря Татьяна тревожилась, что Каменев мог каким-то образом общаться с Зиновьевым. Все, что произошло за последний год, заставило Каменева по-другому посмотреть на Зиновьева. Всю его семью, которую он прежде звал не иначе как «зиновьишки», теперь он называл «мертвые люди», а самого Зиновьева в душе ненавидел.

Хотя после всего пережитого кто может его в этом упрекнуть. Татьяна сама себя кляла, что в 1932 году на даче по-соседски продолжала общаться с Зиновьевым, выслушивала его недовольство политикой коллективизации. Если бы она только знала, чем это все обернется для ее семьи.

Глебова в своих письмах умоляла Каменева пожалеть ее и не разрывать ее сердце жалобами: «Всеми прошедшими годами я доказала тебе, что твоя боль мне больнее моей. Не пиши мне больше отчаянных писем, прошу тебя, Левушка!»^[505] Она призывала его не отчаиваться, больше писать, предлагала работать над планом «истории советской власти» и записывать все, что он помнил об октябрьских днях, все, чему был свидетелем.

Тогда, поддерживая друг друга, и Татьяна Ивановна, и Лев Борисович надеялись, что оставшиеся годы заключения и ссылки пойдут быстрее. Они убеждали друг друга, что надо беречь себя для сына.

Последнее письмо Глебова отправила Каменеву 10 июня 1936 года. В нем она рассказывала о новых интересах Волика, о болезни Горького, о готовящейся посылке для Льва Борисовича. Тогда она не подозревала, что это последнее письмо и что уже всю идет подготовка к историческому судебному процессу, о котором будут говорить и писать спустя 85 лет. Надежда, что она еще увидит мужа, теплилась в ее душе. Но сбыться этой надежде было не суждено.

Судебный процесс по «Кремлевскому делу» опять не произвел нужного для Сталина эффекта. Так называемая оппозиция, вернее ее остатки, так и не призналась в террористических действиях, а следствию не удалось найти необходимые доказательства, чтобы эти признания выбить. Поэтому точку было ставить рано. НКВД не оставлял попыток обвинить зиновьевцев в терроре и заговоре с троцкистами. Аресты бывших оппозиционеров продолжались с переменным успехом.

9 февраля 1936 года вышла директива НКВД, в которой четко ставилось требование ликвидации всех дел по троцкистам и зиновьевцам ради ликвидации «без остатка» всего этого подполья^[506]. И вот новые обстоятельства позволили продвинуться в этом деле.

23 февраля 1936 года была арестована очередная группа бывших троцкистов – политредактор Главлита А. И. Шмелев, литературный сотрудник Комакадемии И. И. Трусов. Однако здесь энкавэдэшникам повезло больше, чем когда-либо. У Трусова обнаружили и изъяли личный архив Троцкого периода 1927 года. Он состоял из небольшого количества документов и материалов Венской конференции 1912 года, документов, писем, заявлений за 1927 год, копий переписки В. И. Ленина с Л. Д. Троцким за 1918–1922 годы, выписок из протоколов заседания Центрального бюро Заграничной делегации РСДРП, копий того самого «Завещания Ленина» и др.^[507] Сталин распорядился передать весь архив Троцкого Ежову, обязанному теперь присутствовать на всех допросах арестованных^[508].

Это дало возможность начать официальное следствие и привязаться к делу Троцкого. 31 марта 1936 года Ягода направил всем начальникам УНКВД новую директиву с указанием максимально быстро вскрыть и разгромить троцкистское подполье. Это не заставило себя долго ждать. К апрелю были арестованы 508 человек, 166 из них признаны террористами.

В апреле – июне 1936 года по обвинению в принадлежности к троцкистско-зиновьевской организации подверглись аресту Е. А. Дрейцер, И. И. Рейнгольд, Р. В. Пикель, К. Б. Берман-Юрин, Э. С. Гольцман, М. И. Лурье. На каком основании их арестовали – неясно. Однако на допросах они признавались, хотя и не сразу, что служили

связующим звеном между Троцким и зиновьевцами. Именно они встречались с Троцким и Седовым и получали от них прямые директивы для Каменева и Зиновьева о создании блока для проведения террористических актов против руководителей партии и правительства. На самом деле никто из них ни с Троцким, ни с Седовым не встречался, и это даже подтверждала советская агентура, однако для следствия главным было добиться их признания, и неважно, какими методами.

20 мая 1936 года Политбюро приняло очередное постановление: «Всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной коллегии Верховного суда с применением к ним в соответствии с законом от 1 декабря 1934 года расстрела. Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1 декабря 1934 года».

19 июня Ягода и Вышинский представили такой список, внеся в него 82 человека, якобы причастных к террору. Одновременно был поднят вопрос о предании суду Зиновьева и Каменева как организаторов террора по закону от 1 декабря 1934 года. Ежов приступил к подготовке дела, но Сталин пожелал провести один процесс и над зиновьевцами, и над троцкистами^[509]. Впоследствии таковой получит название процесса по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», а войдет в историю как «Первый Московский открытый процесс».

Именно с этого времени начинается активная работа по созданию дела о «троцкистско-зиновьевском центре». Кроме того, что продолжились аресты, в Москву из разных мест были этапированы уже судимые по делу «Московского центра». В том числе и Каменев. 17 июля 1936 года его из Верхнеуральской тюрьмы особого назначения перевели в Бутырскую.

Практически к каждому арестованному были посажены агенты с целью добиться новых доказательств. Однако никому в разговорах с сокамерниками не удалось добиться признания в участии в заговоре против правительства.

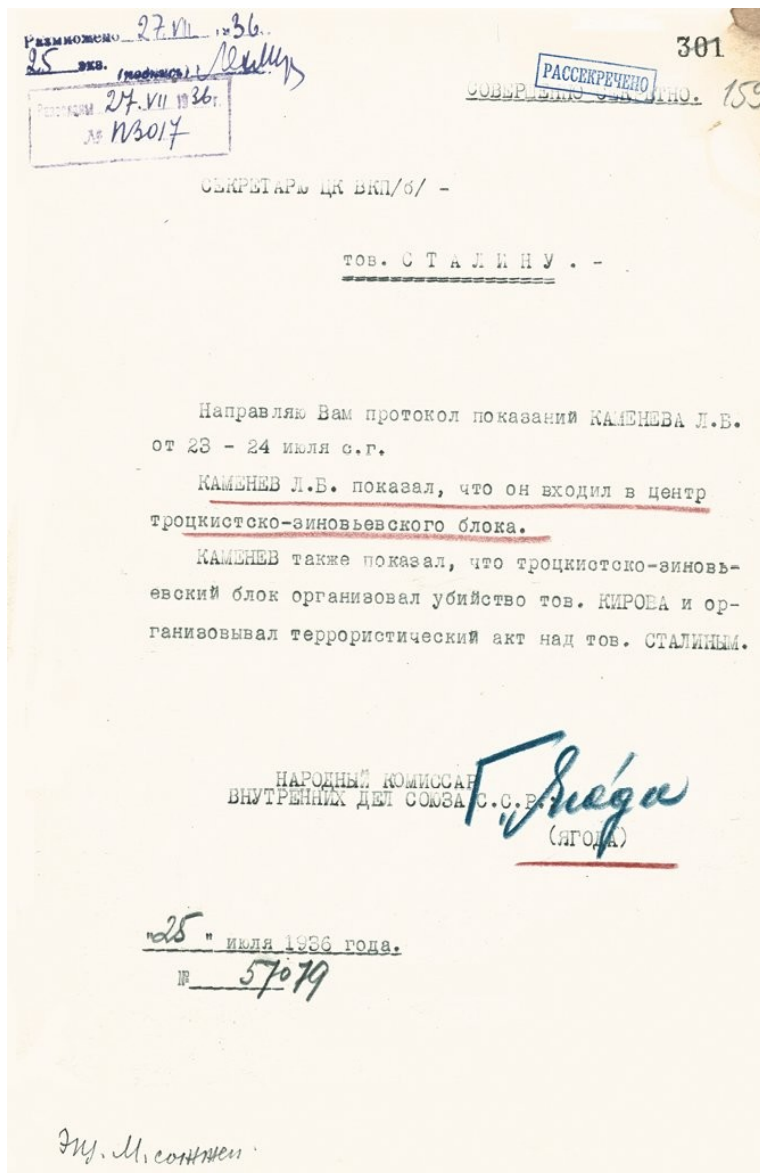
В камере с Каменевым «сидел» бывший сотрудник НКВД Л. Д. Радин, которого якобы обвиняли в том, что он троцкист. Каменев охотно поддерживал с ним разговор, даже успокаивал его. Про себя же он говорил, что ни в чем не виноват и никакой подрывной деятельности, направленной против партии и Советского правительства, никогда не вел.

Ключевым событием лета 1936 года стал проведенный 23 июля 1936 года передопрос Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля, которые подтвердили информацию об образовании на террористической основе «объединенного центра» троцкистов и зиновьевцев в составе Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. Н. Смирнова, В. В. Ломинадзе, Е. А.

Дрейцера, И. И. Рейнгольда, Р. В. Пикеля, С. В. Мрачковского, И. П. Бакаева и др.^[510]

Каменева первый раз допрашивали с 23 на 24 июля комиссар госбезопасности 2-го ранга Миронов и старший лейтенант госбезопасности Ярцев^[511].

Следователи ознакомили Каменева с показаниями против него. Якобы Тер-Ваганян подтвердил, что вел переговоры с Каменевым о необходимости объединить троцкистскую и зиновьевскую контрреволюционные организации. Каменев настаивал на том, что невиновен, ни с кем не встречался, не вел никаких переговоров и ни о каком едином центре не могло быть и речи, потому что он давно отошел от оппозиционных идей. Но следователей такой расклад не устраивал. У них имелись четкие установки. Нужно было во что бы то ни стало «выбить» признательные показания о сговоре троцкистов и зиновьевцев.

Докладная записка наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды И. В. Сталину о признательных показаниях Л. Б. Каменева
25 июля 1936
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 229. Л. 159]

Всем следователям дали общую установку: все троцкисты - террористы, зиновьевцы и троцкисты встали на путь террора. Нет невинных троцкистов. Цель - признание вины и показания о терроре. Поэтому для того, чтобы принудить арестованных подписать ложные протоколы, их обманывали, обещали свободу или легкое наказание, внушали, что такие показания нужны в интересах партии и государства для разоблачения истинных врагов. Протоколы допросов писались

следователями^[512], в случае отказа подписать протоколы следователи угрожали расстрелом без суда, организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток. Именно таким образом были добыты показания Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля.

Точно неизвестно, как именно заставили Каменева оговорить себя. Но он находился в подавленном моральном и физическом состоянии. Ночной допрос, угрозы в адрес семьи, взывания к совести и ответственности перед партией, показания ранее арестованных о том, что он и Зиновьев вели переговоры с троцкистами о создании единого центра борьбы с руководством страны и партии привели к тому, что Каменев перестал сопротивляться, к обвинениям относился безразлично и в итоге 24 июля подписал протокол с признательными показаниями о создании центра:

– Я признаю, что мы, руководители зиновьевской контрреволюционной организации, в 1932 году действительно пришли к решению о необходимости объединения с троцкистами, и добавляю, что не только мы добивались объединения с троцкистами, но и последние в лице Смирнова, Ваганяна, Мрачковского энергично и настойчиво искали встречи и добивались блока с нами.

При этом даже из подложного протокола допроса видно сопротивление Каменева. Не с первого раза в протоколе сформулирована цель объединения зиновьевцев и троцкистов. И только на 7-й странице протокола появляется информация, что центр был создан для совместной подготовки и совершения террористических актов против руководителей ЦК, и в первую очередь против Сталина^[513]. Однако, как ни добивались следователи, Каменев не признал своего участия в практической подготовке убийства Кирова и Сталина.

Следователи не унимались:

– Вы говорите неправду. Вы скрываете от следствия из-за боязни ответственности свое практическое участие в террористической деятельности. Повторяю, что показаниями ряда обвиняемых Вы в этом изобличены.

Каменев настаивал, что ничего не знал о подготовке терактов:

– Я все же утверждаю, что, хотя войдя в центр троцкистско-зиновьевского блока, непосредственно подготовкой террористических актов не руководил.

Однако отрицал он свое участие недолго. Следующий допрос прошел в ночь с 28 на 29 июля 1936 года^[514]. Каменеву предъявили показания Г. Е. Зиновьева, И. П. Бакаева, Н. А. Карева, И. И. Рейнгольда. Кто знает, какие еще методы допроса были применены к Каменеву, но в итоге ему пришлось признать и свое участие в подготовке террора:

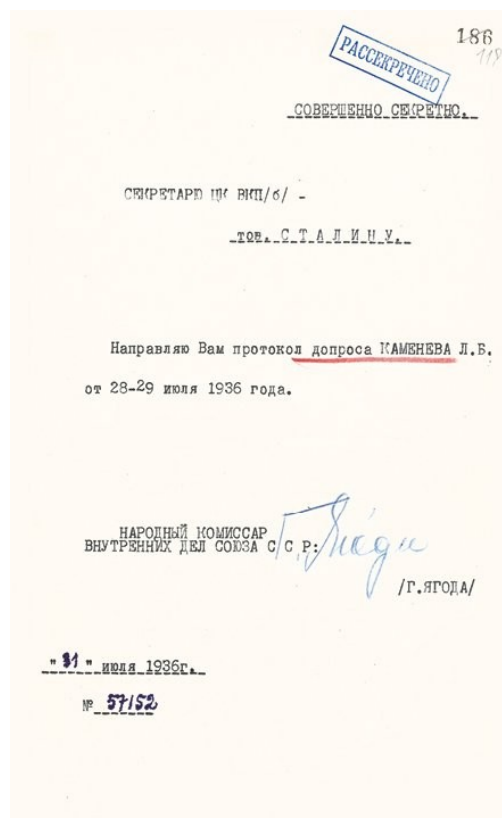
– Я до сих пор действительно старался, извращая факты, по возможности не признавать своего участия в практическом осуществлении решения центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. На самом

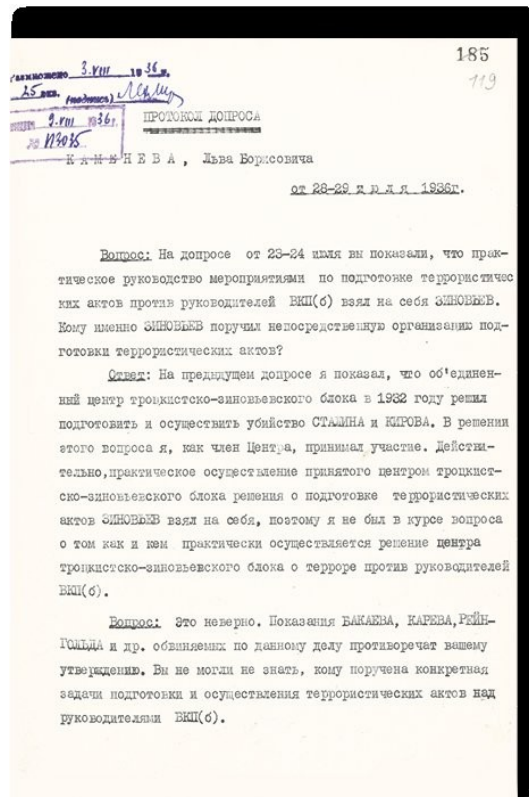
деле это было не так... Признав террор единственно реальной мерой борьбы против руководства партии и неся полную ответственность за практическую террористическую деятельность нашей организации, я, конечно, не могу не участвовать в решении практических мер по осуществлению задуманного террористического заговора.

Однако кроме этого никакой конкретики добиться от Каменева не удалось. Оно и понятно. Сложно выдумать то, в чем никогда не участвовал.

Следователь пытался выбить информацию о существовании других террористических групп в Москве и Ленинграде, но Каменев говорил, что ничего о них не знает.

Но это уже имело второстепенное значение. Следователи добились главного – признания вины в убийстве Кирова.

*Протокол допроса Л. Б. Каменева с приложением сопроводительной записки Г. Г. Ягоды И. В. Сталину
28-29 июля 1936
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 230. Л. 118, 119]*

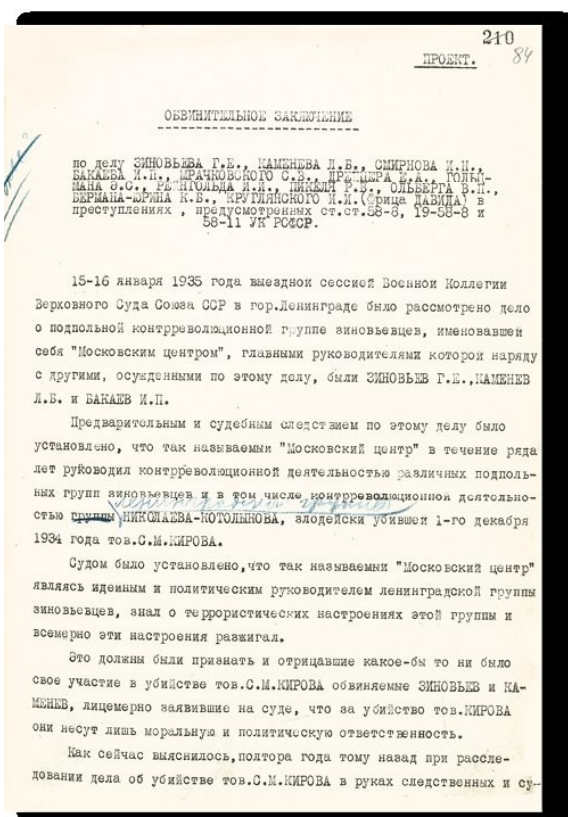
«Зиновьев, я – Каменев, Бакаев и Гертик по поручению центра троцкистско-зиновьевского блока силами зиновьевской террористической группы Румянцева и Котолынова 1 декабря 1934 года в г. Ленинграде убили Сергея Мироновича Кирова» – это главное, что было нужно. Для этого и велись все допросы.

Многие могут подумать, что Каменев сам виноват, как и все допрашиваемые, что сознались в несуществующем заговоре. Однако не стоит забывать, что все ранее арестованные были деморализованы. А у Каменева к тому же выработался «комплекс вины» за свою прошлую оппозиционную деятельность, который он в полной мере продемонстрировал на процессе «Московского центра», где со слезами на глазах признал политическую ответственность за убийство Кирова. И давление – «так требует партия» – для него также играло большую роль. Но главным тогда для него являлась семья, его дети. Он надеялся, что их не тронут.

Сразу после этого Николай Ежов сел за составление проекта закрытого письма ЦК «О террористической деятельности троцкистско-

зиновьевского блока». В тот же день, 29 июля 1936 года, Сталин, внеся небольшие уточнения о троцкистах и существовании единого зиновьевско-троцкистского блока, утвердил его.

В письме говорилось, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей партии, но и авторами прямых указаний как об убийстве Кирова, так и о готовящихся покушениях на других руководителей партии, и в первую очередь Сталина, – «зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами». Киров убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока. Объединенный центр главной своей задачей ставил убийство Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Письмо предопределило дальнейший ход следствия и судебного процесса. С этого дня началась подготовка к открытому судебному процессу над троцкистско-зиновьевским блоком^[515].

центра и под непосредственным руководством обвиняемого БАКАЕВА, было осуществлено 1-го декабря 1934 года злодейское убийство тов. С.М.КИРОВА.

Признанные в качестве обвиняемых по настоящему делу ЗИНОВЬЕВ Г.Б., КАМЕНЕВ Л.Б., БАКАЕВ И.П., МРАЧКОВСКИЙ С.В., ДРЕЩЕР Б.А., ОЛЬБЕРГ В.Н., КРУТИНСКИЙ И.И. (Бриц Давид), ГОЛЬЦМАН Э.С., ПИКЕЛЬ Р.В., РЕЙНГОЛЬД И.И., БЕРМАН-ШРИН К.Б. - полностью признали себя виновными в пред"явленном им обвинении.

Обвиняемый И.И.СМИРНОВ, признавая свое участие в об"единенном центре троцкистско-зиновьевского блока, личную связь с Л.ТРОЦКИМ и встречи с Л.ТРОЦКИМ во время своего пребывания в 1930 году за границей, а также и то обстоятельство, что связь с ТРОЦКИМ он поддерживал вплоть до своего ареста в 1933 году, категорически отрицает как террористическую деятельность об"единенного троцкистско-зиновьевского центра, так и свое участие в этой террористической деятельности. Однако, обвиняемый И.И.СМИРНОВ изобличается в качестве участника террористической деятельности об"единенного центра показаниями обвиняемых С.В.МРАЧКОВСКОГО (т.ХХІХ, л.л.76-84), ДРЕЩЕРА (т.ХХІ, л.л.63), САЗОНОВА А.Н. (т.ХХІ, л.л.296), РЕЙНГОЛЬДА И.И. (т.ХХІ, л.л.138), ЗИНОВЬЕВА Г.Б. (т.ХІІ, л.л.36), КАМЕНЕВА Л.Б. (т.ХІІ, л.л.28) и ПИКЕЛЯ Р.В. (т.ХХІ, л.л.78).

На основании изложенного, обвиняются:

1. ЗИНОВЬЕВ Григорий Евсеевич, 1883 г.р., служащий, ~~исключенный из ВКП/б/~~, осужденный в 1936 году по делу "Московского центра";
2. КАМЕНЕВ Лев Борисович, 1883 г.р., служащий, ~~исключенный из ВКП/б/~~, осужденный в 1936 году по делу "Московского центра";
3. БАКАЕВ Иван Петрович, 1887 г.р., ~~исключенный из ВКП/б/~~, осужденный в 1936 году по делу "Московского центра";

Записка А. Я. Вышинского И. В. Сталину о предоставлении проекта обвинительного заключения

7 августа 1936

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 233. Л. 83, 84, 109]

СОВ. СЕКРЕТНО. 83

214

ЦК ВКП /б/ - тов. СТАЛИНУ И.В.

Согласно Вашему поручения направляю проект обвинительного заключения.

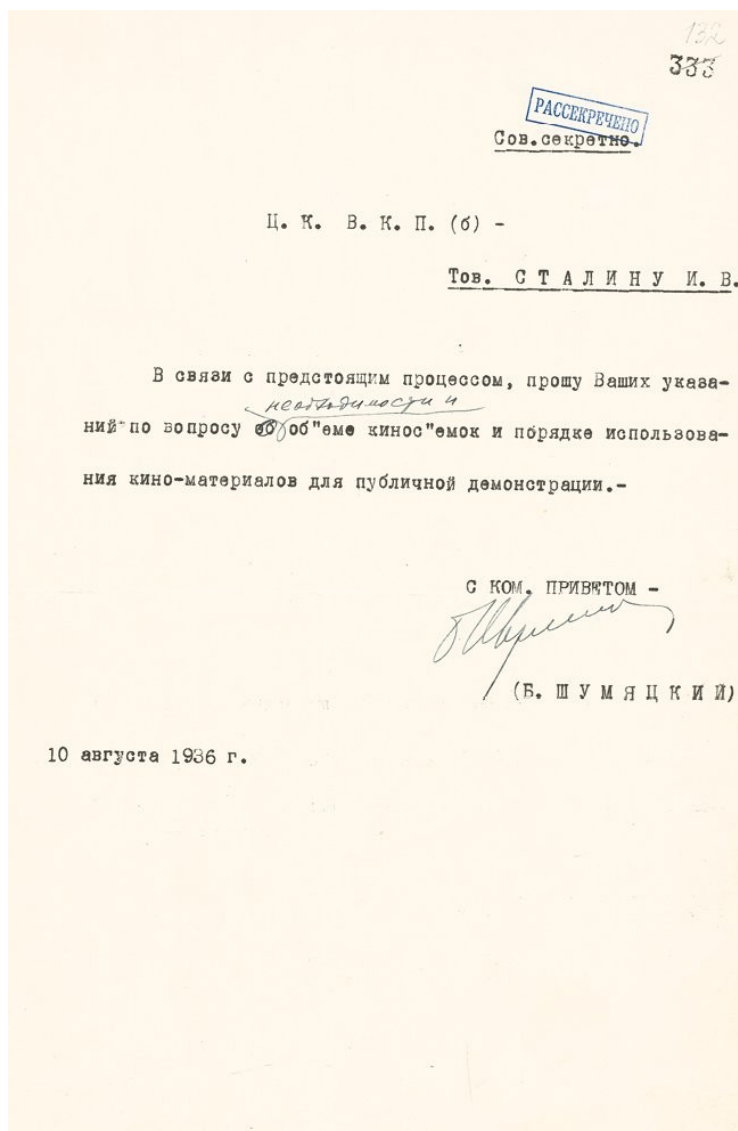
А. Вышинский (А. Вышинский)

"7" августа 1936 г.

ВМ-23кз.

И.В.С.

Прил.: 4 экземпляра

Записка Б. З. Шумяцкого И. В. Сталину о киносъемках судебного процесса

10 августа 1936

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 232. Л. 132]

Это все усложняло работу. Теперь получить признательные показания на допросах – полдела. Нельзя было допустить, чтобы на заседании суда подсудимые отрицали свои показания, как на процессе по «Кремлевскому делу».

Сразу после отправки закрытого письма Вышинский начал готовить проект обвинительного заключения. 7 августа 1936 года тот был готов и представлен Сталину. Изначально в нем значились 12 обвиняемых. Сталин своей рукой вписал еще двоих – М. И. Лурье и Н. Л. Лурье.

10 августа 1936 года, за девять дней до начала судебного процесса, Сталин просматривал уже поправленный вариант обвинительного заключения и внес еще две фамилии – Г. Е. Евдокимова и В. А. Тер-Ваганяна ^[516].

10 августа обвиняемым объявили об окончании следствия. Но сотрудники НКВД работу с обвиняемыми продолжили: были получены дополнительные показания и собственноручные заявления, впоследствии положенные в основу приговора.

Каменева допрашивали еще несколько раз – 10 и 14 августа ^[517]. Однако все эти допросы уже касались уточнений по поводу причастности Сокольников, Серебрякова, Радека, Томского, Бухарина, Рыкова, их осведомленности о создании троцкистско-зиновьевского блока и их отношения к нему. Кроме того, Каменев подвергся дальнейшей обработке с целью закрепления полученных от них показаний и новых данных о преступной деятельности.

14 августа 1936 года, после получения от обвиняемых всей необходимой информации, Сталин уехал в отпуск в Сочи ^[518]. Однако он контролировал весь ход подготовки судебного процесса – и технические, и организационные моменты. Ежов и Каганович, имевший неофициальный статус заместителя И. В. Сталина в Политбюро во время его отпусков, постоянно информировали Сталина. Ежову вообще было поручено «общее наблюдение» за организацией и ходом процесса ^[519].

187

В ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА С.С.Р. 180 (819362.)

Народный Комиссариат Внутр. Дел СССР

Органами НКВД СССР ~~в Ленинграде~~ был вскрыт ряд террористических троцкистско-зиновьевских групп, готовивших по прямым указаниям находящегося за границей Л. ТРОЦКОГО и под непосредственным руководством так называемого об*единенного центра троцкистско-зиновьевского блока ряд террористических актов против руководителей ВКП/б/ и советского государства.

Следствием установлено, что троцкистско-зиновьевский блок организован в 1932 году по указаниям Л. ТРОЦКОГО и ЗИНОВЬЕВА в составе: ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, БАКАЕВА, СМЕРНОВА И. Н., МРАЧКОВСКОГО, ТЕР-ВАГАНГА и др., и что совершенное 1 декабря 1934 года ленинградской террористической группой НИКОЛАЕВА-КОТОЛЬНОВА злодейское убийство тов. С. М. КИРОВА было подготовлено и осуществлено также по непосредственным указаниям Л. ТРОЦКОГО и *Зиновьева* этого об*единенного центра.

Следствием также установлено, что в целях совершения террористических актов против руководителей ВКП/б/ и советского государства непосредственно Л. ТРОЦКИМ был переброшен из заграницы в СССР ряд троцкистских террористов /В. ОЛЬБЕРГ, БЕРМАН-БРИН, Фриц ДАВИД, Н. ЛУРЬЕ, М. ЛУРЬЕ и др./.

В настоящее время следствие по этому делу закончено.

Обвинительное заключение утверждено Прокурором Союза ССР и направлено с делом для рассмотрения в открытом судебном заседании в Военную коллегию Верховного Суда Союза ССР.

Предаются суду:

ЗИНОВЬЕВ Г. Е., КАМЕНЕВ Л. Б., СМЕРНОВ И. Н., БАКАЕВ И. П., МРАЧКОВСКИЙ С. В., ДРЕЙЦЕР Е. А., ГОЛЫМАН, Э. С., РЕЙНГОЛЬД И. И., ПИНЧЕЛЬ Р. В., ОЛЬБЕРГ В. П., БЕРМАН-БРИН К. Б., Фриц ДАВИД /КРУГЛЯНСКИЙ И. И./, ЛУРЬЕ М. и ЛУРЬЕ Н.

Дело слушанием в Военной коллегии Верховного Суда ССР назначено на 15 августа с.г.

*Опубликовано.
"Правда" № 224. 15. VIII. 1936 г.*

Х/Зинин /ТАСС/

Сообщение ТАСС «В Прокуратуре Союза ССР» об окончании следствия по делу троцкистско-зиновьевских групп

15 августа 1936

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 233. Л. 187]

*Генрих Григорьевич Ягода
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1656. Л. 9]*

Он-то и выработал порядок, в котором определены временные рамки слушания дела; порядок допроса обвиняемых и свидетелей; указано на необходимость выявить «в полном объеме» роль гестапо, а также не препятствовать обвиняемым называть причастных, но не преданных суду лиц; В. В. Ульриху давалось поручение подготовить проект приговора не позднее 18.00 20 августа 1936 года, а Ягоде и Ежову поручалось распределение билетов на процесс^[520]. Сталин все одобрил^[521].

Ради проведения открытого процесса даже выпустили специальное постановление ЦИК СССР^[522], в соответствии с которым этот процесс рассматривался не по закону от 1 декабря 1934 года^[523]. В постановлении указывалось, что дело Зиновьева, Каменева и др. будет слушаться Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР с соблюдением всех правил, установленных УПК РСФСР.

*Николай Иванович Ежов
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 32. Д. 73. Л. 1]*

Особое внимание было уделено отбору присутствующих на процессе. В адрес Николая Ежова различными инстанциями присылались списки желающих присутствовать на процессе^[524]. Из работников прокуратуры Ежов допустил на процесс шесть человек^[525], одного дипломата, 27 человек послов и поверенных в делах Австрии, Англии, Афганистана, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Ирана, Италии, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Норвегии, Польши, Румынии, США, Турции, Эстонии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Японии^[526].

В зал суда было допущено 30 корреспондентов иностранной прессы^[527] в сопровождении заведующего отделом печати НКВД Г. А. Астахова и его заместителя Б. М. Миронова. В зале присутствовало 40 работников советской печати. Кроме того, на процесс пришли семь представителей зарубежной коммунистической прессы^[528]. На них процесс произвел большое и, как указал Ежов, «ошеломляющее» впечатление. Особенно поразили передопросы Каменева и Зиновьева^[529].

Кроме того, устанавливались правила публикации материалов процесса. Весь материал в газетах должен был выходить под заголовком «Троцкистско-зиновьевский террористический центр», перед этим пройдя цензуру специально созданной для этого комиссии^[530].

Ей предписывалось «при каждом опубликовании в печати показаний подсудимых давать краткие справки: какова роль подсудимых в оппозиции; каковы отношения личные и в организации с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, какова роль в террористической

организации»^[531]. Комиссии надлежало следить за распространением этих данных в иностранной печати через присутствующих иностранных корреспондентов.

5706

С) Считать возможным допустить на процесс послов иностранных государств, выдав им билеты персонально.

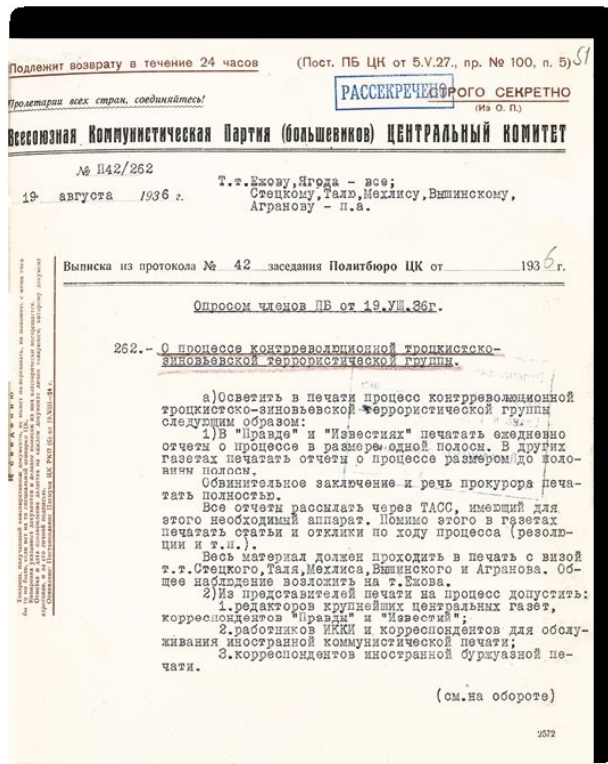
СЕКРЕТАРЬ ЦК

5-ВМ

Отпечатано	5 5 н/н экз.
Отправлено	2 5 н/н экз.
Слано в Т. Д.	5 н/н экз.

Дополнительно послано
т. т. Паша-н. с. К. - 1 экз. - 1 экз. - 1 экз.

16.3.74
Выписка из протокола заседания

*Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о процессе контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической группы (первый московский открытый процесс)
19 августа 1936
[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 234. Л. 51-51 об.]*

19 августа в 12 часов в Колонном зале Дома союзов в присутствии работников прокуратуры, послов различных стран и иностранных корреспондентов началось первое заседание суда.

«Верховный суд идет, прошу встать», – объявил комендант суда.

В зал вошел уже знакомый Каменеву председатель Ульрих:

– Заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР объявляю открытым. Слушается судебное дело Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова и других по обвинению по статье 58-8 УК. Подсудимые и свидетели все налицо?

Секретарь подтвердил, что все на месте:

– Подсудимые налицо, свидетели – в свидетельской комнате.

Опрашивать всех обвиняемых, получили ли они обвинительное заключение, Ульрих начал с Каменева.

Тот, в свою очередь, пробубнил:

– Да, получил.

После опроса оставшихся 15 человек Ульрих объявил состав суда:

– Армвоенюрист Ульрих В. В., члены суда: корвоенюрист Матулевич И. О., диввоенюрист Никитченко И. Т. и запасной судья Голяков И. Т. Обвинение поддерживается прокурором Союза ССР Вышинским А. Я., секретарь Костюшко А. Ф. Отводов нет? Ввиду того, что подсудимые отказались от защитников и взяли на себя защиту, разъясняю, что они имеют все права защитников и получают право заключительной речи по статьям 55 и 304 УПК. Имеются ходатайства у прокуратуры?

Вышинский ответил:

– Нет ходатайств.

Тогда Ульрих обратился к подсудимым:

– У Вас нет ходатайств о вызове дополнительных свидетелей, приобщении материалов?

– Имею заявление – жестко сказал Каменев в тишину. – Я после получения обвинительного заключения написал на имя суда заявление, прошу на него ответа.

Андрей Януарьевич Вышинский

1932

[РГАКФД. 4-34626]

*Василий Васильевич Ульрих
1930-е
[РГАКФД. 5-10423]*

Ульрих подтвердил:

- Заявление получено.
- Я ходатайствую об удовлетворении.

Вышинский разъяснил присутствующим:

- В этом заявлении обвиняемый Каменев ходатайствует о том, чтобы свидетель Яковлев был допрошен после него. С моей стороны возражений нет.

- Суд удовлетворяет ходатайство подсудимого, - ответил Ульрих. - Больше ходатайств нет? Свидетелей я вызову в тот момент, когда придется их допрашивать. Товарищ секретарь, огласите обвинительное заключение.

Далее шло долгое зачитывание обвинительного заключения. Подсудимые все это уже читали. Каменев с опущенной головой отрешенно смотрел перед собой. Он прекрасно понимал, чем все это закончится.

А секретарь уже зачитывал:

- Осужденные по делу «Московского центра» Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев в действительности не только знали о террористических настроениях своих приверженцев в Ленинграде, но и были прямыми организаторами убийства товарища Кирова. Следствием также установлено, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и ряд других обвиняемых по настоящему делу, о которых будет сказано ниже, были инициаторами и организаторами готовившихся покушений на жизнь и других руководителей партии и Советского правительства.

Следствием равным образом установлено, что свою преступно-террористическую практику зиновьевцы проводили в прямом блоке с троцкистами и находившимся за границей Троцким.

Далее приводились примеры из допросов, которые доказывали, что в 1932 году был образован объединенный троцкистско-зиновьевский центр, поставивший своей задачей в целях захвата власти совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Слушая это, Каменев думал: «Неужели они в это верят»?

В конце обвинительного заключения все 16 человек обвинялись в том, что, «будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева»^[532].

Интересно, что фамилию Кагановича вписал сам Каганович, когда просматривал проект обвинительного заключения.

Далее был опрос подсудимых – признают ли они себя виновными? Все отвечали согласием.

– Подсудимый Каменев, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Каменев сухо ответил: «Да».

Первый день суда для Каменева прошел спокойно. Допрашивали Мрачковского, Евдокимова, Дрейцера, Рейнгольда, Бакаева, Пикеля. Каменеву изредка задавали вопросы. На все он отвечал утвердительно: «Подтверждаю».

– Обвиняемый Каменев, – спросил Вышинский, – присоединяетесь ли Вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами злодейского убийства товарища Кирова были Вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора, но он солидаризировался с Вами?

Каменев ответил кратко:

– Да.

Допрос Льва Борисовича начался уже 20 августа 1936 года в 11 часов утра^[533]. Вопросы задавал тот же Вышинский:

– Пожалуйста, в двух словах, скажите о мотивах, которые Вас привели к образованию объединенного троцкистско-зиновьевского центра, – попросил Вышинский.

Каменев отдавал себе отчет, что не существует никакого центра, никакого заговора, никакого террора. Но он понимал, что обратной дороги уже нет и надо собрать остатки сил и оговорить себя.

– Выступающие передо мной говорили здесь о блоке, троцкистско-зиновьевском блоке на террористической основе. Я думаю, что это неправильная терминология, она затушевывает сущность дела и маскирует ее.

Громко, не торопясь, Каменев начал свой двухчасовой рассказ:

– Я обвиняюсь и даю сейчас показания по делу о террористическом заговоре. Террористический заговор был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким.

Не забыл Каменев произнести и хвалебные речи в адрес руководства партии и государства, которое провело народ через коллективизацию и индустриализацию и стало настолько сплоченным, что рассчитывать на трудности внутри партии, на «крах их политики» оппозиции было уже нельзя. На самом деле, говоря это, Каменев несколько не лукавил – мощный скачок в индустриализации произвел на него глубокое впечатление. Ведь изначально он не верил в это.

Тем страннее звучали дальнейшие его слова о желании продолжить борьбу методами заговоров и террора. И причины он называл две: «бесконечное озлобление» и «жажда власти». При этом Каменев не мог ответить Вышинскому, в связи с чем возникло это озлобление. А жажда власти – это было смешно слышать всем, кто знал Каменева.

Кроме прочего Каменев рассказывал о «Рютинской платформе», о связи с «правыми»: Томским, Бухариным и Рыковым. Вышинский зацепился за эту информацию и стал уточнять:

– Вы говорили с Бухариным и Томским о мерах в связи с террористическим заговором?

– Я говорил с Томским. Он считал, что это есть единственный метод, который остается у групп, враждебных правительству при данной обстановке.

Вечером, передавая сообщение Сталину, Ежов особо выделил этот момент: «Характер сенсации имели показания Каменева о его переговорах с правыми вплоть до 1934 года через Томского, линию которого целиком разделяли Бухарин и Рыков. Каменев также показал о запасном центре, назвав Сокольникова, Серебрякова и Радека»^[534]. Зачем Каменев решил оговорить и «правых», не ясно. Но Томский не смог пережить такого позора и застрелился.

Вышинский, допрашивая Каменева далее, напомнил ему о статье «25 лет», изданной в 1933 году, и его заявлении, в котором он выражал преданность партии. Каменев продолжал говорить то, чего от него ждали:

– Я делал это во исполнение вполне определенного, выработанного плана захвата власти, который заключался в сочетании террористических действий с двурушничеством^[535].

Периодически Вышинский отвлекался на Зиновьева, спрашивая того, подтверждает ли он эти слова. Зиновьев на все отвечал: «Да».

В сообщениях Сталину Ежов говорил, что Каменев держится вызывающе: «Пытается рисоваться, изображая из себя вождя»^[536]. На самом деле так получалось, скорее, от безысходности. Каменев отвечал на вопросы кратко, сухо, где-то даже дерзко, иногда вступая в спор с Вышинским. Он отрицал, что его деятельность была направлена против социализма, хотя Вышинский настаивал:

– Вы отчетливо себе представляете, что ведете борьбу против социализма?

– Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства.

– Тем самым и против социализма, – не унимался Вышинский.

Каменев протестовал:

– Вы делаете вывод историка и обвинителя. Я не обязан присоединяться к Вашему анализу, когда у меня свои настроения.

– Меня интересует Ваш план.

– О плане я Вам говорил.

– В 1932, 1933, 1934 годах, о дальнейшем я пока не говорю, Вы сами представляли собой отъявленного врага, простите за это выражение.

– Нечего мне прощать, это точная характеристика.

– Ваше практическое участие в организации убийства товарища Кирова, в частности, вопрос Вашей поездки в Ленинград – скажите тоже.

Каменев ухмыльнулся:

– Вы, значит, не интересуетесь участием Троцкого в заговоре, ни моментом организации самого заговора?

Однако Вышинского не так просто сбить с толку:

– Об этом много говорилось, и мы будем об этом говорить в конце Вашего допроса.

Каменев же больше говорил о Троцком. Он утверждал, что все указания о терроре поступали от Троцкого через Смирнова и Мрачковского.

– Мы были уверены, что директива о террористической установке есть точная директива Троцкого, так как передавалась она через абсолютно доверенных людей Троцкого.

При этом Лев Борисович избегал слова «блок», называя его «узким террористическим заговором» – организационное объединение сложилось в 1932 году и не имело никакой платформы.

Каменев рассказывал о совещании «центра» на даче в Ильинском в начале осени 1932 года, которого не было. Об организации терактов в Москве и Ленинграде, которых на самом деле не планировалось. Он рассказывал, что после возвращения из ссылки получил вторую директиву Троцкого в письме к Дрейцеру – о форсировании террористических актов.

Вышинский напомнил ему, что на суде 15-16 января 1935 года Каменев отрицал свою причастность к убийству Кирова, а сейчас говорит о его организации. На что Каменев отвечал, что «это было продолжение двурушничества»^[537]. При этом Каменев уверял, что с группой Румянцева и Котолынова он не общался, проверку подготовки теракта не организовывал.

Отдельное внимание Вышинский обратил на отношение Томского, Бухарина и Рыкова к готовящемуся теракту:

- Из разговора с Томским Вы усвоили, что эта тройка разделяла и в 1934 году Вашу террористическую позицию?

Каменев замялся:

- Я не могу точно сказать «разделяли», вообще слово «разделяли»...

- Возьмите другое слово, которое соответствует истинному положению вещей.

- Да, я могу сказать перед любым человеком и человеком, которого я сейчас обвиняю, это то, что мое сообщение о террористической деятельности у Томского не вызывало не только...

- Вы ему сообщили об этом?

- Да.

- Он знал о Вашей террористической деятельности?

- Да. Не вызвало не только никакого сопротивления...

- Но?

- Но, наоборот, для меня было совершенно ясно, что он откроет свою политическую деятельность на успехе этого.

- Это было точкой зрения только Томского или всей группы? - выпытывал Вышинский

- Я не спрашивал, - ответил Каменев.

Все вопросы крутились вокруг одной темы - создали группу, получили через сторонних людей директиву Троцкого, готовили теракт против партийного руководства. Все. Никаких подробностей. Только вопросы: кто кому что говорил, поддерживал ли идеи и в каком году - точно в 1934, а не в 1932?

Дальше были допросы, допросы. И только вечером 21 августа судебное следствие закончилось.

22 августа в 11.30 судебное заседание открылось речью гособвинителя Андрея Вышинского^[538]. Обращаясь к судьям, он не устал цитировать речи обвиняемых и протоколы их допросов, написанные следователями. Обращаясь к обвиняемым, он не скупился на эпитеты:

- Вы - кучка подлинных контрреволюционеров! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Я решительно отмечаю кошунственную параллель. Перед нами преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы - вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

В заключение Вышинский воззвал к судьям:

- Коварного врага щадить нельзя! Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав всех этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственном преступлении, применить к ним в полной мере те статьи закона, которые предъявлены им обвинением. Вzbесившихся собак я требую расстрелять - всех до одного!^[539]

Зал грохнул аплодисментами.

После перерыва стали заслушивать последние слова подсудимых. А в это время текст приговора уже был составлен и направлен Сталину^[540]. В ответной шифротелеграмме от 23 августа 1936 года тот сообщил, что одобряет текст «по существу», но указал, что необходимо его «стилистически отшлифовать». Сталин потребовал дополнить приговор информацией о том, что «Троцкий и Седов подлежат привлечению к суду или находятся под судом», поскольку «это имеет большое значение для Европы», «вычеркнуть заключительные слова: “приговор окончательный и обжалованию не подлежит”», поскольку они, по мнению Сталина, «производят плохое впечатление». Он также велел воспроизвести полностью звания членов Военной коллегии Верховного суда СССР^[541].

Каменев с последним словом выступил уже 23 августа на утреннем заседании^[542]:

– Граждане судьи! Государственный обвинитель потребовал для меня, как и для прочих обвиняемых, расстрела. Это требование естественно, законно и справедливо. Я вместе с Зиновьевым и Троцким был организатором и руководителем террористического заговора, подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Сергея Мироновича Кирова. Расстрел, уничтожение есть естественный, справедливый, законный ответ пролетарской революции против этих чудовищных преступлений...

Пролетарская революция самая великодушная из всех революций. И я заранее плюю на все те крики о жестокости вашего приговора, которые, конечно, раздадутся среди буржуазной, меньшевистской и прочей печати.

Меня не страшит, граждане судьи, то, что мне предстоит. Мне 53 года, я долго жил, много видел, видел много чудесных событий, стоял рядом со многими чудесными людьми, и надо мной тяготеет уже ваш приговор – 10 лет тюрьмы. В мой возраст этот приговор пожизненный, и сменить, заменить бесконечный ужас тюремного заключения, когда из-за решеток тюрьмы я смог наблюдать победу и расцвет социализма, – сменить этот бесконечный ужас на моментальный, хотя бы ужасный, конец – не страшно...

Но у меня есть право, которое государственный обвинитель хотел бы отнять у меня так же, как он законно и справедливо хочет отнять у меня право на жизнь. Это право на мысль, и этого права я не могу уступить. И до тех пор, покуда черепная коробка не разбита пулей, я оставляю за собой право мыслить и право подвести итоги прожитой жизни... Эта исповедь будет политической, ибо другой жизни не было у меня.

Каменев рассуждал о том, как он из соратника Ленина превратился во врага народа. Он говорил, что «террор – неизбежная судьба политических авантюристов», и если они обезврежены, то главный

организатор заговора Троцкий на свободе и представляет опасность для социалистического общества. Его политическая линия уперлась в террор.

Выступая с последним словом, Каменев уже понимал, что их не помилуют. Он не извинялся, не просил прощения. Он признавал, что, пока они барахтались в яме недовольства, в стране был построен социализм:

– У меня три сына. Военный летчик старший, пионер и октябренок, которому мы с женой дали тогда священное для нас имя Владимир. Я запятнал их путь своей деятельностью, положил преграду перед этими молодыми существами к тому, чтобы они могли вольно и свободно войти в ту веселую, радостную и творческую жизнь, которой живет молодежь нашей страны.

Пусть же они идут только по дороге, которую указывает партия Ленина – Сталина, пусть они услышат от меня – преступника, изменившего этой партии и поднявшего руки на Сталина, пусть они от меня узнают и, как заповедь, примут, что жить они должны только под знаменем Сталина, что они должны любить его, защищать и, если нужно, умереть под его знаменем и во имя того дела, которое он воплощает. Я все сказал, и приговор пролетарской революции, который изречен вашими устами, – я приму спокойно и радостно, ибо знаю, что он будет продиктован только интересами пролетарской революции, если я не сумел послужить ей до конца жизни – пусть послужу ей смертью.

Заслушав последние слова подсудимых, сознавшихся в преступлении, в 19 часов 30 минут 23 августа все удалились в совещательную комнату. Вернувшись в 2 часа 30 минут уже 24 августа, Ульрих начал зачитывать приговор:

– Именем Союза Советских Социалистических Республик...

В это время уже все подсудимые понимали, что участь их решена. На предварительном следствии и в суде все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях и дали более или менее развернутые показания о преступной деятельности.

С формальной точки зрения, вынесение обвинительного приговора было обосновано, так как они все признали себя виновными. Но при этом в нарушение закона ни следствие, ни суд не обратили внимания на противоречия в показаниях и не предприняли никаких мер для их проверки.

Органы НКВД располагали агентурными материалами, которые иногда исключали отдельные факты из показаний обвиняемых, но они их игнорировали и скрывали от суда.

На самом деле не было никаких доказательств и подтверждений от агентуры о существовании троцкистско-зиновьевского блока и связи Троцкого с зиновьевцами с 1929 года. Ведь за деятельностью Троцкого с 1929 года велось наблюдение, и все прекрасно знали, что

троцкистской оппозиции в СССР не существовало. Так, лишь отдельные ее лица поддерживали между собой дружескую связь.

Каменев слушал приговор, склонив голову и потупив глаза. Все эти обвинения он уже слышал на допросах и в суде. Они организовали троцкистско-зиновьевский террористический центр, они убили Кирова, они готовили покушение на Сталина, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева. И они во всем признались. Он признался.

*Лев Борисович Каменев. Тюремная фотография
1936*

[Из открытых источников]

«Лишь бы семью не трогали, – думал Каменев, – а я уже пожил».

Из раздумий его вырвали слова Ульриха:

– На основании изложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила: Зиновьева Григория Евсеевича, Каменева Льва Борисовича, Евдокимова Григория Еремеевича, Бакаева Ивана Петровича, Мрачковского Сергея Витальевича, Тер-Ваганяна Вагаршака Арутюновича, Смирнова Ивана Никитича, Дрейцера Ефима Александровича, Рейнгольда Исаака Исаевича, Пикеля Ричарда Витольдовича, Гольцмана Эдуарда Соломоновича, Фриц Давида (он же Круглянский Илья-Давид Израилевич), Ольберга Валентина Павловича, Берман-Юрина Конона Борисовича, Лурье Моисея Ильича (он же Эмель Александр), Лурье Натана Лазаревича, всех к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией всего личного им принадлежащего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

После оглашения приговора 24 августа 1936 года все осужденные подали ходатайства о помиловании, в том числе и Каменев: «Глубоко

раскаиваюсь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если Президиум не найдет это противоречащим будущему дела социализма, дела Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь. Л. Каменев»^[543]. Президиум ЦИК СССР все ходатайства отклонил.

На следующий день Каменева уже вели по расстрельному коридору.

За два прошедших года после ареста Каменев уже свыкся с мыслью, что этот миг настанет, что однажды его поведут на расстрел. Но все же до последнего он надеялся, что ему сохранят жизнь. Но партия решила иначе. Та самая партия, ради которой он жил.

Рядом с ним находился его друг и единомышленник Григорий Зиновьев. Всю жизнь они прошли вместе бок о бок и попрощаются с ней в один день. Осунувшийся Зиновьев был сам на себя не похож. В глазах читались злоба и страх. Каменев в этот момент если и злился, то только на себя, беспокоясь за свою семью. Им зачитали приговор, но Каменев его не слушал. В его голове были другие мысли и вопросы. Почему он здесь оказался? Какой поступок привел его сюда? Когда он ошибся? Но ответа он так и не нашел. Приговор был приведен в исполнение.

Послесловие

Льва Борисовича Каменева, как и других «врагов народа», кремировали в Донском крематории. Но сразу захоронить его прах не разрешили. В день кремации к директору крематория Петру Нестеренко явились Григорий Голов и сотрудник учетно-архивного отдела Сергей Зубкин и попросили выдать им прах Зиновьева и Каменева^[544]. Зачем? Тогда причина осталась не ясна, да и прах достаточно быстро вернули обратно. Ответ на этот вопрос появился спустя многие годы, когда открылись документы об аресте Николая Ежова. 10 апреля 1939 года при обыске его кабинета в письменном столе в конверте были обнаружены 3 пули, каждая завернута в бумажку и подписана: «Каменев», «Зиновьев», «Смирнов»^[545]. Вот зачем тогда просили прах – чтобы просеять пули и оставить их себе на память как трофей. До сих пор точно не известно, кто именно хотел ими владеть. Ведь кабинет Генриха Ягоды после его ареста плавно перешел новому наркому внутренних дел Николаю Ежову. Но сам по себе факт будоражит сознание.

Похоронен Лев Борисович в общей могиле № 1 на Донском кладбище. Сейчас она известна как могила репрессированных, но в 1930-е годы она была просто «могила невостребованных прахов».

*Общая могила репрессированных № 1 на Донском кладбище
21 мая 2022
[Из архива автора]*

Там же похоронена и вторая его супруга Татьяна Ивановна Глебова. В 1936 году о расстреле мужа ей не сообщили, зато обвинили в ведении контрреволюционных переговоров с послом иностранного государства в Москве. Основанием для этого явились якобы показания Каменева, который рассказал, что в 1934 году Глебова была направлена во французское посольство на встречу с Альфаном и интересовалась у него, как отнесется французское правительство, если к руководству СССР придет правительство Троцкого, Зиновьева и Каменева^[546]. Естественно, Каменев ничего подобного не говорил и не подписывал.

Татьяну Глебову осудили 19 августа 1937 года. Приговор привели в исполнение в тот же день.

заявил, что я "удличенный преступник" (хотя удличена я в основном именно первым показанием ГИЛБОВА) и предложил ГИЛБОВу сказать: "Что же ГИЛБОВ говорил обо мне. От помнят-ся и показания"наших же" ГИЛБОВУ, а затем на два дня повтoреннйй вопрос т. ЧЕРТОВ: "т.е. ГИЛБОВ сказал, что была та самая ГИЛБОВА, которую он знал в парике". Молчи кивнул головой, а затем подписал и в протоколе, как подписал и то, что в воспоминаниях о делегации кроме В.А.ОГРИБОВОЙ фигурировала и ГИЛБОВА. Конечно, следователь вправе задать любой вопрос и настаивать на ответе, дело чести свидетеля отвечать объективно, но со свидетелем сомнительной честности, даже укравшим деньги, как сказал мне про ГИЛБОВА т. ДМИТРИЙ, надо было следовательно держать себя объективнее - в интересах получения от него правильного ответа. Теперь, подписав свои показания, он уже повторил их без запинки.

Ну, что прошло, того не вернешь.... Что-ж дальше. Я не могу поверить, чтобы НКВД или Воен. Коллегия Верховуда отказали мне, обвиняемой в том, что другой человек послал меня совершить преступление, в очной ставке с этим человеком. Это противоречило бы не только советской, но даже буржуазной законности, даже самой элементарно гуманности.

Я прошу Вас, Генрих Григорьевич, если КАМЕНЕВ жив, послать меня к нему на очную ставку, но не с ЧЕРТОВИЧ. Дело это серьезное: может быть сам т. КОЛТАШОВ мог бы позвать со мной, ведь свидетелем туда я обратно не более двух суток (если он в ВУ). Я ручаюсь, что я заставила бы его сразу рассказать все подробности этого дела и тогда О.А. пришлось бы сознаться.

Генрих Григорьевич. Вы 2 месяца и пишу Вам уже третье письмо. Простите, но ведь ГИЛБОВ писал родным бесчисленные письма, пока они не подняли на его защиту весь культурный мир. У меня нет родных и даже, если бы я имела возможность обратиться к парт. товарищам, знающим мою личную и парт. жизнь настолько, чтоб не поверить, что я способна на такое черное преступление, то мой личный пример с защитой КАМЕНЕВА должен убедить их, что в политике нельзя верить "чувствам". Поэтому вся моя надежда на Вас, на НКВД. Я не прошу верить мне на слово: я прошу не милости, а правосудия. Прошу очной ставки с КАМЕНЕВИЧ. Я уже имею 7 мес. одиночки на самом тяжелом режиме: в полуотмытом и сыром камennom гробике 5 х 2 метра размером, без газет и книг, без передач, без денег, на более чем вегетарианской диете, без известий о ребенке, брошенном без родственников и знакомых, в суровой Сибири, где он беспрерывно хворал - у него "ГБ". Кроме того я имею 13 мес. очень тяжелой ссылки, полной болезней и лишения, усугублявшихся, конечно, моим одиночеством.

А между тем - у меня нет не только преступлений, заслуживающих такой кары, но даже серьезных проступков перед партией, кроме защиты КАМЕНЕВА, за что я наказана исключением из партии.

В прошлом году я своей рукой подписала в протоколе, что я - предатель, так как не сообщила никому о настроениях КАМЕНЕВА против руководства. Насколько я понимаю, это обви-

31/X-1936 г.

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ тов. ЛЮБЕ Генрыху
Рейгольевичу.

Генрих Григорьевич!

Две недели я добивалась от следствия разрешения написать на следствие излобу и просьбу Вам и лишь сегодня, и то под угрозой об "явлении" голодовки, получила бумагу.

Я обвиняю майора ЧЕРТОК в том, что он сделал все, от него зависящее, чтоб отградить истинных виновников приписанного мне преступления, от разоблачения, конечно, не по злому умыслу, а в административном восторге и ослепленности легкостью моего обвинения, попав таким образом на дочку врагов партии и моих врагов, прикрывшихся моим именем.

1/ЧЕРТОК отказал мне в очной ставке с КАМЕНЕВЫМ, хотя того допрашивали в соседней комнате (о чем сами т.т. ДМИТРИЙ и ЧЕРТОК мне сказали) и сама я слышала его кашель. А я бы заставила его сказать всю правду об этом деле.

После моего обращения к Вам, ЧЕРТОК сказал, что КАМЕНЕВ уехал, заболел сыпняком и вряд ли выйдет, но если и выздоровеет, то очной ставки я все равно не получу. Из этого я заключала, что КАМЕНЕВ умер.

2/Он сразу же сказал О.А., что я привлечена по делу АЛЬБАНА,*) после чего она, по наущению которой КАМЕНЕВ направил улики против меня, ясное дело не сознается добровольно, а только после разоблачения со стороны, что со смертью КАМЕНЕВА почти невозможно.

3/Ослепленность ЧЕРТОК "чужими" против меня, побудила его обвинять меня в том, что я хочу свалить с себя вину на О.А. только потому, что я "мелкий жулик", "подлая тварь", "гнусная мразь" и т.д. - хотя любой, знающий нас, мог бы сказать ему, как бережно я относилась все эти несчастные 13 лет к чувствам и интересам О.А., чего нельзя сказать о ней.

4/На мое сообщение, что КАМЕНЕВ сказал мне вскоре после визита к нему в издательство посла (АЛЬБАНА), что О.А. приглашена во французское посольство, майор ЧЕРТОК ответил, что она могла ходить туда, потому что была "бывшая" АЛЬБАНА или поставляла ему девочек или мальчиков (??). Зачем придумывать гадости, когда есть простое объяснение.

5/Когда ЧЕРТОК на очной ставке сказал, что АЛЬБАН говорил только о "мадан" КАМЕНЕВОЙ (даже не о "жене", а именно о "мадан"), а мое имя вовсе не упоминалось (как написано в его первом письменном показании), а в воспоминаниях о правдивой делегации была упомянута одна ВИНГРАДСКАЯ, майор ЧЕРТОК

*) т. ЧЕРТОК передал мне, что О.А. сказала, что она не бедный рекрут, чтоб я сваливала на нее мои грехи. Потом он от этого отперся.

Письмо Т. И. Глебовой наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде о ходе допросов и показаниях Л. Б. Каменева

31 октября 1936

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 523. Л. 9-11]

Репрессиям подверглись все сыновья Льва Борисовича.

Старший сын Александр Львович арестовывался дважды - 5 марта 1935 года и уже в ссылке в Алма-Ате 17 августа 1936 года. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян в Ленинграде 10 мая 1937 года.

Средний сын Юрий Львович был арестован вместе со своей матерью Ольгой Каменевой (Бронштейн) 20 июля 1937 года, когда приехал к ней в Горький. Там она отбывала ссылку за контрреволюционную деятельность по решению Особого совещания от 14 июля 1935 года. Обвинение Юрия гласило: «Каменев, находившийся под идейным влиянием своего отца - врага народа Каменева Л. Б., усвоил террористические установки антисоветской троцкистской организации, будучи озлоблен репрессией, примененной к его отцу как к врагу народа, Каменев Ю. Л. в 1937 году в г. Горьком высказывал среди учащих террористические намерения в отношении руководителей

ВКП(б) и советской власти». 30 января 1938 года без каких-либо доказательств вины по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Юрия расстреляли. Ему было 17 лет.

Его мать, первую жену Каменева Ольгу Давидовну, 1 февраля 1938 года приговорили к 25 годам тюрьмы. 8 сентября 1941 года ее обвинили в распространении клеветнических измышлений о мероприятиях партии и Советского правительства. 11 октября 1941 года она была расстреляна.

А за младшим сыном Воликом после ареста его матери пришли сотрудники НКВД, разрешили взять то, что ему хочется. Волик взял с собой две любимые книги, «Маугли» и «Три толстяка», и подушку. Его определили в детский дом, до которого он добирался долгой дорогой: сначала до Томска, потом баржей по Томи в Асино, оттуда на лошадях две недели до Чичкаюльского детского дома^[547]. Именно там его фамилия из Каменева, Каменева-Глебова, Глебова-Каменева превратилась в Глебова.

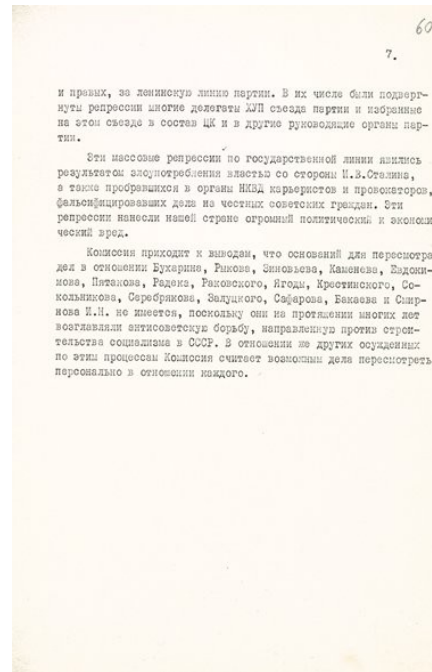
Во время Великой Отечественной войны Владимир поступил в артиллерийскую ленинградскую спецшколу, которая тогда находилась в эвакуации, закончил ее в 1945 году, когда и война уже закончилась, и срок ссылки подошел к концу. Глебов решил поступать в Ленинградский университет на исторический факультет. В 1950 году, когда он учился на 5-м курсе университета, Владимира арестовали. При этом ему припомнили, что это уже его третий арест, так как он уже два раза побывал ссыльным. И это несмотря на то, что тогда он был совсем ребенком, и ссылали не его, а отца. Владимиру Львовичу дали 10 лет за антисоветскую агитацию. Выпустили только после XX съезда, когда ему было 27 лет. Он вернулся в Ленинград, восстановился в университете. После его окончания под лозунгом «Выпускники вузов – на периферию» поехал в Западную Сибирь. За годы работы успел защитить кандидатскую диссертацию по истории развития капитализма в Сербии. В 1989 году преподавал философию в Электротехническом институте в Новосибирске, писал работы по славистике, истории, культурологии^[548]. Умер Владимир Львович 29 марта 1994 года.

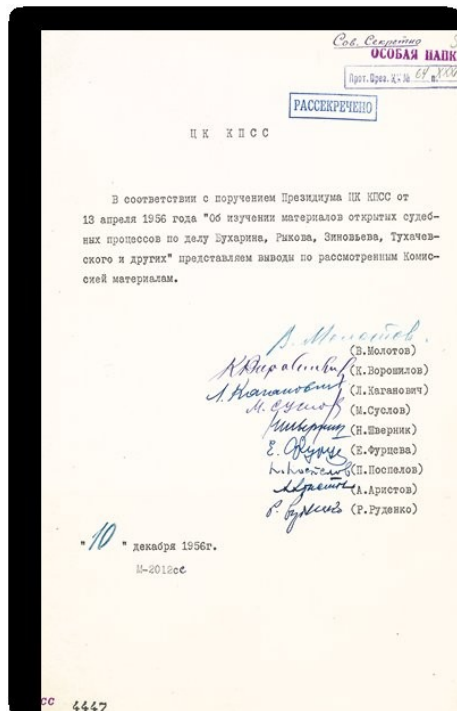
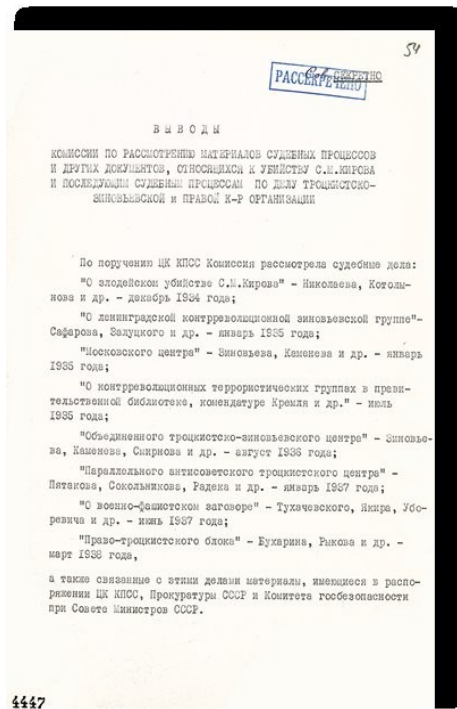
* * *

В отличие от многих, имя Льва Борисовича Каменева долгое время не реабилитировали. Почему? Да просто тогда, в далеких 1950-х годах, считали, что он «на протяжении многих лет возглавлял антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма»^[549]. Именно к таким выводам пришла Комиссия ЦК КПСС по изучению материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других^[550]. Примечательно, что среди подписавших эти выводы значатся верные соратники Сталина – Молотов, Ворошилов и

Каганович. Уже в 1956 году они знали, что все заговоры и обвинения были выдумкой. Но на реабилитацию не решились.

В 1961 году ЦК КПСС вновь вернулся к изучению материалов о репрессиях партийно-государственного руководства. Новая комиссия, уже во главе с Николаем Шверником, признала, что все судебные процессы 1930-х годов были сфальсифицированы, а их участники подлежат реабилитации. Но смещение Н. С. Хрущева в октябре остановило работу комиссии^[551].

Выводы Комиссии по рассмотрению материалов судебных процессов и других документов, относящихся к убийству С. М. Кирова и последующим судебным процессам по делу троцкистско-зиновьевской

и правой контрреволюционной организаций, с сопроводительной запиской В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Каганович, М. А. Суслова, Н. М. Шверника, Е. А. Фурцевой, П. Н. Пospelова, А. Б. Аристова и Р. А. Руденко в ЦК КПСС

10 декабря 1956

[РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171 Д. 446. Л. 53, 54-60]

Пусть поздно, но справедливость восторжествовала. 13 июня 1988 года Пленум Верховного суда СССР, «рассмотрев протест Генерального прокурора СССР, материалы по делам Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других и отметив, что следствие и судебное разбирательство по данным делам были проведены с грубыми нарушениями закона, отменил приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР и прекратил дела за отсутствием в их действиях состава преступления»^[552]. Так с Каменева сняли все обвинения. Лев Борисович был реабилитирован.

Приложение

Документы

Письмо Л. Б. Каменева И. В. Сталину

18 декабря 1934 г.

Товарищ Сталин,

Пишу Вам в самую трагическую минуту моей жизни и умоляю Вас прочесть это письмо, которое будет, вероятно, последним.

Я не дорожу жизнью, которую так основательно сам испортил за последние 10 лет, но я хочу заявить Вам и всему руководству партии, что я неповинен в той позорной и преступной деятельности, за которую привлечена Ленинградская группа. Это люди, с которыми я с момента возвращения в партию порвал не только политические, но и всякие личные связи, потому что понял и убедился, что это болтуны и политические онанисты. Я был в их рядах (и это величайшая ошибка моей жизни), когда казалось, что нас объединяет какая-то идея и какая-то цель. Когда эта идея была разбита жизнью, люди эти превратились в околупартийных и антипартийных обывателей, живущих политической сплетней и взаимным щекотанием нервов путем якобы политических разговорчиков. Мне это стало ясно еще до поездки в Минусинск, и я стал от них отдаляться не только в

политическом, но и в личном отношении. Возвратившись и получив от партии доверие, я порвал с ними всякие личные отношения. С момента возвращения из Минусинска я ни разу не видел ни Бакаева, ни Бакаеву, ни Куклина, ни Залуцкого, ни Наумова, ни Гертника и не говорил с ними ни слова. Евдокимова я видел за все это время один раз, когда он приехал летом на дачу к Зиновьеву, и никаких разговоров с ним не вел. У меня ни разу никто из них не был. Делал я это вполне сознательно, ибо никаких общих интересов у меня с ними не было. Что они делали, чем интересовались, что говорили – меня не интересовало.

Я был вполне удовлетворен той работой, которую дала мне партия (издательство, Институт литературы). Я был счастлив, что Вы и руководство мне в этом доверяют, и целиком все дела и мысли посвящал ей. Откровенно признаюсь, что я мечтал стать академиком и таким образом после политического краха найти новую и для меня интересную работу, которая заполнила бы конец жизни. На этой работе у меня создался новый круг знакомых, партийных и беспартийных писателей, и все старые связи с ленинградцами порвались. Надо быть сумасшедшим, авантюристом или истериком, чтобы предпочесть той дороге, которую мне открывала партия, и в первую очередь Вы, товарищ Сталин, чтобы предпочесть ей онанистическую болтовню с Гертником или Куклиным. И вот в тот момент, когда я почувствовал, что действительно возвращаюсь в родной дом, в партию, и что в ней есть для меня уголок плодотворной и всецело захватившей меня работы, эти люди топят меня, припутывая к каким-то своим делам, разговорам и т. п. Клянусь, что я ничего о них не знал, никем из них не интересовался, считал их давно чужими мне, моей работе, моим интересам. Я видел перед собой живое дело, видел, что доверие ко мне партии и Ваше растет, и был искренне счастлив, и ничего другого не желал.

Единственно, с кем не были у меня за последние 3 года порваны личные связи, – это Зиновьев. Я все время чувствовал, что, продолжая встречаться с ним, я делаю ошибку. Теперь я убедился, что это была трагическая ошибка. Порвав все связи с ленинградцами, надо было порвать и встречи с Зиновьевым. Но после возвращения из Минусинска меня связывала с ним не политика (каковой у него, по-моему, никакой и нет), а чисто бытовые условия. У нас была издавна общая дача, там мы встречались неизбежно. В городе я встречался с ним все реже. За всю осень я был у него один раз. Чтобы покончить это положение, я еще летом начал строить себе отдельную дачу по другому шоссе. (Этот факт можно проверить в Союзе писателей.) Этим порвалась бы и та тоненькая нитка, на которой еще держались наши отношения, ибо для меня эти отношения давно уже были в тягость и при несходстве наших характеров, образа жизни, отношения к людям не доставляли ни интереса, ни удовольствия. Но теперь эта тоненькая нить и душит меня! Ибо, если бы не эти проклятые встречи с Зиновьевым,

ленинградцы, с которыми я три года не имею никаких отношений, не могли бы даже формально сослаться на меня и упоминать мое имя в связи со своими делами, делишками и разговорами.

Товарищ Сталин, спасите меня от позора быть втянутым в одно дело с людьми, с которыми я не имею ничего общего, от которых я сознательно отстранился, которые неоднократно ставили меня на край пропасти и теперь подвели к окончательной и позорной гибели. Уверяю Вас – с момента высылки в Минусинск я ни единым делом, словом или помышлением не провинился перед партией и ее руководством! Я действительно полно и искренне пытался загладить свои прошлые грехи. У меня в уме и в сердце выветрились до дна какие бы то ни было остатки оппозиции, фракционного раздражения, тщеславных претензий на какую-то роль в партии, кроме роли верного работника на указанном мне участке. Просмотрите показания ленинградцев, уверен, что и они не смогли привести ни одного факта, ни одного моего слова после Минусинской ссылки, которое свидетельствовало бы против моих партийных настроений, – потому что подобных фактов и слов не было и быть не могло, и они их не могли слышать, потому что я с ними не хотел ни видаться, ни разговаривать. Наоборот, в статьях в «Правде» и в «Известиях», в устных выступлениях я всюду отстаивал то, что является моим глубоким убеждением: правильность политики партии, замечательный характер ее руководства, убеждение, что это руководство заслуживает глубокой любви и благодарности, потому что твердой рукой выводит страну из трудностей на путь расцвета.

И вот в тот момент, когда у меня в душе ничего, кроме полной любви к партии и ее руководству, когда, пережив колебания и сомнения, я смело могу сказать, что вынес из всего прошлого величайшее доверие к любому шагу ЦК и каждому Вашему, тов. Сталин, решению, когда передо мной – впервые после нескольких лет отщепенства от партии – открылась дорога к плодотворной работе в рядах партии, – я арестован по делу людей, которые давно стали мне чужими и которые мне отвратительны. Я только что выбрался из грязного болота на чистую дорогу, а эти люди своей клеветой, своей безответственной болтовней обратно тянут меня в свое болото. Я пишу честно, все до конца. Помогите мне, товарищ Сталин, выключите меня из этого чужого мне, позорного и отвратительного дела. Мысль, что я могу быть предан суду по подобному делу рядом с этими людьми, терзает меня величайшей мукой. Тов. Сталин, я уже испытал на себе Вашу глубокую справедливость и беспристрастие. Единственно на них надеюсь я и теперь. Искренно преданный партии и Вам.

Л. Каменев

18. XII.34 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 65-69. Подлинник. Автограф.

Письмо Л. Б. Каменева Т. И. Глебовой

17 января 1935 г. Москва, Арбат.

Карманицкий пер., д. 3, кв. 5

Т. И. Глебовой

Таня, любимая, вчера ночью кончился процесс. Перевернулась и закрылась целая полоса жизни. Ты знаешь приговор. Он мягок, слишком мягок. Я объясняю его тем, что партия и суд поверили тому, что я уже раньше уходил и рвал с зиновьевцами, и тем, что мне удалось в своей речи на суде выразить тот действительный ужас и то глубочайшее отвращение, которые охватили меня, когда я должен был оглянуться на нашу «деятельность» за 10 лет, на то, что мы сделали с собой и что мы сделали с людьми. Нельзя представить себе ничего более ужасного, чем то, что сидело на скамье подсудимых. Это было действительно гнилое ведро исторических отбросов революции, картина полного идейного и морального разложения. Эти два дня на суде меня трясла лихорадка – не страха, ты согласишься! – а отвращения к себе, к Зиновьеву, к своим и его бывшим друзьям, к итогам нашей деятельности. Ощущение такое, как будто тебя заставляют глотать содержимое помойного ведра, а это содержимое – плоды твоей «исторической» работы. Без суда я, вероятно, никогда так живо и глубоко не ощутил бы этого. И за это я глубоко благодарен суду. Это была жестокая операция, но единственно спасительная. Какое счастье, что нас не отправили просто административным путем в ссылку, а заставили пройти через это испытание и чистилище. Тебе я могу сказать, и ты согласишься, что к концу у меня было такое состояние отвращения к себе, что я абсолютно спокойно принял бы приговор к расстрелу и спокойно пошел бы под пулю, которая прекратила бы это ощущение искаженной жизни своей и своих «политических» друзей. Я не готовил своей речи и не обдумывал ее. Не мог. Я просто говорил то, что чувствовал, выливая накопившуюся боль за себя, за Бакаева, за Шарова, за Куклина, за бывших прекрасных пролетариев, которых мы завели в болото. Передо мной на стене висели портреты Ленина и Сталина. Мне, понимаешь, было глубоко стыдно перед ними – и, говоря, мне только хотелось очиститься перед ними, – а там пусть будет, что будет. Мне был глубоко безразличен приговор, но я чувствовал, что с каждым словом правды, которую я говорю, я дышу глубже, воздух становится чище, я выздоравливаю – политически, конечно. Верь каждому слову, которое я сказал. Помнишь, в день похорон Ленина, перед его портретом мы вдвоем дали друг другу слово служить его заветам. Я вспомнил это на суде. Ты спаслась от заразы, которая была так близко. Помогла тебе твоя честная натура, твоя чистая вера в партию, твое постоянное общение с рабочими, наконец, работа. Представь же мое состояние, когда я вспомнил эту нашу клятву

на суде перед портретом Ленина, обвиняемый, и справедливо, в том, что последствием моего поведения за 10 лет был труп Кирова, и принужденный наблюдать воочию то разложение, к которому пришли все те, с которыми я провел эти 10 лет. Зиновьев был жалок, а остальные мучительно беспомощны, никто не мог найти в себе ни одного слова, ни одного звука в свое оправдание, хотя бы не политического, хотя бы только морального. Бакаев говорил, что он прожил эти 10 лет под гипнозом. Кто-то другой, что мы были или дураки, или сумасшедшие, третий – и дураки, и сумасшедшие. Вот итог.

Танюша, ты коммунистка, все время остававшаяся честной и верной слугой партии. Ты полюбила меня, когда я еще был таким же и даже одним из руководителей партии. Я не имею сейчас права рассчитывать ни на твою любовь, ни на твое доверие. Ты выберешь сама, конечно, твой путь дальше. Но самый приговор свидетельствует, что партия даже в этот момент не потеряла окончательно надежд на мое политическое оздоровление. И я прошу тебя – не будь ко мне суровее, чем партия, если можешь. Не лишай меня окончательно своего доверия. Не бросай меня, как не бросила меня партия. Партия не запретит тебе сохранить некоторую веру в меня и некоторую надежду на мое выздоровление. Сейчас вот это сознание, что партия отнеслась ко мне милостиво, не окончательно отняла от меня свою руку поддержки, – единственно дает мне силы. Я хочу, могу и буду еще работать хотя бы в 4 стенах. И для меня было бы великим счастьем знать, что и ты не окончательно отошла от меня, не отнимаешь окончательно своей руки от меня, что я могу тебе сказать не «прощай!», а – «до свиданья!»

Таня, сыну нашему, вероятно, до сих пор говорят, что его папа уехал в командировку, или заболел, или что-нибудь подобное. Надо сказать ему теперь правду. Хуже будет, если он узнает ее не от тебя, а в детском саду. В нашей стране и шестилетние ребята, как Волик, не могут не воспитываться в правде, как бы сурова она ни была. Ты коммунистка и умница. Ты найдешь нужные слова. Скажи ему, что я долго и честно служил партии, что я потом наделал ошибок, нарушил дисциплину, проявил упорство и что партия наказала меня, но что я исправляюсь и мы с ним увидимся и будем вместе читать, что он должен хорошо учиться, строго соблюдать дисциплину, быть всегда правдивым, чтобы не делать таких ошибок, как я. Передай мой привет Игорю и скажи ему, что я прошу его продумать мой горький опыт и быть честным и достойным комсомольцем. Я пишу также Александру и Юрику. Пусть Александр даст тебе прочесть это письмо. Мне сказали, что теперь будут возможны свидания. Все время я был окружен самым внимательным отношением со стороны работников НКВД, которые умеют проявить поразительное сочетание самого строгого выполнения своего долга с глубоко человеческим отношением. Они много помогли мне достойно пережить эти дни. Ты знала и любила, как и я, Феликса

Эдмундовича. Я убедился, что дух его жив и проникает всех работников созданного им учреждения. Ты поймешь все значение и всю высоту этого определения, ибо Феликс был одним из самых светлых и прекрасных воплощений человека и коммуниста.

Целую тебя, друг мой, и жду твоего решения. От всего сердца обнимаю сыновей. Поклонись бабушке.

Твой Лев К.

17/1-35

Р. С. Я хочу написать также Алексею Максимовичу. О содержании письма ты узнаешь от него.

Я не делаю из этого письма личной тайны. Можешь показать его всякому, кто интересуется мной. Я даже хотел бы, чтобы его прочли все те, которые меня знали, среди которых я жил.

Л. К.

Верно: подпись

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 126-129. Заверенная копия. Машинописный текст.

<i>Письмо Л. Б. Каменева А. М. Горькому</i>
--

17 января 1935 г. Москва

Алексею Максимовичу

Горькому

Алексей Максимович,

После партии и ее руководителей, после моих трех сыновей нет на свете человека, мнением которого я так бы дорожил, как Вашим. К тяжести переживаемого мне было бы бесконечно горько добавить и мысль, что Вы имеете право усомниться в правдивости и искренности моего поведения с Вами, в правдивости того, что говорил я Вам при наших встречах. Только что кончился суд. Он вынес мне мягкий приговор. Он поверил искренности того отвращения, которое вызывала во мне картина нашей «деятельности» за 10 лет, того морального ужаса, который охватил меня перед «итогами» этой деятельности. Полное политическое банкротство, абсолютная безыдейность, моральное и психологическое разложение – не «отработанный пар революции», как говорили некоторые, а отбросы исторического процесса, отбросы революции – вот что предстало предо мной, когда на скамью подсудимых собрали «ядро» бывшей оппозиции через 10 лет после начала ее деятельности.

Но если бы только это! Ведь на этом фундаменте стояла урна с прахом Кирова! Два дня я корчился от внутренней боли и когда заговорил, то только для того, чтобы дать выход своему отвращению и омерзению, чтобы хоть в последний час предостеречь тех, кого еще можно предостеречь, от этого пути.

Давно уже я чувствовал, что зашел в болото. Но я хотел выползти из него в одиночку, на свой собственный соптык, просто отвернувшись от тех, кого сам привел в эту трясины и кто там оставался. Забыл, или не додумал, или не хотел додумать, что я обязан, прежде всего, затоптать, вырвать корни тех ядовитых семян, которые сам сеял. Тут-то и нагнала меня логика наших суровых времен, схватила за шиворот: на, смотри, любуйся на плоды своего посева. Ты хотел уползти, спрятаться и почти спрятался в Пушкина да в Данте, а твои ученички в это время выслеживают КИРОВА. Вот тут-то я прозрел и благословил людей, которые не просто послали меня отсиживаться в каких-нибудь тихих местах, а посадили на скамью подсудимых, на всенародный суд. Речи моей на суде следует верить до конца, до последнего слова. Я говорил для того, чтобы освободиться от политической фальши, в которой жил 10 лет, и от смертельной тошноты, которая овладела мной, когда я посмотрел на их итоги.

Но, хочу я Вам сказать, Алексей Максимович, – с Вами я не фальшивил. Мы не говорили с Вами о политике, а когда я говорил Вам о возродившемся во мне чувстве любви и уважения к СТАЛИНУ, о моей готовности искренно работать с ним, о том, что во мне перегорело всякое чувство обиды и раздражения, – я говорил правду, говорил то, что действительно родилось во мне в последние годы – после долгой борьбы, – и говорил без всяких целей и расчетов, потому что так сложилась моя история за эти годы, что больше этого сказать мне было некому, потому что я Вас сердечно любил.

Простите. Вам, б. м., все это неинтересно. Но, рассчитываясь с прошлым, сказав на суде о всей неправде моей политической жизни за последние годы, я не хотел бы, чтобы у Вас осталось впечатление, что и на мое отношение к Вам в какой бы то ни было степени распространялась эта неправда, эта фальшь, что я приносил в эти отношения и в наши разговоры какие-либо посторонние цели и расчеты. Будьте же уверены, что ничего, кроме искренней любви и правды, у меня тут не было.

Хочу сказать Вам еще одно, совсем из другой области.

Когда я читал, слышал и от Вас о перековке людей чекистами, я воспринимал это абстрактно и уж, конечно, никогда не думал, что мне придется проверять эти рассказы на себе. Пришлось. Месяц в самых тяжелых душевных условиях прожил я с ними, и только с ними, – и скажу: все похвалы им малы и недостаточны. Прекрасно подобраны, прекрасно работают, изумительно сочетают строгое выполнение долга с вниманием к человеку. И это до самого низу. А какая молодежь! Ясные глаза, внутренняя и внешняя подобранность, крепкая вера в свое дело. С громадной радостью смотрел я на них. Эти не ошибутся и сделают дело хорошо и крепко!

Еще раз – простите. Позвольте крепко пожать Вам руку, почтительно поклониться Надежде Алексеевне и передать привет – если он для них приемлем – Алексею Дмитриевичу и Петру Петровичу.

Л. Каменев

Р. С. Если могу я Вас попросить о чем-либо, то вот просьба. Не откажите, при случае, в моральной поддержке Татьяне Ивановне. Она хороший и мужественный человек. Она горячо Вас любит. Ей будет тяжело. При нужде поддержите ее духовно, подкрепите ее бодрость.

Л. К.

Верно: [подпись неразборчива]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 130-132. Заверенная копия. Машинописный текст.

Письмо Т. И. Глебовой Л. Б. Каменеву

22 января 1935 г.

Лева!

Не такого письма ждала я от тебя, изнемогая бессонными ночами от стыда и отчаянья. При той высокой оценке, какую ты сам же даешь моей партийной честности, я имела право рассчитывать, прежде всего, на разъяснение того, как случилось, что ты ОПЯТЬ ОКАЗАЛСЯ В РЯДАХ ЗИНОВЬЕВЦЕВ.

Правда, ты с глубочайшим отвращением пишешь о «помойном ведре зиновьевской группы». Но разве это для тебя НОВОСТЬ? И разве партия не давала контрреволюционной деятельности вашей группы гораздо более резкой характеристики, с которой ты не раз всенародно соглашался?

Помойное ведро – вещь неприятная, но полезная.

Здесь же история продемонстрировала гнездо ядовитых гадов, худших и опаснейших из контрреволюционеров, поразивших партию в самое сердце – и когда? – в час победы, на пороге бесклассового общества. И этот удар – только отражение ударов, нанесенных вашей группой партии и революции в X-ю годовщину Октябрьской революции перед лицом советского и международного пролетариата, на глазах иностранных рабочих, съехавшихся тогда к нам со всего мира, чтобы принять участие в торжестве победоносного пролетариата. Тех ударов, которые вы наносили рабочему классу попытками организовать «смычки» в рабочих жилищах, пытаясь противопоставить рабочий класс его собственной партии.

Напрасно ты скорбишь о «честных пролетариях», соблазненных вами. Честных пролетариев вам соблазнить не удалось. Ты бы лучше обратил внимание на выступление Евдокимова, пытавшегося скрыть

свою гнусную контрреволюционную харю за твоей широкой, но мягкотелой спиной. Но суда ему обмануть не удалось, и он получил по заслугам... А я-то была так уверена, что у тебя с этими людьми все давно и навсегда покончено!!

Ведь я была уверена, что твой арест вызван надеждами, которые николаевская шайка возлагала на вас с Зиновьевым в своих грязных и преступных планах, т. е. что он носил, так сказать, профилактический характер. По данным обвинительного акта ты как будто подтверждал мою оценку, признав себя виновным в задержке разрыва с Зиновьевым из-за проклятого дачного сожительства и в недостаточно активной борьбе «с тем разложением, которое было последствием борьбы с партией и на почве которого могла возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов из подонков б. антипартийной организации...», и подчеркнув, что с 1932 года ты не причастен к контрреволюционным делам.

А теперь ты пишешь мне о суде: «С каждым словом правды, что я говорю, я дышу глубже, воздух становится чище, я выздоравливаю политически».

Что ж это значит? Значит – до СУДА ты был БОЛЕН? Значит, до этого – ты ЛГАЛ?

А я-то верила тебе! Ручалась за твою искренность и честность своей партийной честью и жизнью – и кому? – партколлегии, тов. Ягоде, – самому Сталину!!

Значит, я обманула всех? Ты снова предал партию? Предал также и меня – твоего верного друга и товарища?

И после этого ты решаешься снова просить меня о доверии?

Ты захлебываешься от умиления перед воспитательным воздействием советского суда... но ведь оно давно оценено по достоинству даже интуристами!

Значит, тебе нужен был военный суд, чтоб понять элементы политграмоты – необходимость искренности и честности для партийца?

Так что ж такое ты скрыл от партии, скрыл и от меня?

Ответа на это в твоём письме нет.

Ответ на это дал суд – пятилетним тюремным заключением. Так карает советская власть только тяжких преступников. А ты начинаешь письмо с утверждения, что суд был «мягок, слишком мягок»... Каково же твое преступление? – Ты в письме об этом умалчиваешь.

И после этого ты еще ждешь от меня доверия?

ДВЕНАДЦАТЬ лет я проявляла к тебе доверие и беспредельную преданность. Но напрасно ты напоминаешь мне о клятве, которую мы с тобой давали – вместе со всею партией, со всей страной над гробом ЛЕНИНА. Ты подчеркиваешь, что я эту клятву сдержала, а ты – нет. И что же? Если тебе не удалось увести меня с правильного пути в дни открытой политической борьбы вашей группы, – тебе удалось это

сделать теперь, убедив меня в твоей теперешней непричастности к антипартийной деятельности.

И в то время, когда ты, под впечатлением военного суда, выливал последние остатки грязи со дна души – в это время я партийной честью ручалась за твою политическую чистоту... Ну, о каком же доверии может быть речь между нами теперь?

Теперь мне понятен поступок тов. Молчанова, отбросившего свое обычное глубоко человеческое отношение, заставившего меня отдать ему партбилет до того, как я получила даже выписку из партколлегии о моем исключении, и повернувшего нож мне в сердце на мою просьбу разрешить мне отнести партбилет в партколлегию: «Нет, вы отдадите партбилет сейчас и после того, как станете беспартийной, – дадите нам подписку о выезде из Москвы через месяц и прочее». Через месяц, а он не захотел ждать и одного дня с партбилетом! Ясно, что он меня считает двурушницей, твоей пособницей. И партколлегия, вообще говоря, отнесшаяся ко мне сердечно, по-товарищески, в конце концов отметила «неискренность моего поведения на партколлегии». Ну что ж, Лева, не доволен с тебя? Говорит все это что-нибудь твоему уму и сердцу? Где же моя клятва ЛЕНИНУ?

Совершенно правильно исключила меня партколлегия: «За потерю партийной бдительности, за защиту контрреволюционера Каменева и отстаивание его невинности и непричастности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группе» – и все это я пишу тебе в годовщину – в одиннадцатую годовщину – в день смерти ЛЕНИНА. Как пережить все это и после того, как я уж столько настрадалась? Ты способен хоть минуту подумать о моем горе?

Вряд ли. В личной жизни ты всегда думал только о себе, и письмо твое полно только твоими переживаниями. Ни слова тревоги, боли за наше самочувствие! А знаешь, что Игоря тоже исключили и из комсомола, и из института «за антисоветское выступление на комсомольском собрании», где он с юношеской пылкостью вздумал защищать тебя от обвинения в причастности к злодейскому преступлению Николаева?

А подумал ли ты, что пережил Волик с его революционным сердчишком, которому нисколько не облегчили мои объяснения детски прямолинейных и даже жестоких выходок его друзей? И как ты мог подумать, что я ему лгу? Когда это бывало?

Ну, пусть хоть ужасной ценой, но ты, наконец, навсегда порвал с прошлым. Я хочу этому верить, ибо знаю – как, может быть, никто, – что ты и от оппозиции колебался еще больше, чем от партии. Теперь же, когда революция поднялась на высоту, недостижимую никаким потрясением, когда вся страна в едином порыве строит социализм, – кто, кто может противостоять ей?!

Всеобщая буря ненависти – не только к открытому злодейству николаевской шайки – но ко всякой нечистой политической игре,

пронесшаяся по стране очистительным ураганом, – вот гарантия невозможности возникновения в дальнейшем сколько-нибудь значительных антипартийных, антисоветских группировок.

Думаю, что вы будете иметь печальное имя «последней оппозиции в стране победившего социализма».

Именно теперь, выковыывая идеологию бесклассового общества, партия будет бороться, в первую очередь, за КРИСТАЛЬНУЮ ЧИСТОТУ и ЧЕСТНОСТЬ НОВЫХ ЛЮДЕЙ.

Что касается наших личных отношений, ты и сам, после всех обманов, не решаешься претендовать, чтоб я оказывала тебе больше доверия, чем партия. Буду я дальше в ЕЕ РЯДАХ или ВНЕ ИХ, для меня не может быть иного пути, чем тот, который она указывает.

Никаких театральных «прощай» или «до свидания» я говорить тебе не собираюсь. Я прощала тебе великое множество личных обид и унижений, но то, что ты теперь сделал меня обманщицей перед партией, я, конечно, простить тебе не могу.

Но так как никто, кроме меня, о тебе не позаботится, я сделаю все, что в моих силах, чтоб обеспечить тебе возможность полезной и планомерной работы, хотя бы пока над Пушкиным и Колоколом.

Желаю тебе сил и бодрости для преодоления разрыва между тобой и партией, в котором ты никого, кроме себя, не можешь винить.

Татьяна

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 17-18. Подлинник. Машинописный текст. Подпись – автограф Т. И. Глебовой.

Письмо Т. И. Глебовой И. В. Сталину

14 марта 1935 г.

Решаюсь писать Вам, п[отому] что боюсь не выдержать и сойти с ума или наложить на себя руки при мысли, что Вы можете усомниться в моей беспредельной преданности и любви к Вам, как к великому продолжателю дела Ленина. Мое отношение к Вам и к партии Вам давно известно, но, если несчастное стечение обстоятельств или оговор, клевета его опорочат, я смою это пятно своей кровью. Меня поддерживает только вера в принципиальность и справедливость НКВД, которое, как и партийные контрольные органы, всегда оказывало мне доверие, несмотря на запутанность положения, в которое я себя поставила моей привязанностью к Каменеву и бесплодными попытками удержать его на правильном пути. И сейчас я не могу заставить себя поверить, чтоб он мог злоумышлять против Вас, в ком он видел для себя единственную надежду на какое-либо привлечение к политической работе: «Сталин слишком хороший хозяин, чтоб дать зря пропадать старым кадрам», – сказал он мне, радуясь по поводу продвижения в Академию, что он понимал, как полит[ическое]

продвижение на культфоне. Но, конечно, он несомненно тяготился своим теперешним отрывом от полит[ической] работы, хотя недавно же сказал, что руководство Академией наук было бы способно поглотить все его силы и стремления, ибо теперь вопрос культуры и науки – один из решающих политических вопросов.

На личном свидании 29 января 1935 г. он мне каялся, рыдал, что никакой контрреволюционной работы по возвращении из Минусинска не вел и виноват по совокупности за сохранение контрреволюционной группы зиновьевцев, от которой формально отошел, не разоблачив ее, став таким образом соучастником гнусного злодейства.

Я ответила ему, что, если б он продолжал свою контрреволюционную работу, я застрелила бы его собственной рукой. Других мнений, иного отношения к этому вопросу у меня не может быть. Вся моя кровь до последней капли принадлежит партии и Вам.

Татьяна Глебова

Тюрьма НКВД

14 марта 1935 г.

Верно: [подпись неразборчива]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 115-116. Заверенная копия. Машинописный текст.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой в Бийск

24 сентября 1935 г.

24. IX.35 г. № 8

Дорогие родные, Танечка и Воличка!

Я здесь уже больше полутора месяцев. За это время просил Москву о нескольких вещах: чтобы мне сообщили адрес Лютика, переслали тебе деньги из издательства, дали право непосредственной переписки с тобой, и ни на один запрос не получил ответа! По-видимому, меня не только наказывают, но и перевоспитывают. Староват я для этого, но что поделаешь...

О вас, об Игоре, о Лютике, о Юрике ничего не знаю.

Ты, Волик, Бийск – вот три известных мне величины. Какое количество комбинаций может сплести из них фантазия человека, ничем не занятого, кроме мысли о двух из этих величин! От неизвестности мне иногда кажется утешительным даже то, что улица ваша носит название Тургеневской. Хочется думать, что улица с таким поэтическим заглавием должна быть в центре, дома на ней должны быть теплые, уютные. А то вдруг вспомню, какая улица в Калуге носила имя Шопена, и все ясно рисуется в мрачном свете.

Я здоров, сыт, гуляю по три часа. Много читаю, играю в шахматы. Комната большая, воздуха много и нетесно. Гуляем во дворе, где развели огород. Еда однообразна и элементарна, через день суп из

рыбы, на второе всегда каша – достаточная... Но ты знаешь, я не притязателен.

С моральным состоянием, конечно, иначе. Тут в свои права вступает всякая метафизика и гейневские вопросы: зачем? Во имя чего?

В прошлом письме я написал тебе «диссертацию» об «Истории села Горюхина» Пушкина. Сейчас я дошел уже до его дуэли и смерти. Это, собственно, тема для трагедии. Историку как будто обязательно подняться над событиями, а я, в сотый раз перечитывая обстоятельства этой смерти, не могу не отдаваться чувствам. Старик Спиноза учил: «Не плакать, не радоваться, а понимать». Но глава моего исследования о гибели Пушкина будет по существу полемикой с ним. Я хочу показать, что можно понять обреченность Пушкина и все же не признавать его ни в чем виновным. Опять увлекся, но, детка, мне так необходимо говорить с тобой, когда я работаю над чем-нибудь.

Для Волика прилагаю в особом конверте образцы фауны и флоры нашего огорода. Есть там и васильки. Взгляну на них, и вспомню... Твой Лев.

Верно:

Уполномоченный СПО

Голов

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 22 марта.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой в Бийск

6 ноября 1935 г.

6. XI.35 г. № 17

Родная! Телеграмма твоя застала меня в отчаяннейшем настроении. Я не пессимист и отнюдь не склонен к мрачности, отчаянию, но я умею рассуждать, и «сладкая привычка жизни» (как говорил гетевский Эгмонт на эшафоте) не может заглушить во мне голоса холодного рассудка. Он говорит мне, что жизнь, как она мне сейчас дана, обесценена вконец, цена ей – ломаный грош. Но за самое последнее время сделано все, чтобы ее еще и совершенно обессмыслить... смысла тянуть эту лямку вообще нет. Терпение никогда не входило в кодекс морали коммунистов.

Прав у меня осталось на... Эти права даны тем, что и в Верхне-Уральске существует Советская власть, а не власть какого-нибудь китайского генерала. К этим правам – неотъемлемым, раз человек не расстрелян, – относится право переписываться с родными, получать книги, вообще не быть превращенным в бессловесного скота, в вещь, в номер.

Продолжаю письмо 7-го. Что бы ни случилось с каждым из нас и в истории человеческого рода, день этот навсегда прославлен в веках

как начало новой эры человечества, как переход из предыстории в историю, по выражению Энгельса, как самое значительное, содержательное и определяющее в истории с того момента, как человек нашел огонь. Великое счастье быть современником и участником подобных событий не может быть зачеркнуто никакими последующими катастрофами. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»...

Для меня это счастье усугубляется обстоятельствами, о которых я и тебе, кажется, никогда не говорил в такой связи.

За три месяца до Октябрьской победы большевики были самой ненавидимой, самой травимой, самой преследуемой партией. За нами охотились, как за дикими зверями, офицеры и юнкера. Скитаясь по тайным убежищам и будучи готов к предательскому удару из-за угла, Ленин написал мне записку: «...(между нами), если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: “Марксизм о государстве”... Есть ряд замечаний и заметок. Формулировать...» (том XXIX, стр. 356). Работа, о которой говорит здесь Вл. Ильич, одна из важнейших его теоретических работ. Пусть сынишка перепишет записку и перечитывает ее, как я перечитываю, когда очень тяжело...

Я знаю, что у тебя ничего не было и что единственный ресурс, которым вы могли бы хоть первое время продержаться, – это деньги, которые осталось нам должно издательство. Но на мою просьбу к начальству переслать их тебе ответа я не получил.

Врага или того, кого считаешь врагом, можно или уничтожить, или изолировать. Это вопрос целесообразности, это справедливо, законно, понятно, это по-коммунистически, но под предлогом «изоляции», т. е. меры, вызываемой интересами политическими, лишать человека возможности помочь малолетним детям – это несправедливо, незаконно и противоречит всем принципам советского, пролетарского правосудия...

Чем же я занимаюсь? Во-первых, благодаря тебе у меня есть Ленин и Маркс. Перечитываю их: поговорить с гениальными стариками всегда приятно и полезно. Затем здесь есть разрозненные остатки какой-то уездной библиотеки, хлам, но среди ничего вдруг попадает кое-что интересное. Так как ты прислала мне Петрарку, а я нашел словарь, то занимаюсь немного и итальянским. Есть всякие учебники по математике, и я возобновил в памяти тригонометрию, логарифмы.

Думаю и о Юрике, но за него я спокойнее. Он, видимо, в Москве, значит, у кого-нибудь из знакомых Ольги Давидовны. Ему уже 14 лет, в этом возрасте человек слишком жаден к внешним впечатлениям, чтобы долго горевать. Лютик уже взрослый человек, в Алма-Ате ему дали, вероятно, какую-нибудь работу. Меня он, конечно, клянет за свалившуюся на него катастрофу...

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 22 марта.

Письмо Т. И. Глебовой из Бийска Л. Б. Каменеву в Верхнеуральск

12 ноября 1935 г.

12. XI.35 г.

Лева! Это, кажется, десятое письмо тебе. Но – первое, которое посылаю. На днях у меня был товарищ из НКВД, специально переправившийся в ледостав с баграми в лодке через реку, чтобы сказать, что ты тревожишься отсутствием писем. Поэтому я обязательно отошлю это письмо. Надеюсь, что в НКВД его не посчитают политическим преступлением с моей стороны.

Очень трудно писать. Нестерпимо ворошить открытые раны. Эти девять месяцев кажутся невероятным кошмаром.

Почему не отсылала писем? Основная причина все же ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Тебе известно, что после твоего ареста, до суда я отстаивала в руководящих советских и партийных органах твою безусловную непричастность – с возвращения из Минусинска – к какой бы то ни было политической, антипартийной связи с зиновьевцами. Я ручалась за твою невинность своей партийной жизнью и честью. Ты же на суде признал себя виновным. Я оказалась обманщицей перед партией, и она меня исключила «за потерю партийной бдительности и отстаивание невинности и непричастности к контрреволюционной зиновьевской группе контрреволюционера Каменева»...

Потеря партии для меня действительно и буквально потеря всего близкого, дорогого, по-настоящему и единственно родного, моей единственной радости и опоры в жизни. Что же у меня теперь осталось, для чего жить?

И вот ты снова пишешь о «недоразумении». Лева, что же это за игра с моим сердцем?

Ты знаешь мою привязанность к тебе, знаешь мою принципиальность и прямолинейность. Можно сойти с ума от всего этого! Теперь я знаю, что виновата в том, что, слыша летом 32-го года хныканье Зиновьева и даже его контрреволюционную фразу о неправильности руководства колхозным движением, не поступила по-партийному, а выразила свое возмущение лишь тебе (и ты тогда к нему присоединился).

Моя жизнь, Лева, кончена.

Я понимаю, как тебе хочется знать о нашей жизни. Ничего радостного я тебе не скажу, кроме того, что Волик очень одаренный ребенок и что его все кругом любят, но это тебе известно. Впрочем, это не избавило его от тяжелых переживаний, особенно за четыре с половиной месяца нашей разлуки. Чужой хлеб горек! От переутомления, что ли, он почти ничего не ел и страдал непрерывно кашлем и ежедневными рвотами. Иногда, когда он после всех моих

усилий съедал что-нибудь и все тут же из него вылетало с ужасными мучениями, я принималась плакать, сидя на полу в луже рвоты... гложет его болезнь. Проклятая наследственность! Да и затрепали мы ребенка – не всякий взрослый бы выдержал.

Учительница говорит, что его бы нужно по развитию перевести во второй класс, в первом ему скучно.

Увлечение военными делами усилилось. Абиссинские дела прочитывает от доски до доски. Раскрашенные карты повесил над кроватью.

О тебе он очень грустит... Ложась спать, торжественно возглашает: «Покойной ночи всем трудящимся на свете и милой моей мамочке и милому папочке». Бабочка и цветы привели его в восторг.

Почему ты переведен в Верхне-Уральск? И кто твои сожители? Ты знаешь, Волька буквально затрясся и побледнел, когда на днях нашел в ящике игру «Рич-рач»: «Я выброшу ее, ведь ее подарил мне ненавистный человек». А он летом гораздо больше видел их, чем нас, и любил их! На случай, если бы тебя подловили снова на «дружеские чувства», заявляю тебе, что все это ложь и притворство, спекуляция на твоём добродушии и одиночестве.

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 22 марта.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой в Бийск

12 декабря 1935 г.

12. XII.35 г. № 21

Родные Таня и Волик!

...Маркса читаю VIII том. Поражаюсь сходству его позиции в 1848-м и Ленина – в 1905-м году. Много статей Маркса этого периода опубликованы только теперь. Тождество не только общей линии, но иногда и часто даже формулировок – поразительное. Если бы эти статьи были известны в 1900–1917 гг., как много помогли бы они нам в борьбе с меньшевиками!

Но интереснее, конечно, всего перечисленного та горячая похлебка, которая варится сейчас на международной арене. Я слежу за ней по «Правде» и «Известиям». Узел получается такой, что его уж не развязать никому, кроме рабочего класса, а развязывать он его будет по методу Александра Македонского. И меч в его руках – СССР. Тактика представляется мне великолепной. Не я, так ты и Волик увидите великие дела.

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой в Бийск

24 декабря 1935 г.

24. XII.35 г. № 23

Родная Танечка! Вчера я, наконец, к великой радости получил твое большое первое письмо от 12.XI. Клянусь олимпийскими богами, никогда в голову не приходила мне мысль сравнивать тебя с Бавкидой. Из таких, как ты, выходили Марфы Посадницы, Морозовы, Елены Инсаровы, но никак не Бавкиды! Но ей-ей, это не свидетельствует о вырождении, если человек, взобравшись на крутую гору под дождем и ветром, вдруг скажет: «Эх, хорошо бы сейчас нам с Танюшкой сидеть в келье под елью, любоваться на Волика, есть оливки и запивать соком виноградной лозы!» Ну и, натурально, получил строгое внушение. Ты права, как всегда!

Три странички о Волике таковы, что я его буквально увидел. Громадное тебе спасибо!

У тебя, детка, странное представление о здешних порядках, если ты предполагаешь, что у меня может быть какое-нибудь общение с «тетей Женей» или ее мужем. Слышал, что она ежедневно ходит к нему на свидание, вот и все. Это для меня мертвые люди. Как и для Волика, они мне «ненавистны», и, вероятно, с большим основанием...

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 22 марта.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска сыну Владимиру в Бийск

6 января 1936 г.

6. I.1936 г.

Дорогой, милый Волик, любимый мой сынишка! Я уже давно придумал писать тебе письма о социализме. Ты, сынок, еще знаешь немного и видел тоже немного. Вот почему и трудно тебе рассказать, что такое социализм. Но все-таки уже и теперь ты должен знать, что живешь в социалистической стране. Ты знаешь, что во всем мире идет борьба трудящихся за социализм и что во главе этой борьбы идет наша страна. А во главе СССР стоят ученики и продолжатели дела Маркса, Энгельса, Ленина – Сталин, Ворошилов и другие. Они заботятся о том, чтобы дело социализма укреплялось у нас в СССР и победило во всем мире. Ты знаешь из книжек, из газет, из картинок, из рассказов мамы, что рабочие и крестьяне во всем мире поддерживают СССР и с любовью и надеждой смотрят на действия Сталина и его товарищей и помощников. Трудящиеся на всем свете смотрят на Красную Армию, как на свою собственную силу, которая несет им освобождение и лучшую

жизнь. Конечно, ты захочешь узнать, почему же все так происходит. Вот я и постараюсь тебе это рассказать. Твой папа.

Верно:

Уполномоченный СПО

Голов

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

***Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой и сыну
Владимиру в Бийск***

14 января 1936 г.

14. I.36 г. № 26

Дорогие Танечка и Воличка!

Не представляю себе, как же вы будете жить, когда выйдут жалкие «мебельные» гроши, если тебе не вернут ни гонорара, ни пая из кооператива. А ответа на мои заявления я до сих пор так и не имею, хотя прошли уже месяцы и хотя А. Я. Вышинский совершенно правильно и кстати в своей речи напомнил, что система наказаний в СССР «не имеет целью причинение страданий и унижений человеческого достоинства...»

Беллетристику я могу читать только самую глупую, ибо всякая живая психология слишком действует на нервы, а они у меня много потеряли в прежней крепости. Какая-нибудь сценка расставания или счастливой встречи после разлуки действуют на меня так, что я принужден хвататься за что-нибудь мертвое – математику или грамматику.

Волику скажи, что я тоже очень внимательно слежу за Расом Сейюмом и радуюсь, когда он бьет итальянских фашистов. Но боюсь, что абиссинцев предадут. Ты подготовь Волика, что, несмотря на всю справедливость дела абиссинцев и все их успехи, они могут потерпеть временное, конечно, поражение – чтобы у него не было слишком большого разочарования. Ему надо усвоить, что в истории правда побеждает только в конце концов.

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

Письмо Л. Б. Каменева из Верхнеуральска Т. И. Глебовой в Бийск

30 января 1936 г.

30. I.36 г. № 28

Родная Танечка, писать трудно. Тут действует закон психологии – жизнь можно тянуть, лишь не думая ни о чем живом и близком.

Хочу возобновить свои знания латинским и греческим. Естественен вопрос: зачем мне латинский язык? А на что мне теперь изучать Маркса или Дарвина? При чтении Ксенофонта или Тита Ливия можно не думать о жизни, а при чтении Маркса не думать нельзя. Если бы еще мне было 30, 40 лет, куда ни шло. Но годы мои уже не те...

Здравствуй, Волик, милый сынишка! Как поживаешь? Как поживают «Нахальный щегол» и «Моли – пушистый хвост»? Поздравляю тебя с большой победой абиссинцев. Надо надеяться, что итальянские рабочие и крестьяне увидят, куда их завело фашистское правительство, восстанут против него и сбросят Муссолини. Ты спросишь: а почему они до сих пор не восстали и не образовали своего рабочего правительства, как сделали рабочие и крестьяне СССР? И это потому, что борьба за социализм нелегкое дело.

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

Письмо Т. И. Глебовой из Бийска Л. Б. Каменеву в Верхнеуральск

6 февраля 1936 г.

6.2.36 г.

Здравствуй, Левушка!

Недавно Волик полез на стену за хозяйским календарем. Спрашиваю: чего ты ищешь? Оказывается – годовщину смерти Кирова. Я нашла и прочитала ему сама, пропустив там слова два-три. Он стал не то чтоб очень грустен, а как-то задумчив и спросил только: «И в газетах так же было написано?» Вечером, ложась спать, глубоко вздохнул и говорит: «Я очень боюсь, а вдруг меня не примут в партию?» И опять вздыхает. Мне и смешно, и грустно, ведь ему семь лет, до приема в партию ждать шестнадцать. Да за это время, наверное, произойдет мировая революция, а наша страна будет шагать в коммунизм, и партии, наверное, не будет, а он горюет. Говорю: «Почему не примут?» – «Из-за папы».

...Умоляю пожалеть меня и не разрывать мне сердце жалобами. Всеми прошедшими годами я доказала тебе, что твоя боль мне больнее моей. Не пиши мне больше отчаянных писем, прошу тебя, Левушка!

Самое горькое – видеть, что ты дошел до такой слабости и отчаяния, ты, который всегда умел сохранять спокойствие и выдержку, даже в самые тяжелые минуты. Даже после смерти Владимира Ильича, когда ты в одну ночь поседел, как лунь, ты внешне держался бодро. Возьми себя в руки! Начни работать над планом «Истории Советской власти», записывай эпизоды и все, что вспомнишь об Октябрьских днях и дальше. Записывай только то, чему ты был личным свидетелем.

Оставшиеся годы пройдут быстро, я надеюсь, что они сократятся... Я буду поддерживать твою брентную плоть и дух, сколько смогу, а ты

береги себя хоть для Волика. Меня ненадолго хватит, и ты должен думать о ребенке.

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

Письмо Т. И. Глебовой из Бийска Л. Б. Каменеву в Верхнеуральск

10 июня 1936 г.

10. VI.36 г.

Левушка, получила твое письмо от 30.V. Письмо с перв. карт. и рукопись до сих пор не получены. Портрет же Ленина на стене, а Сталина читаем с Воликом помаленьку...

Прости меня, дорогой, за такой перерыв в посылках. Трусики обязательно пришлю. Купить здесь материал почти невозможно (когда бывает, хвосты становятся с ночи). В крайнем случае сошью из ситца, расписанного розами и незабудками...

Сегодня в «Звезде» – о болезни Алексея Максимовича... Вряд ли он выживет, и я больше не увижу его никогда. Нет ничего нелепее и безобразнее смерти. До сих пор боль о маме просто невыносима...

Малыш лежит в постели и посапывает. Он закончил книгу о пиратах и ходит в перевязках, окрашенных в красные пятна, зарывает клады и расставляет во всех узких проходах свой флот, о который мы с хозяйкой целый день спотыкаемся.

Обнимаю тебя. О Пушкине – в следующий раз.

Таня

Семейный архив В. Л. Глебова.

Печатается по: Известия. 1990. 23 марта.

Список основной литературы

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 20 января – 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934.

Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

Анфертьев И. А. «Дело М. Н. Рютина» в судьбе Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: октябрь 1932 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 64–94; № 2. С. 11–32; № 3. С. 3–19.

Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: Механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Балбышкин Ю. А. Партийно-государственная деятельность Л. Б. Каменева в 1901–1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927: Сборник документов / сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / отв. сост. А. В. Репников. М.: Политическая энциклопедия, 2022.

Вилкова В., Власова Е., Подщеколдин А и др. Внутрипартийные дискуссии 20-х годов // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165–179; № 6. С. 189–195; № 7. С. 174–192; № 10. С. 167–190; № 12. С. 164–179; 1991. № 3. С. 201–219.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов / подгот. К. Г. Котельников. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка. Вып. 10 / отв. ред. Л. А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. / под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.

Квадратура круга: Письма Л. Б. Каменева из тюрьмы // Известия. 1990. 22 марта.

Кирилина А. Неизвестный Киров: Мифы и реальность. СПб.: Издательский дом «Нева», 2001.

Клемперт А. И. Евреи Москвы в русской периодической печати 1870–1910-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1984.

Ларина А. М. Незабываемое. М.: АПН, 1989.

Ленин В. И. О войне, 1914–1918 гг.: (Избранные статьи и речи) / сост. Н. Н. Попов. М.; Л.: Красная новь, 1924.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд.: В 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1967–1975.

Лиханов Д., Никонов В. «Я почистил ОГПУ» // Совершенно секретно. 1992. № 4.

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. М.: Алисторус, 2018.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 3–29.

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. М.: Молодая гвардия, 2018.

Микоян А. Так было. М., 1999.

Мурин Ю., Степанов А., Чернев А. Вокруг статьи Л. Д. Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 г. – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 158–177; № 8. С. 179–196.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 21-23 октября 1927 г.: Документы и материалы / сост. И. И. Кудрявцев. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: В 2 кн. / сост. И. И. Кудрявцев. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Островский А. Кто стоял за спиной Сталина? М.; СПб.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925–1926 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Петров Н. Награждены за расстрел, 1940. М.: Международный фонд «Демократия», 2016.

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро, 1923–1953. М.: Вече, 2006.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг.: Сборник документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов и др. М.: Россия молодая, 1995.

Протоколы Центрального комитета РСДРП, август 1917 – февраль 1918 / под ред. М. А. Савельева. М.; Л.: Государственное издательство, 1929.

Расстрельные списки: Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий) / под ред. Л. С. Ереминой, А. Б. Рогинского. М.: Об-во «Мемориал»: Звенья, 2005.

Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.

Реабилитация: как это было: Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. Т. III. Середина 80-х – 1991 / под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2004.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / под ред. А. Н. Яковлева. М.: Издательство политической литературы, 1991.

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы, 1923 / отв. сост. В. П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004.

Седов Ю. И. Так кто же убил Кирова? // Труд. 1990. 25 нояб.

Седьмая (апрельская) конференция РСДРП (большевиков): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958.

Слово об отце. (Воспоминания В. Л. Глебова) // Ленинградская правда. 1989. 5 нояб.

Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 2001.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: АИРО-XX, 1995.

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Бюллетень. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1924.

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1993.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

Хлевнюк О. Сталин: Жизнь одного вождя: Биография. М.: АСТ, 2015.

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. М., 1924.

Эхо выстрела в Смольном: История расследования убийства С. М. Кирова по документам ЦК КПСС / под ред. Н. Г. Томилиной, М. Ю. Прокуменщикова. М.: Международный фонд «Демократия», 2017.

notes

Примечания

1

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера. М., 2013.

2

Бестужевские курсы – первое в России женское Высшее учебное заведение.

3

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. М., 2018. С. 348.

4

Даты в тексте до 26 января 1918 года (до принятия Декрета о введении в Российской Республике западноевропейского календаря) даны по старому стилю.

5

В анкетных данных, составленных для жандармерии, Каменев часто указывал недостоверную информацию, чтобы защитить родственников от допросов. Поэтому в разных местах можно увидеть разные имена его братьев. См.: РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

6

В настоящее время это столица Литвы город Вильнюс.

7

Клемперт А. И. Евреи Москвы в русской периодической печати 1870–1910-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 92, 100.

8

Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. М., 1924. С. 162-168.

9

В настоящее время это столица Грузии город Тбилиси.

10

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 29.

11

Студенческие землячества – одни из самых массовых студенческих организаций высшей школы России XIX–XX веков. К середине 1880-х годов землячества превратились в органы политического действия. В начале XX века были приняты правила по организации студенческих учреждений (1901 и 1902 годы). Юридически эти документы не запрещали существование землячеств, формально действовавших как органы студенческой взаимопомощи, однако все межвузовские и даже общеуниверситетские собрания были запрещены.

12

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

13

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 33.

14

Они проживали в доме Поповой по Оружейному переулку, в комнате № 30 «Лебедь».

15

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.

16

Там же. Л. 10, 13, 36.

17

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

18

Там же. Л. 24.

19

Там же. Л. 25.

20

Там же. Л. 95.

21

Там же. Л. 29.

22

Письмо Каменева Н. И. Метальникову, 29 июля 1902 г.: Там же. Л. 32.

23

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 35.

24

Газета «Искра» – нелегальная газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году.

25

Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века.

26

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

27

Там же. Л. 40.

28

Дневник наблюдения по городу Москве за студентом Московского университета Л. Б. Розенфельдом от 25 ноября 1903 г. до 14 февраля 1904 г.: Там же. Л. 55 и т. д.

29

Там же. Л. 51.

30

Там же. Л. 43.

31

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

32

Там же. Л. 147. Стоит упомянуть, что средняя заработная плата в 1904 году составляла 35–45 рублей в месяц.

33

Там же. Л. 67.

34

Юрьев – в настоящее время город Тарту в Эстонии.

35

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 125.

36

Там же. Л. 126.

37

Там же. Л. 153.

38

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. С. 356.

39

1 ноября 1903 г. Ленин вышел из состава редакции «Искры», газета полностью перешла в руки Г. В. Плеханова и стала меньшевистской.

40

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. С. 357.

41

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 46. С. 313.

42

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 129.

43

Там же. Л. 130.

44

Там же. Л. 69.

45

В настоящее время это город Днепр (Украина).

46

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 39.

47

Большевистский центр – руководящий орган фракции большевиков в РСДРП, который существовал нелегально при формальном единстве партии с мая 1906 года по январь 1910 года.

48

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 55.

49

Там же. С. 57.

50

Там же. С. 56.

51

Там же. С. 54.

52

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

53

См.: Письмо Ленина Каменеву, [ранее 2 августа 1911 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 36.

54

Исполнительно-информационный орган II Интернационала.

55

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 210.

56

Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне, [не позднее 24(6) сентября 1914 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1-7.

57

Ленин В. И. О войне, 1914–1918 гг.: (Избранные статьи и речи). М.; Л., 1924. С. 13.

58

А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов являлись депутатами IV Государственной думы и приняли участие в конференции в Озерках. Вместе со всеми остальными они были обвинены в государственной измене и сосланы на поселение в Туруханский край.

59

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 212.

60

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 168.

61

А. Е. Бадаевым, М. К. Мурановым, Г. И. Петровским, Ф. Н. Самойловым, Н. Р. Шаговым, а также еще тремя сопроцессниками – Ворониным, Линде, Яковлевым.

62

РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.

63

Сурен Спандарович Спандарян (1882-1916) - революционер, большевик, в 1913 году осужден Тифлисской судебной палатой на вечное поселение в Сибири и сослан в Енисейскую губернию, в село Иннокентьевка Канского уезда, а затем в Туруханский край, в село Монастырское.

64

Филипп Исаевич Голощекин (1876-1941) - революционер, большевик, в 1913 году осужден на вечное поселение в Сибири и сослан в Туруханский край.

65

РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43. Л. 17-19.

66

См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 418.

67

Енисейский край. 1917. 7 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 25 об.

68

Енисейский край. 1917. 8 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 26 об. - 27.

69

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 11.

70

Правда. 1917. 14 марта. С. 2-4.

71

Засниц – курортный город в Германии на острове Рюген.

72

Белоостров – до революции административный центр Белоостровской волости Санкт-Петербурга, в настоящее время – поселок на севере Санкт-Петербурга.

73

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. М., 2018. С. 241-242.

74

Каменев Ю. Нелепая выходка // Правда. 1917. 8(12) апр.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 78.

75

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 12.

76

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. С. 374-375.

77

Первая легальная конференция большевиков проходила 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 года в Петрограде.

78

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958. С. 34, 37, 78-86.

79

Георгий Ипполитович Оппоков (Ломов) (1888-1938) - первый народный комиссар юстиции РСФСР.

80

Розалия Самойловна Землячка (1876-1947) - с февраля 1917 года секретарь первого легального Московского комитета РСДРП(б).

81

Елена Дмитриевна Стасова (1873-1966) - с февраля 1917 года секретарь Бюро ЦК РСДРП(б).

82

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 32.

83

Николай Иванович Соловьев (1870–1947) – член РСДРП(б), в 1913–1917 годах статистик в правлении Волжско-Черноморского торгово-промышленного общества, с октября 1917 года председатель коллегии Отдела топлива ВСНХ.

84

Имеется в виду статья Л. Б. Каменева «Без тайной дипломатии», опубликованная в газете «Правда» 15 марта 1917 г.: «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды – снарядом. Это непреложно».

85

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 13.

86

Виктор Павлович Ногин (1878–1924) – член РСДРП(б), первый нарком торговли и промышленности РСФСР.

87

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 14.

88

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 228.

89

Матонин Е., Леонтьев Я. Красные. С. 379.

90

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 102. Л. 1, 2.

91

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 102. Л. 3-3 об.

92

Там же. Л. 4-5.

93

Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 3-4.

94

Там же. Л. 4.

95

Корниловский мятеж или выступление Верховного главнокомандующего Русской армии, генерала Л. Г. Корнилова, с целью установления военной диктатуры.

96

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 2. Л. 125.

97

Присутствовали Каменев, Дзержинский, Свердлов, Сокольников, Ломов, Иоффе, Сталин, Коллонтай, Смилга, Троцкий, Бубнов.

98

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 2. Л. 138.

99

Присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Коллонтай, Дзержинский, Бубнов, Сокольников, Ломов.

100

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 2. Л. 145–146.

101

Там же. Л. 148-154.

102

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 2. Л. 176.

103

Там же. Л. 185.

104

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 419-422.

105

Там же. С. 422-424.

106

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926) – член ЦК РСДРП(б), с марта 1917 года – член Московского комитета РСДРП и исполкома Моссовета.

107

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 2. Л. 186-187.

108

Там же. Л. 191-193.

109

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. С. 414.

110

Там же.

111

Балбышкин Ю. А. Партийно-государственная деятельность Л. Б. Каменева в 1901-1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 76.

112

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. С. 415.

113

На II съезде Советов присутствовало 648 делегатов, из них 338 являлись большевиками.

114

В президиум съезда прошли: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и 1 меньшевик-интернационалист.

115

Председатель СНК – Владимир Ульянов (Ленин); нарком по внутренним делам – А. И. Рыков; земледелия – В. П. Милютин; труда – А. Г. Шляпников; комитет по делам военным и морским – В. А. Антонов (Овсеев), Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко; нарком по делам торговли и промышленности – В. П. Ногин; народного просвещения – А. В. Луначарский; финансов – И. И. Скворцов (Степанов); по иностранным делам – Л. Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия – И. А. Теодорович; почт и телеграфов – Н. П. Авилов (Глебов); по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин).

116

Всего во ВЦИК был избран 101 человек: 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист.

117

См. подробнее: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928.

118

В состав Викжеля входили 14 эсеров, 11 беспартийных, 6 меньшевиков, 3 большевика и 6 представителей других партий.

119

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 14. Л. 3-10.

120

Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 34–35.

121

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 47–48.

122

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 70.

123

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 14. Л. 12.

124

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 129.

125

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5047. Л. 1.

126

Брестский мир: пролог, заключение, итоги. М., 2022. С. 400–401.

127

Подробнее см.: Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. С. 141–155.

128

Подробнее см.: Там же.

129

Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро, 1923–1953. М., 2006. С. 7.

130

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. С. 576.

131

Логинов В. Т. В. И. Ленин: Полная биография. С. 592.

132

См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 726. Л. 1–2.

133

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы 1923 г. М., 2004. С. 129.

134

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 205–206.

135

Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 166.

136

Там же. С. 167.

137

Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 169.

138

Там же.

139

Там же. С. 173.

140

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 685. Л. 72.

141

Там же. Л. 93-95.

142

Там же. Л. 91–92.

143

Там же. Л. 96–97.

144

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 174.

145

Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189–194.

146

Там же. С. 189.

147

Там же. С. 191.

148

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 388. Л. 4.

149

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 176.

150

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 188.

151

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 186-187.

152

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 104. Л. 1-4.

153

Там же. Оп. 171. Д. 26. Л. 91.

154

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 64. Л. 25-28.

155

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 170.

156

Там же. С. 167-168.

157

Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 56.

158

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 174.

159

Там же. С. 175.

160

В его состав входили Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин и Томский.

161

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 179.

162

Правда. 1923. 15 дек.

163

Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова – высшее учебное заведение ВКП(б) и ЦИК СССР, готовившее кадры для советской и партийной администрации в 1918–1927 годах.

164

Военная академия РККА – высшее военное учебное заведение для подготовки офицеров. В 1921 году преобразована из Академии Генерального штаба РККА, с 1925 года – Военная академия РККА имени М. В. Фрунзе.

165

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 66. Л. 2–3.

166

Там же. Л. 28.

167

Правда. 1923. 28 дек.

168

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 1–21.

169

Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б). С. 58.

170

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Бюллетень. М., 1924. С. 3.

171

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Бюллетень. С. 198-204.

172

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 110. Л. 1-2.

173

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24047-24049.

174

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

175

РГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 57. Л. 183-192.

176

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1144. Л. 28 об. – 29.

177

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.

178

Там же. Л. 7.

179

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 763. Л. 43.

180

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 67. Л. 9-14.

181

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 68.

182

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 120-121.

183

Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 159.

184

Правда. 1924. 26 нояб.

185

Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 179.

186

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 323-331.

187

Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925-1926 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 132.

188

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 309.

189

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 127. Л. 12А, 15.

190

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 127. Л. 9.

191

Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925–1926 гг. С. 144.

192

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 128. Л. 62.

193

Алексей Иванович Стецкий (1896–1938) – советский партийный деятель, в 1923–1926 гг. работал в системе партийного и государственного контроля, активный сторонник Н. И. Бухарина.

194

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 128. Л. 63–82.

195

Там же. Л. 77.

196

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 128. Л. 62.

197

Там же. Д. 129. Л. 1–14.

198

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 129. Л. 17-47.

199

Там же. Л. 15.

200

Там же. Л. 48-55.

201

Там же. Л. 51.

202

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 129. Л. 75-76.

203

Там же. Л. 38.

204

См. подробнее: Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925-1926 гг.

205

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 44.

206

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 522.

207

Там же. С. 520.

208

Там же. С. 717.

209

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 206. Л. 1.

210

Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925–1926 гг. С. 199.

211

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 206. Л. 2–3.

212

Там же. Оп. 3. Д. 538. Л. 3. П. 11.

213

Там же.

214

Большевистское руководство: Переписка, 1912-1927. М., 1996. С. 316.

215

Там же. С. 317.

216

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 210. Л. 227-228.

217

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 214. Л. 38-45.

218

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 219. Л. 61-62.

219

Там же. Оп. 171. Д. 66. Л. 62.

220

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 66. Л. 64.

221

Там же. Л. 65-66.

222

Там же. Л. 59-60.

223

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 66. Л. 138-142.

224

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 91. Л. 3-6.

225

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 558. Л. 48.

226

Панин Е. Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925-1926 гг. С. 224-225.

227

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936. М., 1995. С. 69.

228

Там же. С. 72.

229

Там же. С. 73–74.

230

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 185. Л. 1–20.

231

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 243. Л. 21–22.

232

Там же. Л. 48.

233

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 243. Л. 71–73.

234

Там же. Д. 238. Л. 1.

235

Там же. Л. 18.

236

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 247. Л. 42-43.

237

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 76.

238

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 579. Л. 3.

239

Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 110.

240

Там же. Оп. 171. Д. 78. Л. 140-142.

241

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 595. Л. 12-13.

242

Там же. Оп. 171. Д. 79. Л. 27-31.

243

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 79. Л. 9.

244

Там же. Л. 56-57.

245

Там же. Л. 60-61.

246

Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 2.

247

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 252. Л. 7-8.

248

Там же. Л. 12.

249

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 1-2.

250

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 5.

251

Там же. Л. 9.

252

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 96-97.

253

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 15, 16. Записки Шляпникова Стасовой и Каменеву, 16 декабря 1926 года.

254

Там же. Л. 17-17 об. Письмо Медведева, 17 декабря 1926 года.

255

Там же. Л. 18. Письмо Залуцкого, 17 декабря 1926 года.

256

Там же. Л. 19–19 об. Письмо Теодоровича, 17 декабря 1926 года.

257

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 103. Л. 2, 91.

258

Там же. Л. 3–4, 92–92 об.

259

Там же. Л. 7, 96.

260

Там же. Л. 7, 97.

261

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 103. Л. 2–3.

262

Там же. Л. 8–9.

263

Там же. Л. 103.

264

Там же. Л. 104.

265

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 37.

266

Там же. Л. 28.

267

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 29-31.

268

Там же. Л. 39-50.

269

Там же. Л. 40.

270

Там же. Л. 80.

271

Имеется в виду «Заявление четырех».

272

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 55.

273

Правда. 1926. 19 дек.

274

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 53.

275

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 56.

276

Там же. Л. 56-56 об.

277

Там же. Л. 58.

278

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 97.

279

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 77.

280

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 80-81.

281

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 84. Л. 107-141.

282

Там же. Л. 104-104 об.

283

Там же. Л. 194.

284

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 79. Л. 18.

285

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 79. Л. 19.

286

Там же. Л. 20.

287

Там же. Л. 22.

288

Татьяна Ивановна Глебова (Афремова) (1894–1937) – вторая жена Л. Б. Каменева. Она являлась литератором, членом партии с 1923 года и сотрудницей издательства «Академия».

289

Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка. М., 2010. С. 582.

290

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 132. Л. 5.

291

Платформа оппозиции была подписана Мураловым, Евдокимовым, Раковским, Пятаковым, Смилгой, Зиновьевым, Троцким, Каменевым, Петерсоном, Бакаевым, Соловьевым, Лизниным, Авдеевым.

292

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 132. Л. 160 об.

293

Там же. Л. 167-167 об.

294

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 132. Л. 196-198 об.

295

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 132. Л. 10-22.

296

Там же. Л. 224.

297

Там же. Л. 39-53.

298

Там же.

299

Там же. Л. 38.

300

Подробнее см.: Там же. Д. 104.

301

Там же. Л. 43–47.

302

Там же. Л. 30, 31–47.

303

Так называемое Заявление 13-ти. См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 21–23 октября 1917 г.: Документы и материалы. М., 2018. С. 282–283.

304

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 104. Л. 34.

305

Там же. Л. 88–93.

306

Там же. Л. 81.

307

Там же. Л. 129, 130.

308

Там же. Л. 133-143, 150-154.

309

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 133. Л. 30-31.

310

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). С. 61-63.

311

Там же. С. 156.

312

Там же. С. 187.

313

Там же. С. 207.

314

Там же. С. 209.

315

Там же. С. 244-245.

316

Там же. С. 238-239.

317

Там же. С. 308.

318

РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 45. Л. 1.

319

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 133. Л. 173-212.

320

Там же. Л. 213-222.

321

Там же. Д. 108. Л. 8.

322

Там же. Л. 12.

323

Там же. Л. 14-20.

324

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 45-48.

325

Там же. Л. 52.

326

Там же. Л. 64-66.

327

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 71-71 об.

328

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 110. Л. 38-48.

329

Там же. Л. 91.

330

Там же. Д. 108. Л. 78, 80-80 об.

331

РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 43. Л. 25.

332

См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 111.

333

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 111. Л. 12.

334

Там же. Д. 108. Л. 84-88.

335

Там же. Д. 143. Л. 2.

336

Там же. Д. 108. Л. 127-128.

337

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 111. Л. 45; Д. 108. Л. 94-97.

338

Там же. Л. 130-133.

339

Там же. Л. 108.

340

Там же. Л. 134.

341

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 143. Л. 3.

342

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б):
Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 73.

343

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 82.

344

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 80. Л. 137.

345

Там же. Л. 80-83.

346

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 251-256.

347

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 134. Л. 101-110.

348

РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 55. Л. 2.

349

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 134. Л. 101-110.

350

Там же. Л. 129-134.

351

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1245-1247.

352

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1254.

353

Там же. С. 1267-1268.

354

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 143. Л. 6.

355

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 143. Л. 115-115 об.

356

Там же. Л. 114.

357

См. подробнее: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 146.

358

Там же. Д. 149. Л. 20-22, 27-34.

359

Там же. Л. 35, 41-53.

360

См.: Письма Л. Б. Каменева М. Горькому // Горький в зеркале эпохи. С. 551-554.

361

Там же. С. 554.

362

См.: Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993; Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 87-91.

363

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 17-29.

364

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 136. Л. 43-45.

365

Там же. Д. 172. Л. 69-69 об.

366

Как ломали нэп: Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг.: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16-23 апреля 1929 г. М., 2000. С. 688.

367

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 59-63.

368

Там же. Л. 64.

369

Там же. Л. 66.

370

Там же. Л. 81-87.

371

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 99, 100.

372

Там же. Д. 173. Л. 38-41.

373

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 41.

374

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 40.

375

Там же. Л. 109-117.

376

См.: Как ломали нэп. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10-17 ноября 1929 г. М., 2000. С. 626-632.

377

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 144. Л. 174.

378

Там же. Л. 193.

379

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 294. Л. 22. П. 76 г.

380

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 42.

381

Там же. Л. 102-108.

382

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 102-108.

383

Анфертьев И. А. «Дело М. Н. Рютина» в судьбе Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: октябрь 1932 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 64-94; № 2. С. 11-32; № 3. С. 3-19.

384

Там же. № 1. С. 69-79.

385

Там же. № 3. С. 14.

386

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 114-117.

387

Там же. Оп. 3. Д. 903. Л. 9, 38-40.

388

Слово об отце. (Воспоминания В. Л. Глебова) // Ленинградская правда. 1989. 5 нояб.

389

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 159. Л. 1-2.

390

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 190. Л. 103-106.

391

Правда. 1933. 18 мая.

392

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 190. Л. 100-102.

393

Там же. Л. 110-111 об.

394

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 348. П. 123 г.

395

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

396

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 190. Л. 151-154.

397

Там же. Оп. 3. Д. 936. Л. 15.

398

Там же. Оп. 171. Д. 191. Л. 38.

399

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б):
Стенографический отчет. М., 1934. С. 259.

400

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 191. Л. 41-42.

401

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 516.

402

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 521.

403

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 944. Л. 42.

404

Горький в зеркале эпохи. С. 568-571. См. подробнее: РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 70-87.

405

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 457. Л. 21-24.

406

См.: Кирилина А. Неизвестный Киров: Мифы и реальность. СПб., 2001.

407

Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 316.

408

Правда. 1934. 5 дек.

409

Там же. 4 дек.

410

Там же. 6 дек.

411

Правда. 1934. 2 дек.

412

Там же. 3 дек.

413

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 39-44. Подробнее см.: Эхо выстрела в Смольном: История расследования убийства С. М. Кирова по документам ЦК КПСС. М., 2017.

414

Сталина в Ленинград сопровождали К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А.А. Жданов, Г. Г. Ягода, Н.И. Ежов, А. В. Косарев, Н. С. Хрущев, К. В. Паукер и А. Я. Вышинский.

415

Кроме Сталина на допросе присутствовали Ворошилов, Жданов, Молотов, Ягода, Чудов, Кодацкий, Медведь, Ежов.

416

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 47.

417

Правда. 1934. 17 дек.

418

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

419

См. подробнее: РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 122.

420

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 197. Л. 117-118; Д. 198. Л. 38-39, 120-121.

421

Слово об отце. (Воспоминания В. Л. Глебова).

422

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 48 об. – 49.

423

Там же. Л. 58.

424

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 158.

425

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 160.

426

Там же. Л. 83.

427

Там же. Л. 200.

428

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 64-69.

429

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 199. Л. 179-180.

430

Там же. Л. 214.

431

Сообщение НКВД // Правда. 1934. 22 дек. С. 2.

432

Правда. 1934. 22 дек.

433

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 457. Л. 32.

434

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 200. Л. 93-102.

435

Там же. Л. 87.

436

Кирилина А. Неизвестный Киров. С. 208.

437

Правда. 1934. 27 дек.

438

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 201. Л. 45-53.

439

Кирилина А. Неизвестный Киров. С. 213.

440

Седов Ю. И. Так кто же убил Кирова? // Труд. 1990. 25 нояб.

441

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 457. Л. 29.

442

Там же. Д. 206. Л. 33-41.

443

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 206. Л. 23-32.

444

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 208. Л. 4-7.

445

Там же. Д. 207. Л. 75.

446

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 77.

447

Там же. Л. 81.

448

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 208. Л. 159.

449

Здесь и далее: Там же. Л. 158-168.

450

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 42-43.

451

Там же. Д. 208. Л. 295.

452

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 101.

453

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 207. Л. 105.

454

См.: Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1991. С. 123-147.

455

В 1957-1958 годах дела на 68 человек закрыты за отсутствием состава преступления.

456

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 126-129.

457

Там же. Л. 232.

458

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 130-132.

459

Там же. Д. 210. Л. 11-12.

460

Там же. Л. 12.

461

Там же. Л. 18.

462

Письмо датировано 22 января 1935 года, но написано оно было 20 или 21 января, так как 21 января Глебова его отправила Кагановичу.

463

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 18.

464

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 19-19 об.

465

Там же. Л. 11.

466

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 210. Л. 12.

467

Там же. Л. 26-43.

468

Там же. Л. 25; Ф. 671. Оп. 1. Д. 142. Л. 6.

469

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 8.

470

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 9.

471

Там же. Л. 17-18.

472

Письмо Н. И. Ежова И. В. Сталину о предстоящем совещании руководящего состава НКВД СССР и материалы для доклада на совещании от 23 января 1935 г. // Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 232-242.

473

См.: Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. С. 155; Кирилина А. Неизвестный Киров. С. 366.

474

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 114.

475

Там же. Д. 202. Л. 9.

476

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 116.

477

Она состояла из бывшей жены брата Каменева Розенфельд, Мухановой, Урусовой-Раевской, Бураго, Давыдовой и др.

478

Состояла из помощника коменданта Дорошина, Полякова, Павлова, Синелобова, Лукьянова и др.

479

Состав: начальник отделения Разведупра Чернявский, слушатели Военно-химической академии – Козырев и Иванов, старший инженер ЦАГИ Новожилов, сотрудница Разведупра Беннет и преподавательница Военно-химической академии Либерман.

480

Состав: Розенфельд Борис Николаевич, сын Троцкого Седов, Нехамкин, Азбель, Белов и др.

481

Состав: Синани-Скалов, его сестра, бывший белогвардейский офицер Гардин-Геппер, Сидоров, Перельштейн, Чернозубов и др.

482

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 454. Л. 56.

483

Слово об отце. (Воспоминания В. Л. Глебова).

484

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 108. Л. 100-111.

485

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 213. Л. 115-116.

486

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 109. Л. 56-59.

487

Более подробно о деле А. С. Енукидзе см., например: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии, 1936-1938 гг. М., 2009. С. 87-88.

488

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 111. Л. 19-26.

489

Там же. Л. 216.

490

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 543. Л. 184.

491

Там же. Д. 534. Л. 193.

492

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 543. Л. 224.

493

Там же. Д. 453. Л. 328.

494

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 270-276.

495

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 215. Л. 35.

496

Там же. Д. 454. Л. 59.

497

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 454. Л. 76.

498

Там же. Л. 57.

499

Там же. Л. 60–69. Изначально в список лиц, осужденных по делу «О контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке комендатуры Кремля», входило 82 человека. Но М. Я. Презент умер во время следствия 3 июня 1935 г., а В. Н. Чернозубов был осужден еще в 1934 г. и отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере.

500

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 454. Л. 60–69.

501

Письмо Л. Б. Каменева Т. И. Глебовой, 6 ноября 1935 г. // Известия. 1990. 22 марта.

502

Известия. 1990. 22 марта.

503

Письмо Л. Б. Каменева сыну Владимиру, 6 января 1936 г. // Известия. 1990. 23 марта.

504

Письмо Т. И. Глебовой Л. Б. Каменеву, 12 ноября 1935 г. // Известия. 1990. 22 марта.

505

Письмо Глебовой Каменеву, 6 февраля 1936 г. // Известия. 1990. 23 марта.

506

Директива за подписью Г. Е. Прокофьева местным органам НКВД от 9 февраля 1936 года. См.: Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. С. 176, 216.

507

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.

508

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 78.

509

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 18.

510

Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. С. 178-180.

511

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 229. Л. 159-173.

512

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 543. Л. 142-143.

513

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 170. Л. 132.

514

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 230. Л. 118-136.

515

Подробнее см.: Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г.: Механизм организации и политико-идеологическое обеспечение: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

516

Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. С. 187.

517

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 232. Л. 120-131; Д. 233. Л. 148-151; Ф. 671. Оп. 1. Д. 174. Л. 168-173.

518

В журнале регистрации посетителей кабинета Сталина зафиксирован пропуск с 14 августа по 25 октября 1936 г. // Исторический архив. 1995. № 4. С. 31.

519

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 52.

520

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 6-7.

521

Шифротелеграмма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу с одобрением предложенного плана проведения судебного процесса от 19 августа 1936 г. см.: Сталин и Каганович. С. 636.

522

Правда. 1936. 15 авг. С. 2.

523

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 17; Правда. 1934. 4 дек. С. 1.

524

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 9-13..

525

Там же. Л. 12.

526

Там же. Л. 10.

527

Присутствовали корреспонденты газет и информационных агентств «Крисчен сайенс монитор», «Европейское телеграфное агентство», «Манчестер гардиан», «Нью-Йорк таймс», «Юнайтед пресс», «Ассошиэйтед пресс».

528

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 18.

529

Артамонова Ж. В. Московский открытый процесс 1936 г. С. 120.

530

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 2.

531

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 2.

532

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 281. Л. 8-19.

533

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.

534

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 190. Л. 66.

535

Там же. Д. 180. Л. 15.

536

Там же. Д. 190. Л. 63.

537

Там же. Д. 180. Л. 37.

538

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 85-166.

539

Там же. Л. 166.

540

Шифротелеграмма Л. М. Кагановича, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, В. Я. Чубаря, Н. И. Ежова И. В. Сталину от 22 августа 1936 года. См.: Сталин и Каганович: Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 641.

541

Шифротелеграмма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу от 23 августа 1936 года. См.: Сталин и Каганович: Переписка. С. 642.

542

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–20.

543

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 185. Л. 7.

544

Рогинский Б. Послесловие // Расстрельные списки: Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). М., 2005. С. 572; Лиханов Д., Никонов В. «Я почистил ОГПУ» // Совершенно секретно. 1992. № 4.

545

Петров Н. Награждены за расстрел, 1940. М., 2016. С. 150-151;
Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2020. С. 504.

546

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 253. Л. 9-12.

547

Квадратура круга: Письма Л. Б. Каменева из тюрьмы // Известия. 1990. 22 марта.

548

Слово об отце. (Воспоминания В. Л. Глебова).

549

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 446. Л. 60.

550

Комиссия была создана постановлением Президиума ЦК КПСС в апреле 1956 года. Иначе она называлась Комиссией Молотова. В состав входили В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, Е. А. Фурцева, П. Н. Поспелов, А. Б. Аристов, Р. А. Руденко.

551

Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. 11.

552

Реабилитация: как это было. Т. III. Середина 80-х годов – 1991. М., 2004. С. 221.